ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.
ISSN 2075-7794

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-49346

№ 2, 2014
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
канд. полит. наук *Н. Г. Очирова*

Заместители главного редактора:
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*,
канд. фил. наук *Б. А. Кичикова*

Редакционный совет:
акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель — Россия, г. Ростов-на-Дону),
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов* (Россия, г. Москва), д-р ист. наук *М. М. Балзер* (США),
акад. *Л. Болд* (Монголия), д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай* (Россия, г. Москва), д-р юр. наук *Д. М. Демичев* (Белоруссия),
д-р экон. наук *О. В. Иншаков* (Россия, г. Волгоград), д-р фил. наук *М. И. Магомедов* (Россия, г. Махачкала),
д-р ист. наук *К. Н. Максимов* (Россия, г. Элиста), д-р ист. наук *И. Ф. Попова* (Россия, г. Санкт-Петербург),
д-р ист. наук *На. Сухэбаатар* (Монголия), д-р фил. наук *Чао Геджин* (Китай),
д-р ист. наук *Д. Шорковиц* (Германия), акад. РАО, д-р пед. наук *П. М. Эрдниев* (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:
чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов* (г. Махачкала), чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров* (г. Улан-Удэ),
канд. юр. наук *Л. В. Батиев* (г. Ростов-на-Дону), д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская* (г. Москва),
д-р фил. наук *Г. Ц. Пюрбеев* (г. Москва)

д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева* (отв. секретарь),
д-р фил. наук *Т. Г. Басангова*, канд. фил. наук *Е. В. Бембеев*, д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*,
канд. фил. наук *В. В. Куканова*, д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*, канд. фил. наук *Д. Н. Музраева*,
д-р соц. наук *А. Н. Овшинов*, канд. фил. наук *Э. У. Омакаева*, д-р ист. наук *У. Б. Очиров*,
канд. пед. наук *Б. К. Салаев*, канд. ист. наук *В. П. Санчиров*,
канд. биол. наук *Л. Н. Ташнинова* — г. Элиста

Переводчик:
канд. пед. наук *Б. Э. Корнусова*

Адрес редакции и издателя:
358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8;
тел. (84722) 3–55–06, (84722) 3–55–39; факс (84722) 2–37–84
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Сайт: www.kigiran.com

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук, 2014

BULLETIN
OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Published since 1963
ISSN 2075-7794

The Journal is registered in the Federal Service for Inspection in Communication, Information Technologies and Mass Communication (Roskomnadzor) on July 1, 2009.
Registration number ПИ № ФС77-49346

№ 2, 2014
Released four times a year

Editor-in-chief:
Ph.D. of Political Science N. Ochirova

Associate editors:
Ph.D. of History *E. Bakaeva*,
Ph.D. of Philology *B. Kichikova*

Editorial Council:
Acad. of the RAS *G. Matishov* (Chairman — Rostov-on-Don, Russia),
Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov* (Moscow, Russia), Ph.D. of History *M. M. Balzer* (USA),
Acad. L. Bold (Mongolia), Ph.D. of History *N. Bugai* (Moscow, Russia), Ph.D. of Jurisprudence D. Demichev (Belarus),
Ph.D. of Economics *O. Inshakov* (Volgograd, Russia), Ph.D. of Philology *M. Magomedov* (Makhachkala, Russia),
Ph.D. of History *K. Maksimov* (Elista, Russia), Ph.D. of History *I. Popova* (Saint-Petersburg, Russia),
Ph.D. of History *Na. Sukhebaatar* (Mongolia), Ph.D. of Philology *Chao Gedzhin* (China),
Ph.D. of History *D. Schokowitz* (Germany), Acad. of RAE, Ph.D. of Pedagogy *P. Erdniev* (Elista, Russia)

Editorial Board:
Corr. Member of the RAS *Kx. Amirkxanov* (Makhachkala), Corr. Member of the RAS *B. Bazarov* (Ulan-Ude),
Ph.D. of Jurisprudence *L. Batiev* (Rostov-on-Don), Ph.D. of History *N. Zhukovskaya* (Moscow),
Ph.D. of Philology *G. Piurbeev* (Moscow)

Ph.D. of History *E. Badmaeva* (executive secretary),
Ph.D. of Philology *T. Basangova*, Ph.D. of Philology *E. Bembeev*, Ph.D. of Philosophy *B. Bicheev*,
Ph.D. of Philology *V. Kukanova*, Ph.D. of Economics *E. Mantaeva*, Ph.D. of Philology *D. Muzraeva*,
Ph.D. of Sociology *A. Ovshinov*, Ph.D. of Philology *E. Omakaeva*, Ph.D. of History *U. Ochirov*,
Ph.D. of Pedagogy *B. Salaev*, Ph.D. of History *V. Sanchirov*,
Ph.D. of of Biology *L. Tashninova* — Elista

Translator:
Ph.D. of Pedagogy *B. Kornusova*

The Editorial Board and Publisher's address:
358000 the Republic of Kalmykia, the city of Elista, Ilishkin Street, 8
tel.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; fax: (84722) 2-37-84
e-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
site: www.kigiran.com

© The Federal State Budgetary Institution of Science
The Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Санчиров В. П. Новый источник на «ясном письме» по истории Джунгарского ханства (1635–1758) 8

Тепкеев В. Т. Калмыцко-ногайские отношения в начале XVII века 16

Оконова Л. В. Этноконфессиональная структура населения Калмыцкой степи Астраханской губернии по материалам переписи 1897 г. (в свете квантитативного подхода) 22

Лиджиева И. В. Социально-правовой статус выборных должностных лиц Калмыцкой степи 30

Адаменко О. В., Скляр Л. Н. Культура отношений в крестьянской семье Ставропольской губернии (конец XIX – начало XX в.) 35

Алмазова Л. И. Обзор мусульманских идеологических течений в Волго-Уральском регионе (XX–XXI вв.) 40

Белоусов С. С. Евангельские христиане-баптисты Калмыкии в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1956 гг.) 47

Очирова Н. Г. Развитие информационно-коммуникационных технологий в Южном федеральном округе в процессе модернизации российского общества (на примере Республики Калмыкия) 53

Тетуев А. И. Особенности современных демографических процессов в Кабардино-Балкарской Республике 60

АРХЕОЛОГИЯ

Буратаев Е. Г. К истории изучения поселения Джангар 67

Кекеев Э. А. Спасательные археологические раскопки курганной группы Восточный Маныч 73

Очир-Горяева М. А. Верховые кони в скифском погребальном обряде 78

ЭТНОЛОГИЯ

Бакаева Э. П. О некоторых вопросах сопоставительного изучения ойратских и калмыцких танцев 83

Болдырева И. М. Хальмг келн улсин йорлһна тускар (О калмыцких народных поверьях) 91

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Батырева С. Г. Изобразительное искусство в пространстве буддийского храма 97

ПОЛИТОЛОГИЯ и СОЦИОЛОГИЯ

Башанкаев С. Д. Антикоррупционная политика Москвы: новые технологии и зарубежный опыт 102

Намруева Л. В. Влияние производственной ниши на изменение этничности современных калмыков 109

Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В. Факторы изменения этносоциальной структуры в Республике Калмыкия на современном этапе 115

ЭКОНОМИКА

Замбаев Х. Н. Основные направления повышения результативности государственного финансового контроля за исполнением бюджетов субъектов Российской Федерации 120

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Дамбуев И. А. О результатах нормализации топонимов в Российской Федерации (2011–2013 гг.) 125

CONTENTS

HISTORY

Sanchirov V. The New Source in the «Clear Script» on the History of the Dzungar Khanate (1635–1758) 8

Tepkeev V. The Kalmyk-Noghai Relations at the Beginning of the 17th Century 16

Okonova L. Ethnoconfessional Structure of the Population of the Kalmyk Steppe of the Astrakhan Province According to the 1897 Census (the quantitative approach) 22

Lidzieva I. Social and Legal Status of Elected Officials of the Kalmyk Steppe in the 19th and the Begining of the 20th Centuries 30

Adamenko O., Sclyar L. Culture of Relations in Peasant Family in the Stavropol Province (the end of 19th and the beginning of the 20th centuries) 35

Almazova L. The Overview of the Muslim Ideological Movements in the Volga-Ural Region (the 20th and 21st centuries) 40

Belousov S. Evangelical Christians-Baptists of Kalmykia During the Great Patriotic War and the Postwar Period (1941–1956) 47

Ochirova N. The Information-Communication Technologies Development in the Southern Federal District in the Process of the Russian Society Modernization (the case study of the Republic of Kalmykia) 53

Tetuev A. Distinctive Features of the Modern Demographic Processes in the Kabardino-Balkarian Republic 60

ARCHEOLOGY

Burataev E. On History of Research of the Settlement Dzhangar 67

Kekeev E. Rescueing Archeological Excavations of the Vostochnyi Manych Barrow Group 73

Ochir-Goryaeva M. Saddle Horses in the Scythian Burial Rite 78

ETHNOLOGY

Bakaeva E. On Some Issues of the Oirat and Kalmyk Dance Comparative Studies 83

Boldyreva I. On the Kalmyk People's Popular Beliefs 91

ART STUDIES

Batyreva S. Visual Arts in the Buddhist Temple Space 97

POLITICAL SCIENCE & SOCIOLOGY

Bashankaev S. Anti-Corruption Policy of Moscow: New Technologies and Foreign Experience 102

Namrueva L. The Impact of the Production Niche on Ethnicity Change of the Modern Kalmyks 109

Badmaeva N., Idzhaeva B. Factors Influencing Ethno-Social Structure Change in the Republic of Kalmykia at the Present Stage 115

ECONOMICS

Zambaev Kh. Main Directions for Increasing the Efficiency of the State Financial Control over Budget Management in the Subjects of the Russian Federation 120

LINGUISTICS

Dambuev I. On the Results of Toponyms Normalization in the Russian Federation (2011–2013) 125

Клубкова Т. В. Мифы, идолы, химеры (об одном пазиграфическом проекте XVIII в.) 130

Куканова В. В. Принципы семантической разметки Национального корпуса калмыцкого языка 137

ФОЛЬКЛОРИСТИКА и ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Дякиева Б. Б., Омакаева Э. У. Калмыцкий фольклорный текст: изучение в системе образования (на примере пословичных паремий) 144

Горяева Б. Б. Калмыцкие народные пословицы и поговорки в аспекте аксиологии 151

Орлова К. В. Ойратские источники в Монголии (предварительные итоги экспедиции 2013 г. в Западную Монголию) 157

Осорин У. Өөрд болн хальмг Йовһн Мергн баатрин туск домгиг дүнцүлҗ шинҗллһн (Сравнительное исследование синьцзян-ойратских и калмыцких преданий о богатыре Йобогон Мергене) 162

ЭКОЛОГИЯ

Ташнинова Л. Н., Ташнинова А. А. Экологическое просвещение как важнейшая составляющая гуманитарной экологии 166

ПЕДАГОГИКА

Цыренов В. Ц. Организационно-педагогические условия реализации инклюзивного образования 170

Иванова О. Е. Словообразование и его роль в процессе формирования семантической компетенции 177

РЕЦЕНЗИИ

Бадмаева Е. Н. Рец. на: Максимов К. Н. Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: Издат. дом «Герел», 2013. 464 с. 183

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бембеев Е. В. Выездное заседание Президиума Южного научного центра Российской академии наук 186

Klubkova T. Myths, Idols, Chimeras (an 18th century pasigraphic project) 130

Kukanova V. Principles of Semantic Annotation in the National Corpus of the Kalmyk Language 137

FOLKLORE & LITERATURE STUDIES

Dyakieva B., Omakaeva E. Kalmyk Folklore Text: Teaching in the Education System (the case study of paroimia) 144

Goryaeva B. The Kalmyk Folk Proverbs and Sayings in Terms of Axiology 151

Orlova K. The Oirat Sources in Mongolia (preliminary outcomes of the 2013 expedition to Western Mongolia) 157

Osorin U. Comparative Study of the Xinjiang-Oirat and Kalmyk Legends about the Warrior Yobogon Mergen 162

ECOLOGY

Tashninova L., Tashninova A. Environmental Education as the Major Component of Humanitarian Ecology 166

PEDAGOGICS

Tsyrenov V. Organizational and Pedagogical Conditions for the Inclusive Education Implementation 170

Ivanova O. Word-Formation and its Role in the Process of the Semantic Competence Formation 177

REVIEW

Badmaeva E. Review on: **Maksimov K.** ***Kalmykiia v sovetskuiu epokhu: politika i realii*** **[Kalmykia in the Soviet Era: Policy and Realias].** Elista, Gerel Publ., 2013, 464 p. (In Russ.) 183

SCHOLARLY MATTERS

Bembeev E. The Visiting Session of the Presidium of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 186

УДК 94(470.47)
ББК 63.3 (2)46

НОВЫЙ ИСТОЧНИК НА «ЯСНОМ ПИСЬМЕ» ПО ИСТОРИИ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА (1635–1758)

The New Source in the «Clear Script» on the History of the Dzungar Khanate (1635–1758)

В. П. Санчиров (*V. Sanchirov)*[1]

[1] кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of History, Leading Researcher of the History, Archeology and Ethnology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: kigiran@elista.ru.

В статье рассматривается сочинение на «ясном письме», обнаруженное в 80-х гг. XX века в Китае. Название источника — «Родословная монголов» — расходится с его содержанием, поскольку он посвящен ойратам, преимущественно описывает события, связанные с историей Джунгарского ханства (1635–1758). Новые факты для науки здесь объясняются с позиции «желтошапочной» школы Гелуг тибетского буддизма, вместе с тем в них отражены подлинные исторические события.

Ключевые слова: история ойратов (западных монголов), Джунгарское ханство, ойратские исторические сочинения, «Родословная монголов».

In the 80s of the 20th century the Oirat writing in «todo bičig» («clear script») was found in China. In 1987 it was published under the title «Mongɤol-un uɤ eki-yin bičig» («The Origin of the Mongols») with the explanatory notes in the collection «The Oirat Historical Sources» in Inner Mongolia. Though its title is «The Origin of the Mongols», this does not correspond to its contents. It is especially devoted to the Oirats (Western Mongols), mainly to the events which had a direct bearing to the history of the Dzungar Khanate (1635–1758).

It has been until very recently that the only sources of information on the Oirats and the Dzungar Khanate were the Mongol mediaeval chronicles, the Russian archival documents and the works of the Chinese traditional historiography. The study of such Oirat writings as «The Origin of the Mongols» permits to restore a more impartial picture of the past because it contains several interesting and valuable facts which are not available in other sources (about the high-ranking Tibetan lama Ense-khutuqtu, Yüm-Aɤa, the wife of the Dzungar ruler Batur-khungtayiǰi, Galdan Boshoqtu-khan).

Though the author of «The Origin of the Mongols» treats the events from the perspective of the Ge-lugs-pa (Yellow Hat) sect of Tibetan Buddhism, they contain reflection of some real historical events. This affords the possibility to watch them «from inside», to realize the logic of human doings in the past and some perception of reality.

Keywords: the history of the Oirats (Western Mongols), the Dzungar Khanate, Oirat historical writings, the «Origin of the Mongols».

Из историко-литературных произведений на «ясном письме», найденных в Синьцзяне в конце прошлого века, особый интерес представляет сочинение, известное под монгольским названием «Монголын уг эхийн түүх» (*Mongɤol-un uɤ eki-yin teüke* — «Родословная монголов», возможен и другой перевод названия — «История происхождения монголов»). Оно прежде хранилось у простого ойрата-скотовода в уезде *Монгол Хүрээ* в Синьцзяне и стало достоянием общественности только в 80-х гг. XX века после того, как обнаруживший рукопись этого сочинения известный историк из Внутренней Монголии Алтан-Оргил опубликовал ойратский текст в выходящем в Урумчи журнале «Хан-Тэнгри» в первом номере за 1983 г. Затем в 1985 г. китайские ученые (монголы по национальности) Бадай, Алтан-Оргил и Эрдэнэ опубликовали «Родословную монголов» вместе с другими ойратскими и калмыцкими историко-ли-

тературными произведениями в сборнике «Ойратские исторические источники», вышедшем во Внутренней Монголии на старописьменном монгольском языке [Oyirad teüken 1985]. Данное издание было повторено на ойратском языке в 1987 г. в Синьцзяне [Oyirad tüükiyin 1987].

В 2001 г. ученый из Монголии На. Сухбаатар издал это сочинение в Улан-Баторе на монгольском языке, включив его во второй том своего многотомного издания «Источники по истории ойрат-монголов» [Ойрад Монголын түүхэнд 2001]. Он снабдил текст источника своими примечаниями для широкого круга читателей, призванными объяснить значение отдельных слов и выражений, а также сообщить в кратком виде биографические данные об отдельных персонажах ойратской истории, сведения о знаменательных событиях и отдельных местностях, где происходили эти события.

Хотя это сочинение называется «Родословная монголов», данное название не соответствует его содержанию. Оно полностью посвящено ойратам, главным образом, событиям, связанным с историей Джунгарского ханства (1635–1758). Известно, что после гибели этого последнего независимого государства на территории Монголии восточномонгольские и западномонгольские авторы написали несколько исторических сочинений, где постарались так или иначе объяснить, чем была вызвана его столь трагическая участь.

В указанных сборниках ничего не сказано о самой ойратской рукописи. Ее описание мы находим лишь в пространной статье историка из КНР Алтан-Оргила, в которой подробно рассказывалось о трех новых ойратских источниках, в том числе и «Родословной монголов» [Altanorgil 1987]. Вот как выглядит ойратская рукопись, по словам автора: «Она представляет собой книгу монгольского образца (*sudur kelberitei*), написанную на китайской бумаге цинского периода. В ней всего 14 листов (28 страниц), каждый лист имеет нумерацию. Верхняя часть первого листа использована как обложка, на ней написано название книги, нижняя часть 14-го листа не заполнена. Таким образом, текст книги размещен на 27 страницах, буквы написаны тонким тростниковым пером аккуратно и красивым почерком. Длина книги составляет 21 см, ширина — 8,6 см» [Altanorgil 1987: 138].

Об авторе «Родословной» и о времени ее написания в самом тексте ничего не говорится, за исключением заключительных слов, помещенных в самом конце, на последней странице: «Написал Дээди, закончив в 14-й день второго месяца года *эрмодон-така* («эр-дерева-курицы») сорок четвертого года [правления] *Албату төр*» [Altanorgil 1987: 138]. Их приводит в своей статье Алтан-Оргил, отмечая, что названная дата ошибочна. По его мнению, вместо «сорок четвертого года», как в тексте, следует читать «четвертого», а вместо *Албату төр* должно стоять *Гэрэлтү төр.* Таким образом, получается, что речь идет о 1825 годе, 5-м годе правления *Төр гэрэлт* (монгольское название годов правления цинского императора Дао-гуана, царствовавшего в Китае в 1821–1851 гг.). Но и эта дата противоречит реальному положению вещей, что видно из содержания самого сочинения. Автор его заканчивает «Родословную», как справедливо отметил Алтан-Оргил, «описанием событий, случившихся после возвращения торгут-монголов (т. е. волжских калмыков. — *В. С.*) в 1771 г. на свою родину Алтай из местности Иджил-Зай (имеется в виду Волго-Яицкое междуречье. — *В. С.*)». По его словам, «поэтому год написания этого сочинения — «год дерева-курицы» — должен безусловно быть после 1771 г.» [Altanorgil 1987: 138].

Несмотря на свой малый объем (всего 27 страниц), это сочинение содержит несколько любопытных и ценных фактов, не нашедших отражения в других источниках. По своему содержанию оно может быть разделено на ряд небольших разделов, как это сделал в своем предисловии На. Сухбаатар. Он назвал их «бүлэг мэдээ» (букв. «отдельные известия»):

1. Монгольское государство берет начало из Индии и Тибета.
2. Завещание Чингис-хана и Хубилай-хан.
3. О том, как первоначально сформировались дурбэн-ойраты.
4. О решении Дурбэн-ойратского чулгана защищать желтую веру.
5. Галдан Бошогту — перерожденец (хубилган) Энсэ-хутугты.
6. О том, как объединенное войско (их цэрэг) дурбэн-ойратов завоевало Кукунор и Тибет.
7. О том, как после убийства хана Сэнгэ Галдан отказался от духовного звания и стал ханом.

8. Галдан Бошогту распространял религию у ойратов.
9. О создании «ясного письма» и о рабджамбе Зая-пандите Намкайджамцо.
10. О том, как рассорился Галдан Бошогту с Цэцэн-ханом.
11. О том, как хошутский лама по имени Начин Онбо, сделав ложное пророчество (предсказание), побудил Галдана начать войну, и тот растратил свои силы.
12. О том, как Цэван-Рабдан и Галдан-Цэрэн занимали ханский трон и распространяли религию.
13. О том, как между князьями дурбэн-ойратов [началась] междоусобица (*дайн самуун*), и они были завоеваны маньчжурами.
14. Краткое сообщение о том, что храм, построенный по приказанию Галдана Бошогту в несоответствующем месте (*буруу газар-ту*), разрушился [Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 122].

Если судить о содержании данного сочинения, то его можно охарактеризовать как историко-хронологическое, причем видно, что симпатии автора находятся на стороне хошутских князей. Все это позволило Алтан-Оргилу предположить, что написавший его Дээди был «писарем какого-то хошутского хошуна или сомона в Синьцзяне» [Altanorgil 1987: 138], то есть светским человеком, выходцем из среды монгольского чиновничества Цинской империи, родовитого или неродовитого. Мы имеем дело со светским сочинением, имеющим в то же время религиозно-клерикальную окрашенность, мифологичность, свойственную произведениям монгольской буддийской историографии.

Со времени «второго обращения» монголов в буддизм и зарождения феодально-буддийской историографии (вторая половина XVI – начало XVII вв.) в Монголии утвердилась основанная на общей религии практика связывать историю своей страны с историей Тибета и Индии. Поэтому автор начинает свое повествование с утверждения о том, что «исконное Монгольское государство есть ветвь (*salaγa*) Тибетского государства. Тибетское государство есть ветвь Индийского государства» [Oyirad teüken 1985: 306; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 123].

Далее после крайне невнятного изложения событий, последовавших после смерти основателя буддизма Будды Шакьямуни, Дээди, согласно традиции, переходит к личности Чингис-хана и якобы оставленному им завещанию. Здесь приводимые им сведения также отличаются неточностью и расхождением с реальной хронологией событий. Показателен в этом отношении следующий фрагмент «Родословной»: «Владыка Чингис вел войну и покорил минского хана Китая (на самом деле императора династии Сун. — *В. С.*). На драгоценном золотом берилловом троне минского хана владыка Чингис [и его потомки] сидели ханами на протяжении пятнадцати поколений. Печать владыки [Чингиса] создалась сама собой из яшмы драгоценных печатей» [Oyirad teüken 1985: 306; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 124].

В своем завещании внуку Хубилаю Чингис-хан будто бы обещал снова вернуться к жизни и занять ханский трон, чтобы «способствовать процветанию государства и религии». По словам источника, в его намерение в будущем входило желание «загнать [носящих] белые головные уборы (*čaγan malaγai-yi*, т. е. чалму, имеются в виду мусульмане) в края, которые [человеческий] глаз не видел». Анахронизмом является и упоминание о существовании Ханских Восьми белых юрт[1], куда был доставлен «золотой пояс» умершего хана, и сообщение о его внуке Хубилае, рожденном в 1215 г. и ставшем хранителем Шести хошунов монголов. Упомянутые здесь события произошли гораздо позднее.

Помещенный в «Родословной» рассказ о дурбэн-ойратах, несмотря на свой фрагментарный характер, может служить еще одним свидетельством в пользу положительного разрешения спорного вопроса о существовании Дурбэн-ойратского союза. Эта тема довольно подробно освещалась в исторической литературе, но недостаток письменных источников долгое время не позволял внести определенную ясность в чрезвычайно темный и запутанный исследователями вопрос об этническом составе этого союза [Санчиров 2013]. Сведения, содержащиеся в рассматриваемом сочинении, относятся, по нашему мнению, к среднему периоду существования союза западномонгольских (ойратских) кочевых объединений, пред-

[1] Восемь белых юрт — название местности в Ордосе, где хранились реликвии Чингисхана, в том числе его знамя, «в которое вошла, по верованию монголов, его душа» [Владимирцов 1934: 145].

шествовавших образованию Джунгарского ханства в 1635 г.

Изложение в «Родословной» носит фрагментарный характер: материалы тематически не связаны друг с другом. Как можно видеть из содержания этого источника, основная часть излагаемых в нем сведений так или иначе относится к событиям, имевшим непосредственное отношение к Джунгарскому ханству и его правителям. В описании деятельности тех из них, кто способствовал распространению (а то и насаждению сверху) буддизма в Джунгарии, строил монастыри, принимал у себя тибетских иерархов, заметно влияние буддийской феодально-клерикальной историографии и стремление автора объяснить многие события с позиции «желтошапочной» религии, утвердившейся среди ойратов.

К сожалению, автор предельно краток в описании событий и действующих лиц, сыгравших видную роль в истории Джунгарского ханства. Говоря о последних, он ограничивается простым упоминанием некоторых из них, в лучшем случае сообщает об их покровительстве религии и строительстве монастырей. Лишь нескольким персонажам ойратской истории он отводит гораздо больше места в своем повествовании и, что важно, при этом приводит интересные факты, которые не встречаются в других ойратских письменных памятниках. Его сообщения приобретают особую ценность там, где в них под буддийскими мотивами и стереотипами поведения присутствует отражение вполне реальных исторических событий. В них автор обнаруживает себя как историограф, и особенно проявляется авторское начало, когда он рассказывает о трех исторических личностях — Энсэ-хутухте, жене джунгарского правителя Батура-хунтайджи Юм-ага и его сыне Галдане Бошогту-хане.

Первому из упомянутых суждено было сыграть в первой половине XVII в. важную роль в распространении буддизма среди ойратов. Как представитель буддийской церкви он, под именем Инзан-римбочи, фигурирует в числе трех святителей-хутухт во вводной части «Великого уложения», принятого на знаменитом съезде монгольских и ойратских князей 1640 г. [Их Цааз 1981: 13]. Из нашего источника мы узнаем некоторые подробности его биографии. Здесь он назван выходцем «из рода главного ученика и важного сподвижника Бурхан-багши (т. е. Будды Шакьямуни)».

Когда в Тибете разгорелась религиозная война между сторонниками «красношапочной» и «желтошапочной» школ тибетского буддизма, то руководители «желтошапочной» школы Гелуг, терпя поражение, приняли решение обратиться за помощью к ойратским князьям. Они тайно снарядили и отправили посольство к своим приверженцам — правителям Джунгарии. Автор «Родословной» сообщает: «Ламы — хранители Учения и ламы из [монастыря] Брайбун во главе с Панчен-ламой и Далай-ламой послали Энсэ-хутугту, сказав [ему]: «Будет правильно, если ты отправишься в путь. На востоке есть страна, где живут дурбэн-ойраты. Им суждено возродить там желтую религию Дзонхавы. Отправляйся [к ним] и скажи их ханам, чтобы они содействовали возрождению желтой религии» [Oyirad teüken 1985: 308; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 130]. Энсэ-хутугта выступил на съезде ойратских князей, и те после обсуждения просьбы тибетских иерархов о помощи постановили отправить в Тибет объединенное войско дурбэн-ойратов под командованием хошутского правителя Гуши-хана. В ходе военной кампании 1636–1637 гг. ойратам удалось разгромить войско восточномонгольского князя Цогту-тайджи, сторонника «красношапочной» секты, и овладеть Кукунором. Это в дальнейшем помогло завоевать весь Тибет и установить в нем власть Далай-ламы и «желтошапочной» школы Гелуг [История Калмыкии 2009: 296–299].

О том, что Энсэ-хутугта был весьма влиятельным лицом, свидетельствует и рассказ о нем в «Биографии Зая-пандиты», где сообщается, что в 1639 г. он председательствовал на съезде духовенства и знати во время освящения субургана и там пожаловал недавно вернувшемуся из Тибета Зая-пандите титул *Рабджамба-хутугта* [Норбо 1999: 42].

Весьма примечателен помещенный в нашей «Родословной» рассказ о том, как сын джунгарского правителя Батура-хунтайджи, Галдан, стал перерожденцем (хубилганом) Энсэ-хутугты. Сообщается, что, когда он, выполнив свою миссию при джунгарском дворе, собрался вернуться в Тибет, то Батур-хунтайджи и другие ойратские князья «оказали ему большие почести и сделали подношение». Тогда-то произошло следующее событие: *«Когда [Энсэ-хутугта] уезжал, то пришла [супруга Батура-хунтайджи] Юм-ага и, держась за стремя [его ло-*

шади], сказала: «У меня [только] один сын, пожалуйте мне еще одного сына». На это [Энсэ]-хутугта ответил: «Я – монах, отрешившийся от мирской жизни. Я не могу родить сына». Тогда Юм-ага попросила: «Раз уж Вы, будучи монахом, не можете родить сына, то, поскольку Вы уже преклонного возраста, не могли бы Вы [после своей смерти] переродиться во мне в образе [моего] сына?». [Энсэ-]хутугта согласился, [как] говорят, и ответил: «Пусть будет так». Говорят, что, возвращаясь [домой], он скончался в Тибете. В том же году [1644 г.] Юм-ага забеременела и через девять месяцев родила сына. Тот сын и стал известен как перерожденец Энсэ-хутугты» [Oyirad teüken 1985: 308; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 131]. Из этого отрывка мы узнаем год смерти тибетского святителя и год рождения Галдана, будущего Бошогту-хана (правил в 1671–1697 гг.).

Юм-ага (Йӱмӱ-Ага; «ага» — титул знатной женщины) — одна из пяти жен джунгарского правителя Батура-хунтайджи, была, как сказано в «Родословной», дочерью торгутского тайши Шӱкӱр-Дайчина и матерью двух прославленных сыновей, Сэнгэ и Галдана [Норбо 1999: 201], последовательно занимавших трон правителей Джунгарского ханства. Она славилась своей красотой, память о которой сохранялась здесь, на Волге даже спустя полтора столетия, о чем сообщает монголист середины XIX в. Ю. С. Лыткин, известный своими переводами ойратских и калмыцких сочинений. По словам его калмыцкого информатора, Юм-ага наряду с тремя другими знатными женщинами была у ойратов такой красавицей, «каких теперь нет» [Лыткин 1969: 99]. Ю. С. Лыткин, основываясь на данных «Биографии Зая-пандиты», поместил рассказ о ней в разделе «Ойратские красавицы XVII века» в своих «Материалах для истории ойратов» [Лыткин 1969: 99–102], где ошибочно указал, что она была дочерью Хо-Урлюка. На самом деле она была его внучкой. О ней говорится и в «Истории дурбэн-ойратов» калмыцкого историка Габан Шараба [Калмыцкие 1969: 149, 152]. Будучи знатного происхождения, рожденной и воспитанной при дворе торгутских правителей, Юм-ага, помимо своей замечательной красоты, обладала еще твердым и решительным характером и пользовалась, судя по всему, большим влиянием при дворе джунгарских правителей. Об этом свидетельствуют приведенные в рассматриваемом нами сочинении факты, которые не встречаются в других ойратских источниках.

Известно, что после смерти Батура-хунтайджи в Джунгарском ханстве возникло острое соперничество за обладание ханской властью между его старшими сыновьями, Сэцэном-тайджи и Джодба-батуром, рожденными от жены-киргизки незнатного происхождения, и Сэнгэ, за спиной которого стояла его мать Юм-ага. Ее младший сын Галдан находился в это время в Тибете, где, будучи духовным лицом высокого ранга — хутугтой, мог занять престол настоятеля одного из трех крупных «желтошапочных» монастырей, основателем которого был Дзонхава.

Юм-ага, первой узнав об убийстве Сэнгэ одним из его старших братьев, немедленно предприняла активные действия, чтобы наказать убийцу и сохранить ханский престол за своим младшим сыном. В «Родословной» сказано, что она, «призвав к себе зайсангов во главе с Маха-илдӱӱчи, сообщила им [об убийстве]», а те «пошли войной» на убийцу, и «ханшу-киргизку с ее сыном судили и казнили» [Oyirad teüken 1985: 310; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 134]. С согласия второго влиятельного правителя в ханстве, хошутского Очирту Цэцэн-хана, Юм-ага отправилась в Тибет, где «совершила поминальные службы в четырех [главных] монастырях желтошапочной религии, у двух гэгэнов (т. е. у Панчен-ламы и Далай-ламы. — *В. С.*), у двух хранителей Учения — чойджинов и в других [местах]» [Oyirad teüken 1985: 310; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 134, 135]. После этого она сказала Галдану: «Твои племянники — малолетние [дети], твоя страна не имеет правителя. Оставь престол [настоятеля монастыря], надень халат с рукавами (т. е. вернись к мирской жизни. — *В. С.*), поезжай и займи свой [ханский] трон» [Oyirad teüken 1985: 310; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 135]. Галдан не стал противиться воле своей матери и обратился к высшим тибетским иерархам, Панчен-ламе и Далай-ламе, с просьбой разрешить ему сложить с себя духовный сан и вернуться к себе на родину в Джунгарию, где он занял ханский трон.

Галдан правил страной в 1671–1697 гг. и вошел в историю как национальный герой ойратского народа, до конца отстаивавший свободу и независимость всей Монголии. Его стремление создать сильное централи-

зованное государство ойратов объективно мешало правительству Цинской империи проводить экспансионистскую политику в Центральной Азии. Галдан стремился объединить под своей властью всех ойратов и монголов, что побудило его вмешаться во внутренний межфеодальный конфликт в Халхе. В 1690 г. на стороне противников Галдана выступила Цинская империя, и в войне с джунгарами 1690–1697 гг. ее войска нанесли поражение Галдану, который вскоре умер.

Отсюда крайне враждебное отношение к Галдану в цинских источниках. «Почти в каждом китайском источнике, — как пишет историк из Внутренней Монголии Алтан-Оргил, — о Галдане Бошогту-хане говорится следующее: Галдан, когда был ламой, не соблюдал монашеских обетов. Вернувшись на родину, он убил своего старшего брата. В борьбе за ханский престол он погубил своего тестя (т. е. хошутского Очирту Цэцэн-хана. — *В. С.*) и был жестоким и решительным человеком, представлявшим угрозу для Цинской империи» [Altanorgil 1987: 140].

Сказанное выше о Галдане не вполне согласуется с фактами реальной истории. Собственно ойратские источники совсем по-иному трактуют перечисленные события, что дает возможность исследователям сформировать объективный взгляд на них и получить представление, приближенное к тогдашней исторической действительности. Если принять во внимание версию событий, изложенную в «Родословной», то обвинение Галдана в убийстве его старшего брата лишено всяких оснований, так как Галдана в это время не было в Джунгарии. Наш источник не подтверждает и сообщения китайских авторов о том, что Галдан расправился с хошутским Очирту Цецен-ханом, на дочери которого он был женат, и полностью подчинил себе его владения.

Конфликт между ними произошел тогда, когда централизаторская политика джунгарского правителя стала вызывать противодействие со стороны крупных ойратских феодалов. До этого возглавлявший хошутскую группировку Очирту Цецен-хан был союзником отца Галдана, Батура-хунтайджи, и его старшего брата Сэнгэ. Вот что сообщает об этом конфликте и о дальнейшей судьбе Очирту автор «Родословной»: «Когда Бошогту-хан занял ханский трон после Сэнгэ, то между ним и хошутским Цэцэн-ханом произошел разлад. Мобилизовав войска, они сразились на [реке] Ölзийтӱ-Бом в [окрестностях] Сайрама. Так как войска Бошогту-хана нанесли поражение войску хошутов, то [реку] Бом назвали Ölзийтӱ-Бом (букв. «счастливая Бом»). Цэцэн-хан настоятельно попросил, сказав: «Так как местность Хурдун Кӱрээсӱчин, ограждая [меня] от людей, будет для меня благодетельной, я буду иметь попечение о ней достойным образом до самой своей старости и кончины». Бошогту-хан, говорят, отдал Цэцэн-хану местность Хурдун Кӱрээсӱчин, а другую часть [его владений] сделал своими, распределив между всеми кочевьями. <…> Цэцэн-хан скончался в [местности] Бэджэй» [Oyirad teüken 1985: 312; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 139, 140].

Произведения традиционной монгольской историографии (включая и сочинения калмыцких авторов, Габан Шараба и Батур-Убаши Тюменя) отличаются, как правило, компилятивным характером, чего нельзя сказать о «Родословной монголов». Оно было уже создано в то время, когда, по словам современной исследовательницы А. Д. Цендиной, «на смену компилятору в монгольской летописной традиции приходит историограф и историк. Это выражается в том, что авторы начинают цитировать и критически оценивать сведения источников, анализировать события, давать им свое объяснение, описывать мотивы тех или иных исторических событий и действий героев» [Цендина 2007: 107].

Авторское начало у Дээди выражается в том, что он описывает главные события и мотивы действующих лиц через призму буддийского мировоззрения. Правители ойратов — Галдан (1671–1697), Цэван-Рабдан (1697–1727) и Галдан-Цэрэн (1727–1745) — выступают у него как активные религиозные деятели, строившие в своем государстве храмы и монастыри, открывавшие религиозные факультеты-дацаны, наделявшие духовные управления (*ǰisa*) подразделениями *албату* — феодально-зависимых рядовых кочевников. В то же время оценка деятельности Галдана в «Родословной» дана с позиции его противников — хошутов, с позиции тех, с кем он боролся и воевал.

Вот как объясняется в этом сочинении вмешательство Галдана в междоусобный конфликт в Халхе и его поражение в ойрато-цинской войне 1690–1697 гг.: «Хошутский гэлӱн по имени Тоголта-рабджамба прибыл в [местность] Кӱрдэм, чтобы встре-

титься с Ничин-Омбо и, питая ненависть к Бошогту(-хану), попросил его: «Не можешь ли ты довериться [мне] и выслушать мои слова? Так как Бошогту(-хан) подорвал авторитет нашего хошутского хана, рассеял его владение (*nutuґ*), то, чтобы отомстить ему за это, когда станешь предсказывать ему будущее, сделай ему ложное предсказание. Погуби множество приближенных ему князей и родственников, побуди его вступить в войну с обладающей мощью чужеземной страной и лиши его силы» [Oyirad teüken 1985: 313; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 140].

Поступив так, как предсказывал ему в своем видении будущего тибетский лама, выступивший в роли оракула, джунгарский хан в ходе войны «изгнал четырех ханов Халхи и заставил их бежать в Китай». Затем, руководствуясь предсказанием о том, что ему суждено «стать верховным ханом всех китайцев и монголов», Галдан двинулся со своим войском на Китай, где потерпел сокрушительное поражение. Как утверждается в «Родословной», «немногие [джунгары] бежали [из Китая], а он сам окончил свою жизнь на Алтае» [Oyirad teüken 1985: 313; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 140]. Эта, весьма упрощенная, версия событий сильно расходится с подлинной историей рассматриваемого периода, известной нам по работам современных исследователей — И. Я. Златкина, Е. И. Кычанова, Ш. Б. Чимитдоржиева и др., написанных на основании данных русских, монгольских и китайских источников [Златкин 1964; Кычанов 1980; Чимитдоржиев 1974].

Тем не менее сведения, содержащиеся в «Родословной», представляют определенный интерес для изучения не только исторического процесса, но и развития исторических знаний, в которых отразилось мировоззрение ойратов. Согласно показаниям данного источника, можно говорить о бытовании среди ойратских правителей *мантики* (от греч. *mantike* – искусство прорицания), т. е. системы гаданий и прорицаний, призванной не вызывать желаемые последствия, а узнавать об их наступлении или ненаступлении. Такой пласт человеческих суеверий, заблуждений и предрассудков, сохранивший свое влияние в тибетском буддизме, восходит к древним шаманистским верованиям. Он присутствовал, как видим, также в мировоззрении ойратов и определял их отношение к происходившим событиям. Отсюда и то влияние, каким пользовались у них тибетские священнослужители, выполнявшие функцию жрецов-ясновидцев, оракулов, раскрывающих тайны бытия, предсказывающих будущее, выбирающих подходящее место для строительства храмов и монастырей.

С позиции своих суеверных представлений автор «Родословной монголов» объясняет даже гибель Джунгарского ханства в 1755–1758 гг. под ударами войск Цинской империи. Это произошло будто бы потому, что во время правления джунгарского хунтайджи Галдан-Цэрэна (1727–1745) два больших храма и субурган были построены «в местах, пользующихся дурной славой (*maґu nere-tei ґaǰar-tu*)». Он пишет: «Из-за этих двух храмов появилось большое зло: жизнь Галдан-хана оказалась короткой, [его] государство и религия пришли в упадок» [Oyirad teüken 1985: 317; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 146].

Из-за многочисленных ошибок и неточностей в изложении реальных фактов, искаженной передачи имен, даже имен джунгарских правителей (Цаган-Рабдан вместо Цэван-Рабдан, Галдан-Сэцэн вместо Галдан-Цэрэн), данное сочинение нуждается в перепроверке и сопоставлении содержащихся в нем данных с другими источниками. Однако некоторые, мимоходом упомянутые его автором сведения, заслуживают быть принятыми во внимание. Например, представляет интерес его сообщение об отсутствующих в других сочинениях обстоятельствах получения джунгарским правителем Цэван-Рабданом титула *хунтайджи*. Хотя, казалось бы, он должен был как преемник Галдана унаследовать ханский титул, но вместо него титул хана правительство Далай-ламы, которое возглавлял регент Санджай-Джамцо, пожаловало правителю волжских торгутов Аюке. После этого, как утверждается в «Родословной монголов», «Аюка-хан, услышав, что Цаган-Рабдан (Цэван-Рабдан. — *В. С.*) создал [собственный] джунгарский нутуг, отправил в жены Цаган-Рабдану свою дочь Сэтэрджаб в сопровождении пятисот кибиток и пожаловал ему титул *Чин-Зоригту-хунтайджи* (букв. «непоколебимый и смелый хунтайджи»)» [Oyirad teüken 1985: 313–314; Ойрад Монголын түүхэнд 2001: 141]. Именно под именем Зоригту-хунтайджи правитель Джунгарского ханства Цэван-Рабдан (1697–1727) выступает в сочинениях калмыцких истори-

ков Габан-Шараба и Батур-Убаши Тюменя [Калмыцкие 1969: 25, 36, 37, 144, 149–151, 153, 154].

В свете вышеизложенного данное сочинение не может претендовать на роль объективного источника, поскольку реальные факты подверглись в нем интерпретации автором в духе буддийской религиозной традиции. Вместе с тем, в изложении автора в них присутствует отражение имевших место подлинных исторических событий. А это дает возможность видеть их глазами современников, понять логику действия людей прошлого в соответствии с обстоятельствами их жизни, их отношением к действительности.

Литература

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 223 с.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1964. 483 с.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. Т. 1. 847 с.

Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. М.: Наука, 1981. 148 с.

Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 203 с.

Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск: Наука, Сибир. отд-ние, 1980. 191 с.

Лыткин Ю. Материалы для истории ойратов // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 203 с. С. 81–131.

Норбо Ш. Зая-пандита (Материалы к биографии). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.

Санчиров В. П. К вопросу о Дурбэн-ойратском союзе // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2013. № 2. С. 7–12.

Цендина А. Д. Монгольские летописи XVII–XIX веков: повествовательные традиции. М.: РГГУ, 2007. 272 с.

Чимитдоржиев Ш. Б. Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа (XVII–XVIII вв.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 91 с.

Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – II / Эмхтгэж, тод болон худам монгол бичгээс кирилл бичигт буулган, тайлбар хийсэн На. Сүхбаатар. Улаанбаатар: Монгол улсын их сургууль, 2001. 167 с.

Altanorgil. Todo üsüg degere ǰokiyaɤdaɤsan Mongɤol teüke-yin surbulǰi bičigud-un tanilčaɤulya // Öbör Mongɤol-un baɤši-yin yeke surɤaɤuli-yin erdem šinǰilgen-ü sedgül, Kökeqota, 1987. Neyigem-ün šinǰilekü uqaɤan-u keblel-ün Oyirad teüke-yin tusɤai duɤar. X. 137–141.

Oyirad teüken surbulǰi bičig. Badai, Altanorgil, Erdene tayilburilaba. Öbör Mongɤol-un soyol-un keblel-ün qoriya, Kökeqota, 1985. 442 q.

Oyirad tüükiyin surbulǰi bičiq. Šinǰiyang-giyin aradiyin kebleliyin xorō, Ürümči, 1987. 452 x.

УДК 94(470.47)
ББК 63.3 (2)46

КАЛМЫЦКО-НОГАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ XVII в.

The Kalmyk-Noghai Relations at the Beginning of the 17th Century

В. Т. Тепкеев (*V. Tepkeev*)[1]

[1] кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. in History, Senior Researcher of the History, Archeology and Ethnology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: tvt75@mail.ru.

Статья посвящена начальному периоду истории калмыцко-ногайских взаимоотношений, который во многом до сих пор остается малоизученным в историографии из-за недостатка источников. В данной работе на основе уже известных публикаций и недавно обнаруженных русских архивных материалов автор подробно рассматривает отношения двух кочевых народов в начале XVII в., в свое время существенно изменивших политическую расстановку в Северном Прикаспии и соседних регионах. Автор приходит к выводу, что между народами в это время были не только вооруженное противостояние, но и попытки заключить мирное соглашение. Но отсутствие политического единства в Большой Ногайской орде, а также начало междоусобной войны среди калмыков в 1625 г., не позволили сторонам мирно урегулировать конфликты и разграничить территорию кочевий.

Ключевые слова: калмыки, ногайцы, XVII век, Московское государство, кочевники.

The initial stage of the Kalmyk-Noghai relations history still remains low-studied in many respects in the historiography due to the lack of sources. The author considers the relations of the two nomadic ethnic groups on the basis of already known publications and the recently found Russian archival materials. At the beginning of the 17th century the two nations greatly influenced on the political situation in the Northern Caspian and neighbouring regions.

The Kalmyk-Noghai relations developed towards escalation of conflicts by which the first decades of the 17th century were marked. First of all, it was connected with the arrival of Kalmyk Taishi Kho-Urliuk with his subjects to this area. Thus it should be noted that in the initial stage of relations between two nomadic peoples there was not only an armed opposition accompanied by mutual attacks, but also attempts to negotiate peace agreements. However, numerous conflicts arising in the Great Noghai horde and the internal war among the Kalmyks in 1625 did not allow to peacefully settle contradictions and quarrels regarding the territory.

Keywords: the Kalmyks, the Noghais, 17th century, the Moscow state, nomads.

Начальный период истории калмыцко-ногайских взаимоотношений во многом до сих пор остается малоизученным в историографии из-за недостатка источников. В данной работе на основе уже известных публикаций и недавно обнаруженных русских архивных материалов автор подробно рассматривает отношения двух кочевых народов в начале XVII в., в свое время существенно изменивших политическую расстановку в Северном Прикаспии и соседних регионах.

Столкнувшись с сибирскими укрепленными пунктами Московского государства, миграция калмыков, начиная со второго десятилетия XVII в., получила уже западное направление. Обойдя с севера казахские кочевья, калмыцкие улусы двинулись по маршруту вдоль рек Иртыш, Ишим и Тобол, достигли степной части Тургайской ложбины, откуда двинулись на юго-запад, добравшись почти до Приаральских Каракумов. После этого движение их вновь получило западное направление, теперь уже вдоль рек Эмба и Яик, с выходом непосредственно к берегам Нижней Волги. В ходе продвижения на запад калмыки столкнулись с новыми для себя соседями – ногаями и башкирами. По мнению В. Трепавлова, первоначально этот процесс носил «пульсирующий» характер миграций, доказательством чему служат свидетельства об эпизодическом появлении калмыков в степях Северного Прикаспия еще во второй половине XVI в., когда в 1556 и 1560 гг. восточное крыло ногаев совместно с астраханскими стрельцами успешно

отбило нападение калмыков [Трепавлов 2002: 371, 372].

В начале XVII в. восточные границы Большой Ногайской Орды начинались в районе Эмбы. Именно здесь весной 1607 г. ногаи князя Иштерека неожиданно обнаружили калмыков [Трепавлов 2002: 412]. Среди ногайских мирз пронесся тревожный слух о поездке калмыцких послов в Москву и получении ими разрешения подчинить ногаев власти тайшей [Богоявленский 1939: 56]. Во втором десятилетии XVII в. огромное пространство между Самарской Лукой и Аралом почти ежегодно становилось ареной постоянных стычек калмыков с ногаями [Златкин 1964: 83].

Об опасности появления калмыков в районе Яика был предупрежден и московский царь Михаил Федорович, планировавший в 1613 г. отправить своих послов в Хиву и Персию [Веселовский 1888: 366, 367]. Такие опасения не были беспочвенными, так как в том же году был отмечен переход через Яик 4-хтысячного отряда калмыков и внезапное его нападение на ногайский улус мирзы Кель-Мухаммеда [Богоявленский 1939: 57]. В ноябре в Уфе стало известно от башкир, что объединенный отряд, состоящий из ногаев, астраханских стрельцов, крымцев, казыевцев и черкесов, под началом Иштерека и Кель-Мухаммеда двинулся против калмыков. Местом предполагаемого сражения была назначена «великая гора Урук» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1613 г. Д. 1. Л. 1–3]. Результат этого вооруженного столкновения стал известен из сообщения в Москве ногайского посланца Кары Богатыря, согласно которому, Иштереку якобы удалось разгромить калмыков и «с юртов согнать» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1614 г. Д. 2. Л. 2].

Движение калмыков в яицком направлении не встретило сильного сопротивления. Первоначально они представляли собой всего лишь небольшие разведывательные отряды, которые искали пути для возможной миграции на запад в случае неудачных военных действий на восточном направлении. Другой причиной, заставившей калмыков устремиться в западном направлении, как отмечал С. К. Богоявленский, было и то, что вследствие больших снегов скот не находил себе подножного корма и практически весь вымер [Богоявленский 1939: 57]. Действительно, осенью 1615 г. и зимой 1615/1616 года в регионе наблюдались сильные заморозки, и, как отмечали очевидцы, «многие с стужи помирают и лошади падут» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1616 г. Д. 1. Л. 6]. Это было следствием того, что экстенсивное скотоводческое хозяйство кочевников постоянно терпело большой урон при наступлении неблагоприятных погодных условий. Такие чрезвычайные обстоятельства, как *дзуты* (гололед зимой), бескормицы из-за засух в летнюю пору, эпизоотии и др. приводили к массовому падежу скота, что могло побудить обнищавших и терпящих голод скотоводов искать новые источники для своего пропитания [Санчиров 2011: 68].

В 1617 г. ногайский мирза Иштерек жаловался в Москву о разорении его людей калмыками [Трепавлов 2002: 412]. 1619 г. был отмечен новым нападением калмыков на ногайцев, кочевавших по рекам Узень и Камыш-Самара в Волго-Яицком междуречье. Улусы двух враждующих ногайских родов — Урмаметевых и Тинмаметевых — находились в постоянных столкновениях. Напуганные усилением Урмаметевых, Тинмаметевы увели свои улусы к Яику и стали в укрепленном месте. Но здесь они подверглись нападению калмыков, страх перед которыми был сильнее внутренней вражды и недоверия к русской власти. Это в конечном итоге привело к тому, что дети Иштерека и Дин-Мухаммеда вновь были вынуждены прикочевать к Астрахани [Кусаинова 2005: 158].

Наступление войск монгольского Алтын-хана вынуждало тайшей не только поддерживать мирные отношения с Московским государством, но и искать жизненное пространство в западном направлении, особенно в случае возможного поражения и отступления. В мае 1622 г. ногаец Ишбердей сообщил в Астрахани, что в районе развалин городка Сарайчика на Яике объявился отряд в 800 калмыков под началом Ишима, сына Кучума, и хошутского тайши Тлеченбая — брата Байбагаса. Они разгромили кочевавших здесь татар-тумаков. Сам Ишбердей в числе 32 человек был взят в плен, но через 3 дня ему удалось сбежать, объявился он в улусе Каная. Калмыки перешли в Волго-Яицкое междуречье и кочевали в урочище Насыр Хабырге. Главной целью Тлеченбая и Ишима были алтыульские татары мирзы Султаная, но, узнав, что те приняли царское подданство и кочуют под защитой Астрахани, они отменили свой набег и ушли за Яик, на урочище Кайнар Сагызу.

Астраханские власти так и не решились отправить посланцев к калмыкам, тем более, что они быстро исчезли из зоны видимости [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1622 г. Д. 1. Л. 11–13].

Действия калмыков вызвали такую волну паники у ногайских мирз, что для их успокоения царской администрации пришлось расставить в улусах стрелецкую охрану [Богоявленский 1939: 61]. Подобные свои действия в степях Северного Прикаспия калмыки считали оправданными, поскольку этот регион представлялся им вполне безопасным, так как находился на весьма отдаленном расстоянии от неприятельских сил.

В сентябре 1625 г. ногайский бий Канай сообщал в Астрахани, что был инициатором отправки Алей-мирзы к калмыцким тайшам. Подобная самостоятельность ногайского князя не вызвала одобрения у астраханских властей, и ему впредь было запрещено без ведома администрации ссылаться с калмыками. Канай же попытался договориться с тайшами, предложив им заключить мирное соглашение и установить торговые отношения. Дорога в калмыцкие улусы, располагавшиеся в это время на Иртыше, заняла у Алея около 14 недель, а пробыл он там в общей сложности 2 месяца. Согласно данным Алея, «начальными людьми» у калмыков были хошутский Чокур, дербетский Далай-Батур, торгутский Мерген-Темене и Батур. Тайши довольно приветливо встретили мирзу, который, по указанию Каная, предлагал, чтобы они «со всеми калмыцкими людьми были под… царского величества высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступны». Калмыцкие владельцы подтвердили свое желание поддерживать с Канаем мирные отношения и выразили желание отправить в Астрахань на продажу 3 тыс. лошадей [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1625 г. Д. 1. Л. 47–51].

Калмыцкая сторона была заинтересована в договоренностях с ногаями, чтобы обеспечить безопасность своих кочевий на юго-западном участке. Но единственным из тайшей, кто вступил в непосредственные переговоры с ногайской стороной, был Батур. Он подарил Алею 3 калмыцких коня, а вместе с ним к Канаю отправил своего посланца Алатая, послав «в поминках» одного коня. Канай подарок принял и уже с калмыцким представителем отправил к тайшам Кулука, чтобы тот проведал: «калмыцкие тайши к нему, к Канаю князю, послов своих прислали с правдою и не чают ли они какова дурна?». В ноябре 1625 г. Кулук благополучно вернулся с новым калмыцким посольством и заверением калмыцкой стороны в мирных намерениях. В непосредственной близости к ногайским кочевьям калмыцкие улусы располагались на урочищах Иргиз и Сауке, в 25 днях пути от Астрахани. И, несмотря на заключение мирного договора между калмыцким посланцем и Канаем, вскоре 700 улусных людей под командой Тордугала из ногайского клана Тинмаметевых угнали лошадей из близлежащих калмыцких улусов. Спустя месяц в повторный набег направились люди Хан-мирзы Тинмаметева. Все это обеспокоило русские власти, так как из-за ответных действий калмыков могло начаться массовое бегство ногаев на правый берег Волги. Правительство строго предупредило мирз, чтобы они своими необдуманными действиями не раздражали калмыков, а инициатора угона калмыцких лошадей посадили в тюрьму [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1625 г. Д. 1. Л. 79–81].

Как видно из свидетельств мирз, первыми мирное соглашение все-таки нарушила ногайская сторона. Ради справедливости отметим, что клан Тинмаметевых не имел договоренностей с калмыцкой стороной. Но именно их действия подорвали в целом доверие тайшей к мирзам, и они негативно отразились в дальнейшем на развитии калмыцко-ногайских отношений.

Вспыхнувшая в 1625 г. междоусобная война среди калмыков вызвала новую волну миграции части калмыцких улусов в западном направлении. После столкновения с братом Байбагасом Чокур и его сторонники перекочевали к верховьям реки Эмбы. Здесь они встретили улусы алтыульских татар, принадлежавших мирзам Салтанаю и Шайнеку, которые, не желая быть у русских в подданстве, удалились из-под Астрахани. По сообщению ногайского Султаная-мирзы Шихмамаева, в начале 1626 г. в улус алтыульского мирзы Шайнека на Эмбу прибыли послы от тайшей Далай-Батура, Мангыта и Батура с предложением о заключении мира и ведении совместных военных действий против общих недругов. Улусы указанных тайшей в это время кочевали в Приаральских Каракумах и Барсучьих песках, примерно в 15 днях пути от улуса Шайнека [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1626 г. Д. 1. Л. 221, 222].

Военные неудачи, как правило, сопровождавшиеся значительными потерями скота и имущества, побуждали кочевников искать новые возможности поживиться за счет более слабого соседа. Часть калмыков выступала за то, «чтоб идти войною на нагайские улусы, а другая де половина их говорят, чтоб им на нагайские улусы войною не ходить». Кочевавшие по Эмбе калмыки стали сговариваться с алтыульцами о совместном походе против астраханских ногаев. Алтыульские мирзы в это время окончательно рассорились с русскими властями, поскольку в конце 1627 г. ограбили отправленного к ним из Астрахани посланца Якова Бухарова, а часть сопровождавших его людей убили [Богоявленский 1939: 64, 65]. Именно этот случай стал причиной отправки весной 1628 г. из Астрахани стрелецкого карательного отряда на Эмбу, в ходе которого были разбиты улусы Султаная и Шейх-Мухаммеда. Согласно союзническим договоренностям, алтыульцы обратились за военной помощью к тайше Дайчину, сыну Батура [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 354–358].

После разгрома своих становищ царскими войсками алтыульские мирзы задумались о пути дальнейшей миграции. Султанай предлагал откочевать под защиту хивинских или казахских ханов, Шейх-Мухаммеду и его брату Кулаю более подходящим направлением миграции казались бухарские владения. Кроме того, была возможность присоединиться к туркменам или калмыкам. Во время этих споров произошла даже ссора между Султанаем и Шейх-Мухаммедом, которые стали кочевать порознь. Однако выбора ориентации им не оставило вмешательство калмыков, которые подошли вплотную к алтыульским становищам [Трепавлов 2001: 43].

На основании сведений из русских источников можно прийти к выводу, что появление калмыков на Эмбе было связано с поражением группировки Чокура от казахов. Силы Чокура и его соратников рассеялись, а около 2 тыс. калмыков, таким образом, оказались в верховьях Эмбы. Отсюда они отправили пятерых посланцев к алтыульским мирзам, Султанаю и Шейх-Мухаммеду, с предложением объединиться и совершить совместный набег на ногайские улусы под Астраханью. Но мирзы отказались, сославшись на малочисленность и желание уйти кочевать в Туркестан или под Ургенч [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 2. Л. 342, 343].

О первых контактах калмыков с астраханской администрацией становится известно, когда зимой 1627/1628 года в Астрахань для переговоров приехали алтыульский Алей-мирза с двумя калмыцкими посланцами. Как оказалось, инициатором их отправки была супруга тайши Батура, которая с детьми кочевала по Эмбе в 5 днях пути от устья реки. Вверх по реке от них также кочевали небольшие разрозненные группы калмыков, а в 12 днях пути от Эмбы располагался улус торгутского тайши Мерген-Темене. Всего в общей сложности калмыков насчитывалось около 3 тыс. улусных людей, и они испытывали серьезные материальные трудности: «животиною и лошадми скудны», — так как в течение 1627 г. дважды подверглись разгрому со стороны казахского хана Ишима. Супруга тайши Батура призывала алтыульских мирз кочевать с ней совместно, чтобы сообща противостоять «недругам» или совершать на них набеги. Но мирзы предпочли все-таки кочевать отдельно от калмыков, сославшись на зимнюю непогоду [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 1. Л. 137, 138].

Осенью 1628 г. вспыхнул новый конфликт между ногаями. Воспользовавшись ситуацией, алтыульские мирзы срочно отправили калмыкам на Эмбу предложение о совершении совместного набега против ногаев. В ноябре в Астрахань прибыл раненый конный стрелец М. Яковлев, со слов которого стало известно, что 31 октября, ночью на заре, ногайский улус Мамбет-Сеина, сына Кары Кель-Мухаммеда, подвергся внезапному нападению калмыков. Большинство ногаев не смогло организовать должного сопротивления и просто разбежалось, а М. Яковлев был ранен в плечо из лука. Улус Кель-Мухаммеда срочно прикочевал к переправе на реку Бузан. Астраханские власти сформировали отряд под началом стрелецкого сотника М. Шабликина для преследования калмыков. По сведениям стрелецкого головы Семена Осичкова, ногаи в момент сражения бросили стрельцов и сбежали, а самим служивым людям пришлось в окружении отсидеться в тележном городке, захватив в плен двух татар [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 18, 19].

По сообщению пленных, в последнем набеге принимали участие 2 тыс. калмыков под началом Доржи, Мерген-Темене, Батура, Куена, а также 250 алтыулов мирз Сул-

таная, Мамая, Урака, Шамамета и Юсупа. Сбор их отрядов состоялся в междуречье Яика и Эмбы [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 27–30].

Слухи о намерении калмыков перейти в Волго-Яицкое междуречье вызвали среди ногаев новую волну паники. В октябре в Астрахани объявился выходец из калмыцкого плена, ногаец Белек, со слов которого стало известно, что калмыки и алтыулы кочуют в низовьях Эмбы и готовят очередной набег на ногайские улусы. После погрома ногаев калмыцкие тайши планировали кочевать примерно в 70 верстах от Астрахани — в урочище Кондаки, как они сами объясняли, «потому что те кандаковские места изстари были их калмыцкие кочевные места» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 285, 286]. Алтыулы угрожали другим ногаям выгнать всех их на правый берег Волги, а самим с калмыками кочевать в междуречье [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 37, 38].

Астраханские власти не могли согласиться с подобными планами тайшей, но противопоставить им значительные военные силы тоже не имели возможности, ограничившись лишь дополнительным усилением охраны ногайских улусов [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 287]. Очередная вспышка междоусобицы в ногайской среде и усиливавшееся давление калмыков вынудили правящую верхушку ногаев в 1629 г. обратиться к Москве с прошением взять на себя управление ордой [Трепавлов 2002: 412].

В марте 1629 г. Канай располагал сведениями, что алтыулы численностью в 500 человек кочуют за Эмбой в урочище Шам, калмыки на правобережье Эмбы, у реки Оил. По словам едисанского перебежчика Бердыгула, всего калмыков насчитывалось около 5 тыс. человек. Весной они планировали очередной набег на владения Каная, в частности, на едисанские улусы [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 205]. Но ни весной, ни летом этого года набегов со стороны калмыков не наблюдалось. В сентябре ногайские перебежчики вновь предупреждали Каная о готовящемся набеге, но уже со стороны Мерген-Темене, кочевавшего около Яика и располагавшего силами до 2 тыс. человек. Канай, не дожидаясь очередного набега, просил астраханские власти подкрепления для упреждающего удара по калмыцким улусам, тем более что количество их было весьма мало. Но воеводы, не владея точной информацией о численности калмыков, не решались без царского указа отправить своих служилых людей в столь далекий поход и ограничились лишь охраной ногайских улусов [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 43–47, 260].

Осенью 1629 г. 30 едисан-ногаев ходили под калмыцкие улусы на Эмбу и угнали 130 лошадей. Отряд в 50 калмыков сумел их настичь, в ходе боя они взяли в плен ногайца Беша Бегемышева. Через две недели ногайца отпустили в Астрахань, чтобы тот передал воеводам следующие слова: «Они, калмыцкие тайши, преж сево были в холопстве под твоею государскою высокою рукою и кочевали блиско Сибири на реке Иртышу. И тому де государь ныне другой год, учиняя они с своею братею с калмыки меж себя рознь и войну, пришли с улусы своими кочевать на реку на Емму, а ныне кочуют блиско Яика. И их бы калмыцких тайшей со всеми их улусными людьми принять… под твою царского величества высокую руку в холопство и велети б им с улусы своими кочевать по реке Ембе и по Яику». Всего у этой группы улусов насчитывалось 5 тыс. калмыков и 1 тыс. алтыулов, в том числе 800 человек с «огненным боем». Улусные люди Чокура всерьез опасались прихода хошутских тайшей Гуши и Дургучи (Кунделена-Убаши), братьев Байбагаса, у которых в общей сложности насчитывалось 20 тыс. воинов, а также их союзника – казахского Кучука Салтана, имевшего в распоряжении 10 тыс. воинов [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 289–293].

Астраханские власти положительно отреагировали на просьбу Чокура и его сторонников, отправив к ним того же ногайца Беша и 5 юртовских татар с уведомлением прислать в Астрахань для переговоров послов и аманатов. Калмыкам указывалось кочевать за Эмбой и не приходить войной на ногаев. Алтыульским мирзам предлагалось отойти от калмыков и вернуться под Астрахань [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 293–295].

В дальнейшем калмыцко-ногайские отношения стали развиваться в русле эскалации конфликта, которым отмечены почти все 1630-е годы. В первую очередь это было связано с приходом в степи Северного Прикаспия улусов тайши Хо-Урлюка. Таким образом, надо отметить, что в начальном периоде взаимоотношений двух коче-

вых народов были не только вооруженное противостояние, сопровождавшееся взаимными набегами, но и попытки заключить мирное соглашение путем переговоров. Однако отсутствие политического единства в Большой Ногайской орде, а также начало междоусобной войны среди калмыков в 1625 г., не позволили мирно урегулировать все возникавшие конфликты и разграничить территорию кочевий.

Источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература

Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. М., 1939. № 5. С. 48–102.

Веселовский Н. И. Передовые калмыки на пути к Волге // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 3. СПб., 1888. С. 365–370.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 333 с.

Кусаинова Е. В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 230 с.

Санчиров В. П. К изучению топонимики ойратов и калмыков (XVII–XVIII вв.) // Новый исторический вестник. М., 2011. № 29. С. 67–73.

Трепавлов В. В. Алтыулы: остатки Ногайской орды в казахских степях // Вестник Евразии. М., 2001. № 2. С. 33–53.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 2002. 752 с.

УДК 94(470.47)
ББК 63.2 (2Рос=6Калм)

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1897 г. (в свете квантитативного подхода)

Ethnoconfessional Structure of the Population of the Kalmyk Steppe of the Astrakhan Province According to the 1897 Census (the quantitative approach)

Л. В. Оконова (*L. Okonova)*[1]

[1] кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of History, Researcher of the History, Archeology and Ethnology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: okonova.lv@gmail.com.

В статье впервые рассматривается информационное содержание опубликованных материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г. в разрезе этноконфессиональной структуры в границах тогдашней Астраханской губернии. Опыт проведенного квантитативного анализа свидетельствует о том, что материалы переписи являются ценным многоаспектным источником, по достоинству не оцененным исследователями, и остаются не введенными в научный оборот спустя 100 лет после их публикации.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Калмыцкая степь, перепись населения, источниковедческий анализ, этноконфессиональный состав населения, христиане, иудеи, магометане, буддисты-ламаиты.

For the first time, the article reviews the materials of the First General Population Census of the Russian Empire of 1897 in order to reveal the ethno-confessional composition of the residents in Astrakhan province of that time.

The Census provides invaluable material for the analysis of the ethno-confessional structure of the population though it was not carried out specifically with the purpose of collecting this kind of data. However, it allows to see that the religious accessory was one of the basic parameters for the inhabitants of the Russian Empire of that time along with ethnic and other characteristics. At the same time, the Census organizers were particularly interested in, for example, what languages believers of various religions recognized as being their native.

The author came to the conclusion that the First General Population Census of Russia is an extremely useful statistical source allowing us to imagine in greater details the ethno-confessional characteristics of both the Kalmyk steppe and the whole Astrakhan province at the end of the 19th century.

Besides, the study demonstrates a great informative saturation of this type of data enabling it to be applied in numerous research depending on their goals. The experience of the quantitative analysis indicates that the census data is a valuable, multi-dimensional source of information which is not enough appreciated by researchers and still not in use 100 years after its publication.

Keywords: Astrakhan Province, the Kalmyk Steppe, Census, source study analysis, ethno-confessional composition of the population, Christians, Jews, Muslims, Buddhists-Lamaists.

Исследование этноконфессиональной структуры населения Астраханской губернии конца XIX в., ее уездов и национально-территориальных образований — Внутренней Киргизской (Казахской) Орды, Калмыцкой степи — предполагает наличие соответствующей базы данных. К их числу относятся статистические показатели.

Общеизвестно, что среди опубликованных статистических источников по отечественной демографии конца XIX в. наиболее информативно насыщенными являются материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Они были изданы Центральным статистическим комитетом Министерства Внутренних дел в 1899–1905 гг. и составили 119 томов. Материалы по Астраханской губернии вошли в том II и составили в нем тетради I и II [Первая всеобщая перепись, I 1899; Первая всеобщая перепись, II 1899].

Этноконфессиональная ситуация и ее особенности в Калмыкии привлекали внимание различных авторов. К материалам

переписи 1897 г. за минувший XX в. обращался ряд авторов. В частности, историки ограничивались использованием лишь итоговых данных переписи, не проводя их углубленный анализ [Борисенко 1982; Бурчинова 1980; Колесник 1997; Максимов 2002; Оглаев 1987]. Современный этап освоения данных переписи представлен в работах Немгировой С. Н., Лиджиевой И. В. [Лиджиева 2013; Лиджиева, Немгирова 2014].

Задача квантитативного изучения материалов переписи требует определить информационно-ценностное содержание названного источника в этноконфессиональном аспекте[1] [Оконова 2011: 18–23; Оконова 2012, С. 19–24].

Интересующие нас данные рассредоточены в следующих таблицах тетради II: «Сводная — состав наличного населения обоего пола (по уездам с городами и по городам), с разделением по месту рождения, сословиям, вероисповеданиям и родному языку», XII «Распределение населения по вероисповеданиям», XIV «Распределение населения по вероисповеданиям и родному языку» и XXV «Распределение населения по вероисповеданиям и десятилетним возрастным группам» [Первая всеобщая перепись, II 1899: 2–3, 40–41, 44–59, 162–167]. Для упрощения анализа целесообразно свести их в единую таблицу «Распределение населения Астраханской губернии по вероисповеданиям» (*табл. 1*), сохраняя в одном случае структуру первоисточника, а в другом — внося некоторые коррективы, подводя под единый принцип составления внутренней структуры таблиц.

Переписью были охвачены представители религиозных конфессий со всеми их составляющими: 1) *христиане* — православные и единоверцы[2], старообрядцы[3], уклоняющиеся от официального признания православия, армяно-григориане[4], *католики* — армяно-католики[5], римско-католики[6], *протестанты* — лютеране[7], реформаты[8], баптисты[9], меннониты[10]; 2) *иудеи* — караимы[11], иудеи[12]; 3) *магометане*; 4) *буддисты* — ламаиты[13]; 5) *остальные представители* христианского и нехристианского исповедания.

---

[1] По материалам переписи 1897 г. нами ранее рассматривались семейное состояние и вопросы миграции в Калмыцкой степи Астраханской губернии

[2] Единоверцы — течение в старообрядчестве. Возникло в результате соглашения умеренных кругов старообрядцев с официальной православной церковью, оформленного в 1800 г. при Павле I. Подчинялось Синоду, но сохраняло свои обычаи и обряды [Советский энциклопедический словарь 1983: 425].

[3] Старообрядцы — совокупность религиозных групп и церквей в России, не принявших церковных реформ XVII в. и ставших оппозиционными официальной православной церкви. Сторонники старообрядчества преследовались до 1906 г. [Советский энциклопедический словарь 1983: 1262].

[4] Армяно-григориане — последователи одной из древних христианских церквей, близкой к православию, основанной епископом Григором в 301 г. [Советский энциклопедический словарь 1983: 77].

[5] Армяно-католики — последователи западной католической церкви после ее отделения в 1054 г. от восточно-католической церкви [Советская историческая энциклопедия 1969 Т. XII: 86].

[6] Римско-католики — последователи Римской католической церкви.

[7] Лютеране — последователи протестантизма, основанного М. Лютером в XVI в. [Советский энциклопедический словарь 1983: 734].

[8] Реформаты — приверженцы кальвинизма в континентальных странах Европы [Советский энциклопедический словарь 1983: 1119].

[9] Баптисты — последователи одной из разновидностей протестантизма, возникшего в нач. XVII в. В России появились в 60-е гг. XIX в. [Советский энциклопедический словарь 1983: 108].

[10] Меннониты — приверженцы протестантской секты, возникшей в США, Канаде, Нидерландах, основанной в XVI в. Менно Симонсом [Советский энциклопедический словарь 1983: 788].

[11] Караимы — последователи караимистической секты иудаизма, отвергающей Талмуд [Советская историческая энциклопедия 1965 Т. VI: 1015].

[12] Иудеи — последователи одной из древнейших религий, возникшей в 1-м тыс. до н. э. в Палестине, исповедовавшей культ бога Яхве [Советский энциклопедический словарь 1983: 514].

[13] Ламаиты — приверженцы тибето-монгольской формы буддизма, в литературе называемой также ламаизмом (Советский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 682). В дореволюционной России калмыки исповедовали тибетскую форму буддизма, а их церковь в официальных документах называлась ламаистской. Главой калмыцких буддистов являлся Лама калмыцкого народа. Монастыри (хурулы) возглавлялись бакшами.

Характеристика вероисповедного состава населения Астраханской губернии на основании сведенных воедино показателей таблицы XII [Первая всеобщая перепись, II 1899: 40–41] материалов переписи и составленной нами таблицы 1 может быть представлена из квантитативных показателей по мере их убывания в следующем обобщенном виде:

Таблица 1. ***Вероисповедный состав населения Астраханской губернии***

Вероисповедания	**Астраханская губерния**	
	в абс. числах	**в % ко всему населению**
Православные	545 112	54,32
Магометане	307 239	30,61
Ламаиты	136 980	13,65
Протестанты	4 822	0,48
Остальные представители христ. исповеданий	4 222	0,42
Иудеи	3 126	0,31
Католики	1 584	0,16
Остальные представители нехрист. Исповеданий	457	0,05
Всего	1 003 542	100

Основываясь на показателях, приведенных в таблице 1, можно сказать, что буддисты по абсолютным числовым показателям и в процентном соотношении занимали в Астраханской губернии третье место. Уступая по численности православным и единоверцам почти в 4 раза, мусульманам — в 2,2 раза, они опережали по этому показателю исповедовавших другие вероисповедания в 4,5 раза. Следует отметить, что на каждое из других вероисповеданий в отдельности пришлось менее половины процента от всего населения губернии.

Рассматриваемые нами таблицы представляют интерес и тем, что содержат определенные сведения об этническом составе населения, хотя составители-сборщики не ставили специально целью собрать непосредственно сведения этого рода. Материалы переписи 1897 г. показывают, что религиозная принадлежность являлась одним из базовых параметров учета жителей тогдашней Российской империи наряду с собственно этническими и другими характеристиками. Составителей переписных листов интересовали, например, данные, характеризовавшие население, исходя из того, какой язык верующие признавали родным. В данном случае, предварительно сведя воедино показатели таблицы XIV [Первая всеобщая перепись населения, II 1899: 44–59], вероисповедный состав населения Калмыцкой степи Астраханской губернии по языковой принадлежности можно представить следующим образом:

Таблица 2. ***Распределение населения Калмыцкой степи Астраханской губернии по вероисповеданиям и родному языку***

Языки[117]	Вероисповедание [1]																	
	Христиане										Иудеи		Магометане		Буддисты		Итого	
	Православные						Католики		Протестанты									
	Православные и единоверцы		Старообрядцы и уклоняющиеся от православия		Армяно-григориане		Римско-католики		Лютеране						Ламаиты			
	абс.	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%
I. Русские	**4 850**	**87,48**	**13**	**100**	–	–	–	–	–	–	–	–	**1**	**0,1**	**2**	**0,002**	**4 867**	**3,79**
Великорусский	4 264	76,91	13	100	–	–	–	–	–	–	–	–	1	0,1	2	0,002	4 280	**3,33**
Малорусский	586	10,57	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	586	**0,46**
III. Остальные славянские	**1**	**0,02**	–	–	–	–	**4**	**80**	–	–	–	–	–	–	–	–	**5**	**0,004**
VI. Немецкий	**2**	**0,04**	–	–	–	–	**1**	**20**	**12**	**92,31**	–	–	–	–	–	–	**15**	**0,01**
VIII. Остальные индоевропейские	–	–	–	–	**59**	**100**	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	**59**	**0,05**
Армянский	–	–	–	–	59	100	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	59	**0,05**
IX. Еврейский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	**8**	**100**	–	–	–	–	**8**	**0,01**
XII. Финские	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	**1**	**0,001**	**1**	**0,001**
XIII. Турецко-татарские	**5**	**0,09**	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	**1041**	**99,05**	–	–	**1 046**	**0,81**
Татарский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	584	55,57	–	–	584	0,45
Туркменский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3	0,29	–	–	3	0,002

Продолжение Таблицы 2

Языки[14]	Вероисповедание *																	
	Христиане										Иудеи		Магометане		Буддисты		Итого	
	Православные						Католики		Протес-танты									
	Православные и единоверцы		Старообрядцы и уклоняющи-еся от право-славия		Армяно-григо-риане		Римско-католики		Лютеране						Ламаиты			
	абс.	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%
Киргизский	5	0,09	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	454	43,2	–	–	459	0,36
XIV. Монголо-бурятские	**686**	**12,37**	–	–	–	–	–	–	**1**	**7,69**	–	–	**9**	**0,86**	**121 877**	**99.99**	**122 573**	**95,33**
Калмыцкий	686	12,37	–	–	–	–	–	–	1	7,69	–	–	9	0,86	121 877	99,99	122 573	95,33
Итого	**5 544**	**100**	**13**	**100**	**59**	**100**	**5**	**100**	**13**	**100**	**8**	**100**	**1051**	**100**	**121 880**	**100**	**128 573**	**100**

*Армяно-католики, реформаты, баптисты, меннониты, караимы, остальные представители христианских и нехристианских исповеданий в Калмыцкой степи при проведении переписи не были зарегистрированы.[14]

[14] Согласно устоявшейся современной языковой классификации, данные языки будут соответствовать следующим определениям:

I. Индоевропейская языковая семья	***II. Уральская языковая группа***	***III. Алтайская языковая группа***
1. Славянская языковая группа а) Русский а.1. Русский а.2. Украинский а.3. Белорусский) б) Остальные славянские *2. Германская языковая группа* а) Немецкий б) Еврейский (идиш) *3. Остальные индо-европейские языковые группы* а) Армянский	*1. Финно-угорская языковая группа* а) Финские а.1. Мордовский	*1. Тюркская языковая группа* а) Татарский б) Туркменский в) Киргизский (в данном случае подразумевается казахский) *2. Монгольская языковая группа* а) Калмыцкий

Из *таблицы 2* видно, что 5 544 чел., или 87,48 % составляли православные и единоверцы, владевшие русским языком (из них великорусским — 4 264 чел., или 87,92 %, и малорусским (украинским) — 586 чел., или 12,08 %); монголо-бурятскими языками, в частности, калмыцким — 686 чел., или 12,37 %; турецко-татарскими языками, а именно киргизским (казахским) — 5 чел., или 0,09 %; немецким языком — 2 чел., или 0,04 %, остальными славянскими языками — всего 1 чел., или 0,01 %. Православные и единоверцы, владевшие остальными языками, а именно киргизским (казахским) — 5 чел., или 0,09 %; немецким языком — 2 чел., или 0,04 %, остальными славянскими языками — всего 1 чел., или 0,01 %. Православные и единоверцы, владевшие остальными индо-европейскими (армянским), еврейским, финским, турецко-татарскими (татарским, туркменским) языками, в Калмыцкой степи не проживали.

13 старообрядцев и уклонявшихся от православия владели русским языком, а именно великорусским. 59 армяно-григориан и армяно-католиков считали родным языком армянский, 8 иудеев владели еврейским языком (идиш). Из 5 исповедующих католицизм владели остальными славянскими языками 4 чел. и немецким языком — 1 чел. Из 13 лютеран владели немецким языком 12 чел. и калмыцким языком — 1 чел. Из 1 051 магометан владели русским (великорусским) языком 1 чел., калмыцким языком — 9 чел., или 0,86 %, турецко-татарскими языками — 1 041 чел., или 99,05 %. Из этого числа татарским языком владели 584 чел., или 56,10 %, туркменским — 3 чел., или 0,29 %, киргизским (казахским) — 454 чел., или 43,61 %). Из 121 880 буддистов (ламаитов) владели русским (великорусским) языком 2 чел.; финским языком 1 чел.; калмыцким языком 121877 чел., или 99,99 %.

Опубликованные материалы таблицы XIV легли в основу составленной нами новой сводной таблицы, отражающей вероисповедный состав населения Астраханской губернии по владеющим калмыцким языком (см. *табл. 3)* [Первая всеобщая перепись населения, II 1899: 44–59]:

Таблица 3. ***Распределение населения Астраханской губернии по вероисповеданиям и родному (калмыцкому) языку***

XIV. Монголо-бурятский (калмыцкий)

Административно-территориальное разделение Астраханской губернии	Вероисповедание*											
	Христиане				Магометане		Буддисты		Остальные представители нехристианских исповеданий		Итого	
	Православные		Протестанты									
	Православные и единоверцы		Лютеране				ламаиты					
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%
Астраханский уезд	16	1,57	–	–	365	78,33	3 393	2,48	185	40,66	**3 959**	**2,86**
Енотаевский уезд	87	8,52	–	–	3	0,64	6 355	4,65	16	3,52	**6 461**	**4,66**
Красноярский уезд	96	9,4	–	–	70	15,02	201	0,15	–	–	**367**	**0,26**
Царевский уезд	5	0,49	–	–	11	2,36	534	0,39	8	1,76	**558**	**0,4**
Черноярский уезд	127	12,44	–	–	6	1,29	4 269	3,12	246	54,07	**4 648**	**3,35**
Калмыцкая степь	686	67,19	1	100	9	1,93	121 877	89,2	–	–	**122 573**	**88,45**
Вн. Кирг. Орда	4	0,29	–	–	2	0,43	–	–	–	–	**6**	**0,004**
По губернии	**1 021**	**100**	**1**	**100**	**466**	**100**	**136 629**	**100**	**455**	**100**	**138 572**	**100**
В городах	18	1,76	–	–	107	22,96	352	0,26	12	2,64	**489**	**0,35**
В степях Калмыцкой и Вн. Кирг. Орды	690	67,58	1	100	11	2,36	121 877	89,2	–	–	**122 579**	**88,46**

* Лиц, владевших калмыцким языком, среди старообрядцев и уклоняющихся от православия, армяно-григориан, армяно-католиков, римско-католиков, иудеев и караимов, остальных представителей христианских исповеданий перепись 1897 г. не зарегистрировала.

Исходя из показателей *таблицы 3*, можно сказать, что православных и единоверцев, владевших калмыцким языком, в Астраханской губернии числилось 1 021 чел., из которых 686 чел., или 67,19 %, проживали в Калмыцкой степи. По этому показателю Калмыцкая степь находилась на первом месте. Второе место занимал Черноярский уезд (127 чел., или 12,44 %), третье — Красноярский (96 чел., или 9,40 %), четвертое — Енотаевский (87 чел., или 8,52 %), пятое — Астраханский (16 чел., или 1,57 %) уезды, шестое — Внутренняя Киргизская Орда (3 чел., или 0,29 %).

Из лютеран, проживавших в Калмыцкой степи, владел калмыцким языком только 1 человек. По численности магометан, владевших калмыцким языком (9 чел., или 1,93 %), Калмыцкая степь стояла на четвертом месте. Самый высокий процент наблюдался в Астраханском уезде (365 чел., или 78,33 %). В Красноярском уезде насчитывалось 70 чел., или 15,02 %, в Царевском — 11 чел., или 2,36 %, в Черноярском — 6 чел., или 1,29 %, в Енотаевском — 3 чел., или 0,64 %, во Внутренней Киргизской Орде — 2 чел., или 0,43 %.

По численности буддистов (ламаитов), владевших калмыцким языком (121877 чел., или 89,20 %), Калмыцкая степь занимала первое место. На втором месте был Енотаевский уезд — 6355 чел., или 4,65 %, на третьем — Черноярский (4269 чел., или 3,12 %), на четвертом Астраханский (3393 чел., или 2,48 %), на пятом — Царевский (534 чел., или 0,39 %), на шестом — Красноярский (210 чел., или 0,15 %). Во Внутренней Киргизской Орде буддисты (ламаиты), владевшие калмыцким языком, не проживали.

По численности лиц, исповедовавших остальные нехристианские исповедания, в Красноярском уезде и степях Калмыцкой и Внутренней Киргизской Орды владевшие калмыцким языком в материалах переписи не нашли отражения. Тем не менее, они проживали в других уездах: в Черноярском — 246 чел., или 54,07 %; в Астраханском — (185 чел., или 40,66 %); в Енотаевском — (16 чел., или 3,52 %); в Царевском — (8 чел., или 1,76 %).

Анализ в целом по губернии населения по вероисповеданиям и родному языку (калмыцкому) выявил, что православные и единоверцы, ламаиты, владевшие калмыцким языком, большей частью проживали в Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской Орде, а затем — в уездах и городах. По численности лютеран, владевших калмыцким языком, первое место занимали Калмыцкая степь и Внутренняя Киргизская Орда, а в уездах и городах они не были зарегистрированы. По численности магометан, владевших калмыцким языком, на первом месте находились уезды, за которыми следовали города и степи. По численности представителей остальных христианских исповеданий, владевших калмыцким языком, первое место занимали уезды, затем следовали города.

Сведя воедино итоговые показатели всех составленных нами таблиц *1, 2, 3,* мы получили Сводную таблицу (*табл. 4*):

Таблица 4. ***Численность ламаитов Астраханской губернии по языковой принадлежности****

Административно-территориальное разделение Астраханской губернии	Вероисповедание															
	Ламаиты		Языки*													
			I. Русские		XI. Кавказских горцев		XII. Финские		XIII. Турецко-татарские				XIV. Монголо-бурятские		XVIII. Не указавшие языка	
			Велико-русский						Татарский		Киргизский		Калмыцкий			
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	аб	%	абс	%	абс	%
Астраханский уезд	3 398	100	–	–	–	–	–	–	4	0,12	1	0,03	3 393	99,85	–	–
Енотаевский уезд	6 662	100	302	4,53	1	0,02	–	–	1	0,02	3	0,05	6 355	95,39	–	–
Красноярский уезд	202	100	–	–	–	–	–	–	нет	нет	1	0,5	201	99,5	–	–
Царевский уезд	563	100	6	1,07	–	–	–	–	18	3,2	4	0,7	534	94,84	1	0,2
Черноярский уезд	4 272	100	2	0,05	–	–	–	–	1	0,02	–	–	4 269	99,92	–	–
Калмыцкая степь	121 880	100	2	0	–	–	1	0	–	–	–	–	121 877	99,99	–	–
Вн. Кирг. Орда	3	100	–	–	–	–	–	–	–	–	3	100	–	–	–	–
По губернии	136 980	100	312	0,23	1	0	1	0	24	0,02	12	0,01	136 629	99,74	1	0
В городах	**355**	**100**	**–**	**–**	**1**	**0,28**	**–**	**–**	**1**	**0,28**	**–**	**–**	**352**	**99,15**	**1**	**0,28**
В степях Калмыцкой и Вн. Кирг. Орды	**121 883**	**100**	2	0	–	–	1	0	–	–	3	0	121 877	99,99	–	–

*Буддисты и ламаиты, владевшие малорусским, польским, остальными славянскими, немецким, остальными индоевропейскими (в частности, армянским), еврейским, туркменским языками, в материалах переписи не зафиксированы.

Показатели данной таблицы дают основание утверждать, что буддистов, владевших калмыцким языком, в Калмыцкой степи и во всех уездах был зафиксирован самый высокий показатель, за исключением Внутренней Киргизской Орды. Лиц, владевших остальными языками, среди буддистов было зарегистрировано: в Енотаевском уезде — 307 чел. (владевших великорусским языком — 302 чел., киргизским — 3 чел., татарским языком и языком кавказских горцев по 1 чел.); в Царевском уезде — 29 чел. (владевших татарским языком — 18 чел, великорусским — 6 чел., киргизским — 4 чел., не указавших, каким языком владели, — 1 чел.); в Астраханском — 5 чел., Черноярском — 3 чел., Красноярском уездах — 1 чел., в Калмыцкой степи — 3 чел., во Внутренней Киргизской Орде — 3 чел.

Проведенный квантитативный анализ этноконфессиональной структуры населения Астраханской губернии по калмыцкому языку выявил 138 572 чел. Из них ламаитов — 136 629 чел., православных и единоверцев — 1 021 чел., магометан — 466 чел., представителей остальных нехристианских исповеданий — 455 чел., протестантов — 1 чел. Этноконфессиональный состав населения Калмыцкой степи Астраханской губернии, владевшего калмыцким языком, определяется количеством в 122 573 чел., из них материалы переписи зафиксировали буддистов 121 877 чел., православных и единоверцев — 686 чел., магометан — 9 чел., лютеран — 1 чел.

Материалы Первой всеобщей переписи населения России являются весьма ценным статистическим источником, позволяющим представить в деталях этноконфессиональное состояние населения не только Калмыцкой степи, но и в целом Астраханской губернии в конце XIX в. Проведенное исследование констатирует большую информативную насыщенность данного вида источника, открывающего широкие возможности его использования в конкретных исторических исследованиях с разнообразными целями и задачами.

Источники

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Астраханская губерния. Тетр. I. СПб.: Изд. Центр. Стат. Ком. М-ва Внутр. дел, 1899. 53 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Астраханская губерния. Тетр. II. СПб.: Изд. Центр. Стат. Ком. М-ва Внутр. дел, 1899. 166 с.

Литература

Борисенко И. В. Численный состав калмыков в основных ареалах их расселения (XVIII в. — XX в.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИФЭ, 1982. С. 42–80.

Бурчинова Л. С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 117 с.

Колесник В. И. Демографическая история калмыков в XVII–XIX вв.: уч. пособие. Элиста: Калм. гос. у-нт, 1997. 135 с.

Лиджиева И. В. Этнокультурный потенциал Республики Калмыкия // Экономическое и социальное развитие республик Юга России в переходный период и в условиях инновационного экономического роста. Мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. юбилею проф. С. Б. Бадмаева. Элиста, 2013. С. 186–188.

Лиджиева И. В. Национально-культурные ценности в оценках населения Республики Калмыкия // Диалог культур народов России: отечественный опыт и современность. Волгоград, 2013. С. 173–177.

Лиджиева И. В., *Немгирова С. Н.* Этнокультурное развитие региона: мониторинг этноконфессионального и межкультурного взаимодействия в Республике Калмыкия // Вестник КИГИ РАН. 2014. № 1. С. 15–22.

Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 524 с.

Оглаев Ю. О. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года как источник по изучению социально-экономического строя предреволюционной Калмыкии // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. Элиста: КНИИФЭ, 1987. С. 91–109.

Оконова Л. В. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. как источник по изучению семейного состояния населения Калмыцкой степи Астраханской губернии // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1(65). Ч. 2. С. 18–23.

Оконова Л. В. Вопросы миграции в Калмыцкой степи Астраханской губернии: опыт источниковедческого анализа (по материалам переписи 1897 г.) // Вестник КИГИ РАН. 2012. № 3. С. 19–24.

Советская историческая энциклопедия. Т. VI. ИНДРА-КАРАКАС. М.: Гос. науч. изд-во «Сов. энцикл.», 1965. 521 с.

Советская историческая энциклопедия. Т. XII. РЕПАРАЦИИ И СЛАВЯНЕ. М.: Гос. науч. изд-во «Сов. энцикл.», 1969. 496 с.

Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 1600 с.

УДК 94
ББК 63.3 (2 Рос – Калм)

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ВЫБОРНЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ В XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Social and Legal Status of Elected Officials of the Kalmyk Steppe in the 19th and the Begining of the 20th Centuries

И. В. Лиджиева (I. Lidzieva)[1]

[1] кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Senior Researcher of the History, Archeology and Ethnology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: irina-lg@yandex.ru.

В статье рассматриваются критерии отбора кандидатур в органы местного самоуэравления Калмыцкой стеэи в XIX и начале XX вв. — улусный и аймачный сходы, права и обязанности выборных должностных лиц. В этот период активно развивалось местное самоуправление, укреплялся социально-правовой статус выборных должностных лиц. Автор приходит к выводу, что выборы лица в органы местного самоуправления позволяли ему изменить свой социально-правовой статус в традиционном обществе.

Ключевые слова: местное самоуправление, сход, социально-правовой статус, выборное должностное лицо, хотонный староста, старшина.

The article considers the social and legal status of the elected officials of the Kalmyk steppe in the 19th century. Besides, the social and legal status of an aymac's and hoton's chiefs in the Kalmyk steppe in the 19th century and that of a settlement's heads in the 20th centuries are compared. Social status is a set of roles which a person is compelled to execute possessing a certain position in the society. Legal status is a part of social status regulated by the rules of law. The term "status" is translated from Latin as "a situation or a state of someone (something)". In this regard, social-legal status can be defined as a legally fixed provision of a subject. The basic elements of legal status of an elective official are rights, freedoms and duties. The powers of elective officials of local governments commence on the date of a person's appointment to a position but not on the date of elections, and expire on the day a position is taken by another newly elected official. This situation provided continuity of work of official bodies and officials' responsibility for solving the matters of local significance. The most highly approved official signed a document confirming the status of a person appointed as an elective official of local government for a certain term. In case an official holding an elective office in local governments violated his rights causing harm to property or neglected his official duties, his power could be stopped. So, an elected person's power could terminate not only in connection with term's expiration but also ahead of a schedule. The procedure of release or discharge from a position was initiated by the aymak's chief who forwarded it to the manager of an ulus who in his turn directed the petition to the Management of the Kalmyk people. Age, sexual and property characteristics were the main symbols of the electoral system in elections of officials during the period under consideration. The author comes to the conclusion that the elections to local governments — ulus and aymac — allowed to change social and legal status in a traditional society.

Keywords: local government, community meeting, social and legal status, an elected official, hoton's chief, head.

Местное самоуправление — это один из видов управления определенными общественными делами локального сообщества людей. Русский юрист М. И. Свешников определял самоуправление как «новую форму администрации, заключающуюся в свободном участии народа в заведывании делами, вверенными административным органом, т. е. свободное участие народа в местной администрации» [Цит. по: Основные теории 1996: 13]. Местное самоуправление организуется, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций. Проблема деятельности органов местного самоуправления в Калмыцкой степи в дореволюционный период рассматривалась рядом авторов, в большинстве своем не являвшихся профессиональными историками. Но между тем, несмотря на описательный характер их работ, последние являются одним из источников по истории местного само-

управления [Бичурин 1991, Бурдуков 1898, Дуброва 1998, Новолетов 1884 и др.]. Несомненный интерес представляют работы авторов, которые обращались к истории законодательства калмыков [Грибовский 1912, Гурлянд 1904, Леонтович 1880].

Введенный Высочайшим указом Николая I от 23 апреля 1847 г. [ПСЗ РИ. Т. XXII. № 21144] сход как институт местного самоуправления в Калмыцкой степи формировался на принципах выборности должностных лиц, коллективного обсуждения и решения вопросов местного значения. Согласно статье 41 Высочайше утвержденного Положения об управлении Калмыцким народом, к предметам ведения улусного схода относится «выбор на предстоящее трехлетие должностных лиц, как-то: двух Заседателей в улусный Зарго, трех демчеев и трех присяжных ценовщиков в улусное управление, старшины для управления частью своего улуса в мочагах, Бодокчея на Калмыцкий базар и двух кандидатов на каждую из означенных должностей». Исходя из вышеуказанной правовой нормы, выборное должностное лицо — это избранный на три года член коллегиального органа местного самоуправления, т. е. схода, избираемого на основе прямых выборов.

Предметом данной статьи является рассмотрение социально-правового статуса выборных должностных лиц — аймачных старшин и хотонных старост — Калмыцкой степи в XIX – нач. XX вв. Социальный статус — это совокупность ролей, которые вынужден исполнять человек, занимая определенное положение в обществе. Правовой статус — это часть социального статуса, регулируемая нормами права. Термин «статус» с латинского переводится как «положение или состояние кого-либо (чего-либо)». Таким образом, социально-правовой статус можно определить как юридически закрепленное положение субъекта. Основным элементом правового статуса выборного должностного лица являются права, свободы и обязанности.

В улусных и аймачных сходах имели право принимать участие мужчины, достигшие 25-летнего возраста, имеющие собственность и положительную репутацию. Статус выборных лиц местного самоуправления предполагает наличие не только прав, необходимых для осуществления публичных функций, но и определенных запретов и ограничений. Так, согласно Положению об управлении Калмыцким народом, не имели права быть избранными на выборные должности судимые и состоящие под следствием лица.

В статье 42 Положения об управлении Калмыцким народом оговорен порядок работы схода, где указано, что «Управляющий улусом, прежде всего, внушает собравшимся лицам о важности предстоящего им действия, напоминает, чтобы выбор должностных лиц произведен был из людей достойных, без лицеприятия, и вообще общественные дела обсуждены были по совести». В работе аймачного схода должны были принимать участие зайсанги (по одному от семейства), хотонные старосты и выборные от хотонов калмыки (по одному от пяти кибиток). Явка на сходы для участников была обязательна, и отсутствие без уважительных причин влекло за собой штраф в размере одного рубля серебром в пользу общественного сбора.

Аймачные сходы собирались в полном составе очень редко, при них не было никаких канцелярий, но их решения оформлялись в виде приговора, подписанного всеми проголосовавшими лично, а за неграмотных — доверенными лицами, скреплялись печатью старшины и представлялись в улусное управление одним из выборных. На аймачных сходах, проходивших под председательством зайсанга, избирались старшина для управления аймаком, хотонные старосты и по два кандидата на каждую должность из числа калмыков-простолюдинов, чьи кандидатуры утверждались Палатою Государственных Имуществ. В связи с этим следует отметить, что выборы в органы местного самоуправления — улусный и аймачный сходы — выполняли функцию социального ”лифта“, позволявшего изменить социально-правовой статус лица в традиционном обществе. Между тем, избрание на выборные должности лиц, не имеющих собственности, не приветствовалось Управлением Калмыцкого народа, так как, не имея средств к существованию, указанные лица вынуждены были покидать место жительства в поисках работы, что признавалось «ненормальным и вредным для службы по выборам» [НА РК. Ф. И–15. Оп. 2. Д. 1525. Л. 17].

Выборы должностных лиц производились посредством баллотировки, порядок которой перед открытием схода разъяснялся Улусным попечителем и его помощниками. Одно и то же лицо не могло быть избра-

но на несколько должностей одновременно. Результаты выборов оформлялись в виде приговора, который содержал информацию о количестве проголосовавших за каждого кандидата. Для примера приведем отрывок из одного характерного приговора аймачного схода Талтанкинова рода Малодербетовского улуса от 14 июня 1875 г.:

Баллотировочный список по выборам Опекуна и хотонных старост с их кандидатами [НА РК. Ф. И-15. Оп. 2. Д. 591. Л. 5]

Неизбирательных	Избирательных	Имена и прозвания избранных лиц
		Опекун:
-	28	1. Гаха Лиджиев
		Кандидаты его
3	25	1. Санджи Умкеев
2	26	2. Дорте Бакаев
		Хотонные старосты:
1	21	Канджин Докиев
		Кандидаты:
2	26	1. Самар Урубджуров
3	25	2. Боде Убушиев
-	28	3. Сумьян Тундутов

В постановляющей части приговора содержалась информация о том, что «избранные лица поведения хорошего, под судом и следствием не состоят, занимаются собственным хозяйством, вообще на утверждение их на выборные должности ни одного из препятствий, перечисленных в § 47 Положения об управлении калмыцким народом, не имеется» [НА РК. Ф. И–15. Оп. 4. Д. 1145. Л. 4].

Полномочия выборного должностного лица местного самоуправления начинаются со дня вступления его в должность, а не со дня выборов, и прекращаются в день вступления в должность вновь избранного должностного лица. Данное положение обеспечивало непрерывность работы органов и должностных лиц, ответственных за решение вопросов местного значения. При вступлении в должность выборные принимали присягу, текст которой содержал обращение ко всем божествам и его Императорскому Величеству с клятвенным обещанием в верной службе: «по совести своей исполнять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды против должности своей не поступать» [НА РК. Ф. И–9. Оп. 5. Д. 2134. Л. 155]. Выборному должностному лицу местного самоуправления на срок его полномочий присваивался Высочайше утвержденный должностной знак, подтверждающий его статус.

Заведующий Манычским улусом Н. М. Рысин в своем циркуляре от 19 февраля 1910 г. отмечает: «*от старшин требуется подвижность и бдительный хозяйский глаз, ибо только при этом условии постановления схода, гарантирующие правопорядок в землепользовании, будут устойчивы и жизненны, и только при этих, повторяю, условиях благожелательная мысль Законодателя найдет себе благодарную оценку в сознании народных масс улусного населения. Отсюда должна быть понятна важность задачи, лежащей на Старшинах как Охранителях закона и прав отдельных групп или единиц, нуждающихся в поддержке и покровительстве исполнительных органов власти, отсюда понятным становится, что только те из старшин могут и в состоянии осуществлять эту важную задачу, как будут стоять выше всяких предрассудков и лживых толков людей, привыкших к произволу и бесправию*» [НА РК. Ф. И–9. Оп. 10. Д. 8. Л. 91].

Аймачный старшина — выборное должностное лицо, возглавлявшее деятельность по осуществлению местного самоуправления на территории аймака. Он входил в состав улусного и аймачного сходов, т. е. представительных органов, организовывал работу аймачного схода, подписывал принимаемые им приговоры. Аймачный старшина наделялся широким кругом полномочий по решению вопросов местного значения, в частности:

– административными: контроль за проведением санитарных и противоэпидемических мероприятий;

– фискальными: исполнение денежных и натуральных повинностей;

– надзорными: контроль за общественной безопасностью и правопорядком, проявление заботы о социально незащищенных слоях населения, а также об обеспечении здорового образа жизни, препятствовании распространению алкогольных напитков и азартных игр, и т. п.

Должность аймачного старшины предусматривала большую общественную нагрузку, это отвлекало исполнявшего общественные обязанности от ведения своего хозяйства. При этом должностные лица за свой труд не получали жалованья, а налоги платили в полном объеме, что не стимулировало калмыков претендовать на должности такого рода. В связи с этим управленческий аппарат аймачных сходов в основном составляли выходцы из среды богатых простолюдинов или чиновники, которые принадлежали к числу самых почетных и влиятельных в степи людей. Полномочия выборного лица местного самоуправления могут прекращаться не только в связи с истечением их срока, но и досрочно. Инициация процедуры освобождения и отстранения от должности аймачных старшин исходила от заведующего улусом, который направлял ходатайство на рассмотрение в Управление калмыцким народом. Основаниями для освобождения от должности аймачного старшины и хотонного старосты являлись:

– состояние здоровья, подтверждаемое медицинским заключением врача. Так, в Управление калмыцким народом был представлен приговор Харахусовского аймачного схода от 30 июня 1910 г. с просьбой об удовлетворении ходатайства хотонного старосты Санджика Лиджиева об увольнении от должности по болезни, не позволяющей ему выполнять обязанности старосты [НА РК. Ф. И–9. Оп. 5. Д. 2055. Л. 165];

– преклонный возраст. К примеру, в представлении в Управление калмыцким народом Заведующий Манычским улусом ходатайствовал об увольнении с должности аймачного старшины Босхомджи Очирова, достигшего 59 лет [НА РК. Ф. И–9. Оп. 5. Д. 2055. Л. 199];

– тяжелое материальное положение семьи. Так, хотонный староста Амтя Мукаджиев ходатайствовал о его отстранении от должности, поскольку, «будучи обремененным большим семейством и не имея никаких средств к содержанию семьи, ввиду частых разъездов по делам службы и многочисленных обязанностей я не имею времени заработать на стороне для содержания семьи» [НА РК. Ф. И–9. Оп. 5. Д. 2055. Л. 211];

В случае нарушения должностным лицом, занимающим выборную должность в органах местного самоуправления, прав своих однообщественников, причинения им имущественного вреда, за небрежное отношение к своим служебным обязанностям он мог быть привлечен к ответственности, содержание и формы которой определял заведующий улусом. Одним из видов неблагоприятных последствий для должностных лиц могли быть признание недействительными его решений и обязанность возместить ущерб, причиненный им, а также предусматривалось объявление выговора и арест. Отстранение от должности выборных лиц производилось по ходатайству заведующего улусом в Управление калмыцким народом, например, по причине ареста «за проступки по службе» [НА РК. Ф. И–15. Оп. 4. Д. 1091. Л. 28]. Следует отметить, что в делопроизводственной документации фондов Национального архива Республики Калмыкия фигурирует большое количество прошений аймачных старшин и хотонных старост с просьбой об отстранении от выборной должности. Так, в переписке Главного попечителя Калмыцкого народа с попечителем Малодербетовского улуса отмечается, что «освобождение от служебных обязанностей не будет наказанием для хотонного старосты Бельди Бюрчиева, появившегося в улусном Управлении в нетрезвом состоянии, так как эти обязанности тяготят старшин» [НА РК. Ф. И–15. Оп. 4. Д. 1091. Л. 72].

В то же время за хорошую службу в качестве выборного должностного лица Управление Калмыцким народом могло представить к награде. Так, например, родовой старшина зайсанг Бага-Хошут Улюмджиева рода Александровского улуса Надмет Улюмджиев был награжден золотой медалью для ношения на шее за общественную деятельность безвозмездное предоставление однохотонцам земли для зимовки на арендуемом им участке на острове Шамбай.

Таким образом, к выборным должностным лицам Калмыцкой степи в дореволюционный период прежде всего относились аймачные старшины и хотонные старосты, статус которых регламентировался на основе действующего российского законодательства. Основными признаками избирательной системы по выборам должностных лиц в указанный период стали возрастной, половой и имущественный цензы.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ).

Литература

Бичурин Н. Я. (Иакинф) Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста: Калмкнигоиздат, 1991. 128 с.

Бурдуков Н. Ф. Доклад его Превосходительству господину министру земледелия и государственных имуществ чиновника особых поручений Н. Бурдукова, по командировке в Большедербетовский улус, осенью 1898 г. СПб., 1898.

Грибовский В. М. Государственное устройство и управление Российской империей (из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса: тип. «Техник», 1912.

Гурлянд И. Я. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань, 1904.

Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.

Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Калмыцкое право. Часть 1 в кн.: Записки Императорского Новороссийского университета. Т. 29. Под ред. А. А. Кочубинского. Одесса: «Тип. г. Ульриха», 1880. 439 с.

Новолетов М. Калмыки. Исторический очерк. Издание владельца Малодербетовского улуса Найона Церен-Давида Тундутова. СПб.: Тип. В. Демакова, 1884. 95 с.

Основные теории местного самоуправления: происхождение и развитие. М.: ИНИОН, 1996. 345 с.

УДК 908
ББК 63.3

КУЛЬТУРА ОТНОШЕНИЙ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (конец XIX – начало XX вв.)

Culture of Relations in Peasant Family in the Stavropol Province (the end of 19th and the beginning of the 20th centuries)

О. В. Адаменко (O. Adamenko)[1], *Л. Н. Скляр (L. Sclyar)*[2]

[1] кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГАОУ ВПО «Северокавказский федеральный университет». (Ph.D. of History, Associate Professor of History of Russia Chair at the North Caucasus Federal University). E-mail: Olesya-4@yandex.ru.
[2] кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГАОУ ВПО «Северокавказский федеральный университет». (Ph.D. of History, Associate Professor of History of Russia Chair at the North Caucasus Federal University). E-mail: lida.sklyar@yandex.ru.

Статья посвящена особенностям культуры семейных отношений у крестьян Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX века. На формирование семьи в сельской местности большое влияние оказывала традиционная замкнутость семейного быта, обусловленная стойким сохранением патриархальных нравов, согласно которым, распоряжения старших были законом для всех. Целью статьи является изучение проблемы внутрисемейных отношений сельского населения Ставрополья под влиянием капиталистических отношений. Основное внимание авторы акцентируют на разделах семей, статусе женщин в семье.

Ключевые слова: крестьянская семья, быт, брачные отношения, роль женщин в семье, мужской труд.

The article reveals the specific features of relations among peasants in the late 19th and early 20th centuries. The traditional isolation of family life characterized by preservation of patriarchal customs according to which orders of seniors were the law for all had a great impact on family formation in rural areas. The purpose of this paper is to study the nature of family relationship among the rural population of Stavropol province developed under the influence of capitalist relations. The authors emphasize the topics of domestic relations and women's status in the family.

In general, family life of villagers in Stavropol province reflects common domestic formation of Russia's peasantry, but as a consequence of historical conditions and types of economic relations, peasant family and matrimony have gained here specific features which are characteristic only of this area. The family reflected some common features of the community it belonged to, reflected the properties of its social organization and structure. It was founded on the joint activities in the family — the community of people connected with bonds of wedlock, though every nation has got its own history of family life building. A modern family is a result of a long-term evolution and conservation of family traditions. It is possible to understand today's collisions in a family only through knowledge of its historical features. Roots of all social institutes stem from a family.

Keywords: peasant family, every-day life, marriage, women's role in the family, men's work.

Крестьянская семья на протяжении многих веков формировалась из родственников по мужской линии, храня и передавая из поколения в поколение жизненный опыт, традиции, нравственные и моральные устои. В традиционном крестьянском обществе семья являлась основной производственной единицей. Поэтому вся жизнь крестьянина проходила в семейном кругу и была связана с семьей.

Как правило, крестьянские семьи были большими, однако в конце XIX – начале XX в. они стали дробиться на более мелкие семейства. Причина состояла в том, что раздельно было легче и выгодней вести хозяйство, поскольку земли были уже освоены и объединять усилия в подъеме и обработке полей приходилось все реже. Помимо того, быстрое развитие капиталистических отношений в деревне вносило свои коррективы в старый семейный быт и патриархальные устои российских крестьян. Величина семьи в этот период во многом зависела от экономического состояния конкретного хо-

зяйства, хотя данный фактор имел двоякое значение. С одной стороны, лишний человек в семье — это дополнительные рабочие руки, с другой — возрастали и расходы. При этом, по известным причинам, определенную роль играло и соотношение мужчин и женщин в больших семьях. Как отмечает Т. А. Невская, разделы семей происходили как в связи с более быстрым разрастанием семей, так и вследствие проникновения в крестьянскую семью частнособственнических тенденций [Невская, Чекменев 1994: 58].

Крестьянская семья, с точки зрения ее социального значения, представляла собой в основном традиционный тип семейной организации, в которой формальным главой являлся отец. Он как старший в доме был главным лицом, которому повиновались не только жена и дети, но и младшие братья, и родственники, жившие вместе с ним.

По установившейся традиции, в сельской местности сыновей выделяли тогда, когда у них появлялись свои дети или даже внуки. Наиболее частыми были разделы женатых братьев при жизни отца. Глава семьи обычно сам старался разделить своих сыновей. Бывало, что отец заранее покупал или строил всем сыновьям дома и велел им жить в согласии и делиться друг с другом после его смерти.

В случае, если вся семья жила вместе, то после смерти отца его семейные полномочия и права переходили к матери, которой сыновья и их жены повиновались беспрекословно. После смерти матери управление домом и хозяйством переходило к старшему брату и его жене, распоряжения которых признавались и младшими братьями и невестками. А если случались споры и несогласия, они приступали к разделу [Казарезов 1991: 16]. Все отцовское имущество делилось на равные части по числу сыновей независимо от возраста, причем их дети в расчет не принимались. Только хлеб распределялся по числу наличных душ.

В отличие от большинства районов страны в населенных пунктах Ставропольской губернии сельское общество почти всегда выделяло новые усадебные места на окраине села для разделившихся семей. Младшего сына чаще всего оставляли в старом доме, с ним жили родители, и он наследовал этот дом. Но и после раздела члены бывшей большой семьи старались сохранить прежнее единство несмотря на то, что имели разные хозяйства. Согласно архивным документам, разделившиеся братья нередко ставили свои дома рядом, помогали друг другу в трудоемких работах, делились инвентарем, в случае нужды выручали друг друга хлебом [ГА СК. Ф. 102. Оп. 1. Д. 12: 4]. Известны случаи, когда выделившиеся семьи после раздела продолжали питаться из одного погреба и подвала целый год до заготовки новых запасов.

Примечательно, что споров по поводу имущества никогда не возникало: выделенное при разделе отцом считалось законным. Весь скот, принадлежавший большой семье, он делил между сыновьями, независимо от численности их семей. А вот приданое невесток разделу не подлежало. Важным для понимания исследуемой проблемы является то, что разделы семей на Ставрополье совершались только по решению родителей. Желание детей, хоть и взрослых, уже давно имевших собственные семьи, никогда не учитывалось. Изредка бывало, что из-за ссор в семье отец решал выделить одного из сыновей, который был виновником раздоров. Но считалось, что такой выдел — позор для молодых. В этом случае сын получал значительно меньшую долю имущества, чем при общем разделе [Казарезов 1991: 18]. Но такие случаи были скорее исключением, чем правилом.

Как уже отмечалось, семья российского крестьянина представляла собой прежде всего хозяйственную единицу — двор, поэтому немаловажным для характеристики этой единицы является рассмотрение организации труда в семье. На селе существовало половозрастное разделение труда. В сельском хозяйстве мужской труд имел большее экономическое значение, чем женский. Труд женщины в домашнем хозяйстве не ценился и считался лишь придатком к таким занятиям, как хлебопашество и скотоводство, которые обеспечивали состояние и достаток семьи. Таким образом, сугубо мужскими видами работ являлись уборка хлеба, уход за лошадьми, все полевые работы — пахота, сев, сенокос и т. п. [Бородин 1885: 15].

Каждый член крестьянской семьи имел определенный круг обязанностей по дому и хозяйству, перечень которых обычно был характерным и постоянным для всей категории сельских жителей. В определенной степени эти обязанности зависели от сезона. Зимой, когда в поле не было работы, мужчины ухаживали за домашним скотом,

мальчики помогали отцу чистить стойла и хлева. Роль женского труда в сельском хозяйстве была в основном вспомогательной, если, конечно, в доме имелось достаточное количество мужчин. Женщины также ухаживали за скотом, кроме того, выполняли все виды домашних работ по изготовлению и ремонту одежды, уборке помещений, обработке огородов и приготовлению пищи. В осенне-зимний период женщины в свободное время занимались ткачеством и прядением [Терновский 1880: 52]. Основные работы по дому ложились на плечи замужних женщин, но немало трудились и девушки. Порой необходимость молодых женских рук в хозяйстве подталкивала крестьянских парней к сватовству и скорой женитьбе. На формирование семейных отношений в сельской местности большое влияние оказывала традиционная замкнутость семейного быта, обусловленная стойким сохранением патриархальных нравов, согласно которым, распоряжения старших были законом для всех. Родители определяли даже выбор жениха и невесты для своих детей [Рябцев 1996: 32].

Однако следует иметь в виду, что в иерархии семейных отношений женщина занимала особое место не только как хозяйка дома. Без жены мужчина не являлся социально полноправным членом общества, он оставался при отцовском доме. В сущности, крестьянская семья олицетворяла собой малую сельскую общность вполне самодостаточного типа. Кроме биологического воспроизводства и воспитания детей, в ней производилась также основная часть необходимого материального продукта, потреблявшегося внутри семьи, что достигалось благодаря совместному труду. Иными словами, семья и ее трудовое хозяйство функционировали одновременно и как основная социальная единица, и как форма крестьянской собственности, производства и потребления.

Примечательно, что взгляды крестьян на брак, семью и детей определяли основные черты их демографического поведения. Нормы семейного права не давали крестьянам никакой альтернативы, несоблюдение этих норм ставило земледельца вне сельского общества, вызывая осуждение со стороны крестьянского «мира». Только вступление в брак делало молодого парня в глазах сельской общины настоящим хозяином — землепашцем, позволяло ему получить отдельный земельный надел и полноправно участвовать в общинном самоуправлении. Поэтому авторитет семьи в народе был необычайно высок. Человек, не желавший в зрелом возрасте заводить семью, вызывал у соседей подозрение и недоверие. Только две причины могли оправдать такое решение — болезнь или желание уйти в монастырь [ГА СК. Ф. 806. Оп. 1. Д. 64: 2].

Скрепленный традициями и религиозными воззрениями, быт семьи сельского жителя эволюционировал крайне медленно. В начале XX в. начали складываться новые черты быта, ослабевать его патриархальность. Любая крестьянская семья начиналась с брака. Такое святое для многих людей чувство, как любовь, редко принималось во внимание. Супругов объединяли хозяйственные интересы, забота о детях и доме. До замужества основным занятием девушек в крестьянских семьях считалось рукоделие, подготовка приданого. В их обязанности входило также обеспечение дома водой и соломой для топки, обработка заготовленных холстов и т. п. С началом весны подготовку к новому сезону крестьяне начинали с уборки двора и ремонта хозяйственных построек, занимались заготовкой кизяка, изготовлением самана для строительства. На пахоте и посевной трудились мужчины, а дети приносили им в поле еду. После посевной мужчины занимались выпасом скота. В уборке урожая принимала участие обычно вся семья: мужчины косили, женщины вязали снопы, дети помогали родителям. Например, девочки присматривали за маленькими братьями и сестрами, приобщаясь к процессу воспитания и получая навыки, необходимые для будущей матери [Терновский 1880: 23].

Свой отпечаток на формирование повседневного быта крестьянской семьи наложило исторически сложившееся стремление к расширению семейного круга. При этом переход молодой женщины в другое домохозяйство и семью фактически означал превращение простой семьи, прежде состоявшей из родителей жениха и их детей, в сложную социальную структуру, включавшую как минимум две супружеские пары. Общее семейное хозяйство числилось за главой семьи, и он как домохозяин отвечал за все повинности и руководил хозяйством. Он же представлял свою семью перед общиной, подытоживал результаты труда ее членов, планировал и осуществлял необходимые расходы [Васильченко 2013: 36].

Средствами семьи распоряжались только отец с матерью. Своих денег ни у сыновей, ни у снох никогда не было, все заработанное на стороне сыновья непременно отдавали отцу. Исключение составляли девушки, зарабатывавшие деньги на предстоявшее замужество. Невестки в доме мужа могли распоряжаться только своим приданым. Это была единственная часть имущества, не подлежавшая разделу ни при каких обстоятельствах. Что касается других вещей, например, одежды или обуви, купленных мужем из сторонних заработков, то свекровь могла отобрать их у снохи для своих дочерей или же продать.

Необходимо отметить, что в традиционном обществе положение женщины было достаточно высоким, она окружалась всесторонним вниманием и уважением. Но на бытовом уровне обстоятельства складывались чаще всего по-другому. На протяжении длительного исторического периода женщина ограничивалась рамками дома, семьи и не принимала участия в общественном производстве. Тяжелая и изнурительная домашняя работа, занимавшая практически все время женщины, расценивалась мужчинами как обязательное и естественное занятие. Приниженное положение женщины в крестьянской семье сказывалось и на порядке наследования. После смерти мужа она не наследовала ни движимого, ни недвижимого имущества, наследниками считались дети как мужского, так и женского пола, а мать назначалась сельским обществом опекуном своих детей до совершеннолетия. Причем в качестве опекуна она обязана была периодически отчитываться перед общиной о произведенных расходах [Терновский 1880: 68].

В связи с этим представляется характерным содержание выписки из приговора сельского схода об избрании попечителя к несовершеннолетнему сироте Абраму Комаристенко. Сход постановил избрать «опекуном родную мать Марью Комаристенко, которая была хорошего поведения». С этих пор она должна была защищать интересы своего сына, а за имущество ежегодно отчитываться перед сельским сходом [ГА СК. Ф. 102. Оп. 1. Д. 12: 2].

Тем не менее в полноценной семье мать играла большую роль и в решении семейных вопросов. У нее хранились все наличные денежные средства семьи, которыми она распоряжалась по согласованию с отцом. В делах, требовавших принятия важных решений, она советовалась со старшим сыном, прислушивалась к мнению старшей невестки. В больших семьях положение замужних женщин было более бесправным, чем в малых, где жена была сама себе хозяйка в домашних делах. Но если рассматривать проблему с точки зрения тягот домашнего труда, то положение женщин в большой семье было менее обременительным, так как здесь выполнение различных работ делилось между несколькими невестками, а в малой семье все ложилось на плечи жены и матери.

Весьма близко к реальности описывает женские обязанности в большой семье Т. А. Невская: «Одна невестка готовила пищу, другая пекла хлеб, третья — кормила свиней и домашнюю птицу. Через неделю, а в некоторых семьях и каждый день, невестки менялись своими обязанностями. Как правило, старшим невесткам доставались наиболее ответственные работы, а младшая невестка была первое время «на подхвате». Самая старшая сноха осуществляла за всеми остальными «догляд». Молодые девушки в приготовлении пищи участие никогда не принимали, лишь помогая старшим. При этом свекровь только изредка помогала снохам в хлопотах по дому, чаще всего она в это время занималась рукоделием или присматривала за внуками» [Невская 1994: 15]. В отношениях с мужчинами женщина постоянно находилась в зависимом положении. До замужества она подчинялась отцу, а после свадьбы — мужу. Единственным правом жены было требовать от мужа, чтобы он не лишал ее средств и пропитания, не подвергал побоям и истязаниям.

Анализ образа жизни и деятельности семьи сельских жителей показывает, что крестьянский быт, характер и качество отношений между членами семьи строились прежде всего с учетом ее хозяйственного положения. «Во всяком большом деле всегда принимала участие целая семья как рабочая единица, и дело делалось общими усилиями <…>. Современник исследуемого периода, рассуждая о распределении обязанностей в основном производстве, замечает, что “взрослый мужчина управляет плугом, семилеток сидит на ярме и погоняет быков, взрослая женщина производит борону вспаханного, семилетняя девочка сидит в избе и нянчит ребенка, мать готовит пищу. При наступлении поры завтрака, обеда и ужина, вся семья, вымыв

руки из рукомойника и помолившись Богу, садится за стол: одна из взрослых женщин семьи вытаскивает из печи и подает на стол глиняные горшки. По окончании еды все дружно выходят из-за стола, молятся Богу и расходятся — взрослые по разным углам для короткого отдыха, а молодежь и дети — для забав”» [Рябцев 1996: 33].

Таким образом, сельское население Ставропольской губернии, следуя исторической традиции, стремилось к созданию больших семей, которые в их представлении были более зажиточными. Вследствие колонизационных процессов на Ставрополье зависимость достатка от размеров семьи выражалась более ярко, чем в центральной России. Здесь значительно резче проявлялась имущественная дифференциация среди крестьян, больше было зажиточных семей, что также накладывало отпечаток на семейный быт. Дети для крестьян представляли немалую ценность. Семья, как правило, стремилась иметь много детей, рассчитывая на их помощь по хозяйству, а в старости — на заботу и уход. Семейные отношения крестьян были освящены вековой традицией. Многое из этого безвозвратно ушло в прошлое, но кое-что еще продолжает жить, составляя часть нашего бытия, русского национального менталитета.

Семейный быт сельского населения Ставропольской губернии в общих чертах повторял семейный строй крестьянства России, однако вследствие исторических условий и типа хозяйственных отношений крестьянская семья и брак приобрели здесь специфические, характерные только для этого региона черты. Семья сочетала в себе свойства социальной организации, социальной структуры, она была основана на единой общесемейной деятельности, общности людей, связанных узами супружества. Всякий народ имеет свою собственную историю организации семейной жизни. Современная семья является результатом длительной эволюции и сохранения семейных традиций. Понять сегодняшние коллизии в семье можно только через познание ее исторических особенностей. В семье заложены корни всех социальных институтов.

Источники и литература

Бородин И. Историко-статистическое описание села Надежды. Ставрополь: Тип. Губерн. Правления, 1885. 67 с.

Васильченко О. А. Крестьянская семья на Дальнем Востоке Российской империи (вторая половина XIX–XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5. Ч. 2. С. 35–37.

Государственный архив Ставропольского края (ГА СК). Ф. 102. Оп. 1. Д. 12; Ф. 806. Оп. 1. Д. 64.

Казарезов В. Становление крестьянского хозяйства // Вопросы экономики. 1991. № 6. С. 16–19.

Невская Т. А., Чекменев С. А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Минеральные Воды: Изд-во «Кавказ. Здравница», 1994. 154 с.

Рябцев Ю. С. Семейная жизнь крестьян // Преподавание истории в школе. 1996. № 8. С. 29–36.

Терновский П. Село Чернолесское // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. I. Ставрополь: Тип Губерн. Правления, 1880. 410 с.

УДК 1(091)
ББК 86.87

ОБЗОР МУСУЛЬМАНСКИХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ТЕЧЕНИЙ В ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ (XX–XXI вв.)

The Overview of the Muslim Ideological Movements in the Volga-Ural Region (the 20th and 21st centuries)

Л. И. Алмазова (L. Almazova)[1]

[1] кандидат философских наук, доцент, руководитель научно-образовательного центра «Письменное наследие и археография» Казанского (Приволжского) федерального университета (Ph.D. of Philosophy, Associate Professor, Head of the Scientific and Educational Centre "The Written Heritage and Archaeography" at the Kazan (the Volga Region) Federal University). E-mail: leila_almazova@mail.ru.

Данная статья посвящена рассмотрению идеологических течений среди мусульман Поволжья и Урала в общеисламском контексте. Рамки исследования охватывают два этапа: реформационный процесс начала XX вв., и этап нового формирования исламского дискурса в постсоветское время (так называемое исламское возрождение): конец XX – начало XXI вв. Лакуна протяжоностью в 70 лет связана с эпохой атеистической пропаганды в СССР, исключавшей развитие исламских институтов в значимых для формирования религиозной идеологии масштабах. В исследовании даны краткие характеристики основных направлений развития исламских идеологий: традиционализм, мусульманский реформизм, исламизм и др., а также представлена их конкретная реализация в интеллектуальных построениях мусульман Поволжья и Приуралья. В статье излагаются истоки идеологических конструктов, перечисляются основные факторы и религиозные институты, их представляющие, изучены цели, общее содержание религиозных представлений различных групп и сферы влияния каждой из них.

Ключевые слова: исламский модернизм, исламский традиционализм, исламский либерализм, фундаментализм.

The article is devoted to researching the ideological processes among the Volga-Ural Muslims in the context of the contemporary Islamic World. Chronologically the research covers two periods crucial for the Volga-Ural Muslim community: that of the reformist movement at the beginning of the 20th century, and the new discourse formation stage during the Post-Soviet period at the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries (so called Islamic Renaissance). The gap period of 70 years characterized by the atheistic propaganda in the Soviet Union eliminating development of any Islamic institutions significant for shaping religious ideology has been excluded from this research. The study provides some concise characteristics of the basic Islamic ideologies such as Traditionalism, Islamic Reformism, Islamism, etc. Their concrete realization in the intellectual structures of the Volga-Ural Muslims is discussed as well. The article expounds the sources of the ideological constructs, enumerates the main factors and religious institutions representing them, and investigates the goals and central religious beliefs of various groups as well as the spheres of influence of each group.

It is stated that the main trends in the development of the Islamic community in the Volga-Ural region are similar to those worldwide. While at the beginning of the 20th century the most influential group to oppose official Traditionalism was Reformist Modernism, by the beginning of the 21st century it was Fundamentalism (be it its softer or harder forms) that gains sympathy of the majority of believers. Sometimes the popularity of various Islamic trends is in part inversely proportional to the state's religious policy: the more a state supports one trend, the less popular it becomes with the population, and vice versa. The author suggests accepting a more differentiated approach towards religious dissidents, supporting various groups, and providing platforms for expressing the spectrum of opinions to the movements operating within the legal boundaries of the Russian law.

Keywords: Islamic Modernism, Islamic Traditionalism, Islamic Liberalism, Fundamentalism.

Территории современных Татарстана и Башкортостана издавна представляли собой окраину мусульманского мира, а после завоевания Казани Иваном Грозным и вовсе перестали считаться территорией «*дар ал-ислам*»[1]. Население региона еще более отдалила от исламского мира эпоха советской власти. Между тем, интерес представляет то, что, несмотря на географические, исторические, культурные и другие отличия,

[1] Понятие «Дар ал-ислам» — территория ислама, где мусульмане могут свободно исповедовать свою веру, противостоит понятию «Дар ал-харб» — территория войны, на которой мусульмане находятся в притеснении и против которой они могут вести священную войну — *джихад*.

тенденции развития исламских идеологических течений в указанном регионе схожи с теми, которые наблюдаются среди мусульман по всему миру. В данной статье это положение рассматривается на материалах, относящихся к двум хронологическим периодам — началу XX века и современности.

Процесс модернизации ислама в конце XIX – начале XX в.

Столкновение двух миров — бурно развивающегося Запада и «застывшего в своих средневековых сновидениях» Востока — ознаменовалось для мусульманского культурного ареала эпохальными сдвигами в области мировосприятия, особенно в столицах исламских государств, в среде просвещенных элит. В самом мусульманском сообществе появляются различные идеологические направления, представители которых определяют векторы развития социума с самых разных позиций. Поскольку в большинстве случаев все вопросы — политические, социальные, культурные — рассматривались через призму религии, то и основное разделение определяется выяснением религиозных позиций.

К концу XIX в. в мусульманском сообществе совершенно очевидно проявились две основные силы: консерваторы (традиционалисты) и реформаторы.

Следует отметить, что явление традиционализма, согласно классификации Уильяма Шепарда, характеризуется такими чертами, как следование *таклиду*[2], стремление к сохранению власти мусульманских ученых, преобладание средневековых традиций в области образования и нежелание меняться с течением времени [Shepard 1987].

Реформизм в свою очередь можно разделить на тип фундаменталистской реформы и тип модернистской реформы [Knysh 2011: 457]. Первый включает в себя выборочное усвоение западных технологических и институциональных достижений и приведение ислама в соответствие с тем, как их пропонентам представляется ислам времен пророка Мухаммада. Однако на первый план к концу XIX – началу XX в. выходит второй тип реформизма, при определении которого уместно прибегнуть к термину «модернизация». Если модернизация — это изменение в ходе времени всех сторон жизни общества, технологический, научный и институциональный прогресс, то, соответственно, модернизм — это идеология, стремящаяся к изменению сознания в соответствии с изменившимися условиями жизни. Модернистская реформа в лице своих лидеров — Джамаладдина Афгани, Мухаммада Абдо, Касима Амина и др. — стала доминирующей тенденцией в начале XX в. Ее характеристиками были: теологическое обоснование идеи свободы воли, абсолютизация роли разума, призывы к обновлению посредством *иджтихада*, возвращение женщине ее прав. Все это сопровождалось всплеском внимания к тексту Корана как первостепенному источнику принятия решений и, как следствие, к повышению его роли в *фикхе*[3]. Не менее важными чертами модернистской реформы можно считать освобождение религии от предрассудков и наслоений поздних веков.

Обращаясь к татаро-башкирскому сообществу конца XIX – начала XX вв., мы наблюдаем те же идеологические тенденции. Оплотом традиционалистов, не желавших меняться с течением времени, был журнал «Дин ва Маишат» («Религия и жизнь») во главе с его редактором — Галиметдином Ханисламовым и одним из наиболее плодовитых авторов — Ишми-ишаном Ишмухаметовым (учился в Бухаре). Среди идей, культивируемых в их среде, следует назвать критику *джадидизма*[4], сохранение бухарской системы образования, отказ от любых европейских заимствований (театра, традиций проведения музыкальных вечеров, изучения западных и русского языков и др.), строгое соблюдение гендерной сегрегации, апологию таклида и проповедь изоляционизма для мусульманского сообщества России. Традиционалисты имели свою, достаточно широкую аудиторию, хотя следует заметить, что к началу второго десятилетия XX в. они заметно сдали свои позиции, что особенно ощущается в сфере мусульманской прессы и образования.

Не менее, а, может, и более заметную роль в идеологическом пространстве играли приверженцы модернистской реформы:

[2] Принцип *таклида* — следование мнению мусульманских ученых (*улама*) в решении спорных вопросов — противопоставляется принципу *иджтихада* — самостоятельного суждения на основе положений Корана и Сунны (сборник высказываний и изложение деяний пророка Мухаммада).

[3] *Фикх* — мусульманское право.

[4] *Джадидизм* — феномен реформирования религиозного образования среди мусульман Российской Империи (конец XIX – нач. XX в.).

Муса Бигиев, Зыяэтдин Камали, Закир Кадыри — ученики Мухаммада Абдо, получившие образование в ал-Азхаре[5]. Они были наиболее известными общественными деятелями среди мусульманского населения внутренней России. Их трактовка основных исламских концепций, таких как полигамия, гендерная сегрегация (*хиджаб*), ведение священной войны (*джихад*) и ряда других, весьма существенна для понимания модернистского типа религиозного реформаторства. Они проповедовали те же идеи совпадения коранических установлений и разума, что и их зарубежные единомышленники: «Религия создана для людей, и все ее содержание доступно человеческому разуму. Все обряды религиозного поклонения, с точки зрения разума, объяснимы, и каждая деталь мусульманской обрядности несет пользу человеку. Только сущность Аллаха и загробное существование — вот две сферы, неподвластные разуму. Все остальное человек вполне может постичь при помощи ума», — это цитаты из различных частей сочинения Зыяэтдина Камали «Философия ислама». Названные деятели высказывают те же идеи, что и их зарубежные единомышленники, — о свободе воли, о высокой роли женщины в обществе и ее священном статусе (М. Бигиев), изменении понимания термина «мусульманин» — (З. Камали, М. Бигиев). Мусульманин — это вовсе не тот, кто лишь истово совершает религиозные обряды, но прежде всего тот, кто искренне верует и творит добро, — считали они [Камали 2010; Бигиев 2006].

Если модернистской реформе ислама среди татар и башкир положил конец большевистский режим, то на зарубежном Востоке ее закат связан с несколько иными историческими событиями — прежде всего с падением Османской империи и воцарением прозападных, нередко откровенно секулярных режимов в исламских государствах: Турции, Иране, Египте, Иордании, Судане, Пакистане и ряде других. Пока СССР боролся с религией, в мусульманских странах, находящихся в руках прозападной буржуазии, появились новые идеологические течения, которые можно считать продолжением и развитием фундаменталистской реформы Ибн Абд ал-Ваххаба, провозгласившей возврат к «чистоте» ислама времен пророка Мухаммада и освобождение его от неисламских поздних компонентов. Поэтому ко времени, когда Волго-Уральский регион вновь вернулся на арену идеологических процессов в исламской *умме*, расстановка сил была уже совсем иной.

[5] Университет ал-Азхар — наиболее авторитетное учебное заведение исламского мира, открытое в 988 году в Каире (Египет).

Краткая характеристика современных исламских течений на зарубежном Востоке

Адиб Халид считает, что, как и век назад, главным фактором в понимании современного ислама является эпоха модерна, которая ведет к новому пониманию мира, с его стремлением классифицировать все и вся, с развенчанием сверхъестественного, с доверием к науке, с формированием новых форм государственности и ее атрибутов, с новыми видами передачи информации, сначала в виде печати, а позже и электронными средствами связи. Эпоха модерна посеяла хаос вместо привычного порядка, однако она вовсе не обеспечила различные социумы лишь единственной траекторией развития. Так, эпоха модерна вовсе не обязательно ведет к строго определенным формам экономического развития и четко установленным социальным и культурным паттернам секуляризации, подъема демократии, равенству полов и пр. [Khalid 2007: 12]. Мусульманские сообщества выработали собственные формы идеологического ответа на вызовы современности. За последние 20–30 лет появилось множество религиозных групп в исламском сообществе (*умма*), по-разному представляющих себе векторы развития мусульманских социумов.

В литературе последних лет исследователями выделяются следующие основные направления в современном исламе.

Неотрадиционализм, согласно У. Шепарду, характеризуется прежде всего тем, что ценит местные традиции более, чем радикальные или модернистские, и даже неисламские ценности имеют для него важное значение. Приверженцы данного течения критикуют тех, кто отрицает древние адаптационные пути развития ислама, поскольку религия всегда живет в конкретной локальной культурной парадигме. Они ценят глубину и сложность исламской традиции, мудрость суфийских шейхов[6]. Эль-Фадл

[6] Суфизм — мистическое направление в исламе, ставящее целью жизни духовное развитие, достижение чистоты помыслов, совершенства деяний и совпадение человеческой воли с Божественной. Руководят духовным восхождением учителя – шейхи.

предпочитает называть их *умеренными* [Khaled 2005: 5], противопоставляя *пуританистам*, некоторые именуют их просто сторонниками традиционного ислама [Shahrour 2006], не проводя различий между традиционалистами вековой давности и современными сторонниками сохранения исторического наследия как неотъемлемой части исламской религии.

Фундаменталистская ориентация присуща тем, кто разочаровался в модернистской реформе, которая, по их мнению, завела мусульман на тупиковый путь имитации Запада. Выход видится им не в том, чтобы привести ислам в соответствие с современным миром, а в том, чтобы построить современный мир на истинных исламских ценностях. При этом среди сторонников фундаменталистских направлений есть те, кто считает, что цель должна достигаться через завоевание политической власти и через воцарение исламского государства, и те, кто полагает, что это должно достигаться посредством развития персональной набожности, которая должна привести к положительным изменениям в обществе в целом. Среди наиболее известных лидеров А. Халид называет Хасана ал-Банну (1906–1949), Саида Кутба (1906–1967), Абу Ала ал-Маудуди (1903–1979). Представителей данного направления иногда называют также «пуританистами» [Khaled 2005: 5], Мухаммад Шахрур дает им иное название — «буквалисты» [Shahrour 2006: 143–153], другие используют понятия возрожденческий ислам (revivalist Islam), фундаментализм, ваххабизм [Kurzman 1998: 6], салафизм и пр.

Либеральный ислам пытается придать западным ценностям исламскую окраску, считая, что социальные и политические концепции Запада — не собственно западное явление, они изначально присущи исламу, и потому должны быть лишь восстановлены после многих веков забвения, а не взяты от Запада. Приверженцы этого направления ратуют за отделение религии от государства, чтобы защитить первую от последнего, отрицают любые формы насилия во имя религии, признают плюрализм мнений [Knysh 2011: 457]. Среди адептов либерального ислама чаще всего называют Мухаммада ан-Наима, Абдулкадира Соруша, Рашида Ганнуши, Фазлура Рахмана и др [Kurzman 2003]. Некоторые исследователи склонны называть данное направление *реформизмом* [Bayoumi 2010: 79–93], однако данный термин может относиться и к фундаменталистским направлениям, поскольку они также предлагают реформировать религию, вернуть ее к изначальной «чистоте» и «незамутненности».

Основные тенденции развития идеологических направлений среди мусульман региона Поволжья и Урала (конец XX – начало XXI вв.)

Мусульманское сообщество в регионе за два последних десятилетия претерпело значительные изменения: если на волне религиозного возрождения татары и башкиры абсолютно заполняли мечети по пятницам, то ныне ситуация изменилась. Кроме того, различные факторы исторического, культурного, социального, экономического и психологического характера внесли свои коррективы в состав прихожан. При достаточно высоком уровне религиозности в обществе (79–80 % респондентов — «этнических» мусульман в Татарстане и Башкортостане заявили о себе как о верующих) лишь 4–7 % являются практикующими мусульманами. Если в середине 1990-х гг. в мечетях превалировали прихожане пожилого возраста — от 60 лет и выше, то теперь большая часть молящихся — молодежь от 18 до 35 лет. Сходные тенденции с небольшим запозданием начинают наблюдаться и в составе мусульманского духовенства, которое сейчас заметно «молодеет».

На этом социально-религиозном фоне среди мусульман сформировались два основных идеологических лагеря: неотрадиционалисты, сторонники местных форм ислама ханафитского толка[7], и *фундаменталисты/салафиты*, приверженцы «чистого» ислама. Кроме того, имеются другие, менее многочисленные по количеству сторонников силы: представители либерального ислама, члены движения «Хизмет» («Служение») Фетхуллы Гюлена, т. н. *«файзрахманисты»*[8], суфийское направление *«сулейманджи»*[9].

[7] Ханафитский толк — одна из четырех правовых школ суннитского ислама.

[8] *Файзрахманисты* — сторонники Файзрахмана Саттарова, основателя не признанной официальными мусульманскими структурами секты исламского толка.

[9] *Сулейманджи* — сторонники турецкого проповедника Сулеймана Хилми Тунахана.

В наиболее привилегированном положении находятся местные *неотрадиционалисты — ханафиты*[10]. Духовные управления мусульман (муфтият) и система профессионального религиозного образования находятся в сфере их влияния, то же можно сказать и о подавляющем большинстве приходов (за исключением некоторых районов восточного Башкортостана и нефтедобывающих районов Татарстана). Лидеры неотрадиционалистского ислама получили религиозное образование либо в Бухаре, либо (более молодое поколение) в местных учебных заведениях, после чего прошли обучение на краткосрочных (до 1 года) зарубежных курсах.

Главной идеологемой неотрадиционалистов Татарстана и Башкортостана, привлекательной для российских властей, является сохранение местных традиций ислама, адаптированных к существованию мусульман в иноконфессиональном окружении. И поскольку ислам на протяжении многих веков был средством сохранения национальной идентичности татар и башкир, то и в наши дни традиционалисты отстаивают использование татарского языка как языка проведения пятничных проповедей. Признание легитимным не противоречащего шариату *адата* (местных обычаев, в том числе и в области религиозной жизни) сделало возможным функционирование многих религиозных обрядов, не свойственных исламу в иных ареалах его распространения (проведение Коранических меджлисов, поминовений умерших, паломничество к местным святым местам). Историческая связь со среднеазиатскими центрами мусульманской учености обусловила принятие *ханафитской* школы права и усвоение *матуридитских* принципов[11] в толковании вероучения. Татарский ислам, вынужденный развиваться в условиях постоянного давления христианского миссионерства, оторванности от остального мусульманского мира, в советский период прошедший через все испытания атеистической пропаганды, по объективным причинам не мог сохранять универсалистские черты.

Среди лидеров — идеологов *неотрадиционалистского ислама* в регионе следует назвать Нурмухаммета Нигматуллина (Республика Башкортостан, далее РБ, учился в медресе Мир-Араб и Исламском институте имени имама ал-Бухари, Ташкент), Илдуса Файзова (Республика Татарстан, далее РТ, местное религиозное образование), Габдулхака Саматова [Саматов 2006] (ум. 2009, окончил медресе Мир-Араб, Бухара), Валиуллу Якупова [Якупов 2003; 2006а; 2006б; 2011] (застрелен представителем радикального исламского крыла в 2012 г.;, местное религиозное образование), Рустама Батрова [Батров 2007] (Московский Исламский институт), Ильдара Малахова[12] [Малахов 2008] (Мир-Араб, Бухара и ал-Азхар — Каир) и ряд др. Сфера влияния неотрадиционализма охватывает, главным образом, старшее поколение мусульман, а также определенную часть молодежи — прежде всего лояльных старшему поколению выпускников местных и зарубежных учебных заведений, нашедших себе место в структурах духовных управлений мусульман и подведомственным им приходах.

Их оппоненты — т. н. *фундаменталисты/салафиты* имеют свою точку зрения по ряду религиозных вопросов. В целом местный *фундаменталистский/салафитский* дискурс вполне универсален: идеи возвращения к чистоте ислама первых веков, соответственно, толкование божественных атрибутов в духе положений Ибн-Таймиййи, осуждение нововведений в области религии (посещений «святых мест», празднования маулидов[13] и пр.), отрицательное отношение к *суфизму и каламу*[14], приверженность языку межнационального общения в ведении проповеди (в российском контексте — русскому). Значительная часть *фундаменталистов/салафитов* вполне лояльна властям, однако в обществе не сложилось однозначное отношение к этой части приверженцев «чистого» ислама, что отражается в действиях официального

[10] На официальном сайте Духовного Управления мусульман Республики Татарстан (далее – ДУМ РТ) специально оговаривается, что «ДУМ РТ проводит религиозную политику в соответствии с правовой школой Абу Ханифы» [www.dumrt.ru].

[11] Матуридизм — одно из направлений в истолковании мусульманской догматики, отличающееся значительным доверием к разуму в области поиска решений религиозных вопросов и концепцией свободы воли (*ихтийар*).

[12] Ильдар Малахов является редактором газеты Рисаля [электронный ресурс] // URL: http://islamrb.ru (дата обращения: 01.08.2012).

[13] Маулид — день рождения пророка Мухаммада.

[14] Калам — схоластическая религиозная философия ислама.

мусульманского духовенства. Их лишают права руководить мечетями: так, Шаукта Абубакерова отстранили от управления общиной мечети Аниляр в Казани, Ишмурата Хайбуллина вынудили покинуть пост имама мечети Фаляк в Уфе, у них возникают сложности при приеме на работу. В силу преследований различного характера лидеры *салафитов* склонны не афишировать свои взгляды среди широкой публики. Между тем, в ходе полевых исследований удалось установить контакты с представителями умеренного крыла этого течения — Ишмуратом Хайбуллиным (университет ал-Азхар), Рамилем Бикбаевым (Исламский университет, г. Мекка), Шавкатом Абубакеровым (местное образование, курсы повышения квалификации при Всемирной Исламской Лиге, г. Мекка) и рядом других проповедников, близких к этим кругам. Сфера влияния данного движения — это прежде всего молодежь, эмигранты из мусульманских республик СНГ и дальнего зарубежья, для которых непривычна местная версия ислама. Новообращенные мусульмане из числа русских и других, исторически немусульманских, народов также чаще всего избирают *салафитскую* версию ислама, проповедь которой, как правило, ведется на русском языке.

Еще одно направление, имевшее существенное значение для формирования религиозных дискуссий, особенно в начале 2000-х гг., представлено исламом либерального толка. Однако влияние либерального ислама на собственно мусульманское сообщество несущественно.

Таким образом, тенденции развития исламского сообщества в Волго-Уральском регионе весьма сходны с общемировыми процессами. Если в начале XX в. наиболее влиятельной группой, противостоящей *официальному традиционализму*, был *реформационный модернизм*, то в начале XXI в. симпатии значительной части верующих в регионе завоевывает *фундаментализм/салафизм* в более или менее умеренной его форме.

Необходимо отметить, что если основной набор идеологических направлений, так или иначе, присутствует практически в любой точке мира, где живут мусульмане, то государственная политика в отношении этих групп весьма и весьма различна: от поддержки тех или иных форм фундаментализма в странах Персидского залива до их строгого запрета, как в большинстве стран Средней Азии. Популярность тех или иных исламских течений зачастую обратно пропорциональна государственной религиозной политике: чем более государство поддерживает одно направление, тем менее популярно оно становится среди населения, и наоборот.

В Волго-Уральском регионе на протяжении двух изучаемых периодов государственная религиозная политика по отношению к исламу отличается выраженной линией преемственности, имея на вооружении все те же цели, методы поддержки союзников и формы борьбы с нежелательными элементами. В XIX в., как и в начале XXI в., государство заинтересовано в контроле над ситуацией, что обеспечивают, с одной стороны, правоохранительные органы, а с другой — Духовные управления мусульман как официальные структуры мусульманского духовенства. И тогда, и ныне государство делает ставку на *традиционалистов* — сторонников сохранения местных форм ислама.

Между тем, государственная поддержка не обеспечивает приверженцам местного *неотрадиционализма* популярности и авторитета среди рядовых мусульман. Несмотря на то, что все рычаги управления и власти находились в начале XX в. и находятся сейчас в руках у *традиционалистов*, их идеологические конкуренты имеют определенные преимущества. Неприятие со стороны властей и идеологическая независимость обеспечивают им определенные моральные преимущества. В начале XX в. оппонентами *традиционалистов* были *реформаторы-модернисты*, ныне же — различные фундаменталистские лидеры.

Борьба идеологий — это в определенной степени борьба геополитических предпочтений. Местные традиции, переплетенные с бухарскими образовательными стандартами, — удел консерваторов обоих периодов. Стамбул, Каир, Мекка и Медина — вот откуда шли и продолжают распространяться новые обновленческие идеи. Попытки со стороны муфтиятов запрета и контроля над выездами студентов за рубеж после 90-х гг. XX в., как правило, не эффективны ввиду открытости границ России с мусульманскими странами. Единственным методом контроля остается отстранение выпускников зарубежных учебных заведений от должностей в религиозных структурах. Однако и это

зачастую не эффективно, поскольку всегда остается возможность влияния неформальных лидеров на мусульманскую общину через систему личных связей. Лишь благодаря преследованиям официально не признанных лидеров мусульман и их сторонников *неотрадиционализм* пока формально удерживает контроль над мусульманской общиной. Последние события июля 2012 г. — убийство заместителя муфтия Валиуллы Якупова, наиболее яркого лидера современного татарского *неотрадиционализма*, и покушение на муфтия Илдуса Файзова — свидетельствуют о серьезных просчетах в области государственной религиозной политики и необходимости ее пересмотра. Как обычно, в подобных случаях может быть два выхода: 1) ужесточение мер в отношении исламистских кругов, следствием чего станет их еще более изощренная подпольная работа и, вместе с тем, популяризация их учения; 2) более дифференцированный подход к инакомыслящим в области религии, поддержка самых разных сил, предоставление информационного пространства для выражения спектра мнений тем движениям, которые находятся в поле российской законности.

Источники и литература

Батров Р. Вместо реформы. Нижний Новгород: Медина, 2007. 173 с.

Бигиев М. Избранные труды. Т. 2. Женщина в свете священных аятов Благородного Корана. Казань: Таткнигиздат, 2006. 256 с.

Газеты Рисаля [электронный ресурс] // URL: http://islamrb.ru (дата обращения: 02.06.2014).

Камали З. Философия ислама / пер. со старотатар. Л. Алмазовой. Казань: Таткнигиздат, 2010. 332 с.

Малахов И. Сокровенное. Уфа (без указ. изд-ва), 2008. 44 с.

Официальный сайт Духовного Управления мусульман Республики Татарстан [электронный ресурс] // URL: http. www.dumrt. ru. (дата обращения: 02.06.2014).

Саматов Г. Шариат: вагаз, хокем, фатва, джавап-савап, кинешлэр. Казань, Идель-Пресс, 2006. 334 с.

Якупов В. Ислам сегодня. Казань: Иман, 2011. 35 с.

Якупов В. К пророческому исламу. Казань: Иман, 2006(а), 454 с.

Якупов В. Лжеджадидизм. Казань: Иман, 2006(б), 39 с.

Якупов В. Татарстанда расми булмаган ислам. Казань: Иман, 2003. 391 с.

Khaled A. F. The Great Theft Wrestling Islam from the Extremists. Harper, San-Francisco, 2005. 320 p.

Khalid A. Islam after Communism religion and Politics in Central Asia. Berkley: University of California Press, 2007. 241 p.

Knysh A. Islam in Historical Perspective, London: Pearson Education, 2011. 534 p.

Kurzman Ch. (ed) Liberal Islam: A Sourcebook, Oxford: Oxford University Press, 1998. 340 p.

Kurzman Ch. Liberal Islam: Prospects and Challenges. Id. Revolutionaries and reformers. Contemporary Islamist Movement in the Middle East. Ed. By Barry Rubin / New-York: State University of New-York Press, 2003. 191–203 pp.

Shahrour M. The Divine Text and Pluralism in Muslim Societies. Id. The New Voices of Islam. Reforming Politics and Modernity. A Reader. Ed. By M. Kemrava. London: I. B. Tauris, 2006. 143–151 pp.

Shepard W. Islam and Ideology: Towards a Typology // International Journal of Middle East Studies, Vol. 19, No 3. (Aug 1987). 307–335 pp.

УДК 94 (47) 084
ББК 86.376 (2Рос=Калм)

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ХРИСТИАНЕ-БАПТИСТЫ КАЛМЫКИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1941–1956 гг.)

Evangelical Christians-Baptists of Kalmykia During the Great Patriotic War and the Postwar Period (1941–1956)

С. С. Белоусов (S. Belousov)[1]

[1] кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of History, Associate Professor, Senior Researcher of the History, Archeology and Ethnology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Siences). E-mail: sbelousovelista@mail.ru.

В статье исследуется история религиозной жизни евангельских христиан-баптистов и анализируется политика государства в отношении баптистских организаций в Калмыкии в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Это первое в отечественной историографии исследование баптистских обществ и групп Калмыкии, охватывающее период 1941–1956 гг. Работа написана на основе материалов Государственного архива Российской Федерации и Национального архива Республики Калмыкия, большинство из которых были рассекречены в 1990-е гг. и впервые вводятся научный оборот. Рассмотрены динамика численности обществ и групп евангельских христиан-баптистов, география распространения, их состав и управление, государственная религиозная политика и взаимоотношения с органами государственной власти и другие вопросы.

Ключевые слова: баптисты, религиозная политика, Великая Отечественная война, Калмыкия.

The article deals with the religious policy of the Soviet state in respect of the Baptist organizations of Kalmykia during the Great Patriotic War and post-war periods. The war contributed to the rise of religious sentiments among the Christian population of Kalmykia and the mitigation of religious repressive policy in the Soviet Union.

On the occupied territories of Kalmykia, German authorities allowed free religious practice in order to gain sympathy of believers and bring them to their side. As a result, Baptists resumed their legal activities in Elista and in a few other settlements. After the liberation of Kalmykia from German occupation, the Soviet authorities registered the Baptist organization in Elista, but it did not happen in other communities. Most Baptists did not want to register their groups and operated illegally. The authorities were not interested in restoration of Baptist organizations and recommended the local officials to use various pretexts to prevent their registration. Except Elista, Baptists from other settlements held their prayer meetings and other religious events secretly. For their part the administration and the police took measures to prevent illegal activities of Baptist groups.

The archival documents show that in 1941–1956 the Baptists of Kalmykia did not make any efforts to expand their activities and to involve new members. For this reason, the number of members of the Baptist communities gradually decreased in the post-war period

Keywords: Baptists, religious policy, the Great Patriotic War, Kalmykia.

В постсоветский период в отечественной историографии значительно возрос интерес к религиозной тематике, что вызвано повышением роли религии в жизни российского общества. Отказ государства от атеистической идеологии обусловил возможность установления иных, ориентированных на диалог, отношений власти с религиозными организациями. Одновременно сложились и условия для более объективного освещения прошлого различных церквей и конфессиональных групп нашей страны. Особый интерес у исследователей вызывает история религиозной жизни и взаимоотношений христианского населения с властями в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, когда со стороны государства были сделаны важные шаги по установлению цивилизационного диалога с религиозными организациями различных течений в христианстве.

В калмыковедении разработка истории религиозной жизни христианского населения Калмыкии началась в 1990-е гг. В это и в последующее десятилетие опубликован ряд статей И. В. Борисенко [Борисенко 1999] и С. С. Белоусова [Белоусов 2011], посвященных в основном истории Русской православной церкви. Вместе с тем исследователями осталась почти незатронутой

история второй по численности христианской религиозной организации Калмыкии — евангельских христиан-баптистов [далее — ЕХБ].

Вопросы возникновения баптистских организаций, их развития и взаимоотношений с властями на протяжении 1890-х–1930-х гг. рассмотрены нами в одной из работ на основе архивного материала [Белоусов 2012]. Предлагаемая статья является продолжением начатого исследования, но ее хронологические рамки охватывают период 1941–1956 гг., который ранее применительно к истории баптистских организаций Калмыкии не рассматривался. В настоящей статье предпринята попытка осветить вопросы деятельности как зарегистрированных в органах государственной власти, так и нелегальных обществ и групп евангельских христиан-баптистов на территории Калмыкии, религиозной политики государства и сложившихся практик взаимоотношений местной власти с баптистами в период Великой Отечественной войны и в годы депортации калмыцкого народа. Работа основана преимущественно на рассекреченных материалах фонда Архива Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР (ФР–6991), Государственного архива Российской Федерации (далее — ГАРФ) и документов фонда Совета Министров КАССР (ФР–309) Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК).

Великая Отечественная война вызвала оживление религиозных настроений у верующей части населения Советского Союза и прежде всего у христиан. Вместе с тем она не внесла принципиальных изменений в религиозную политику государства, хотя некоторые позитивные перемены в ней все-таки наметились. Так, почти прекратилась атеистическая пропаганда и открытые нападки на религию, травля и репрессии служителей культа и верующих. Агрессия мощного внешнего врага потребовала максимальной консолидации всех слоев советского общества, в том числе дискриминируемых и преследуемых, и власти, чтобы окончательно не оттолкнуть от себя верующих, вынуждены были несколько смягчить свое отношение к ним. Еще сильнее данная тенденция проявилась после освобождения оккупированных немецкими войсками территорий. Оккупационные немецкие власти, учитывая особенности взаимоотношений советской власти с церковью, проводили довольно гибкую религиозную политику. В целях завоевания симпатий верующих и привлечения их на свою сторону они разрешили свободное отправление религиозных культов. В результате на оккупированных территориях началось возрождение религиозной жизни: возобновляли свою деятельность закрытые ранее христианские организации, стали отрыто проводиться богослужения.

В Калмыкии, большая часть которой к осени 1942 г. оказалась захваченной фашистами, оккупационные власти не препятствовали налаживанию религиозной жизни местного населения. Надо полагать, что у баптистов тем более не было проблем с возобновлением своей деятельности, поскольку именно в Германии в первой половине XIX в. сложился один из миссионерских центров, откуда баптистское вероучение начало распространяться по странам Центральной и Восточной Европы, в том числе и в России.

Первые адепты учения евангельских христиан-баптистов в Калмыкии появились на рубеже XIX–XX вв., а к середине 1920-х гг. в Калмыцкой автономной области действовало уже несколько баптистских религиозных групп, три из которых (в с. Элиста, Немецкая Хагинка и п. Кряжевое) были зарегистрированы в местных органах власти. В конце 1920-х — 1930-е гг. в результате гонений на религию все баптистские общества были закрыты, и свои религиозные службы баптисты вынуждены были совершать нелегально. В период оккупации организованную деятельность восстановило общество баптистов г. Элисты, которое в августе 1942 г. с разрешения немецких властей открыло свои молитвенные собрания. Общество насчитывало примерно 50 человек, большинство из которых были связаны между собой родственными узами и являлись членами семей, принявших баптизм еще в досоветское время (Антоновы, Гермашевы, Руденко, Кривцовы, Кадацкие, Поволоцкие, Савченко). Во время немецкой оккупации баптисты г. Элисты получили возможность открыто отправлять свои религиозные обряды, и их общество пополнилось новыми верующими, в т. ч. из числа членов ВЛКСМ. Известны два документально подтвержденных случая участия молодых людей из числа комсомольцев в деятельности общества ЕХБ г. Элисты. После освобожде-

ния Элисты Красной Армией на заседании бюро Калмыцкого обкома ВЛКСМ 17 августа 1943 г. были рассмотрены и утверждены решения городской комсомольской организации об исключении из комсомола В. И. Шестопаловой и Н. С. Кривцовой за недостойное поведение в период оккупации. Шестопалова работала уборщицей в немецком госпитале, а Кривцова посещала курсы немецкого языка и имела тесные отношения с немецким офицером, у обеих близкие родственники состояли на службе у оккупационных властей. Помимо этого, им вменялось в вину посещение баптистского молитвенного дома [НА РК. П–22. Оп. 1. Д. 134. Л. 48, 55].

После освобождения г. Элисты от фашистской оккупации общество ЕХБ не прекратило своей деятельности, несмотря на отсутствие у него регистрации в советских органах государственной власти. Оно располагало помещением по улице Октябрьской № 46, где регулярно по субботам с 17 час. и по воскресеньям с 10 час. и с 17 час. проводились молитвенные собрания [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2155. Л. 4]. Баптисты Элисты не имели музыкальных инструментов и своего хора, поэтому молитвенные собрания проходили без характерного для представителей данного вероисповедания музыкального и хорового сопровождения.

Руководил обществом баптистов М. Е. Гермашев — человек нелегкой судьбы, неоднократно подвергавшийся преследованиям за свои религиозные убеждения. Впервые его привлекли к суду в 1913 г. за переход из православия в баптизм; в 1929 г. его арестовали уже как руководителя религиозного общества и сослали в Архангельскую область, где он отбывал наказание до 1933 г. Третий раз его арестовали за религиозную деятельность и отправили в ссылку в Свердловскую область в 1937 г. В родные края он вернулся в 1940 г. и с этого времени возглавил местных баптистов [ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп. 3. Д. 641. Л. 29 об.].

Евангельские христиане-баптисты г. Элисты внесли свой вклад в победу над фашизмом: в годы войны на фронт ушли 22 баптиста, из которых 8 человек погибли; оставшиеся в тылу помогали армии, собрав в 1943 г. для фронтовиков много теплых вещей и 400 рублей деньгами [НА РК. Ф. Р 309. Оп. 1. Д. 2155. Л. 4].

19 мая 1944 г. решением советского правительства был создан специальный орган контроля над верующими неправославных вероисповеданий — Совет по делам религиозных культов при Совете Народных Комиссаров СССР. Через центральный аппарат Совета и своих представителей на местах (уполномоченных) он должен был осуществлять государственный надзор за деятельностью религиозных организаций в рамках существующего законодательства о религиозных культах. Уполномоченные по делам религиозных культов назначались во все края, области, республики, им поручался сбор информации и анализ религиозной ситуации, надзор за соблюдением законодательства о религиозных культах, улаживание всех споров и конфликтных ситуаций между верующими и властями. Они должны были регулярно информировать центральные и местные государственные и партийные органы о положении дел в религиозной сфере в своих регионах.

Баптисты Калмыкии поступили в ведение уполномоченного Совета по делам религиозных культов Астраханской области, так как после упразднения автономной республики все населенные пункты, где проживали баптисты, отошли к Астраханской области.

В конце 1944 г. уполномоченный Совета по делам религиозных культов в Астраханской области Шадрин, узнав о действующем в г. Степном (в 1944 г. г. Элиста был переименован в г. Степной) незарегистрированном обществе, официальным письмом предупредил председателя Степновского горисполкома о недопустимости его существования и распорядился прекратить молитвенные собрания, порекомендовав в то же время баптистам подать заявление и документы на регистрацию.

По неизвестным причинам руководители баптистов не представили в отведенный срок необходимые документы, и уполномоченный в июне 1945 г. распустил общество. Свою деятельность оно возобновило весной 1946 г., после того как 14 мая 1946 г. прошло регистрацию. Общество евангельских христиан-баптистов г. Степного стало вторым зарегистрированным обществом баптистов в Астраханской области. Пресвитером степновского религиозного общества по просьбе его членов был утвержден М. Е. Гермашев. В то время общество насчитывало 50 человек — 42 женщины и 8 мужчин [НА РК. Ф. Р–309. Оп. 1. Д. 2155. Л. 4]. Оно имело все положенные по закону

органы самоуправления: двадцать человек учредителей, т. н. двадцатку, церковный совет из трех человек и ревизионную комиссию в составе трех членов. Помощником пресвитера был С. Т. Кравченко.

По возрастным показателям учредители баптистского общества г. Степного распределялись следующим образом: 4 человека в возрасте от 31 до 35 лет, 2 человека — от 40 до 48 лет, 4 человека — от 51 до 57 лет и 10 человек — от 60 до 88 лет. Как видно из приведенных цифр, более половины учредителей представляли лица среднего и старшего возраста. В их числе были 5 колхозников, 2 рабочих, 1 служащий, 3 пенсионера и 9 домохозяек [НА РК. Ф. Р–309. Оп. 1. Д. 2155. Л. 3–4].

Баптисты г. Степного имели в своем распоряжении построенный еще в дореволюционный период старый саманный дом, в котором они проводили по субботним и воскресным дням свои молитвенные собрания. Молитвенный дом был рассчитан на 40 человек, состоял из одной комнаты и сеней, был покрыт черепицей [НА РК. Ф. Р–309. Оп. 1. Д. 2155. Л. 28]. В 1951 г. исполком Совета г. Степного обязал баптистов заключить договор об аренде с Ф. Антоновой — владелицей используемого под молитвенные собрания дома. За его аренду они должны были уплачивать хозяйке ежемесячно сумму в размере 50 рублей [НА РК. Ф. Р–309. Оп. 1. Д. 2155. Л. 16]. В силу особенностей протестантских вероучений обстановка молитвенного помещения баптистов г. Степного отличалась простотой. По инвентарной описи на 1 января 1953 г., из церковного имущества там числились 1 Библия, 1 стеклянная чаша, 2 скатерти, 1 салфетка и 8 скамеек, общей стоимостью в 300 рублей [НА РК. Ф. Р–309. Оп. 1. Д. 2155. Л. 26].

После смерти в 1948 г. пресвитера Гермашева молитвенные собрания стали проводиться реже, и деятельность общества почти прекратилась. Новым руководителем, по желанию городских баптистов, был утвержден И. С. Руденко, которого посвятили в сан пресвитера в 1950 г. Как и его предшественник, он происходил из местных крестьян и не имел духовного образования, в свое время он закончил только три класса начальной светской школы. На момент вступления в должность он был в возрасте 71 года и работал сторожем в колхозе им. Володарского. Руденко совмещал должности пресвитера и председателя церковного совета, в состав которого также входили С. Н. Кривцов и А. И. Савченко, ревизионную комиссию возглавлял П. И. Ситников, а помогали ему в работе М. А. Руденко и В. И. Антонова. Половина из названных лиц на момент их избрания в органы самоуправления перешагнула возрастной рубеж в 60 лет, остальным двоим было 36 и 40 лет [НА РК. Ф. Р–309. Оп. 1. Д. 2155. Л. 14 об.]. Избранный в феврале 1951 г. на общем собрании баптистского религиозного общества состав органов самоуправления проработал почти без изменений до 1956 г.

Численность религиозного общества ЕХБ г. Степного в последний год войны составляла 50–60 человек, затем снизилась, в 1946–1956 гг. варьируя в пределах от 32 до 40 человек. Большинство из них были женщинами пенсионного возраста. В информационном отчете за 4-й квартал 1951 г. в Совет по делам религиозных культов уполномоченный по Астраханской области Н. Гульгазов определял количество членов баптистского общества г. Степного в 32 человека, из которых 25 были женщины, работающих среди баптистов было всего 5–6 человек, остальные являлись пенсионерами. В отчете также указывалось, что «молитвенные собрания проводятся нерегулярно, и особенно в летнее время, так как пресвитер Руденко, по роду своей работы, не всегда имеет возможность посещать общину» [ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп. 3с. Д. 643. Л. 6].

Необходимо отметить, что Руденко тяготила его должность. В 1951 г. в одном из писем во Всероссийский совет христиан-баптистов он заявил, что не видит в себе способностей управлять религиозным обществом и «желал бы быть свободным от руководства…» [НА РК. Ф. Р–309. Оп. 1. Д. 2155. Л. 21]. В письме также говорилось о низкой посещаемости баптистами проводившихся по воскресеньям молитвенных собраний: согласно его информации, из 32 человек на них обычно присутствовало лишь 5–7 человек. У баптистов г. Степного неудовлетворительно обстояли дела и с приемом в религиозное общество новых членов, что подтверждалось отсутствием роста численности организации в рассматриваемые годы.

Пассивное религиозное поведение баптистов г. Степного вполне устраивало местные власти. Ведавший делами неправославных вероисповеданий Совет по делам

религиозных культов при Совете Министров СССР постоянно ориентировал своих уполномоченных на местах на сбор и тщательный анализ информации о положении с делами верующих. От них требовали не формального, а творческого подхода к делу: «Кроме добросовестного выполнения указаний Совета по форме, нужно вдуматься в их существо и общую линию. Эта линия заключается в основном в том, что Совет всячески подчеркивает настоятельную необходимость тщательного изучения религиозных организаций и накапливания фактического материала. Только при этом условии, при условии наличия обильного и полноценного материала может быть разрешена основная задача Совета и его уполномоченных, а именно: регулирование происходящих в религиозных организациях процессов» [ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп. 3. Д. 641. Л. 16].

22 мая 1950 г. председатель Совета по делам религиозных культов И. В. Полянский инструктировал уполномоченного Астраханской области: «Вы должны в своей работе добиться такого положения, когда жизнь и деятельность каждой религиозной общины должны быть Вам известны со всех сторон….» [ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп. 3с. Д. 642. Л. 27]. Уполномоченному рекомендовалось под различными предлогами не допускать строительства новых культовых сооружений и регистрации религиозных обществ, при этом необходимо было добиться того, чтобы мотивировка отказа выглядела убедительной для верующих и одновременно не нарушала рамок законодательства о религиозных культах.

В 1952 г. в связи с передачей Степновского района в Ставропольский край баптисты г. Степного и с. Оваты поступили в ведение краевого уполномоченного по делам религиозных культов, в церковном отношении они были переподчинены старшему пресвитеру евангельских христиан-баптистов Ставропольского края. После изменения административной границы между Астраханской областью и Ставропольским краем в ведении астраханских властей остались баптисты поселков Каспийский и Рыжковский Каспийского района и села Кряжевое Лиманского района. До 1944 г. эти населенные пункты входили в состав Калмыцкой АССР.

Баптистские группы пп. Каспийский, Рыжковский и Кряжевое не имели государственной регистрации и осуществляли свою деятельность нелегально. Справедливости ради отметим, что баптисты упомянутых вышенаселенных пунктов сами не предпринимали попыток зарегистрироваться, а власти имели указания от вышестоящих инстанций под любыми предлогами не допустить регистрации новых баптистских обществ. Баптисты Лиманского и Каспийского районов не проявляли особой религиозной активности и не занимались миссионерской деятельностью, а администрация, со своей стороны, стремилась пресечь их нелегальные молитвенные собрания и другие мероприятия, связанные с отправлением религиозного культа.

В послевоенный период больше всего приверженцев баптистского учения проживало в с. Кряжевое Лиманского района и в п. Каспийский Каспийского района. Кряжевская баптистская община сформировалась в первые годы XX в., в начале 1920-х гг. она прошла регистрацию и функционировала легально вплоть до своего закрытия в 1937 г. По сведениям областного уполномоченного Совета по делам религиозных культов, в 1952 г. баптистского вероучения придерживались примерно 25–30 семей, что составляло 30 % от всех семей, проживающих в селе Кряжевое. Почти все кряжевские баптисты находились между собой в родственных отношениях. Свои молитвенные собрания они проводили по воскресеньям, тайно, на частных квартирах группами по 10–15 человек. Кряжевские баптисты не были замечены в проведении обрядов крещения и венчания, однако своих единоверцев они хоронили по религиозному обряду.

Среди баптистов наибольшей активностью отличались Лелекова и Жабина, на квартирах у которых чаще всего проходили молитвенные собрания. Муж Лелековой погиб на войне, известно также, что в рассматриваемый период она находилась в возрасте 40–45 лет и работала в колхозе. После смерти Жабиной большую религиозную активность стала проявлять ее дочь Любовь, что сразу же было замечено уполномоченным по делам религиозных культов в Астраханской области Н. Гульгазовым. В 1952 г. он отмечал в своем информационном докладе в Совет по делам религиозных культов, что Л. Жабина «после смерти матери особенно стала невыносимой в своих религиозных убеждениях и по всей вероятности оказалась “ищущей утешение в ре-

лигии”» [ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп. 3с. Д. 643. Л. 19]. На религиозной почве она развелась с мужем, оставшись одна с тремя детьми.

Кряжевские баптисты поддерживали тесные отношения со своими единоверцами в г. Астрахань и навещали их по большим религиозным праздникам, а некоторые из них даже состояли членами городского общества евангельских христиан-баптистов.

В 1951 г. в п. Каспийский, по сведениям уполномоченного, баптистское вероучение исповедовали 30 семей, но молитвенные собрания, проходившие нелегально раз в неделю на квартире у 80-летнего пенсионера Боканёва, посещали всего 15–17 человек [ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп. 3с. Д. 644. Л. 39]. Эти собрания нередко посещали баптисты из с. Рыжковский, которых числилось примерно 5–8 человек. Чтобы уйти от наблюдения, каспийские баптисты иногда проводили молитвенные собрания на лодках в открытом море. В июне 1951 г. Н. Гульгазов информировал Совет по делам религиозных культов о том, что в пасхальные дни несколько баптистов п. Каспийский выходили в море на лодках для совершения религиозных обрядов [ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп. 3с. Д. 642. Л. 75].

По утверждению поселкового Совета и райотдела милиции, нелегальные молитвенные собрания баптистов в п. Каспийский прекратились к середине 1950-х гг. после смерти Боканёва. В эти годы часть верующих п. Каспийский переехала жить в близлежащий к нему п. Ракуша.

В период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы незарегистрированная группа ЕХБ проживала также в п. Михайловское Каспийского района. О ней, в частности, упоминалось в отчете за 3-й квартал 1948 г. уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Астраханской области. В отчете сообщалось о том, что ранее эта группа включала 60 человек, но к 1948 г. она насчитывала лишь 6 человек [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3с. Д. 641. Л. 145]. В документах последующих лет данная группа больше не фиксировалась, это дает основание предположить, что она прекратила свою деятельность.

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

Борисенко И. В. Православие в Калмыкии. М.: Тип. Патриаршего издат.-полиграф. центра г. Сергиев Посад, 1999. 72 с.

Белоусов С. С. Государственная власть и Русская православная церковь на Юге России // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 55–62.

Белоусов С. С. Баптистские организации Калмыкии в 1890-е – 1930-е гг. // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 4 (16). С. 8–16.

УДК 94+314.04
ББК 60.7

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЮЖНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (на примере Республики Калмыкия)

The Information-Communication Technologies Development in the Southern Federal District in the Process of the Russian Society Modernization (the case study of the Republic of Kalmykia)

Н. Г. Очирова (N. Ochirova)[1]

[1] кандидат политических наук, директор Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Political Sciences, Director of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: kigiran@elista.ru.

Статья посвящена исследованию развития информационно-коммуникационных технологий в Южном Федеральном округе на примере Республики Калмыкия в условиях модернизации российского общества. Без применения информационно-коммуникационных технологий в современном мире практически не обходится ни одна область человеческой деятельности. Наряду с другими регионами России в Республике Калмыкия, начиная с 2000-х гг. в работу министерств и ведомств, учреждений и организаций начинают активно внедряться новые современные технологии. Развитие информационно-коммуникационных систем в Калмыкии автор характеризует тремя основными направлениями: 1) компьютеризация республики как отправная точка развития информационно-компьютерных технологий; 2) развитие телекоммуникационных сетей; 3) развитие информационных технологий.

Ключевые слова: трансформация, модернизация, Российская Федерация, регион, Республика Калмыкия, информационно-коммуникационные технологии, информатизация, Южный федеральный округ.

The case of the Republic of Kalmykia is discussed as part of the research of the information-communication technologies development in the Southern Federal District within the modernization processes in the Russian society. Information-communication technologies have become an integral part of any sphere of human activities in the modern world. Since 2000s, they have been introduced to the work of all the ministries and departments of the Republic of Kalmykia as well as in all the other regions of the Russian Federation.

The author distinguishes the three main trends of the information-communication technologies development in Kalmykia. They are 1) computerizing the republic as a starting point in developing the computer-aided informational technologies; 2) developing the telecommunication nets; 3) advancing the information technologies. It is pointed out that all these processes are interrelated and precede each other becoming a point of departure for the next stage.

Some dispersion or “digital gap” existing in the development of informatization and computerization in the Center and in the Russian Federation subjects is obvious, however, in the last decades the Russian regions including Kalmykia have actively been participating in these processes considering them to be the key and priority principles and means for their progress. The analysis of the data from the first decade covering the period of active inclusion of the Southern regions of Russia into the information-communication field provides with quite extensive material to reveal the dynamics of indicators, tendencies and patterns characteristic of this process.

Within the period under consideration, foundations for telecommunication nets development were laid, the local community became aware of the necessity to introduce information technologies as a means for increasing efficiency and competitiveness of business and a way for spreading, rotating and popularizing knowledge. First gradually, then intensively information technologies were adopted in management as well as in scientific and educational activities. The tendency toward increase in the number of computers connected to the Internet and web-sites created became obvious. In each house there is a computer which becomes an integral part of people’s everyday life — to some extend this fact can be considered as an indicator of improvement of the local population’s standard and quality of life. At the same time, there were a lot to be done for the republic to achieve all-Russia indicators and those of the neighbouring regions as in a number of parameters Kalmykia was behind some adjacent territories.

Keywords: transformation, modernization, the Russian Federation, region, the Republic of Kalmykia, information-communication technologies, informatization, the Southern Federal District.

Два последних десятилетия (1990–2000-е гг.) характеризуются коренной ломкой общественных отношений, трансформацией экономических и политических структур [Дискин 2000; Пихоя, Журавлев 2011: 12]. В период кардинальных перемен в экономической жизни с невероятной быстротой обновляются технологии. В ряду технологических достижений важное место занимают информационно-коммуникационные технологии, которые ныне активно внедряются практически во все сферы человеческой деятельности — управленческую, образовательную, научную и т. д. Сегодня использование информационно-коммуникационных технологий стало уже во многом привычным и необходимым сопровождением нашей повседневной жизни.

Модернизационные процессы, происходящие в России и ее субъектах, выдвигают на первый план проблемы развития информационно-коммуникационных технологий, поскольку без них невозможно успешное движение страны в будущее. Компьютерные технологии, информатизация имеют в современном мире решающее значение в реализации многих задач, стоящих перед обществом, определяют конкурентоспособность страны, региона.

Процесс модернизации социально-экономической, управленческой, образовательной и других видов деятельности происходит на фоне мирового экономического кризиса, который во многом определяет вектор развития в сторону инновационного направления. Существующая дисперсия, или «цифровой разрыв», в развитии информатизации и компьютеризации в столичном округе и в регионах, отдаленных от него, фрагментарный характер развития виртуального пространства, несомненна, не раз подчеркивал Д. А. Медведев [Королев 2008; Тотальная компьютеризация социальной сферы 2010]. Однако в последнее десятилетие субъекты Российской Федерации стали активно участвовать в данных процессах, рассматривая их в ряду ключевых и приоритетных принципов и способов развития региона.

Материалом исследования в статье являются статистические данные Всероссийской переписи 2010 г., аналитические записки, публикации в средствах массовой информации и др. Республика Калмыкия по своему геополитическому положению, уникальному опыту культурного и межконфессионального диалога является естественным интегратором процессов развития регионов Южного федерального округа и Прикаспийского региона в целом. Республика находится на пути основных Трансконтинентальных транспортных коридоров, в том числе по направлениям «Север–Юг» и «Восток–Запад». Республика Калмыкия входит в состав Южного федерального округа. В силу природных и исторических условий производственный комплекс республики имеет значительные диспропорции как в системе расселения, размещения производительных сил, так и в отраслевой структуре (моноотраслевое сельское хозяйство, неравномерность и недостаточная развитость транспортной инфраструктуры и др.) [Очирова 2011]. Население республики на 1 января 2014 г., по данным Калмыкиястата, составляет 282 021 человек [Калмыкиястат 2014]. Республика является многонациональным и многоконфессиональным регионом, на ее территории проживают представители более 90 национальностей и трех мировых религий.

Руководство Калмыкии в свете тех проблем, которые заявлены в теме статьи, стремится внедрять передовые технологии в различных сферах деятельности, рассматривая освоение информационно-компьютерных технологий как одно из необходимых условий для успешного развития региона. Поскольку развитие информационно-коммуникационных технологий в республике началось в 2000-е гг., то мы исследуем данные первого десятилетия, которые дают достаточно обширный материал для выявления динамики показателей, тенденций и закономерностей, имевших место в этом процессе.

Данные приводятся по количеству обследованных Росстатом организаций и его региональными центрами.

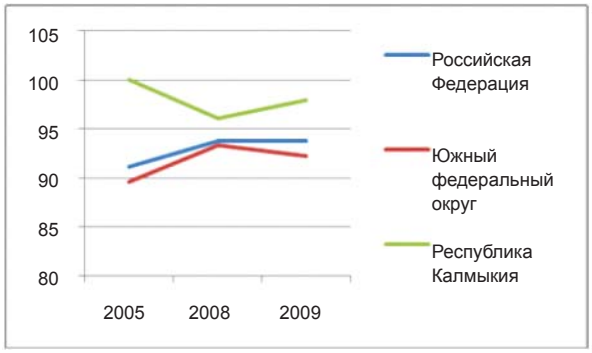
	Российская Федерация	Южный федеральный округ	Республика Калмыкия
2005	150934	17519	334
2008	169880	19169	494
2009	174137	21590	480

Для сравнения приводятся сведения по соседним регионам: Волгоградской, Астраханской и Ростовской областям, Ставропольскому краю, Республике Дагестан. В некоторых случаях даются данные по другим регионам, входящим в Южный федеральный округ [Регионы России 2010].

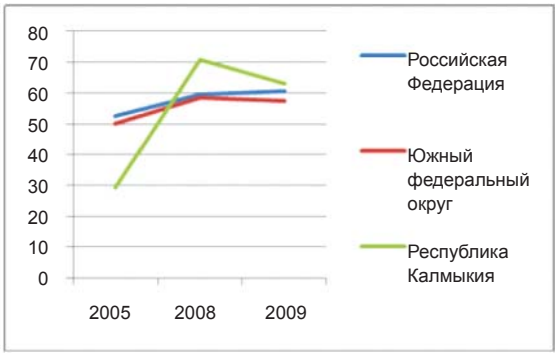
В развитии информационно-коммуникационных систем в Калмыкии можно условно выделить три направления: 1) компьютеризация общества как отправная точка развития информационно-компьютерных технологий; 2) развитие телекоммуникационных сетей; 3) развитие информационных технологий. Все они тесно взаимосвязаны и, более того, предшествуют друг другу, являясь отправной точкой для следующего этапа. Например, развитие информационных технологий не может состояться без высокого уровня развития телекоммуникационных сетей, и только достаточно высокий уровень их развития и осознание тем или иным сообществом необходимости внедрения информационных технологий является толчком к использованию информационных технологий как способа повышения эффективности и конкурентоспособности бизнеса, как способ распространения знаний, их ротации и популяризации. К тому же уровень развития информационно-телекоммуникационных технологий является одним из показателей благополучия общества, уровня и качества его жизни. Если в конце 1990-х гг. компьютер был большой редкостью в семье и даже в учреждениях (организациях), то начиная с 2000-х гг. общество стало интенсивно внедрять в выполнение своих функциональных обязанностей вычислительные машины. К настоящему времени практически каждая семья в Калмыкии имеет минимум один стационарный компьютер или ноутбук.

Рассмотрим показатели по организациям (см. рис. 1 — диаграмму, составленную согласно Всероссийской переписи 2010 г.).

Рис. 1. **Удельный вес организаций, использовавших информационно-коммуникационные системы (в процентах)**



Персональные компьютеры



Локальные вычислительные сети[1]

Как видно на рис. 1, данные, отражающие удельный вес организаций, использующих информационно-коммуникационные системы, незначительно отличаются друг от друга. В целом по Российской Федерации показатели средние по сравнению с

[1] Локальная вычислительная сеть (ЛВС) соединяет две или более ЭВМ (возможно, разного типа), а также принтеры, сканеры, системы сигнализации (охранной, пожарной) и другое производственное оборудование или периферийные устройства, расположенные в пределах одного здания или нескольких соседних зданий, и не использует для этого средства связи общего назначения.

данными Южного федерального округа и Республики Калмыкия, где во всех обследованных организациях в 2005 г. практически повсеместно используется персональный компьютер, хотя в 2008–2009 гг. несущественно снижается процент организаций, использующих ПК и ЛВС. Что касается локальных вычислительных сетей, то Республика Калмыкия в 2005 г. имела, наряду с Республикой Ингушетия (10,6 %), самые низкие показатели (29,3 %) использования систем внутри одного здания или нескольких зданий локальных сетей. Однако уже в 2008–2009 гг. данные по использованию локальных сетей увеличиваются более чем в два раза. По Российской Федерации эти показатели держатся в одном коридоре: от 52,4 до 60,5 %.

Другим показателем развития информационно-телекоммуникационных систем является количество персональных компьютеров на 100 работников, в том числе с доступом к сети Интернет. Данные статистики приведены в таблице 2 в сравнении с показателями по Российской Федерации, Южному федеральному округу и входящим в его состав регионам.

Таблица 2. ***Число персональных компьютеров на 100 работников (штук)***

	Персональных компьютеров – всего					в том числе с доступом к сети Интернет				
	2005	2006	2007	2008	2009	2005	2006	2007	2008	2009
Российская Федерация	23	26	29	32	35	7	9	11	13	15
Южный федеральный округ	18	23	25	27	30	5	6	8	10	11
Республика Дагестан	10	15	18	20	27	3	5	5	5	7
Республика Калмыкия	20	25	26	32	36	3	5	6	8	11
Ставропольский край	13	26	28	31	33	3	6	9	10	13
Астраханская область	19	24	27	32	32	4	5	8	9	12
Волгоградская область	19	22	24	27	30	5	6	7	9	11
Ростовская область	21	25	27	30	33	6	8	10	12	14

Следует отметить, что в исследуемый период Интернет в Калмыкии развит слабо по сравнению с другими регионами. На рынке предоставления этих услуг имеются три крупные компании: ОАО «Ростелеком», Интернет-провайдер «Интерлайн» и ООО «Престиж-Интернет» (торговая марка «Энфорта»). Серьезную конкуренцию составляют им компании, предоставляющие мобильную связь, развивая услуги Интернет-сервиса. Мобильный интернет интересен прежде всего группе людей, проживающих вне зоны покрытия телефонными и оптоволоконными линиями. Так называемый «телефонный» Интернет стал развиваться в Калмыкии начиная с конца 1990-х гг. К концу 2000-х гг. внедрение оптоволоконного Интернета стало главной задачей «Ростелекома».

Проанализируем данные по доступу к Интернету пользователей на рабочем месте. Как видно из таблицы 2, наблюдается тенденция роста числа компьютеров, подключенных к сети Интернет. Так, в 2005 г. всего 3 компьютера на 100 сотрудников имели доступ к Интернету, но уже в 2009 г. — 11. В рассматриваемый период увеличение числа компьютеров с подключением к Интернету в республике незначительное и оставляет желать лучшего, поскольку сеть Интернет признается одним из двигателей прогресса в обществе, конкурентоспособности бизнеса и т. д. Сравнение с показателями других регионов свидетельствует о том, что статистика подключений к Интернету здесь такая же. То есть, тенденция незначительного роста количества подключений к Интернету является общероссийской.

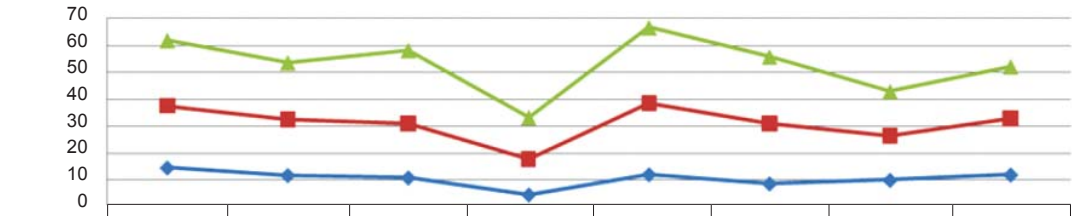
Рассмотрим следующий параметр по использованию обследованными организациями Интернета (см. таблицу 3).

Таблица 3. ***Удельный вес организаций, использующих Интернет***

	Удельный вес организаций, использовавших (в процентах от общего числа обследованных организаций соответствующего субъекта Российской Федерации) Интернет		
	2005	2008	2009
Российская Федерация	53,3	73,7	78,3
Южный федеральный округ	53,8	76,6	78,5
Республика Дагестан	50,2	76,9	93,2
Республика Калмыкия	33,2	56,3	70,4
Ставропольский край	54,7	87,4	90,2
Астраханская область	40,8	71,8	77,1
Волгоградская область	46,9	69,0	70,1
Ростовская область	55,6	80,0	76,5

Из 334 организаций, обследованных в 2005 г., всего 33,2 % использовали Интернет, из 494 в 2008 г. — 56,8 %, а из 480 в 2009 г. — 70,4 %. В 2005 г. у Республики Калмыкия самые низкие показатели по сравнению с общероссийскими, последние составляют 53,3 %. Но к 2009 г. показатели почти выровнялись с общероссийскими, имея незначительную дифференциацию в 7,9 %. В некоторых регионах Южного федерального округа (в Республике Дагестан — 93,2 %, Ставропольском крае — 90,2 %) этот показатель превышает общероссийскую тенденцию.

Рис. 2. ***Удельный вес организаций, имевших веб-сайт, в общем числе обследованных организаций Российской Федерации и субъектов Южного федерального округа, процентов***



	Российская Федерация	Южный федеральный округ	Республика Дагестан	Республика Калмыкия	Ставропольский край	Астраханская область	Волгоградская область	Ростовская область
2009	24,1	20,8	26,9	15,2	27,9	24,5	16,3	19
2008	22,8	20,7	20	13,2	26,3	22,2	16,3	20,8
2005	14,8	12	11,1	4,8	12,3	8,9	10,2	12,2

Данный показатель является диагностирующим уровень развития информационных систем в регионах, а также уровень развития информационного общества. По Российской Федерации и Южному федеральному округу в целом несомненен рост числа организаций, имеющих свой веб-сайт, количество которых увеличилось почти в два раза. Из данных, приведенных на рис. 2, видно, что в Калмыкии самый низкий показатель по количеству веб-сайтов: в 2005 г. — 4,8 %, в 2008 г. — 13,2 % и в 2009 г. — 15,2 %. Ср. с данными Ставропольского края и Республики Дагестан, которые в два раза превышают показатели Калмыкии по данному параметру.

Таблица 4. **Число организаций, использовавших специальные программные средства в 2009 г.**

		Российская Федерация	Южный федеральный округ	Республика Дагестан	Республика Калмыкия	Ставропольский край	Астраханская область	Волгоградская область	Ростовская область
	Число организаций, использовавших специальные программные средства – всего	154455	18680	358	465	1771	1164	3529	4833
из них использовавшие	для научных исследований	5251	535	21	7	62	40	74	148
	для проектирования	19166	2014	35	23	235	125	357	513
	для управления автоматизированным производством или отдельными техническими средствами и технологическими процессами	26445	2984	56	53	348	185	511	745
	для решения организационных, управленческих и экономических задач	105533	12113	183	270	1187	704	2414	3155
	для осуществления финансовых расчетов в электронном виде	105013	12558	225	328	1313	817	2306	3403
	для предоставления доступа к базам данных через глобальные информационные сети, включая сеть Интернет	41250	5021	102	87	526	303	892	1385

В 2009 г. обследовались организации для изучения целей использования программных средств (количество организаций указано в таблице 4). Как видно из таблицы 3, программные средства в Российской Федерации используют в основном для решения организационных, управленческих и экономических задач. Анализ показывает, что в Южном федеральном округе программные средства внедрены в работу по осуществлению финансовых расчетов в электронном виде и т.д.

Следует отметить, что наиболее активно информационно-коммуникационные технологии внедряются в образовательное пространство. Так, реализация национальных проектов в Калмыкии позволила существенно изменить оснащение школ и создать базу для применения современных технологий. В учебных заведениях значительно увеличился парк компьютерной и мультимедийной техники, расширился перечень используемого высокотехнологического оборудования, развиваются локальные сети. Общеобразовательные учреждения имеют лицензионное программное обеспечение, в школах организованы опытные зоны по переходу на операционную систему Linux.

Информатизация образования сегодня — это не только наличие компьютеров, сканеров и интерактивных досок, но и глубокое проникновение информационных технологий в управленческую, учебно-воспитательную и внеурочную деятельность школы, в работу по повышению квалификации педагогов. Во всех учреждениях создана электронная база данных обучающихся, есть положительный опыт ведения школьного документооборота. В целях формирования устойчивых моделей для массового внедрения информационно-коммуникационных технологий во всех общеобразовательных учреждениях ведется работа по внедрению услуги «Информирование о текущей успеваемости учащегося, ведение электронного дневника и электронного журнала успеваемости» и др. [Постановление Правительства Калмыкия 2012].

Активно внедряются информационные технологии в деятельность научных учреждений, в систему высшего образования рес-

публики — например, в Калмыцком институте гуманитарных исследований Российской академии наук без их сопровождения уже не мыслится дальнейшее развитие гуманитарной науки. В институте создаются программные продукты (TextAnalyzer, TextAligner), информационно-справочные системы (www.kalmcorpora.ru) [Куканова и др. 2012], электронные словари [Куканова и др. 2013] и др.

Таким образом, информационно-коммуникационные технологии в рассматриваемый период стали составной частью жизнедеятельности региона, сообщество пришло к осознанию необходимости внедрения информационных технологий как способа повышения эффективности и конкурентоспособности бизнеса, управленческой деятельности, как способа распространения знаний, их ротации и популяризации.

Литература

Дискин И. Российская модель социальной трансформации // Pro et Contra. 2000. Т. 4. № 3. С. 5–40.

Калмыкиястат [электронный ресурс] // URL: http://statrk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/statrk/ru/ (дата обращения: 04.04.2014).

Королев И. Медведев: Плюс компьютеризация всей страны. 18.07.2008 [электронный ресурс] // URL: http://rnd.cnews.ru/news/top/index.shtml?2008/07/18/308820 (дата обращения: 04.04.2014).

Куканова В.В., Бембеев Е.В., Мулаева Н.М., Очирова Н.Ч. Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 138–150.

Куканова В. В., Каджиев А. Ю., Бембеев Е. В. Электронные двуязычные словари калмыцкого языка // Исследование проюлем исчезающих языков в условиях глобализации (на примере калмыцкого языка) (VIII Волковские чтения): Мат-лы Международной научно-практической конференции (23–26 октября 2013 г.) Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. С. 53–56.

Очирова Н. Г. Проблемы развития региона в условиях трансформации российского общества (на примере Республики Калмыкия) // Известия высших учебных заведений. Серия: Общественные науки. – Ростов-на-Дону. 2011. № 6(166). С. 68–72.

Пихоя Р. Г., Журавлев С. В., *Соколов А. К.* История современной России. М.: НОВЫЙ ХРОНОГРАФ, 2011. 312 с.

Постановление Правительства Республики Калмыкия от 31 января 2012 г. № 15 «О комплексе мер по модернизации в 2012 году общего образования Республики Калмыкия» [электронный ресурс] // http://www.mon-rk.ru/index.php/educationmenu/moderobshobrazmenu.html (дата обращения: 04.04.2014).

Регионы России. Социально-экономические показатели - 2010 г. [электронный ресурс] // http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/Main.htm (дата обращения: 04.04.2014).

Тотальная компьютеризация социальной сферы [электронный ресурс] // URL: http://www.citmgu.ru/it/195-totalnaya-kompyuterizaciya-socialnoj-sfery.html (дата обращения: 04.04.2014).

УДК 316.346(460.64)
ББК 60.74(2р.К-Б)

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Distinctive Features of the Modern Demographic Processes in the Kabardino-Balkarian Republic

А. И. Тетуев (A. Tetuev)[1]

[1] доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН (Ph.D. of History, Associate Professor, Senior Researcher of the Institute for Humanities at Kabardino-Balkar Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences). E-mail: alim-tetuev@mail.ru.

В статье выявлены региональные особенности демографических процессов в Кабардино-Балкарии, их взаимодействие с социально-экономическим развитием региона, тенденции развития сложившейся демографической ситуации. Предложены меры, направленные на создание условий для устойчивого демографического развития Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: демографические показатели, продолжительность жизни, уровень смертности, рост рождаемости, уровень зарплаты, безработица, миграция, развитие экономики.

The regional peculiarities of the demographic processes in Kabardino-Balkaria, their interrelation with the social and economic development of the region, the tendencies of the current demographic situation are revealed in the article. The measures aimed at creating conditions for sustainable demographic development in Kabardino-Balkaria are discussed. During the period of modernization in Russia, a complicated demographic situation was characteristic of many regions of the country as well as of Kabardino-Balkar Republic.

This fact determines the urgency of researching the demographic processes in order to implement a differentiated policy not only in the economy and social spheres but also in dealing with the population issues. The study of the demographic processes in Kabardino-Balkaria is conducted on the basis of new statistical information including the analysis of the all-Russia social and economic indicators. For the first time, the author analyzes the process of implementation of the State Programme “The Improvement of the Demographic Situation in Kabardino-Balkar Republic for the Period of 2007–2015”.

Some special features characteristic of the demographic processes in Kabardino-Balkaria and basic trends of their development are revealed in the research. The conclusion is drawn that the migration processes influence on the demographic situation, social and economic development of the Republic. The results gained show that high natural population growth at low rates of economic development leads to labour-abundance and population migration.

The measures aimed at creating the sustainable demographic situation are identified in the work. First of all, it is necessary to adopt legal acts on increasing a consumer goods basket in the country, to raise a monthly allowance for a child and to make it uniform in all the regions of the Russian Federation. Besides, it is significant to ensure full implementation of the Republican Target Programmes on developing the regional labor market, to create new workplaces, to increase wages and to boost housing construction in the Republic.

Keywords: demographic determinants, lifetime, mortality rate, birth rate, wage rate, unemployment, migration, economic development.

Изменения демографической ситуации в Российской Федерации, обусловленные социально-экономическими процессами, происходившими в конце XX в., способствуют возрастанию интереса к ее изучению, поискам путей преодоления складывающейся в этой области критической ситуации. Сложной складывается демографическая ситуация и в регионах, что требует осуществления дифференцированной политики не только в экономике и социальной сфере, но и в области народонаселения. Данные обстоятельства определяют актуальность изучения проблемы демографических процессов.

Главным концептуальным документом, определяющим цели, задачи, принципы, меры и механизмы реализации государ-

ственной демографической политики в стране является «Концепция демографической политики Российской Федерации до 2025 года» [www. ivo garant.ru SESSION/ PILOT/main.htm/]. Согласно этому документу, «демографическая политика Российской Федерации направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения, и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране». Целями демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. названы стабилизация численности населения к 2015 г. на уровне 142–143 млн человек и создание условий для ее роста до 145 млн человек к 2025 г.

К числу основных принципов демографической политики, отмеченных в Концепции, отнесен принцип учета региональных особенностей демографического развития и дифференцированный подход к разработке и реализации региональных демографических программ, а также координация действий законодательных и исполнительных органов государственной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Основными целями демографического развития России в Концепции определены стабилизация численности населения и создание условий для его роста, повышение качества жизни и увеличение продолжительности жизни. Для достижения указанных целей необходимо решить широкий круг проблем социально-экономического развития. В числе приоритетных задач названы: обеспечение стабильного экономического роста и роста благосостояния населения; снижение уровня бедности и уменьшение дифференциации по доходам; интенсивное развитие человеческого капитала и создание эффективной социальной инфраструктуры (здравоохранение, образование, социальная защита населения), рынка доступного жилья, гибкого рынка труда, улучшение социально-эпидемиологической обстановки [www. ivo garant.ru SESSION/ PILOT/main.htm/].

В целях методологического и методического обеспечения мониторинга реализации демографической политики в субъектах Российской Федерации приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 ноября 2008 г. № 662 утверждены подробный Порядок проведения мониторинга реализации региональных программ демографического развития и экспертная анкета по оценке результатов реализации региональных программ демографического развития. По результатам анализа указанного мониторинга должна выстраиваться на перспективу федеральная и региональная демографическая политика.

На основании «Концепции демографического развития Российской Федерации до 2025 года» постановлением Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 04.12.2007 г. утверждена республиканская целевая программа «Улучшение демографической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике на период 2007–2015 годы» [Кабардино-Балкарская правда 2007]. Основными целями Программы являются улучшение демографической ситуации в республике, повышение рождаемости и снижение смертности населения, укрепление здоровья, увеличение продолжительности активной жизни населения. Достижение указанных целей будет осуществляться в ходе реализации системы программных мероприятий. В разделе «Мероприятия по повышению рождаемости и социально-экономической поддержки семей с детьми» предусматриваются меры, направленные на улучшение жизнедеятельности семей с детьми. Предусмотрены «Мероприятия по укреплению здоровья населения и увеличению продолжительности жизни», ориентированные прежде всего на укрепление материально-технической базы, обеспечение лекарственными препаратами медицинских учреждений и служб, деятельность которых непосредственно связана со снижением преждевременной и предотвратимой смертности, особенно в трудоспособном возрасте. В Программу также включены «Мероприятия по снижению материнской, младенческой и детской смертности», «Мероприятия по пропаганде семейных ценностей и здорового образа жизни», предусматривающие меры, направленные на охрану здоровья матери и ребенка, на повышение статуса семьи, формирование здорового образа жизни. Программой запланированы также меры, направленные на изучение, анализ и прогнозирование демографических процессов в республике.

Прогнозируемый объем средств на реализацию Программы —1758 млн руб., в том

числе из федерального бюджета — 978,7 млн руб.; из бюджета Кабардино-Балкарской Республики — 584 млн руб.; внебюджетные средства — 195,0 млн руб. [Кабардино-Балкарская правда 2007].

В рамках реализации программы «Улучшение демографической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике на период 2007–2015 гг.» с 2008 по 2010 гг. многодетные матери, родившие и достойно воспитывающие 5 и более детей и имеющие одного и более несовершеннолетних детей, награждены медалью «Материнская слава» (таковых 71 человек). Им выплачено денежное вознаграждение: матерям, воспитавшим 5 детей, в размере 50 тыс. руб. и за каждого последующего ребенка — дополнительно 10 тыс. руб. Кроме того, 10 матерей, достойно воспитавших десять и более детей, получили новые машины «Газель» [Кабардино-Балкарская правда 2010]. В целях стимулирования рождаемости с 2008 г. введена единовременная адресная социальная помощь в размере 250 тыс. руб. на строительство и приобретение жилья многодетным семьям при рождении пятого и последующего ребенка. С каждым годом в республике увеличивается число получателей материнского капитала. Так, в 2007 г. выдано более 3,5 тыс. сертификатов на материнский (семейный) капитал, в 2008 г. — 5,2 тыс., в 2009 г. — 8 тыс., в 2010 г. — 5,4 тыс. сертификатов [Социальное положение… 2012: 94].

Важная роль в укреплении здоровья, повышении уровня жизни, улучшении социального обеспечения населения отводится участию Кабардино-Балкарии в реализации национальных проектов «Здоровье», «Образование», «Доступное и комфортное жилье», «Развитие АПК» и в реализации республиканских целевых программ: «Социально-экономическое развитие Кабардино-Балкарской Республики на 2007–2011 годы», «Жилище на 2008–2015 годы», «Обеспечение жильем молодых семей КБР на 2011–2015 гг.», «Развитие образования на 2008–2020 годы», «Развитие здравоохранения в КБР на 2007–2011 годы», «Формирование здорового образа жизни в КБР на 2011–2015 гг.», «Развитие физической культуры и спорта в Кабардино-Балкарской Республике на 2009–2015 годы», «Молодежь Кабардино-Балкарии на 2009–2015 годы», «Социальная поддержка ветеранов, инвалидов и пожилых граждан на 2007–2011 годы» [www. parlament-kbr.ru; www.pravitelstvokbr.ru].

В результате реализации государственной демографической политики ситуация в Кабардино-Балкарии по сравнению с 1990-м г. улучшилась (см. табл. № 1) [www mtsrkbr.org.ru; Кабардино-Балкария в цифрах 2012: 39, 43–45].

Таблица № 1. ***Динамика основных демографических показателей Кабардино-Балкарии за 1990–2011 годы***

Численность	1990	1995	2000	2005	2010	2011
Численность населения на конец года, тыс. человек	**780,8**	**834,5**	**886,7**	**866,2**	**859,8**	**859,1**
В том числе						
городское	476,0	477,6	501,6	499,7	467,9	466,3
сельское	304,8	356,9	385,1	366,5	391,9	392,8
Из этой численности населения – население в возрасте, тыс. человек:						
моложе трудоспособного	233,0	242,0	223,9	188,2	177,1	177,5
трудоспособного	432,4	460,0	523,1	542,1	539,3	535,4
старше трудоспособного	115,4	132,5	139,7	135,9	143,4	146,2
На 1000 человек						
Родившихся	20,0	13,1	10,4	10,3	14,6	15,0
Умерших – всего:	8,5	9,9	10,0	10,4	9,4	9,4
в том числе детей в возрасте до 1 года на 1000 родившихся	19,3	14,5	14,2	14,5	6,0	5,7
Естественный прирост, убыль населения	11,5	3,2	0,4	-0,1	5,2	5,6

Численность населения Кабардино-Балкарской Республики к концу 2010 г. составила 859,8 тыс. человек. Республика относится к числу немногих регионов, в которых сохраняется естественный прирост населения. Уровень смертности по республике в 1,6 раза ниже, чем в среднем по стране, показатель рождаемости соответствует среднероссийскому уровню. Однако, несмотря на относительно благополучную демографическую ситуацию, в течение последних лет в республике наблюдается негативная динамика всех показателей, характеризующих воспроизводство населения. Анализ таблицы № 1 показывает, что за последние 15 лет динамика естественного прироста населения приобрела регрессивный характер. Если в 1990 г. общий естественный прирост населения составлял 11,5 на 1000 человек, то в 2005 г. он снизился до — 0,1, а в 2010 г. несколько увеличился и составил 5,2 в расчете на 1000 человек. По сравнению с 1990-м г. рождаемость населения снизилась почти в два раза (от 20 родившихся на 1000 человек в 1990 г. до 10,3 — в 2005 г.). Современные параметры рождаемости намного меньше, чем требуется для замещения поколений: в республике в среднем на одну женщину в 2006 г. приходилось 1,16 рождений, тогда как для простого воспроизводства населения этот показатель должен составлять 2,15 [www mtsrkbr.org.ru; Кабардино-Балкария в цифрах 2012: 39, 43–45].

Одним из существенных факторов, оказывающих влияние на динамику демографических показателей, является экономический кризис 1990-х гг., инициировавший снижение реальных доходов населения. В 2010 г. среднедушевой доход по республике составил 11030 руб., что на 14,7 % больше, чем в 2009 г., однако почти в 2 раза ниже, чем в среднем по Российской Федерации. Если говорить о реальном содержании среднедушевого дохода, то он в КБР обеспечивал 2,5 величины прожиточного минимума. Доля бедного населения с доходами ниже прожиточного минимума в прошлом году составляла 16,5 % от общей численности жителей республики. В наибольшей степени бедность распространена в семьях с высокой иждивенческой нагрузкой, прежде всего в многодетных семьях. Уровень бедности населения, несмотря на некоторую стабилизацию экономического положения в республике, в последние годы сохраняется достаточно высоким: в 2000 г. доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составила 57,5 %, в 2010 г. этот показатель снизился и составил 15,6 %. Основную часть бедных семей составляют семьи с тремя и более детьми [Кабардино-Балкария в цифрах 2012: 76; www mtsrkbr.org.ru].

Другой, не менее важной причиной, негативно влияющей на демографическую ситуацию, является мизерный объем средств, выделяемый государством на поддержку семей с детьми. В течение 6 лет не менялся размер ежемесячного детского пособия по уходу за ребенком, в 2006 г. составлявший 70 руб. Размеры государственной помощи семьям с детьми носят скорее символический характер и не могут рассматриваться как помощь государства нуждающимся. Так, ежемесячное детское пособие в 2010 г. составляло всего 83,6 руб., или 1,8 % прожиточного минимума.

С 2007 г. ежемесячное детское пособие выплачивается по уходу за первым ребенком — 1500 руб., по уходу за вторым и последующими детьми — 3000 руб. В 2011 г. эти выплаты увеличились и составили – 2194,4 руб. и 4388,7 руб., соответственно [Социальное положение… 2012: 101].

Вместе с тем следует отметить, что спад рождаемости, произошедший в течение последних лет, нельзя объяснять только снижением уровня жизни населения. Снижение рождаемости произошло в результате изменения воспроизводственных установок населения в сторону уменьшения числа детей, что обусловлено общемировыми тенденциями и характерно для большинства экономически развитых стран. В республике все большее распространение получает модель семьи с одним ребенком.

В течение последних лет увеличилась смертность населения — с 6573 человек населения в 1990 г. до 8107 в 2010 г. При общей тенденции роста смертности населения следует отметить чрезвычайно высокую смертность мужчин трудоспособного возраста. Уровень смертности трудоспособных мужчин в четыре раза выше, чем уровень смертности женщин, а в возрастной категории от 25 до 30 лет — в 7,7 раза превышает уровень смертности женщин. Высокий уровень преждевременной и предотвратимой смертности связан с сердечно-сосудистыми, онкологическими заболеваниями, несчастными случаями, отравлениями, травмами и в значительной мере обусловлен ухудшением состояния здоровья населения,

распространением социально обусловленных заболеваний (туберкулез, наркомания, токсикомания, алкоголизм) [Кабардино-Балкария в цифрах 2012: 44]. Негативное влияние на здоровье населения оказывают стрессы, низкий уровень и качество жизни, неудовлетворительное состояние системы здравоохранения. В условиях высокой преждевременной смертности мало внимания уделяется формированию у населения установок здорового образа жизни, профилактике сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, алкоголизма, наркомании и табакокурения.

Важным индикатором, отражающим социально-экономическое благополучие республики, состояние здоровья населения и качество медицинской помощи, является уровень младенческой смертности. Число детей, умерших в возрасте до одного года, на 1000 родившихся живыми, за 2010 г. составил 6,0 (75 детей в абсолютной численности) против 19,3 в 1990 г. (300 детей в абсолютной численности). По итогам 2009 г., показатель младенческой смертности на 1000 родившихся живыми в ЮФО составил 10,3, в РФ — 8,1 [Кабардино-Балкария в цифрах 2012: 45; www. mtsrkbr.org.ru].

Состояние здоровья и уровень смертности населения негативно отразились на показателе ожидаемой продолжительности жизни, который увеличился с 69,3 года в 2005 г. до 72,11 года в 2010 г. При этом продолжительность жизни мужчин намного меньше (67,13 года), чем продолжительность жизни женщин (76,84 года). Эти показатели несколько выше, чем в среднем по Российской Федерации (соответственно, 58,87 года и 72,39 года), но значительно уступают соответствующим показателям в развитых странах (75 и 80 лет) [Российский статистический ежегодник. 2012: 113; Социальное положение… 2012: 40].

Долговременные процессы, происходящие в численности населения, обусловили изменение его возрастной структуры в сторону увеличения доли трудоспособного населения и уменьшения доли детей. Удельный вес населения младше трудоспособного возраста сократился с 29,6 % в 1990 г. до 20,5 % в 2010 г. Удельный вес трудоспособного населения увеличился с 55,9 % в 1990 г. до 87,3 % в 2006 г., а доля лиц старше трудоспособного возраста возросла за этот же период с 14,5 % до 16,3 %. Сокращение численности населения младшего трудоспособного возраста привело к снижению иждивенческой нагрузки за 1990–2006 гг. с 806 до 575 человек в расчете на 1000 человек трудоспособного возраста [Кабардино-Балкария в цифрах 2012: 45; Социальное положение… 2012: С. 39; Кабардино-Балкарская правда, 14 декабря 2007].

Серьезной проблемой, влияющей на демографическую ситуацию и социально-экономическое развитие республики, являются миграционные процессы (см. табл. № 2) [Кабардино-Балкария в цифрах 2012: 46].

Таблица № 2. ***Влияние миграционных процессов на демографическую ситуацию Кабардино-Балкарской Республики***

	1990	2000	2002	2005	2007	2010	2011
Всего по КБР							
Прибыло	31341	21333	9117	7827	8638	6396	9774
Выбыло	21675	14040	11150	19066	13230	9523	15322
Сальдо миграции	9666	7293	-2033	-11239	-4592	-3127	-5548
На 1000 прибывших выбыло, человек	692	658	1223	2436	1532	1489	1568

Анализ таблицы № 2 показывает, что с 2002 г. в республике наблюдается отрицательное сальдо миграции. За 2005–2012 гг. отрицательное сальдо миграции составило 43,9 тыс. человек. Если в прежние годы миграционная убыль компенсировалась относительно высоким естественным приростом населения, то за 2000–2010 гг. в результате оттока (на фоне резко сократившегося естественного прироста) численность населения республики уменьшилась на 35,3 тыс. человек.

Основными причинами миграционного оттока из республики являются острая нехватка рабочих мест, низкий уровень заработной платы. Уровень безработицы в 2005 г. составлял 23,4 %, в 2011 г. — 10,8 %. Основную часть мигрантов составляет экономически активное население, главным образом, молодежь в возрасте от 20 до 30

лет. Интенсивный отток из республики квалифицированных кадров, особенно молодежи, ведет к снижению интеллектуального потенциала Кабардино-Балкарии [Социальное положение… 2012: 45].

Указанные выше меры позволили увеличить объем валового регионального продукта на душу населения в 2010 г. до 88,5 млрд руб. (по сравнению с 2005 г. увеличился в 2,1 раза), а размер средней месячной платы повысился более чем в 2,5 раза. Удалось добиться снижения уровня дотационности КБР с 65 % в 2005 г. до 49 % в 2012 г. [Кабардино-Балкария в цифрах 2012: 30, 89]. Благодаря реализации целого ряда инвестиционных проектов, активной поддержке развития малого и среднего бизнеса, предпринимательства и самозанятости населения, сокращена численность безработных с 37,7 тыс. человек к концу 2005 г. до 12 тыс. человек в 2010 г. [Кабардино-Балкария в цифрах 2012: 65; Кабардино-Балкарская правда, 14 декабря 2007]. Ощутимые результаты достигнуты и в демографической сфере. В 2011 г. по сравнению с 2005 г. численность родившихся детей увеличилась в 1,5 раза, а смертность детей в возрасте до 1 года снизилась в 2,5 раза. В целом смертность населения снизилась на 10 %. В 2005 г. естественная убыль населения составила 0,1 тысяч, а в 2011 г. естественный прирост населения составил 5,6 тысяч человек [Кабардино-Балкария в цифрах 2012: 39, 43–45; Кабардино-Балкарская правда 2010].

Вместе с тем следует иметь в виду, что высокий естественный прирост населения при недостаточных темпах экономического развития обусловливает высокую трудоизбыточность и миграцию населения. По результатам мониторинга социально-экономического состояния субъектов Российской Федерации, проводимого Министерством регионального развития Российской Федерации, по сводному индексу социально-экономического развития за 11 месяцев 2013 г. республика находится на 80-м месте. При этом, по данным Минрегиона России, за последние три года ситуация ухудшалась: 2010 г. — 31-е место, 2011 г. — 72-е место, 2012 г. — 76-е место и с начала 2013 г. — 80-е место. По составляющим данного индекса республика занимает последние места: инвестиционная привлекательность — 80-е место, доходы и занятость населения — 80-е место, бюджетная система — 70-е место, реальный сектор экономики — 67-е место.

По заключению Минрегиона России, республика характеризуется низким уровнем экономического развития, и в 2013 г. значения большинства макроэкономических показателей были хуже среднероссийского уровня [Храмов 2014]. Валовой региональный продукт в расчете на душу населения в 2012 г. составил 110,7 тыс. руб., что почти в 4 раза ниже среднероссийского (436,8 тыс. руб.), в 2005 г. данный разрыв составлял 2,9 раза. С начала 2013 г. произошло снижение индекса промышленного производства до 91,7 %, и КБР вошла в четверку «лидеров» по снижению промышленного производства среди субъектов Российской Федерации.

По показателю «инвестиции в основной капитал» в расчете на душу населения за 2005–2012 гг. отмечается рост в 4,5 раза (с 6,5 тыс. руб. в 2005 г. до 29,7 тыс. руб. в 2012 г.). Значение данного показателя почти в 3 раза ниже среднероссийского, который составляет 87,7 тыс. руб. Кроме того, с начала 2013 г. наблюдается снижение инвестиций в основной капитал почти на 40 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, и республика входит в четверку «лидеров» по снижению данного показателя. Инвестиции в основной капитал в расчете на душу населения за 9 месяцев 2013 года в КБР составили чуть больше 10 тыс. руб., это самый низкий показатель среди субъектов Российской Федерации, то есть 83 место [Слюняев 2014].

В сфере жилищного строительства за период с 2005 по 2012 гг. введено в действие около 2 млн кв. м жилья. В 2013 г. в республике введено жилья на 1,7 % больше, чем в соответствующем периоде прошлого года (по России — рост на 13,3 %). При этом ввод жилья на одного жителя в КБР в 2012 г. был ниже среднероссийского значения на 27,9 % и составил 0,328 кв. м на душу населения (по России — 0,455 кв. м).

По объему строительных работ на душу населения Кабардино-Балкария занимает предпоследнее — 82-е место. Объем работ, выполненных по ВЭД «Строительство», на душу населения за 11 месяцев 2013 г. составил 6,9 тыс. руб. при среднероссийском значении 35,7 тыс. руб.

В социальной сфере Кабардино-Балкарской Республики наблюдается нестабильная ситуация. В связи с дефицитом бюджетных

средств республиканские целевые программы финансируются только на 15–20 % от запланированных объемов.

В настоящее время уровень общей безработицы по республике оценивается в 40 тыс. человек, что составляет 9,8 % экономически активного населения республики. Численность официально зарегистрированных безработных (состоящих на учете в службе занятости) в ноябре текущего года составила 8,4 тыс. человек, или 2,2 % экономически активного населения, что выше среднероссийского значения в 2 раза (1,1 %). По данным баланса трудовых ресурсов, число граждан трудоспособного возраста, не занятых в экономике, составило на начало 2013 г. более 200 тыс. человек, или 39 % трудоспособного населения [Храмов 2014].

Таким образом, сложившаяся ситуация диктует необходимость сконцентрировать усилия исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления на проведение комплексной и системной работы, направленной на создание условий для улучшения демографической ситуации в республике. Прежде всего следует принять правовые акты об увеличении объема потребительской корзины в целом по стране, увеличении размера ежемесячного пособия на ребенка, установлении единого размера ежемесячного пособия на ребенка для всех регионов РФ. Кроме того, следует обеспечить реализацию республиканских целевых программ в полном объеме, развитие регионального рынка труда, создание новых рабочих мест, повышение уровня заработной платы и активизацию жилищного строительства в республике, а также реализацию республиканских целевых программ в полном объеме.

Литература

Кабардино-Балкария в цифрах. Статистический ежегодник. Нальчик, 2012. 340 с. [электронный ресурс] // URL: www mtsrkbr.org.ru (дата обращения: 08.11.2013 г.).

Кабардино-Балкария в цифрах. Статистический ежегодник. Нальчик, 2012. 441 с.

*Кабардин*о-Балкарская правда. 2007. 14 декабря.

*Кабардин*о-Балкарская правда. 2010. 5 июня

Министерство труда и социального развития в КБР [электронный ресурс] // URL: www mtsrkbr.org.ru (дата обращения: 08.11.2013 г.).

Республиканские целевые программы: «Социально-экономическое развитие Кабардино-Балкарской Республики на 2007–2011 годы», «Жилище на 2008–2015 годы», «Обеспечение жильем молодых семей КБР на 2011–2015 гг.», «Развитие образования на 2008–2020 годы», «Развитие здравоохранения в КБР на 2007–2011 годы», «Формирование здорового образа жизни в КБР на 2011–2015 гг.», «Развитие физической культуры и спорта в Кабардино-Балкарской Республике на 2009–2015 годы», «Молодежь Кабардино-Балкарии на 2009–2015 годы», «Социальная поддержка ветеранов, инвалидов и пожилых граждан на 2007–2011 годы» [электронный ресурс] // URL: www. parlament-kbr.ru; www.pravitelstvokbr.ru (дата обращения: 06.11.2013 г.).

Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. М., 2012. 786 с.

Слюняев И. Н. По большинству основных экономических показателей республика занимает одно из последних мест в Российской Федерации // Кабардино-Балкарская правда. 2014. 28 января.

Социальное положение и уровень жизни населения Кабардино-Балкарии. 2012. Нальчик. С. 40.

Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 года № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 года» [электронный ресурс] // URL: www ivo garant.ru SESSION/PILOT/main.htm/ (дата обращения: 05.11.2013 г.).

Храмов К. К. Кабардино-Балкария характеризуется низким уровнем экономического развития // Кабардино-Балкарская правда. 2014. 28 января.

УДК 393.05.092
ББК 63.4

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ДЖАНГАР

On History of Research of the Settlement Dzhangar

Е. Г. Буратаев (E. Burataev)[1]

[1] младший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Junior Researcher of History, Archeology and Ethnology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: burataev81@mail.ru.

Статья посвящена истории изучения единственного на территории Республики Калмыкия раскопанного широкими площадями поселения эпохи неолита Джангар. Автором статьи проведена работа по составлению топографического плана памятника, дается оценка археологических находок и научного значения памятника.

Ключевые слова: поселения, топографический план, кремневые орудия труда, керамика, неолит, Северо-Западный Прикаспий.

In recent years, the archeological methods and technologies enable to compile more accurate and detailed modern maps and topographical plans. Combining satellite images and maps, scientists have the opportunity to evaluate conditions and geographical characteristics of archeological sites. Having used the methods of geo-information systems and electronic technology, a GIS (geographic information system) of the Neolithic epoch settlement Dzhangar, which was first excavated and studied by Prof. Koltsov P. in 1979–1980s, was developed. This article deals with the preliminary results of the work on the territory of Oktyabrskii region of the Republic of Kalmykia. In the survey the data from the electronic map enabled the researchers to locate such burials as Kermen Tolga, Duker and Dzhangar settlements. Each enlisted monument has the description of its present condition and geographical characteristics as well as of the accurate location in the global positioning system. Moreover, on the site of Dzhanghar settlement the topographical filming location was carried out with the electronic tachometric device. As a result, it became possible to position the plan of the settlement Dzhangar with its geographical longitude and latitude, i.e. to define the position of the site on the world map. Thus, the performed work has shown that for a full-fledged study of the archeological research history it is necessary to conduct field studies, i.e to travel to the location of specific archeological sites with the purpose of their preservation and further study using modern achievements of the scientific and technical progress.

Keywords: settlements, topographic plan, silicious tools, ceramics, Neolithic epoch, North-Western Caspian Area.

В последние годы значительное внимание уделяется истории археологических исследований отдельных памятников и целых археологических культур. На ряде научных форумов организуются секции по истории развития археологической науки. Изучение истории археологической науки представляет не только самостоятельный интерес, но и вносит существенный вклад в изучение и охрану историко-культурного наследия.

В истории археологического исследования Калмыкии наибольший интерес представляет период с 1977 по 1986 гг., характеризовавшийся масштабными спасательными раскопками в северной части республики — в Сарпинской низменности. Именно в этот период началось интенсивное хозяйственное освоение еще мало населенного и засушливого региона Калмыкии. Возникали новые населенные пункты, укрупнялись существовавшие. За время строительства Калмыцко-Астраханской рисовой оросительной системы в Сарпинской низменности был раскопан 321 курган с 686 погребениями [Очир-Горяева 2008: 248–252]. Среди них были обнаружены и исследованы уникальные сарматские погребения с богатым инвентарем. В центральной части Сарпинской низменности было открыто и частично исследовано поселение эпохи неолита Джангар. Все эти открытия до сих пор не были изучены и рассмотрены в историческом плане, как не был оценен и

научный вклад археологов в историю развития археологической науки Республики Калмыкия.

Детальное изучение организации, проведения и результатов масштабных спасательных археологических раскопок представляет важный шаг на пути изучения древностей Республики Калмыкия. Полное освещение истории археологических исследований в зонах строительства предполагает проведение комплексных работ по архивным материалам, музейным коллекциям, а также использование новых технических возможностей для мониторинга памятников. В последние годы в археологии применяются методы и технологии, позволяющие составить более точные и подробные современные карты и топографические планы мест расположения памятников. Опираясь на совокупность космических снимков и карт, ученые имеют возможность оценить ландшафтно-географическую характеристику окружения памятников. Используя методы геоинформационных систем с помощью электронной техники, можно составить Геоинформационную систему (ГИС) конкретного археологического памятника. Перспективность использования современных методов трудно переоценить, особенно для памятников, исследованных не полностью, — как поселение эпохи неолита Джангар. Так, по оценке автора раскопок, территория памятника занимает более 1000 м^2. Стационарным же раскопкам было подвергнуто только 226 м^2.

В мае 2013 г. были начаты полевые работы по изучению мест расположения, мониторингу и оценке современного состояния памятников, полностью или частично раскопанных в Сарпинской низменности. Первая поездка была предпринята в Октябрьский район РК. С использованием данных электронной карты [Очир-Горяева 2008: 223–225] установлены места расположения курганных могильников Дюкер, Кермен Толга и поселения Джангар: в связи с тем, что в 1970-е гг. еще не была обязательной рекультивация памятников после их раскопок, отвалы и раскопы каждого кургана хорошо «прочитываются» на местности. Составлено описание современного состояния перечисленных памятников, проведена топографическая сьемка местности с помощью электронного тахеометра.

Настоящая статья посвящена предварительным результатам топографических работ, проведенных на территории Октябрьского района РК, на месте раскопок поселения Джангар.

При поисках следов стационарных раскопов поселения Джангар установлено, что поселение расположено не в трех, как указано в публикациях автора раскопок [Кольцов 1988: 52, Кольцов 2005: 74], и не в шести километрах, как указано в его более ранней публикации [Кольцов 1984: 80], а в 8,5 км от поселка Джангар Октябрьского района РК.

Поселение Джангар расположено вдоль северного побережья лимана Танха, в пространстве между берегом лимана и проселочной дорогой, ведущей от животноводческой кошары к п. Джангар. Во время нашего посещения лиман Танха представлял собой высохшую низменность. Животноводческая стоянка оставлена нежилой, кошара используется гуртоправами в качестве загона для крупного рогатого скота. Контуры раскопов легко «прочитываются» на местности, несмотря на плотную задернованность поверхности. Края раскопов представляют собой небольшие валы, тянущиеся по периметру раскопов, поскольку грунт отвала не просел в материк (рис. 1). Внутренняя площадь раскопов, несмотря на то, что они в свое время были засыпаны, выделяется в виде углублений правильной прямоугольной формы, так как почва в них утрамбовалась более интенсивно, чем по краям раскопов.

При осмотре поверхности раскопов был сделан ряд находок: мелкие неорнаментированные фрагменты лепной керамики, фрагменты кремневых отщепов. Вокруг западного раскопа в грунте прослеживаются мелкие раздробленные кости животных. В нескольких метрах севернее проселочной дороги был найден скребок из кремня светло-серого цвета. Скребок двусторонний, изготовлен на пластине из ее верхней части с ударным бугорком и следами ударной волны на брюшке скребка. Ретушь нанесена на длинных сторонах орудия, торцовые концы обломаны, ретуши не имеют. Спинка скребка оформлена в виде продольного ребра, с крутым гребнем. По форме продольного сечения относится к высоким скребкам. Длина орудия — 1,9 см, максимальная ширина — 1,7 см, высота в продольном сечении — 0,5 см (рис. 2).

Во время посещения памятника нами была проведена тахеометрическая сьем-

ка местности и раскопа 2, исследованного П. М. Кольцовым в 1979–1980-х гг. Площадь тахеометрической сьемки составляет 0,55 га и охватывает территорию вокруг раскопа 2 от края лимана Танха до проселочной дороги, ведущей в п. Джангар. До начала тахеометрической сьемки были выбраны три фиксирующих пункта, которые идентифицировались нами как нулевые отметки локальной системы координат (ЛСК): любая точка, снятая тахеометром, привязывается к данным нулевым отметкам и автоматически входит в векторный (точечный) слой геоинформационной системы (ГИС) «Поселение Джангар». В процессе создания данной ГИС сняты более 300 точек на поверхности. Все замеры сформировали векторный слой, по которому была создана карта местности, состоящая из точек измерений. Числовые данные точек с помощью инструмента 3dAnalyst в программе ArcGIS переведены в растровый слой, который представлен в виде топографической карты, в виде изолиний, отражающих микрорельеф с указанием высот в ЛСК и цветовым обозначением высот рельефа (рис. 3). Следующим этапом в разработке ГИС «Поселение Джангар» стал перевод созданной с помощью тахеометрической сьемки местности локальной системы координат (ЛСК) в глобальную систему координат (ГСК), т. е. определение позиции участка на карте мира. С помощью ручного навигационного прибора GPS определены географические координаты фиксирующих пунктов, их введение в программу обработки позволило позиционировать карту поселения Джангар по географической долготе и широте и расположить ее на карте (рис. 4).

Поселение Джангар занимает особое место среди археологических памятников Республики Калмыкия. Это пока единственный памятник эпохи неолита с непотревоженным культурным слоем, обильно насыщенным археологическим материалом. Он был открыт в 1978 г. П. М. Кольцовым при проведении археологических разведок. В 1979 г. на памятнике были заложены 2 шурфа и сделан раскоп площадью 60 кв. м, ориентированный по рельефу местности СВ–ЮЗ. В 1980 г. Раскоп 1 был расширен в северо-восточном направлении на 24 м^2. Стационарными работами исследована площадь около 84 м^2. Культурный слой залегал на глубине 20–30 см от дневной поверхности. Позднее в 20 м к северо-востоку от раскопа 1 был заложен раскоп 2 площадью 112 м^2. Таким образом, было исследовано 226 м^2 площади поселения.

За время проведенных стационарных раскопок была собрана многочисленная коллекция находок. Все материалы поселения Джангар опубликованы и введены в научный оборот автором раскопок, профессором Калмыцкого госуниверситета П. М. Кольцовым [Кольцов 1984: 79–91]. Полное описание и подведение итогов содержатся в специальной монографии П. М. Кольцова [Кольцов 2005]. Для введения статистических данных в ГИС систему «Поселение Джангар» нами составлена сводная таблица инвентаря поселения Джангар. В данной таблице приводится количество находок по трем культурным слоям. Обращает на себя внимание количественное преобладание каменных орудий и отщепов (под № 1) над фрагментами керамики (под № 2) и особенно над отдельными находками в виде альчиков, украшений и бусин (под №№ 3 и 4, соответственно: табл. 1).

Раскопки П. М. Кольцова 1979–1982 гг. позволили предварительно охарактеризовать керамический и кремневый инвентарь памятника эпохи неолита Джангар. Сопоставив находки, П. М. Кольцов сближает каменные изделия с артефактами Восточного Предкавказья и Крымско-Кавказского региона, предполагая их единые мезолитические истоки. Проанализировав керамический инвентарь и не найдя полных аналогий, автор обращает внимание на его самобытность, что дало основание для постановки вопроса о самостоятельной джангарской культуре раннего этапа неолита [Кольцов 2005: 74–150]. Не менее важным является наличие на поселении костей домашнего скота. Анализы остеологического материала проведены В. И. Данильченко. Дальнейшее изучение материалов поселения Джангар позволило исследователю сопоставить их с такими комплексами, как Ракушечный Яр и Тентексор. Проведенный радиоуглеродный анализ указывает на 5-е тысячелетие до нашей эры.

Раскопки поселения Джангар положили начало последующему изучению древних поселений на территории Калмыкии. Так, в 2008–2010 гг. проведены раскопки поселения с каменными постройками эпохи средневековья Башанта в Городовиковском районе Республики Калмыкия. На поселении раннего бронзового века Ергенинское

Кетченеровского района было вскрыто и исследовано 400 м^2 площади поселения [Очир-Горяева и др. 2011а: 81–85, Очир-Горяева и др. 2011б: 63–70; Кекеев 2011: 218–223; Очир-Горяева, Кекеев 2013: 18–26].

Топографические работы на поселении Джангар являются начальным этапом изучения истории археологических исследований на территории Республики Калмыкия в зоне строительства Калмыцко-Астраханской рисовой обводнительной системы и канала Волга–Чограй. Результаты, приведенные в данной работе, показывают перспективность начатых исследований.

Литература

Кекеев Э. А. Опыт создания географо-информационной системы средневекового поселения Башанта // Мат-лы Междунар. науч. конф. «Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие» (г. Элиста, 20–23 сентября 2011 г.) Ч. II. С. 218–223.

Кольцов П. М. Неолитические памятники Северо-Западного Прикаспия // Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М.: ГЖО «Воскресенье», 2005. С. 74–50.

Кольцов П. М. Неолитическое поселение Джангар // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1988. С. 52–92.

Кольцов П. М. Поселение Джангар в Сарпинской низменности // Эпоха меди юго-восточной Европы. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 79–91.

Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго–манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.); вступ. ст. А. С. Скрипкин, Г. Парцингер. Элиста: ГУ «Издат. дом «Герел», 2008. 298 с.

Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А. Археологические раскопки поселения эпохи бронзы Ергенинское // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 18–26.

Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А., Карнап-Борнхейм К., Манжикова Л. Д. Поселение «Башанта» с каменными постройками эпохи средневековья // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 63–70.

Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А., Карнап-Борнхейм К., Фассбиндер Й. Комплексные исследования на поселении бронзового века Ергенинское // Мат–лы Междунар. науч. конф. «Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие» (г. Элиста, 20–23 сентября 2011 г.) Ч. II. С. 81–85.

Таблица 1. ***Поселение Джангар. Количество инвентаря по раскопкам 1979–1982 гг. (по:*** [***Кольцов 1988: 52-85***]***)***

Тип находок	Культурный слой		
	1	2	3
	кол-во	кол-во	кол-во
1. Каменные изделия, всего	**4804**	**1852**	**1420**
Орудия, всего	1315	673	356
Скребки	419	257	123
Осколки, обломки, сколы	1450	14	392
Ножи	38	18	14
Проколки	57	11	6
Сверла	31	11	11
Мотыгообразное изделие	2		
Скребла	26	29	12
Наконечник стрелы		4	5
Топорики	2		
Точильные камни	9		
Наконечник копья	1		
2. Фрагменты керамики	**940**	**827**	**514**
3. Альчики	18		
4. Украшения, бусины	5		

Иллюстрации

Рис. 1. ***Поселение Джангар. Рабочий момент***

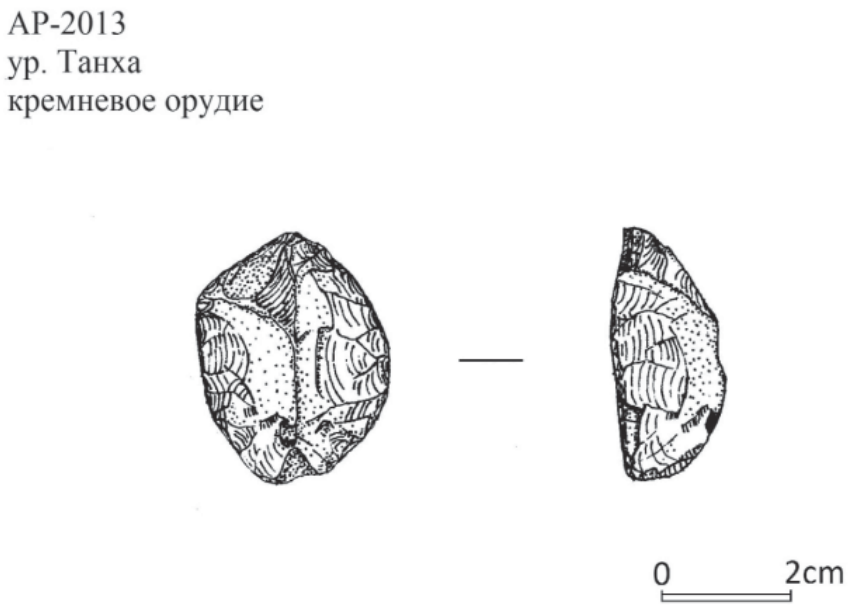


Рис. 2. ***Каменное орудие-скребок. Подъемный материал. Сборы 2014 г.***

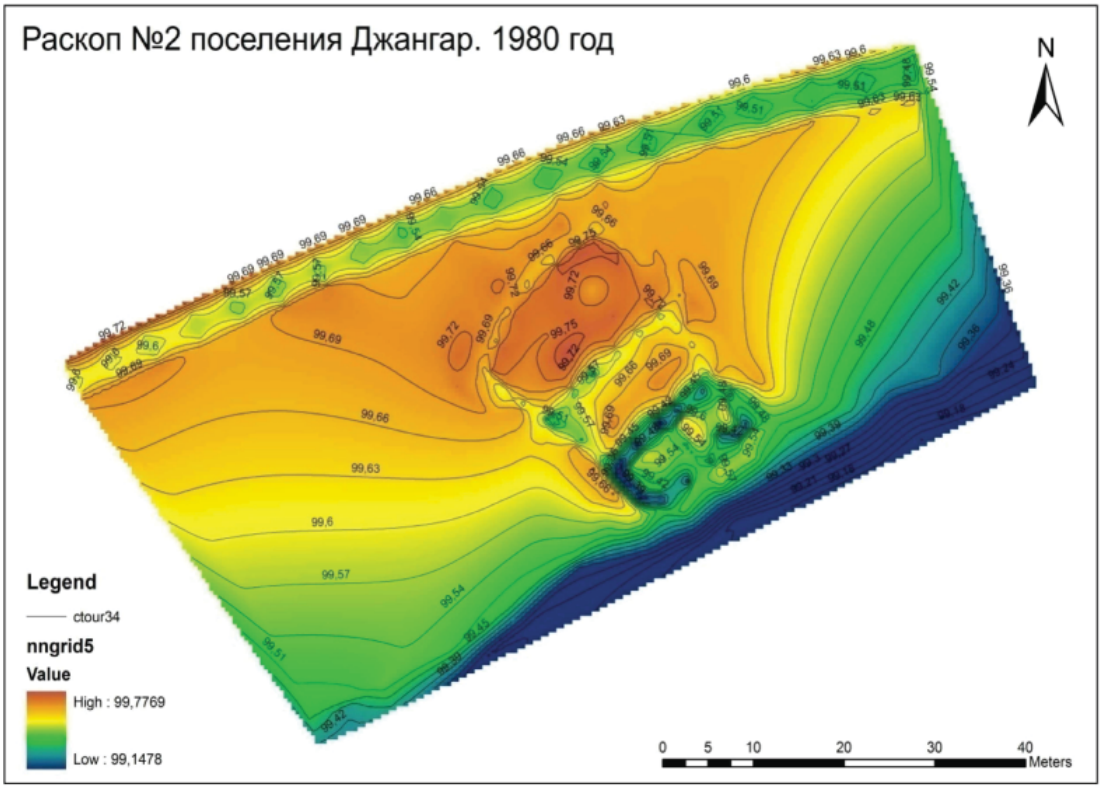


Рис. 3. ***Поселение Джангар. Раскоп 2. Топографический план***

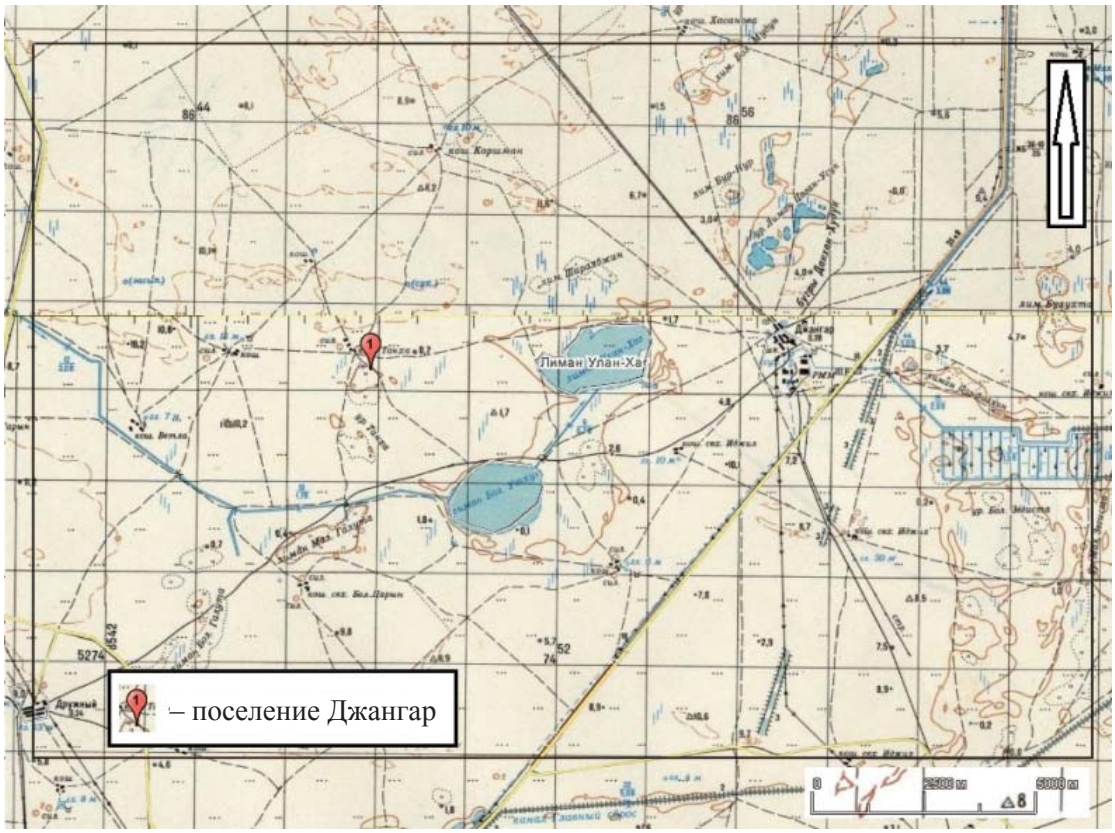


Рис. 4. ***Поселение Джангар. Карта***

УДК 902.26
ББК 63.4

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ВОСТОЧНЫЙ МАНЫЧ

Rescueing Archeological Excavations of the Vostochnyi Manych Barrow Group

Э. А. Кекеев (E. Kekeev)[1]

[1] младший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Junior Researcher of History, Archeology and Ethnology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru.

Статья посвящена результатам изучения сохранности археологических находок из раскопок У. Э. Эрдниева и И. В. Синицына — трех курганных групп могильника Восточный Маныч, обследованного в 1966 году.

Ключевые слова: Восточный Маныч, спасательные раскопки, курган, статистический метод, музейная коллекция, археологические находки.

The article discusses the research outcomes of preservation of the archeological findings which were excavated from the three barrow groups of the burial ground in the region of the river Vostochnyi Manych. The excavations were carried out by Prof. U.E. Erdniev and Prof. I.V. Sinitsin from 1965 to 1967 in the construction zone of Chograiskoe reservoir. Earlier the findings of the excavations of the burial grounds Lola I and II, Arkhara and Vostochnyi Manych (1965) have been studied and the results of the research have been published.

In 1966, the series of excavations including 165 mounds with 677 burials were conducted. The first 49 excavated mounds are located on the left bank of the river Vostochnyi Manych. The second group of the 83 burial mounds is situated 8 km to the west of the first group on the left bank of the same river. The third group of the 33 excavated mounds, which is a continuation of the second group, is located on the same bank of the river as well. The great majority of the burials excavated within this period date to Bronze Age and make 84.5% of the total number of the excavated burials in these three mound groups.

The archeological findings from the 1966 excavations are stored in the Kalmyk Ethnographic Museum. The article provides a list of the findings stored in the Museum among which there is a big amount of pottery belonging mainly to the burials of the Bronze Age: 56 clay vessels of various sizes and colours, and 7 clay incense burners. The next type of findings is tools made of bones and stones which are more typical of the Bronze Age than of the other periods of history. The next group of items consists of metal tools including the mirror made of bronze. The iron items are presented more widely, thus there are two arrowheads, two swords, two pairs of stirrups, an akinak and a spearhead.

The results of the excavations were highlighted in the series of the articles published on the archeological expeditions in Kalmykia from 1979 to 1991. The prolonged interval had a negative impact on the evaluation of the work carried out. The solution to this problem is to collect all the materials together, to create a common database of all the projects undertaken in Kalmykia which will allow not only to preserve the heritage, but also to reconsider the results of the work undertaken.

Keywords: the Vostochnyi Manuch, rescueing excavations, barrow, statistical method, musium collection, archeological findings.

В течение 1965–1967 гг. в зоне строительства Чограйского водохранилища работала археологическая экспедиция Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории, перед которой была поставлена задача — вскрыть все курганы, подлежащие разрушению в ходе строительства и затопления.

Данная статья является продолжением работы по изучению и введению в научный оборот результатов археологических раскопок, проведенных в 1960–1970-хх гг. У. Э. Эрдниевым и И. В. Синицыным. Ранее были изучены и опубликованы материалы из раскопок могильников Лола I и II, Архара и Восточный Маныч–1965 [Кекеев 2009, 2011, 2013].

В сезоне 1966 года было изучено 165 курганов с 677 погребениями. Осуществлявшие раскопки условно поделили изучаемый могильник на группы — первую, вторую и третью.

Первая группа располагалась на левом берегу р. Восточный Маныч и являлась про-

должением курганных групп, исследованных Синицыным И. В. и Эрдниевым У. Э. в 1965 г. в зоне строительства Чограйской плотины. Курганы тянулись вдоль пойменной долины с востока на запад двумя параллельными цепочками и по мере удаления от береговой полосы расположены без особого порядка. В первой группе раскопано 49 курганов [Синицын, Эрдниев 1979: 25].

Вторая группа курганов, так же как и первая, находилась на левом берегу Восточного Маныча в 8 км к западу от первой. В группе насчитывалось свыше 100 компактно расположенных насыпей. Курганы на протяжении более километра тянулись параллельно двумя цепочками с запада на восток. Основная масса курганов располагалась непосредственно вдоль береговой полосы Маныча. По своему внешнему виду курганы данной группы не отличались от курганов других групп, это обычные круглые земляные насыпи, среди которых имелись малые, средние и большие. Выделялись три больших кургана, среди них самый большой (курган 68) имеет диаметр 70 м, высоту 7 м. Диаметр курганов среднего размера 20–25 м, высота от 1,2 до 1,5 м. Высота малых курганов не превышает 1 м при диаметре 9–10 м. В данной группе раскопано 83 кургана [Синицын, Эрдниев 1982: 59].

Третья группа являлась продолжением второй группы, также располагалась на левом берегу реки, в этой группе было раскопано 33 кургана.

Таблица 1. **Курганный могильник Восточный Маныч, 1966 г. Общее количество курганов, погребений и культурно-хронологическая принадлежность [Очир-Горяева 2008: 249]**

Год	Автор	Могильник	Курганов	Погребений	Бронзовый век	Бронзовый век			Ранний железный век	Средние века	Не определено
						Ямная культура	*Катакомбная культура*	*Срубная культура*			
1966	Синицын Эрдниев	Восточный Маныч 1	49	179	155	*67*	*88*	*0*	19	5	0
		Восточный Маныч 2	83	203	133	*60*	*72*	*1*	65	5	0
		Восточный Маныч 3	33	295	284	*100*	*184*	*0*	7	4	0
		Итого	165	677	572	*227*	*344*	*1*	91	14	0

Всего в 1966 г. в трех курганных группах было раскопано 165 курганов с 677 погребениями. Во всех группах преобладает доля погребений эпохи бронзы: Восточный Маныч I — 155 из 179, Восточный Маныч II — 133 из 203, Восточный Маныч III — 284 из 295. В итоге соотношение выглядит так: из 677 погребений 572 (84,5 %) принадлежит бронзовому веку. За всю историю археологических работ обнаружено 3885 погребений, из них 2510 датированы эпохой бронзы (64,6 %) [Очир–Горяева 2008: 144–150].

Принятое деление курганных групп на три части весьма условно, и при приведении количественных показателей мы опустим номера групп и будем рассматривать могильник как единое целое. Далее мы рассмотрим могильник с целью определить время сооружения курганов и попытаемся выявить закономерности для группы в целом.

Из 165 курганов 90 сооружены в эпоху ямной культуры, из них 17 курганов не имеют впускных погребений. 24 насыпаны в эпоху катакомбной культуры, из них в 10 курганах обнаружены только принадлежащие этой культуре погребения. Единственное погребение, датированное срубной культурой, было обнаружено в кургане катакомбной культуры (Восточный Маныч, группа 2, курган 73).

Скифские погребения обнаружены в 15 курганах, и лишь в одном случае погребение являлось основным и единственным в

кургане. Впускные погребения, относящиеся к сарматскому времени, обнаружены в 14 курганах бронзового века. Интерес представляет и группа из 44 курганов небольшого размера, из которых все имели по одному погребению эпохи сармат, и лишь в одном случае курган имел два погребения, в другом же — сарматское основное погребение соседствовало с позднекочевническим.

Из пяти погребений половцев три были впускными в курганах бронзового века и два были в курганах основными. 11 погребений поздних кочевников были впускными в восьми курганах разных эпох, лишь в одном случае позднекочевническое погребение было в кургане основным.

Из анализа времени сооружения курганов групп Восточный Маныч-1966 видно преобладание курганов, насыпанных в эпоху ямной культуры, — 90 из 165 курганов (54,5 %). 24 кургана созданы в эпоху катакомбной культуры, таким образом, количество курганов, сооруженных в бронзовом веке, равняется 114, т. е. 69 % от 165 исследованных в 1966 г. курганов. Далее нужно отметить наличие группы сарматских курганов, содержащих по одному погребению, — 44 из 165 (26,7 %). Погребения остальных эпох являются основными в нескольких курганах, в основном же являлись впускными погребениями в курганах, принадлежащим другим культурам.

Находки из раскопок 1966 г. были переданы в Калмыцкий республиканский краеведческий музей, ныне Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова. Далее приведена опись находок, хранящихся на данный момент в фондах музея.

Таблица 2. **Курганный могильник Восточный Маныч, 1966 г. Находки, хранящиеся в фондах Национального музея РК им. Н. Н. Пальмова**

	Наименование	Материал	Могильник	Год	Курган	Погребение	Муз. шифр
1	Сосудик	глина	Вост. Маныч-1	1966	7	1	кп 7745/341
2	Сосуд	глина	Вост. Маныч-1	1966	11	3	кп 3119
3	Сосуд	глина	Вост. Маныч-1	1966	11	1	кп 7745/181
4	Курильница	глина	Вост. Маныч-1	1966	16	3	кп 7745/350
5	Сосуд	глина	Вост. Маныч-1	1966	18	4	кп 7745/150
6	Акинак	железо	Вост. Маныч	1966	39	-	кп 3557/116
7	Кувшин	глина	Вост. Маныч-1	1966	43	19	кп 3357/836 нвф
8	Сосуд	глина	Вост. Маныч-1	1966	44	-	кп 3557/721 нвф
9	Кувшин	глина	Вост. Маныч	1966	-	-	кп 3557/38 нвф
10	Сосуд	глина	Вост. Маныч	1966(?)	-	-	кп 7745/45
11	Меч	железо	Вост. Маныч-2	1966	1	1	вх 95
12	Наконеч.стрел, фрагм. предм.	железо	Вост. Маныч-2	1966	1	1	вх 94
13	Кувшинчик	глина	Вост. Маныч-2	1966	1	2	кп 7745/71
14	Сосуд	глина	Вост. Маныч-2	1966	3	2	кп 7745/61
15	Кувшин	глина	Вост. Маныч-2	1966	4	1	кп 7746/51
16	Кувшин	глина	Вост. Маныч-2	1966	5	3	кп 7745/335
17	Сосудик	глина	Вост. Маныч-2	1966	20	1	кп 7745/68
18	Чашка	глина	Вост. Маныч-2	1966	22	2	кп 7745/340
19	Кувшинчик	глина	Вост. Маныч-2	1966	23	1	кп 3357/130 нвф
20	Кувшин	глина	Вост. Маныч-2	1966	31	-	кп 7745/188
21	Кувшин	глина	Вост. Маныч-2	1966	31	-	кп 7745/188
22	Кувшин	глина	Вост. Маныч-2	1966	32	-	56 реставр.
23	Сосуд	глина	Вост. Маныч-2	1966	33	-	кп 7745/333
24	Фрагм. наконеч. копья	железо	Вост. Маныч-2	1966	33	-	вх 92
25	Кувшин	глина	Вост. Маныч-2	1966	36	-	кп 7745/62
26	Миска	глина	Вост. Маныч-2	1966	36	-	кп 3557/39 нвф
27	Миска	глина	Вост. Маныч-2	1966	36	-	кп 7745/369

28	Сосудик	глина	Вост. Маныч-2	1966	36	-	кп 7745/344
29	Миска	глина	Вост. Маныч-2	1966	38	-	-
30	Миска	глина	Вост. Маныч-2	1966	39	-	кп 3557/31 нвф
31	Кувшин	глина	Вост. Маныч-2	1966	41	-	кп 7745/46
32	Миска	глина	Вост. Маныч-2	1966	41	-	кп 7745/53
33	Фрагм. удил, стремени	железо	Вост. Маныч-2	1966	43	3	вх 93
34	Горшок	глина	Вост. Маныч-2	1966	43	-	кп 3357/145 нвф
35	Сосуд	глина	Вост. Маныч-2	1966	43	-	кп 3357/146 нвф
36	Сосуд	глина	Вост. Маныч-2	1966	43	-	кп 7745/207 о.ф.
37	Стремена (2 шт.)	железо	Вост. Маныч-2	1966	43	3	кп 3357|439 нвф
38	Фрагм. меча или кинжала	железо	Вост. Маныч-2	1966	51	-	р-л 110
39	Оселок	камень	Вост. Маныч-2	1966	51	-	р-л 111
40	Миска	глина	Вост. Маныч-2	1966	63	-	кп 7745/451
41	Кувшин	глина	Вост. Маныч-2	1966	65	-	вх 52
42	Кувшин	глина	Вост. Маныч-2	1966	69	-	инв. № 492
43	Сосуд	глина	Вост. Маныч-2	1966	71	-	1090/39 вх
44	Наконечники стрел (2 шт.)	железо	Вост. Маныч-2	1966	74	-	-
45	Фрагм. ножа	железо	Вост. Маныч-2	1966	74	-	-
46	Сосудик	глина	Вост. Маныч-2	1966	77	-	кп 3557/897 нвф
47	Сосудик	глина	Вост. Маныч-2	1966	79	2	кп 7745/343
48	Сосуд	глина	Вост. Маныч-2	1966	83	7	кп 3357/82 нвф
49	Сосуд	глина	Вост. Маныч-3	1966	1	3	кп 7745/79
50	Сосуд	глина	Вост. Маныч-3	1966	1	6	кп 3557/25 нвф
51	Сосуд	глина	Вост. Маныч-3	1966	1	7	кп 3041
52	Горшок	глина	Вост. Маныч-3	1966	2	8	-
53	Курильница	глина	Вост. Маныч-3	1966	3	4	-
54	Чашечка	глина	Вост. Маныч-3	1966	5	1	кп 7745/345
55	Курильница	глина	Вост. Маныч-3	1966	6	3	кп 3357/140
56	Сосуд	глина	Вост. Маныч-3	1966	7	7	кп 7745/59
57	Кольцо	кость	Вост. Маныч-3	1966	7	7	кп 3357/299
58	Сосуд	глина	Вост. Маныч-3	1966	8	1	кп 7745/37
59	Предмет	камень	Вост. Маныч-3	1966	8	5	кп 3357/321 нвф
60	Курильница	глина	Вост. Маныч-3	1966	10	10	кп 7745/351
61	Курильница	глина	Вост. Маныч-3	1966	11	3	кп 2885
62	Кувшинчик	глина	Вост. Маныч-3	1966	12	3	кп 7745/39
63	Сосуд	глина	Вост. Маныч-3	1966	12	4	кп 3557/32 нвф
64	Зеркало	бронза	Вост. Маныч-3	1966	12	1	вх 328
65	Кувшин	глина	Вост. Маныч-3	1966	13	3	кп 3108
66	Кувшин	глина	Вост. Маныч-3	1966	14	1	кп 7745/330
67	Курильница	глина	Вост. Маныч-3	1966	15	9	б/н
68	Сосуд	глина	Вост. Маныч-3	1966	16	9	кп 3144
69	Сосудик	глина	Вост. Маныч-3	1966	17	11	кп 7745/346
70	Горшок	глина	Вост. Маныч-3	1966	27	5	кп 7745/40
71	Сосуд	глина	Вост. Маныч-3	1966	28	6	кп 3357/828 нвф
72	Сосудик	глина	Вост. Маныч-3	1966	30	1	кп 7745/50
73	Сосуд	глина	Вост. Маныч-3	1966	30	2	кп 7745/58
74	Сосуд	глина	Вост. Маныч-3	1966	30	3	кп 7745/339
75	Курильница	глина	Вост. Маныч-3	1966	31	5	б/н
76	Сосуд	глина	Вост. Маныч-3	1966	32	9	58 реставр.

Среди находок преобладают изделия из глины, принадлежащие в основном погребениям бронзового века: 56 глиняных сосудов различных размеров и расцветок и 7 глиняных курильниц.

Следующим типом находок являются изделия из кости и камня, которые больше характерны для эпохи бронзы, чем для более поздних периодов истории. Из находок, изготовленных из данных материалов, в фондах музея хранятся: кольцо костяное, оселок каменный и предмет каменный.

Изделия из металла мы объединим в следующую группу. Из бронзовых предметов — бронзовое зеркало. Изделия из железа представлены здесь более широко: 2 единицы хранения наконечников стрел, два меча (один во фрагментах), две пары стремян (одна пара во фрагментах), акинак и фрагменты наконечника копья и элементов упряжи.

Результаты раскопок были опубликованы в виде статей в сборниках по археологии, изданных в Калмыкии с 1979 по 1991 гг. [Синицын, Эрдниев 1979, 1981, 1982, 1985, 1987, 1991]. Как видим, результаты раскопок 1965–1967 гг. опубликованы с достаточно длительным перерывом — с 1979 г. (12–14 лет) по 1991 г. (24–26 лет). Столь значительный перерыв в публикации материалов негативно сказался на оценке проведенных работ. Решением проблемы исследования раскопок в Восточном Маныче является собирание воедино всех материалов, создание общей базы данных по всем археологическим проектам, осуществленным в нашей республике, что позволит не только сохранить историческое наследие, но и переосмыслить результаты работ.

Литература

Кекеев Э. А. Анализ археологического материала раскопок курганной группы «Восточный Маныч» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 1. 2011. С. 70–74.

Кекеев Э. А. О материалах археологических раскопок из курганной группы Архара, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 4. 2013. С. 27–30.

Кекеев Э. А. О материалах археологических раскопок могильных групп Лола I и II, хранящихся в фондах национального музея Республики Калмыкия (1961–1963 гг.) // Мат-лы Междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.); в двух частях. Ч. 1. Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 165–174.

Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.); вступ. ст. А. С. Скрипкин, Г. Парцингер. Элиста: ГУ «Издат. дом «Герел», 2008. 298 с.

Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1979. С. 25–94.

Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маныча // Археологические исследования Калмыкии. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1987. С. 83–98.

Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1981. С. 29–66.

Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маныча // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1985. С. 43–78.

Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Древности Восточного Маныча // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста: КИОН АН СССР, 1991. С. 4–21.

Синицын И. В., *Эрдниев У. Э.* Древности Восточного Маныча // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1982. С. 59–62.

УДК 393.05.092
ББК 63.4

ВЕРХОВЫЕ КОНИ В СКИФСКОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ

Saddle Horses in the Scythian Burial Rite

М. А. Очир-Горяева (M. Ochir-Goryaeva)[1]

[1] кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of History, Senior Researcher of History, Archeology and Ethnology Department at Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: mariaochir@rambler.ru.

В статье проведен анализ могил с сопроводительными захоронениями коней из курганов степной зоны Северного Причерноморья классического скифского времени. Проведенное исследование выявило, что конструкция и размеры конских могил были приспособлены для размещения трупов лошадей в полных парадных гарнитурах в позе живых для красоты и торжественности похорон человека — их хозяина.

Ключевые слова: курганы**,** погребальный обряд, конские могилы, скифы.

The first burial mounds with accompanying horse graves were excavated in the 19th century. Nevertheless, some horse graves in the Scythian barrows of the North Black Sea steppe are still insufficiently investigated. A few important questions, for example, whether the horses were killed before being placed in the burial pit or if they suffocated to death after being buried are still under discussion. The horse burial mound sizes and depth have never been taken into consideration and elaborated statistically. The analysis shows that the horse grave pits had special sizes and design features to accommodate the corpses in imitation of those alive. Traditionally horse graves are classified according to their shape. Mozolevsky divided them into three types: square, quadrangular and oval (slot-like). It seems quite appropriate that the shape and size of horse graves were determined by the number of buried animals. In most cases their length roughly corresponds to the size of a horse from its face to tail (2m) while its shape (square or quadrangular) depended on the number of animals buried in a grave.

However, not only the width of a grave but its depth also depended on the number of horses per grave. Thus their length may vary from 2.13 to 3.4m; however, only two of them containing 4 animals and one containing 10 animals were over 3m long. Their depth varies from 1.0 to 2.5m but the graves which were over 2m deep had 4 animals (three of them) and 7 animals (one of them). Thus, the conclusion can be drawn that the depth of a grave directly corresponded to its length and width.

The Scythian horses had a skillfully made ceremonial harness to emphasize the richness of the burial ceremony of a high status horse master. Therefore, this integrated analysis of burial mounds with their accompanying horse graves and bridle elements has shown that the horse graves in the Scythian tumulus was a sign of prestige and richness of their masters, but in fact accompanying their masters to the other world horses played a secondary role as a part of grave goods.

Keywords: burial mounds (kurgans), burial rite, horse graves, Scythians.

В Северном Причерноморье конские могилы находились в нескольких метрах к западу от могилы хозяина, находящейся в центре кургана. Кони располагались в них мордами на восток, то есть были ориентированы к хозяину. Если же погребение человека было вторичным и тело вносилось в камеру основного погребения через дромос, то конские захоронения вторичного погребения располагались на севере, в дромосе, мордами на юг к могиле хозяина. Устроители курганов (скифы) стремились расположить коней в могилах, как при жизни, т. е. в позе живых — лежащими на животе с подогнутыми под себя ногами или же стоящими. В ряде погребений были даже устроены земляные ступени или выступы, помогавшие поддерживать голову лошади в вертикальном положении. В Толстой могиле в обоих конских захоронениях прослежены подобные земляные конструкции. Южная и северная стенки северной конской могилы имели небольшие поперечные выступы по центру. Ко дну ямы выступы плавно переходили в перемычку, которая разделяла могилу на два овальных в плане отделения. Сверху пере-

мычка была закруглена и достигала 64 см в ширину. Перемычка эта хорошо просматривается в разрезе могил. Она явно использовалась для придания телу умерщвленного животного позы живой лошади. Поэтому мягко закругленная перемычка находилась под животами лошадей, а выступы в стенах удерживали животных с боков. Такую же перемычку имела южная конская могила. По дну ямы западное отделение могилы было на 11 см глубже восточного (1,77 м и 1,66 м). Это также объяснимо: лошади были положены головой на запад. Крупы лошадей находились в более мелкой, восточной части ямы (рис. 1). В обеих конских могилах кургана 1 Завадская могила прослежены земляные закругленные перемычки под животами лошадей. В южной конской могиле в западном конце также имелся уступ для поддержания головы коня на высоте.

Иной метод для придания позы живых лошадей был применен в кургане Водяна могила. Вдоль торцовых стен конской могилы были сделаны слегка приподнятые уступы, на которых покоились головы и крупы лошадей. В конской могиле с западной стороны центральной гробницы кургана Александрополь «лошадь стояла на коленях, голова на небольшой приступке» [Древности Геродотовой Скифии, 1866: 1–28]. В кургане Соболева Могила конская могила представляла собой яму прямоугольной формы с зауженным на восток концом. В восточной части ямы устроена ступенька шириной 0,6 м и высотой 1,0 м — подставка для головы лошади. В кургане 16 Великая Знаменка в конской могиле сохранились остатки деревянных подпорок под брюхом и грудью лошади. В конской могиле центрального погребения кургана Солоха была зафиксирована стенка-перемычка толщиной 0,3 м из сырцовых кирпичей. Обе лошади лежали в помещениях, представлявших собой узкие канавки, шириной 0,82 и 0,76 м. Животные были втиснуты в них с поджатыми ногами и приподнятыми вверх головами [Манцевич 1987: 13–15]. Приведенные примеры отражают далеко не полный список конских могил с приспособлениями для удержания трупа животного в нужной позе. Для таких захоронений был предложен в свое время термин «могилы с материковыми перемычками» [Болтрик, Фиалко 2005: 23]. Правильнее было бы их назвать — могилы с материковыми перемычками и уступами. Как показывают приведенные примеры, материковые перемычки и уступы были характерны не только для узких ям с захоронением одного коня (Александрополь, Соболева могила, Великая Знаменка), но и для более обширных захоронений нескольких коней (Толстая Могила, Водяна могила, Солоха). В свое время Б. Н. Мозолевский выделил три вида могил по их форме: квадратные, прямоугольные, овальные или щелевидные [Мозолевский 1979: 160–163]. Однако, думается, форма могилы (квадратная, овальная или иная) в данном случае не столь важна. Форма и размеры ямы зависели от количества погребаемых лошадей. Важен факт применения специальных приспособлений в форме материковых перемычек, уступов и деревянных подпорок и т. д. Исследователями уже отмечалось, что конские могилы иногда напоминают своего рода футляры для коней, поэтому было предложено называть их «щелевидными» [Болтрик, Фиалко 2005: 13-37]. Изучение размеров конских могил позволяет сделать вывод, что узкими были могилы не только для одного, но и для нескольких коней. Животные были уложены в них плотно прижатыми друг к другу. Например, в Чмыревой могиле для погребения 10 коней была вырыта яма длиной 3,0 м и шириной 7,10 м. Следовательно, каждая лошадь занимала всего лишь 71 см. Надо полагать, что плотная укладка лошадей облегчала их поддержание в позе живых. По всей видимости, могилы коней в ходе погребальной церемонии какое-то время были открытыми, иначе теряет смысл вся работа по укладке коней в позе живых. С учетом приведенных сведений становится очевидным, что кони помещались в погребальные сооружения в умерщвленном виде.

Существует предположение, что в некоторых курганах коней помещали в могильные ямы живыми. Еще при раскопках кургана Чмырева могила мнения исследователей разделились. Опираясь на собственные наблюдения (полный беспорядок в расположении останков десяти коней, обнаружение следов конского навоза в виде зеленоватого вещества, наличие крутого спуска в могилу), Ф. А. Браун полагал, что кони были сведены в могилу (глубиной 2,13 м) живыми по крутому спуску (длиной 1,55 м и шириной 1,06 м) в северо-восточном ее конце. Н. И. Веселовский, продолживший исследования Чмыревой могилы, опираясь на свидетельства рабочих Ф. А. Брауна, писал, что скелеты коней не были перепутаны: пять ко-

ней были положены головой на запад и пять коней — головой на восток [Rolle 1979: 19; Болтрик, Фиалко 2005: 23]. Характер расположения останков свидетельствует о предварительном умервщлении десяти коней из Чмыревой могилы. Последовательными сторонниками введения коней в могилу живыми не только в Чмыревой могиле, но и в кургане Огуз, Толстой Могиле и в Солохе-2 являются Ю. В. Болтрик и Е. Е. Фиалко, которые приводят в качестве аргументов в основном те же три довода Ф. А. Брауна (перепутанность костей в конской могиле кургана Чмырева могила, свидетельствующая об агонии умиравших от недостатка воздуха коней, обнаружение там зеленоватой органической массы и наличие крутого пандуса). Оба автора полагают, что коней «заводили в яму по специально устроенным наклонным спускам и оставляли там живыми или же подводили к краю ямы и просто сталкивали вниз» [Болтрик, Фиалко 2005: 22]. Приведенные доводы, однако, неубедительны по целому ряду причин. Во-первых, в захоронениях животных из кургана Толстая Могила были зафиксированы поперечные перемычки, которые делают практически невозможным введение живого коня в столь тесное пространство. В кургане Солоха внутри могилы было четыре выступа, отделявших одну лошадь от другой. Они предназначались, как показано выше, для того, чтобы поддержать труп коня в позе живого. Практическое знание поведения лошадей в быту также является важным аргументом в пользу размещения коней в могиле уже в умерщвленном виде. Испуганное до смерти животное будет активно, безудержно сопротивляться, разнесет все перемычки и пандусы, порушит стенки и края ям и никогда не позволит спокойно «завести» себя в яму, а тем более «уложить» плотно прижатым к другой, уже лежащей в могиле лошади.

Во-вторых, пандус или спуск в кургане Чмырева могила, судя по его длине сравнительно с глубиной ямы, был слишком крутым и, скорее всего, облегчал спуск трупов лошадей в могилу. Для того чтобы свести лошадь в яму, нужен спуск хотя бы под углом 30°, но тогда, согласно законам геометрии, длина пандуса должна быть в 2 раза больше глубины ямы. В то время как в Чмыревой могиле длина пандуса на 58 см короче глубины ямы.

В-третьих, как показано выше, все конские могилы в скифских курганах были довольно тесными. Не случайно узкие ямы с одним конем называются «щелевидными»: они выкопаны точно по размеру корпуса коня как в длину, так и в ширину. В «коллективных» конских могилах также практически нет свободного пространства. Это свидетельствует о том, что ямы были специально «подогнаны» так, чтобы прижатые друг к другу кони служили опорой и подпорками друг другу. В конских могилах с двумя и более конями на каждое животное приходилось зачастую 60–91 см. В среднем на каждого коня приходилось от 69 см до 83 см. При этом наблюдается тенденция: чем больше количество коней, тем теснее они укладывались в могиле (табл. 1).

В-четвертых, расположение конских скелетов, показывающее, что тела лошадей наваливались друг на друга и конечности их были перепутаны, может, напротив, свидетельствовать о том, что не всегда удавалось аккуратно укладывать тяжелые конские трупы. Даже если ноги лошадей не были уложены аккуратно, то смотрящим сверху участникам похорон это не было заметно в тесном пространстве при глубине ямы около 2 метров. Поэтому скифы при захоронении могли сэкономить силы и время.

В-пятых, археологически фиксируется наличие зеленоватой органической массы на дне конского захоронения в Чмыревой могиле и в кургане Огуз. Но на сегодняшний день невозможно установить: была ли эта масса результатом опорожнения кишечника умирающей в агонии лошади или она находилась внутри уже умервщленного животного. В связи с чем возникает следующий вопрос, была ли эта зеленоватая масса органической и была ли она археологизированным следом конского навоза? Специального анализа органической массы проведено не было. Навоз животных является субстанцией, легко исчезающей в природе. Сохранение зеленоватого цвета упомянутого вещества позволяет предположить, что оно имело некое минеральное или иное, более стойкое, чем навоз, происхождение.

Не стоит упускать из виду и тот факт, что скифы регулярно забивали животных на мясо и имели навыки транспортировки лошадиной туши, несмотря на ее солидный вес (вес взрослой лошади, как правило, варьирует от 500 до 700 кг). Среди остатков тризны преобладают лошадиные кости, что свидетельствует о массовом забое этих животных во время погребальной церемо-

нии. Учитывая вышесказанное, транспортировка и укладка в яму трупов, а не живых коней, была более удобной, не нарушала красоту и сохранность их уздечного снаряжения.

Более того, исследуя проблему конских захоронений из скифских курганов, мы приходим к выводу, что в могилы укладывали умерщвленных лошадей с вынутыми внутренностями. Первый аргумент — теснота и плотная набитость конских могил, которая была возможна, если животы коней были выпотрошены. По данным той же таблицы, в четырнадцати погребениях с двумя и более лошадьми каждой лошади в среднем было отведено 76 см. Взрослой лошади для лежки, по наблюдениям в современной конюшне, необходимо пространство минимум в 100 см. Второй аргумент — сообщение Геродота о потрошении и набивании мякиной трупов 50 лошадей на поминках царя. «Так вот удавив пятьдесят человек этих слуг и пятьдесят самых красивых лошадей, вынув у них внутренности и очистив, наполняют мякиной и зашивают» (Геродот. IV. 72) [Доватур и др 1982: 127]. Практика бальзамирования трупов путем извлечения внутренностей применялась не только по отношению к лошадям и к удушенным 50 юношам-всадникам, но и по отношению к умершему царю: «Здесь каждый раз, когда у них умирает царь, они роют в земле большую четырехугольную яму. Когда же она готова, берут труп, тело натирают воском, живот, разрезанный и очищенный, заполняют нарезанным купырем, благовониями, семенами сельдерея, аниса, зашивают и увозят (тело) на повозке к другому племени…» (Геродот. IV. 71) [Доватур и др. 1982: 126–127]. Предварительное бальзамирование трупа царя позволяло возить его по пределам царства до погребения без видимых признаков разложения. Если следовать этой логике, то кони были уложены в могилы не только мертвыми, но и выпотрошенными. Проведенное исследование выявило, что конструкция и размеры конских могил были приспособлены для размещения трупов лошадей в полных парадных уздечных гарнитурах в позе живых для красоты и торжественности похорон человека — их хозяина.

Литература

Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е. Роль коня в погребальной традиции скифов // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск: Новосибир. гос. пед. ун-т, 2005. С. 13–37.

Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982. 452 с.

Древности Геродотовой Скифии: Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. Вып. 1. СПб.: ИАК, 1866. 234 с.

Манцевич А. П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1987. 141 с.

Мозолевський Б. М. Товста Могила. Київ: Наукова думка, 1979. 213 с.

Rolle R. Totenkult der Skythen. Teil I–II: Das Steppengebiet. Berlin; *N.Y.:* Verlag Walter de Gruyter & Co, 1979. 188 s. (Vorgeschichtliche Forschungen; Band 18).

Таблица 1. **Размеры и глубина конских могил**

№	Памятник	Глубина могилы (м)	Длина могилы (м)	Ширина могилы (м)	Количество коней
1	Чмырева могила	2,13	3	7,1	10
2	Большая Цымбалка	?	?	?	6
1	Солоха–2	1,42	2,58	4,56	5
4	Чертомлык, ср.	2,5	2,8	2,8	4
5	Чертомлык, сев.	2,5	3,0	3,0	4
6	Огуз	2,2	3.4	3,2	4
7	Краснокутский	1,78	2,3	2,76	4
8	Чертомлык, южная	2,5	2,8	2,8	3
9	Толстая могила, северная	1,35	2,25	1,9–2,2	3
10	Лемешевский	1,67	2,69	2,24	3
11	Толстая могила	1,66–1,77	2,20	1,95	3

№	Памятник	Глубина могилы (м)	Длина могилы (м)	Ширина могилы (м)	Количество коней
12	Желтокаменка	1,9	2,55	2,05	0
13	Солоха–1	1,52	1,88	2.12	2
14	Мелитопольский	1,6	2,5	1,3	2
15	Водяна могила	1,75	2,6	1,74	2
16	Братолюбовский	1,2	2,2	1,2	2
17	Гайманова могила, центр.	3,4	2,6	1,9	2
18	Завадская могила 1 мог 1	2,0?	1,6	0,6?	1
29	Завадская могила 1 мог 2	2,0?	2,25	1,4	2
20	Александрополь, центр.	0,35	2,3	0,50–0,71	1
21	Каменная могила	?	2,13	?	1
22	Сошников-Стар. птицеф.	0,7	2,25	1,35	1
23	Страшная могила	1,8	2,3	1,0	1
24	Мордвиновский, к. 2	1,45	2,35	0,9	1
25	Никольское, к. 9		?		1
26	Шевченко, к. 2, п. 1	1,1	-	-	1
27	Соболевский	0,9	-	-	1
28	Носаки, к. 4	1,0	2,5	1,0	1
39	Великая Знаменка, к. 13	1,6	-	-	1
30	Деев курган	1,71	2,13	1,42	1
31	Кирово, к. 2	1,4	2	1,4	1
32	Старое, к. 6	0,7	2,25	2,35	1
33	Башмачка	1,4	2,4	0,88	1

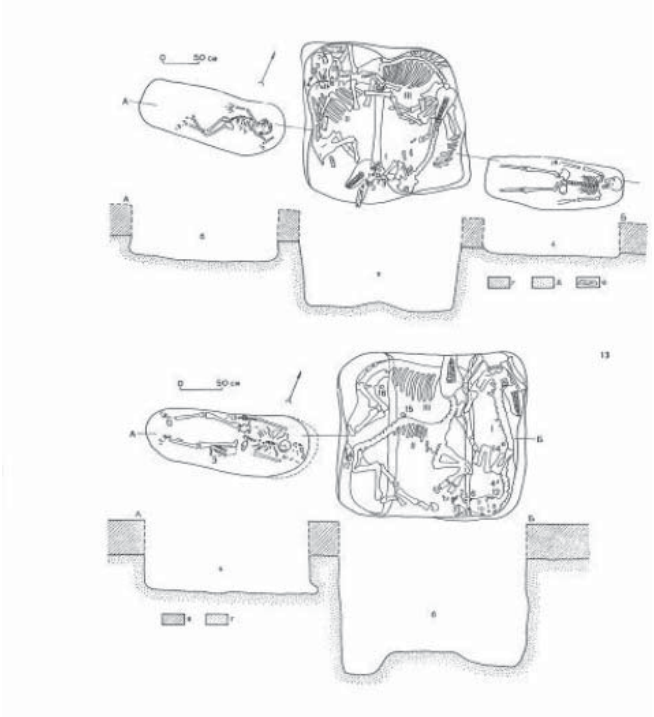


Рис. 1. **Толстая могила, план конских могил и могил конюхов [по: Мозолевский 1972. Рис. 4]**

УДК 392.91
ББК 63.5(2Рос=Калм)

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ОЙРАТСКИХ И КАЛМЫЦКИХ ТАНЦЕВ*

On Some Issues of the Oirat and Kalmyk Dance Comparative Studies

Э. П. Бакаева (E. Bakaeva)[1]

[1] д-р ист. наук, заместитель директора Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of History, Deputy Director of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: elzabakaeva@yandex.ru.

Статья посвящена актуальным вопросам сопоставительного изучения танцев ойратов и калмыков — близких в этногенетическом и этнокультурном отношении народов. Освещаются проблемы классификации танцев, взаимосвязи культуры танца и народного костюма, отмечается наличие трех «диалектов» в танцах субэтнических групп калмыков. Автором ставится проблема выявления архаического пласта и семантики танцев ойратов и калмыков, которая должна решаться на основе привлечения комплексного подхода с учетом хронологии материалов.

Ключевые слова: ойраты, калмыки, танцы, сопоставительное изучение, семантика, костюм, архаичный пласт.

The article is devoted to the topical issues of the comparative study of the dances of the Oirats and the Kalmyks – the genetically and culturally related ethnic groups. The dance culture of the Kalmyks is assumed to have been researched better than that of the Oirats, though on the whole many aspects remain insufficiently explored. The issues of the dance classification, the relationship of the dance culture and folk costume as well as the existence of the three “dialects” of Kalmyk dance corresponding to the three sub-ethnic groups of Kalmyks are discussed in the article. The necessity to involve the integrated approach considering resource chronology to determining the archaic layer and semantics of the Oirat and Kalmyk dances is highlighted. According to the author, the specific features of the sub-ethnic variation of the Kalmyk culture are associated with some ancient traditions, therefore the comparative study of the traditions of the Oirats of Mongolia (Derbets and Torguts) can provide some additional material for consideration. The Kalmyk ethnos development on the basis of the Oirat ethnic groups took place on the territory of the South of Russia in the multiethnic environment which determined the inclusion of some new elements into the culture. At the same time the Kalmyk culture preserves some archaic traditions originated in and connected with the Central Asian period of the ethnic history, so the problem of their possible influence on the traditional culture is open for discussion.

Despite the differences in pace and movements, there are some semantic similarities and typological relationships in the dance traditions of the Oirats and the Kalmyks. Thus, on the one hand, it is important not to exaggerate the impact of the transformations occurred under the influence of the neighboring peoples’ cultures, and on the other hand, it is necessary to consider the influence made by the related Mongol culture on that of the Oirat taking into account that certain metamorphosis took place during the Qing Empire period. The comparative analysis of the Oirat and Kalmyk traditions and dance semantics appears to be challenging for research of the Kalmyk dance culture.

Keywords: Oirats, Kalmyks, dance, comparative studies, semantics, costume, archaic layer.

Танцевальная культура калмыков и их этнических предков — ойратов — привлекала внимание исследователей со времени появления первых этнографических описаний народов России, которые были предприняты еще в XVIII в. академическими путешественниками. Специфика танцевального фольклора калмыков не всегда получала объективную оценку исследователей, представлявших иную культуру и концентрировавших внимание лишь на внешних факторах, движениях и позах, не углубляясь

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02898).

в содержание элементов культуры кочевого народа. В ряде ранних описаний использовались такие слова, как «кривляния», «подергивания», «страдания» калмыцких танцоров, отмечались «отсутствие живости», «однообразие приемов».

Только в XX в. калмыцкие танцы впервые стали предметом специального изучения. Так, с 1936 г. балетмейстером 1-го государственного национального калмыцкого театра-студии в г. Элисте работала Е. М. Марголис (впоследствии — ассистент И. Моисеева), впервые сделавшая запись народных танцев калмыков. Калмыцкие народные танцы были прославлены известными хореографами и балетмейстерами, в числе которых И. Моисеев, П. Надбитов и др. Богатство народных традиций отражено в их постановках. Известно, что зажигательный «Калмыцкий танец» (под названием «Торгутский танец») сохранялся в репертуаре Государственного ансамбля танца Игоря Моисеева даже в период, когда само имя «калмык» находилось под запретом, а народ был сослан по ложному обвинению в восточные районы страны.

Процессы глобализации, охватившие ныне весь мир, влияют на состояние традиционных культур. Одним из последствий форсированной седентаризации калмыков в XX в., урбанизации, проникновения модернизационных процессов является частичная утрата отдельных народных традиций, в их числе — и танцевальный фольклор, сохранению которого способствует профессиональное танцевальное искусство.

Задачей исследователей являются фиксация, анализ, исследование этнического наследия. Вопросы этнографии калмыков впервые обстоятельно и комплексно были рассмотрены У. Э. Эрдниевым [Эрдниев 1970]. В исследование танцевальной культуры калмыков большой вклад внесла Т. Б. Бадмаева, в публикациях которой зафиксирован хронологический «горизонтальный» срез: благодаря экспедиционной работе, проведенной в течение ряда полевых сезонов в Калмыкии, Астраханской области, Кыргызстане, Монголии, ею была изучена танцевальная традиция калмыков [Бадмаева 1982; 1992; 2010]. В 2008 г. в рамках проведения мероприятий, посвященных 70-летию заслуженного деятеля искусств РФ П. Т. Надбитова, состоялась научная конференция, по результатам которой издан сборник статей, освещающих различные аспекты изучения народных танцев [Танцевальный фольклор 2010]. Тем не менее, можно констатировать, что вопросы становления калмыцкой танцевальной культуры по-прежнему остаются недостаточно исследованными. Танцевальная же культура ойратов практически не исследована, и задачей ученых является всестороннее комплексное ее изучение.

Становление калмыцкого этноса на основе ойратских этнических групп происходило на территории Юга России, в многонациональном этническом окружении, что определило введение новых элементов в культуру этноса.

Как показывают исследования, в культуре калмыков сохраняются архаические традиции, происхождение которых связано с центральноазиатским периодом этнической истории, потому дискуссионной является проблема возможных влияний в их традиционной культуре. В исследовании танцевальной культуры калмыков перспективным является сравнительный анализ ойратских и калмыцких традиций, семантики танцев.

Среди характерных черт калмыцкого танца, отмеченных учеными, — возрастная и половая стратификация; движение по круговой траектории; «скульптурность» поз; полиритмия и сложная координация движений тела; особая пластичность движений рук, резкость и подвижность плеч, мелкая вибрация всего тела, гибкость и подтянутость корпуса [Бадмаева 1982: 12]. В танцевальной культуре калмыков, согласно возрастному признаку, различаются танцы молодежные (*баһчудын би*), молодых мужчин (*залусин би*), молодых женщин (*күүкд күүнә би*), людей преклонного возраста (*медәтнрин би*). По составу исполнителей различаются танцы одиночные, парные и групповые, появившиеся позже.

Согласно классификации калмыцких танцев, предложенной Т. Б. Бадмаевой, выделены обрядовые и необрядовые танцы [Бадмаева 1992: 20–29]. Кроме того, исследователь на основе многолетних полевых наблюдений пришла к выводу о наличии региональных вариантов («диалектов») традиционных танцев, которые определены сложным этническим составом и особенностями этнической культуры калмыков. Исторически сложились три стиля исполнения традиционных танцев в восточных, центральных и северных, а также западных районах рес-

публики, в которых, в свою очередь, можно выделить подварианты [Бадмаева 1982: 14–96]. Одной из ярких отличительных стилевых особенностей является различие музыкального размера сопровождения. В монографии «Танцевальный фольклор калмыков» Т. Б. Бадмаева характеризует танцевальные традиции по трем регионам: танцы калмыков восточных районов; танцы калмыков северных и центральных районов; танцы калмыков западных районов [Бадмаева 1982], что обусловлено относительно компактным расселением субэтнических групп и непопулярностью освещения в литературе советского времени вопросов о субэтнических различиях в культуре калмыков.

В коллективной монографии «Калмыки» исследователь пишет о взаимосвязи танцевальных «диалектов» с субэтническими группами: «Кинетические и ритмические характеристики исполнительских стилей настолько различны, что по тому, как танцует человек, можно определить, из какой он местности и к какой субэтнической группе относится, поэтому их можно рассматривать как своеобразные танцевальные диалекты. Каждому стилю соответствует определенная группа танцев с особой пластикой, мелодиями, ритмическими формулами и темпами музыкального сопровождения. Из-за существенных различий в ритмике танцевальных мелодий и соответствующих им танцевальных движений невозможно исполнять танцы одного стиля под музыку другого стиля» [Бадмаева 2010: 362]. Таким образом, три основных региональных танцевальных стиля у калмыков связаны с особенностями субэтнических вариантов культуры торгутов, проживающих в восточных районах Калмыкии, дербетов, традиционно проживающих в центральных и северных районах, и донских калмыков бузава, проживающих в западных районах.

Для танцев торгутов (наиболее известны *Ишкмдг*, *Мульҗур*, *Марһан би*, *Шимблә*, *Захин берне*) характерны высокая техника движений ног, включающая синкопированные ходы, подскоки, стремительные вращения, мелкие движения ступней, глубокие приседания. Кроме того, «движения рук очень лаконичны, чаще всего одно положение рук сохраняется на протяжении нескольких движений ног. Исполнение женских танцев на этой территории также имеет свои локальные особенности. В основе этих танцев лежит ритмический ход, состоящий из четырех шагов по направлению вперед или в сторону с акцентом на первый шаг» [Бадмаева 2010: 363].

Для танцев дербетов характерны скользящие дробные переступания ног, легкая вибрация тела, широкие плавные развороты рук, скульптурная точность поз (танцы *Тавшдг*, *Тавшур*, *Холькур*, *Хавчур*, *Малол*, *Дунд берне*, *Хар ланк*) [Бадмаева 1982: 46].

В танцах донских калмыков бузава Т. Б. Бадмаева условно выделила две группы: танцы с притопами и дробными ходами (в основе ритма — триоли), схожие с танцами дербетов, и «вибрационные» танцы с элементами тряски. Таким образом, для танцев донских калмыков характерны разнообразные выстукивающие движения и вибрация всего тела (танцы *Чичрдг*, *Өскә цокдг*, *Эрклдг*, *Сегсрдг*, *Лугшур*, *Җалҗадур*). В XIX в. был описан танец представителей этой группы калмыков *Сәәврдң* («Савардын») [Богданович 1834], имеющий древнее происхождение и сохраняющийся среди ойратов Монголии и КНР. Этот танец описан исследователями и среди других групп калмыцкого народа [Страхов 1810: 32–33].

По мнению Т. Б. Бадмаевой, высказанному в ее ранней работе, возможно, в танцах дербетов сохранились древние традиции, так как представители этой группы кочевали летом на север, зимой на юг и мало вступали в контакты с иноязычным населением [Бадмаева 1982: 46]. Однако следует отметить, что данный вопрос не стоит рассматривать столь прямолинейно; этнокультурные связи калмыков с соседними народами были довольно активными, о чем свидетельствует ряд факторов (в том числе и межнациональные браки, память о которых сохраняется в родах калмыков-дербетов, называемых *орсуд* (‘русские’), *хазгуд* (‘казаки’ или ‘казахи’) и т.п.).

Специфика субэтнических вариантов калмыцкой культуры связана с древними традициями. Известно, что в основе сложения субэтнических групп калмыков были разные этнические компоненты, а ойратская общность по составу различалась в начале и середине I тыс. н.э. К тому же различия имеются и в культуре дербетов и торгутов Монголии и Китая, в том числе в танцевальной традиции[1]. Стоит отметить, что в более

[1] Как известно, в формировании донских калмыков участвовали калмыки-дербеты и калмыки-торгуты.

позднем по времени написания обобщающем разделе коллективной монографии, посвященном танцевальной культуре калмыков, исследователь к данному предположению не возвращается [Бадмаева 2010].

Т. Б. Бадмаевой принадлежит также приоритет в классификации танцев по сюжетам: среди необрядовых танцев — «воинственные», или «военные» (в том числе *Агсрдг*); шуточные (*Семрдг* — сочетающий движения разных танцев, *Зоһдлһн* — сопровождающий исполнение песней с иканием, и др.); подражающие повадкам животных и птиц; «бытовые», в которых наиболее ярко проявляются три основных «диалектных» стиля; «трудовые» (имитирующие движения работающего человека, традиционно связанные с календарными циклами, в более поздние периоды — воспроизводящие в пантомимах движения работающих мужчин или женщин), имеющие региональные особенности в соответствии с основными хозяйственными занятиями [Бадмаева 1992: 25−29]. Среди обрядовых танцев выделены свадебно-обрядовые (в том числе танец *Хавчур* — досл. ‘тиски’, ‘зажим’ — соревновательного характера, исполнявшийся двумя юношами). Кроме того, предложено выделять шаманские пляски, поскольку в литературе XVIII в. имеются упоминания о шаманах, проводивших камлания в новолуние; а также буддийскую мистерию *цам* [Бадмаева 1992: 21]. На наш взгляд, движения шаманов во время вхождения в измененное состояние сознания нельзя классифицировать как танцы, поскольку танец — особый вид искусства. Необходимо также учитывать, что в среде калмыков шаманские традиции искоренялись, в отличие от монголов и ойратов, особенно активно, что привело к сужению функций шаманов и изменению их статуса [Бакаева 2003].

В отношении буддийской мистерии *цам*, известной по описаниям и исследованиям тибетской, монгольской, бурятской и ойратской традиций, необходимо отметить следующее. Анализ показывает, что традиция *цама*, вероятно, бытовала в среде калмыков в период Калмыцкого ханства. Но с уходом большей части калмыков в 1771 г. в пределы Джунгарии откочевали и самые крупные монастыри, которые, возможно, являлись хранителями данной традиции, и на протяжении XIX в. она постепенно была утрачена [Бакаева 2008 (в): 68−73]. По крайней мере, как отмечал Я. П. Дуброва, в конце XIX в., «с целью поднятия народного духа <…> и вместе с тем с целью освежить его религиозные бредни (разумеем массу суеверий, перемешавшихся с буддизмом) — в 1890 году высшим калмыцким духовенством придумано было особое всенародное религиозное торжество, с поразительной для калмыков обстановкой богослужения…» [Дуброва 1998[2]: 99], во время него совершалось поклонение божеству, изображение которого помещали на специально приобретенного и украшенного коня, трижды проводившегося вокруг храма. Во время данной церемонии использовались маски, характерные для *цама*. Примечание Я. П. Дубровы о том, что обстановка была «поразительной для калмыков», свидетельствует: *цам* не был обычным явлением в калмыцкой степи в то время. И лишь с возрождением религиозных традиций в начале нового столетия вновь появился *цам*, память о котором сохранялась среди старшего поколения в XX в. [Бакаева 2008 (в)]. Таким образом, при реконструкции обрядовой танцевальной культуры калмыков необходимо учитывать специфику исторических условий бытования религиозных институтов, а также активную борьбу буддийских деятелей с шаманами.

В культуре ойратов Монголии, несомненно, сохраняются многие архаичные черты, которые были присущи культуре общих этнических предков калмыков и западных монголов. Среди танцев ойратов также можно выделить обрядовые и необрядовые, для них характерна возрастная стратификация. Среди обрядовых танцев наиболее явно выделяются воспроизводящие жертвоприношение, в том числе кроплением, а также свадебные танцы соревновательного характера и др. Среди необрядовых танцев — имитирующие повседневные движения мужчин и женщин, определенные особенностями быта кочевников.

Семантика ойратских танцев связана с хозяйственно-культурным типом кочевников-скотоводов. Среди танцевальных движений, характерных для разных полов и возрастов, — имитация движения коня (особенно иноходца) и наездника. В мужских танцах превалирует семантика, определенная показом участия мужчин в «трех игрищах мужей», составляющих содержание праздника Надом (скачки, стрельба из

[2] Журнальный вариант работы был опубликован в 1899 г.

лука, борьба, перед которой обязательно исполнение «танца орла»). Для женских танцев характерна семантика, определенная особенностями социального положения, круга занятий женщин.

На наш взгляд, при исследовании архаических танцевальных традиций необходимо учитывать их взаимосвязь с мифологическими представлениями и ранними верованиями, потому в группе обрядовых танцев необходимо выделять собственно обрядовые (ритуальные) по происхождению танцы.

К обрядовым по происхождению ойратским танцам можно отнести:

- наиболее архаичные танцы, имитирующие движения животных и птиц, в том числе тех, которые относятся к почитаемым как тотемные предки: известно, что среди характерных признаков тотемистических верований исследователи выделяют наличие танцев, имитирующих поведение зооморфного предка;
- танцы, связанные с календарными обрядами, в прошлом исполнявшиеся в определенные периоды (в том числе на Надоме, в монгольской традиции отмечающем начало летнего периода), среди них — танцы, воспроизводящие обряды жертвоприношений, из последних наиболее характерны «Цацал»;
- танцы, сопровождавшие исполнение сказаний.

Отдельные калмыцкие танцы, зафиксированные исследователями в XX в., имеют архаичную семантику, которую возможно восстановить лишь в результате сопоставительного анализа с ойратской традицией. Наиболее показателен танец *Сәәврдң*, движения которого, подчинявшиеся ритму домбры, имитировали движения коня (*сәәвр* называли нечистокровного иноходца). Он сохранился в записках очевидцев XIX в. Н. И. Страхов так описывал движения этого танца: «Они пляшут, можно сказать, не ногами, а руками, из которых делают разные фигуры, двигают и действуют ими согласно тонам музыки, изворачиваются на бок до самой земли, гнут голову назад до самых ног…» [Страхов 1810]. Несомненно, что описание Н. Страхова соответствует сохраняющимся в современной культуре ойратов движениям танца, имитирующим движения коня.

Особая символика характерна и для калмыцкого танца *Агсрдг*. Танец, название которого происходит от слова *агсх* — ‘вооружаться’, устар. ‘привешивать к поясу лук и колчан’, сохранявшийся до 30-х гг. XX в. среди торгутов пос. Калмыцкий Базар, исследователями отнесен к «военным», отмечалось его древнее происхождение [Бадмаева 1992: 26–27]. Для танца были характерны имитация движения на полусогнутых ногах и напряженное вглядывание вперед, прислушивание к каждому звуку. Известно, что среди торгутов Монголии танец *Агсал* сопровождал пение зачина героического эпоса «Джангар». Танцы *Агсал* сопровождались исполнением зачина сказания почтенными стариками, которые восседали вокруг танцующих на почетных местах. Остальные участники действия должны были стоять и проникаться волнующим ритмом, двигаясь вперед и назад, в разные стороны. Это было обычное вступление к общественному празднеству. Участники, сидевшие вокруг танцоров, слушали вступление к героическому сказанию [Dzagdsuren, Kara, Tsoloo 1982: 272]. Объясняя ученым, почему сказание сопровождается специальным танцем, джангарчи Пурэвжав сказал, что богатыри обладают гигантской силой, они могучи и мужественны, охраняют границы государства, поэтому о них и их конях рассказывают, сопровождая танцем эпос. На наш взгляд, традиция ритуальных танцев, сопровождающих исполнение зачина сказания четкими ритмическими движениями стоящих в круге людей, свидетельствует о взаимосвязи ограниченных во времени исполнения песен с особыми обрядами осенне-зимнего цикла. Исполнение пролога эпического сказания героического калмыцкого эпоса также подобно зачину, инспирирующему действия, относящиеся к эпохе первотворения («Это было в начале времен…, вечности начинался рассвет»).

Таким образом, сохранявшийся у калмыков до 30-х гг. XX в. танец *Агсрдг*, вероятно, имеет обрядовое происхождение, архаичный характер его определен древними обрядами, взаимосвязанными с календарными ритуалами, воспроизводящими ежегодно «первотворение» и сопровождавшимися волнообразными движениями стоящих в круге людей. Понятно, что круговое движение в этом танце символизирует движение солнца, столь почитаемого в традиционной культуре всех народов.

Архаичными по характеру являются танцы, имитирующие движения животных

и птиц, прежде всего тех, которые относятся к почитаемым как тотемные предки. Так, известно, что наиболее искусными танцорами признавались умеющие передать характерные движения птиц и животных. Движения калмыцких и ойратских танцев, имитирующих полет птиц, относятся к древней традиции. Следует отметить, что, к примеру, танец *Далвалһн*, в котором имитировался полет птиц, исполнялся только стариками. В целом имитация полета птицы (орла) с размахом крыльев, как правило, являлась характерной для мужского танца (прямые вытянутые руки — движение, характерное только для мужчин).

Рассматривая семантику архаического типа в танцах ойратов и калмыков, необходимо остановиться на символике традиционного костюма и взаимосвязи его особенностей и танцевальных движений. Ясно, что приталенная отрезная одежда с широким подолом в отличие от прямого силуэта одежды позволяет развиться танцевальным движениям ног с их широким размахом; укороченный тип мужской одежды может способствовать появлению различных движений ног, акцентирующих внимание зрителей, а обувь с каблуками позволяет выстукивать дробь. В отличие от калмыцкого костюма, современная одежда ойратов, у которых имеет широкое распространение прямого силуэта длиннополый халат дэли, как у монголов, не вполне подходит для выполнения движений калмыцкого танца.

В литературе встречается недостаточно обоснованное мнение о том, что калмыцкий костюм претерпел множество заимствований в волжский период истории, так как отличается от современного типа костюма западных монголов [Буль 1993]. Более того, это мнение включают в методико-библиографические пособия (в том числе в текст урока по предмету «Культура родного края»): «…мужской костюм испытал сильное влияние костюмов северо-кавказских, тюркских народов и приобрел своеобразный вид» [Калмыцкий национальный костюм 2008]. Подобная точка зрения основывается на некорректном сопоставлении хронологически разновременных явлений, которое появилось в первых работах, посвященных народному костюму [Сычев 1973]. В литературе высказывалась и иная точка зрения на данную проблему [Бакаева 2008]. Однако тезис о значительных трансформациях культуры костюма калмыков в период вхождения в Российское государство продолжает быть активно востребованным. Его принятие влечет за собой логическое продолжение — вывод о возможной трансформации и культуры танца.

Специфика традиционной культуры состоит в том, что ее компоненты сложно датировать. В связи с этим возникают трудности в решении вопроса о том, каковы были традиции одежды и танца у ойратов и предков калмыков в «докалмыцкий» период (до XVII в.). Однако в литературе имеются устоявшиеся стереотипы, которые не все специалисты считают требующими каких-либо доказательств. К примеру: «Отличительной чертой исконно ойратского танца издревле было то, что он состоял из телодвижений и движений рук, исполняемых без перемещения по площадке — на одном месте» [Бадмаева 1992: 29]. В отношении ойратского костюма подобный вывод сделан Д. В. Сычевым, который на основании ойратской традиции ношения дэли в XX в. пришел к выводу, что такова была и архаическая одежда ойратов [Сычев 1973]. В целом, анализируя традиции народного костюма ойратов, необходимо учитывать следующее: во-первых, на культуру народов Монголии оказала влияние иноэтническая культура в период маньчжурского господства; во-вторых, в XX в. по всей территории страны происходил переход к единым формам костюма, в качестве которого утвердился *дээл* (дэли).

В связи с вышеизложенным необходимо отметить: в традиционной культуре калмыков наиболее архаичными являются девичье платье и костюм замужней женщины. Соответственно, на движения танцев, исполнявшихся женщинами, костюм не должен был оказать решающего влияния.

При этом в женском танце, в отличие от мужского (более индивидуализированного), сохранялись традиции группового исполнения. Так, информанты упоминали о танцах, исполнявшихся 4, 6 и даже 8 женщинами. Групповой танец исполнялся и девочками-подростками. К примеру, для танца на мелодию *Аакин күүкн Котуш* были характерны следующие движения: не касаясь каблуками земли, плавно скользить, при этом движения рук должны словно имитировать размах крыльев [Бадмаева 1982: 16–17]. Для калмыцкого девичьего костюма характерна орнитоморфная символика, которую подчеркивали разрезы внизу широких в плечах

и узких у кисти рукавов и украшения в виде бахромы или кружев по их низу. Таким образом, орнитоморфная символика девичьего платья калмычек продолжалась в танцевальной традиции, и сопоставительный анализ символики движений танца и символики девичьей одежды позволяет сделать вывод о древнем происхождении данного танца.

Орнитозооморфную символику усматривают специалисты в крое рукава нижнего платья замужних женщин у калмыков, алтайцев, бурят, а орнитоморфную символику — в крое верхнего платья-безрукавки у этих же народов [Дугаров 1983], хотя бытуют и народные представления о женской безрукавке *цегдг* как символе покорности мужу и старшим родственникам [Сарангэрэл 2008].

Возможно, семантика танцевальных движений с вибрацией корпуса (танец *Чичрдг*, *Сегсрдг* и др.) восходит к имитации трепетания птичьих крыльев — об этом может свидетельствовать то, что символика кроя рукавов едина в народном калмыцком костюме мужчин, девушек, женщин. Согласно точке зрения Т. Б. Бадмаевой, такие движения могут повторять сотрясения тела при верховой езде на лошади, либо движения имеют архаичный характер и связаны с символикой «стряхивания» недобрых духов [Бадмаева 1992: 38]. Однако неясна в таком случае семантика вытянутых и поднятых рук — подобные движения не характерны для верховой езды. Символика же народного костюма показывает, что и семантика танцев типа *Чичдрг*, во время которых должна была трепетать ткань одежды, восходит к имитации полета птиц.

Еще один момент, связанный с зависимостью костюма и танцев, стоит отметить. В научной литературе высказывалось мнение о том, что активное использование движений ног в калмыцких танцах во многом обусловлено переходом от монгольского типа обуви (сапоги типа гуталов с загнутым вверх носком) к сапогам европейского типа с каблуком (отсюда традиция дробных выстукиваний, притопов и др.) Однако до настоящего времени невозможно однозначно принять тезис о том, что для всех ойратских народов были характерны сапоги-гуталы. Так, в культуре монгольских и ойратских торгутов сохраняется архаичная традиция войлочных *тооку* с кожаными *цараг* [Бакаева 2008б], которые происхождением связаны с кочевым хозяйством скотоводов.

Специфика хозяйства в значительной мере оказывает влияние на особенности культуры. «Индивидуальность» калмыцких танцев, символика ойратских и калмыцких плясок, связанная с изображением коня или иноходца, явно отражают специфику скотоводческого быта. Но в культуре «лесных» народов — в прошлом охотников и отчасти земледельцев — прослеживаются компоненты древнего наследия [Бакаева 2009; 2013 и др.]. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо вернуться к исследованию семантики танцев ойратов и калмыков, по-новому взглянуть на их возможную взаимосвязь и наличие в современной культуре архаических элементов. Тем более, что в отдельных работах семантика танцев порой сводится к изображению танцора, плохо слышащего мелодию: «…часто используется очень рельефная поза, встречающаяся и в других калмыцких танцах. Немного присев, танцор отводит обе руки в одну сторону, а корпус и голову наклоняет в другую. Возникает впечатление, что он к чему-то прислушивается. По-видимому, эта поза появилась в результате того, что в старину калмыки исполняли свой танец в сопровождении домбры с жильными струнами. Звучание такой домбры слабое, и, несколько удалившись от музыканта, танцор плохо слышал мелодию, поэтому напрягал слух, наклонялся в сторону домбриста» [Мучаева 2008: 152]. Автор, отмечающий, что в мужском танце *Мольҗур* (*Мульҗур*) основное движение ног танцоров схоже с положением ног в стременах, не связывает движения рук с возможной символикой движений коня, что характерно для ойратской традиции.

Как отмечалось Т.Б. Бадмаевой, выразительные средства танца, основанного на движениях рук и верхней части тела (что характерно для ойратской традиции), имеют древнее происхождение, а древние ойратские танцы — «сидячие», т.е. основаны на движении верхней части тела, в большей степени рук. «Подобные плавные степенные танцы стариков, особенно древние, такие как танцы рук, исполняются все реже» [Бадмаева 1992: 45]. Необходимо отметить: так называемые «сидячие» танцы исполняются ойратами не только сидя, но и стоя, а основные движения, имитирующие ход коня или движения наездника, сочетаются с позой самого всадника.

В целом ускорение ритма танцев у калмыков исследователи объясняют новация-

ми в музыкальном сопровождении. Однако и в современных танцах ойратов порой прослеживаются танцы почти акробатического содержания, например, танец, подобный калмыцкому *Хавчур*, демонстрирующий ловкость и силу двух юношей, один из которых, обхватив ногами талию другого, демонстрирует ловкость, другой же должен показать свою силу.

Таким образом, в танцевальной традиции ойратов и калмыков возможно проследить семантическое сходство и типологическую близость [Бакаева 2008 (а)]. Мнение о том, что калмыцкая традиция значительно изменилась под влиянием культур соседних кавказских народов, основано на внешнем различии движений, но недостаточно изучена семантика танцев, исследование которой актуально. Ускорение ритма народного танца, которое обычно связывается с влиянием танцев северокавказских народов, прежде всего связано с новациями в музыкальной инструментальной культуре калмыков. В то же время сравнительно-сопоставительные исследования танцев ойратов и калмыков еще только предстоит осуществить.

Литература

Бадмаева Т. Б. Калмыцкие танцы и их терминология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 96 с., ил.

Бадмаева Т. Б. Танцевальная культура // Калмыки. Том серии «Народы и культуры». М.: Наука, 2010. С. 358−364.

Бадмаева Т. Б. Танцевальный фольклор калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 97 с.

Бакаева Э. П. Добуддийские верования калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 358 с.

Бакаева Э. П. Калмыцкий эпос «Джангар» и календарная обрядность // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2013. № 1 (6). С. 34−40.

Бакаева Э. П. Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2008. 189 с.

Бакаева Э. П. Ойраты и калмыки: древнее наследие и трансформации культуры // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2008 (а). № 4. С. 14−19.

Бакаева Э. П. Речная тематика в верованиях и ритуалах калмыков: древние представления о пространстве и проблема прародины // Мат-лы Междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее». Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. Ч. 1. С. 297−301.

Бакаева Э. П. Цараг и тооку как этноспецифические элементы материальной культуры торгутов Монголии (к проблеме изучения статуса ойратов в типологии этнических общностей) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008 (б). № 3. С. 24−31.

Бакаева Э. П. Этническая символика в религиозных обрядах ойратов и калмыков: к вопросу о бытовании цама // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008 (в). № 2. С. 68−73.

Богданович И. Ф. Исторические и статистические сведения о калмыках, состоящих в Войске Донском. Новочеркасск, 1834 // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. F. IV. № 825. Т. 1.

Буль Ж. М. Калмыцкий костюм и сцена. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 73 с., ил.

Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с. (сер. «Наше наследие»).

Дугаров Д. С. Орнитозооморфная символика костюма некоторых тюрко-монгольских народов // Материальная и духовная культура калмыков. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 36−51.

Калмыцкий национальный костюм. Методико-библиографическое пособие. Сост. Джагдаева М.В. Элиста: Нац. б-ка им. А. М. Амур-Санана, 2008. 96 с.

Мучаева И. И. Танцевальное искусство калмыков в XVIII–XIX вв. // Вестник Алтайского государственного университета. 2008. № 4−5 (60). С. 150−153.

Сарангэрэл. О «цэгдэг» и обычае почитания невесткой родственников мужа // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 3. С. 10−13.

Страхов Н. И. Нынешнее состояние калмыцкого народа с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитв, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни Савардин. СПб.: Тип. Шнора, 1810. 95 с.

Сычев Д. В. Из истории калмыцкого костюма. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 168 с.

Танцевальный фольклор народов России: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 70-летию со дня рождения и 50-летию творч. деят. П. Т. Надбитова. г. Элиста, 17−18 дек. 2008 г. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 230 с.

Эрдниев У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 311 с.

Dzagdsuren U., Kara D., Tsoloo J. Khan Siir. A Chapter of the Jangar Epic // Acta Orientalia Scientiarum Hung. Tomus XXXVI (1−3). 1982. P. 271−314.

УДК 82: 396
ББК 82.3 (2Рос=Калм)

ХАЛЬМГ КЕЛН УЛСИН ЙОРЛҺНА ТУСКАР
(О КАЛМЫЦКИХ НАРОДНЫХ ПОВЕРЬЯХ)
On the Kalmyk People's Popular Beliefs

И. М. Болдырева (I. Boldyreva)[1]

[1] старший лаборант Лаборатории научно-технического и информационного обеспечения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Senior Specialist of IT Laboratory at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E- mail: Inzir19@mail.ru

В статье рассмотрены калмыцкие народные поверья, выявлены их этническое своеобразие и воспитательная функция. Автор приходит к выводу о значимости традиционных поверий и воззрений и их влиянии на становление личности в социуме калмыцкого этноса.

Ключевые слова: калмыки, приметы, верования, воспитание, добродетель.

The article is devoted to the analyses of the omens of the Kalmyk people which testify the ethnic uniqueness of the people and allow to understand the nature of the folk beliefs and the core of the traditional way of life of the Kalmyk people.

The folklore material analyzed in this research was gathered during the field study in the village of Tsagan-Nur of Oktyabrskiy region of the Republic of Kalmykia. The fairytales, legends, proverbs, prayers and mother's covenant most of which are of religious character were recorded from two informants M. M. Boldyreva and E. H. Boldyreva. The author pays a special attention to the analyses of the omens told by the informants because they explain the nature of many customs and traditions as well.

According to the informants, the highest criterion for the Kalmyks is Heaven where the deities live which patronize people that is why parents forbid their children to point a finger at the sky. In one of the legends told by the informants the horned snake relieves people and animals from diseases, and Kalmyks still consider a horn to be a sacred object and to have a curative effect. The Fairytale about a Girl Who Gave Birth to Serpents is imbued with great maternal love. Kalmyk people used to believe that children were destined to their parents by the deities, and that they would either ennoble their parents or upset them. People created proverbs like the following 'Giving birth to a child, one doesn't give birth to mind' or 'All five fingers are different'. They also invented signs such as 'You should not hurt your mother, her blessing as a curse comes back to offenders'. The author analyses some omens justifying the ethics of worshipping mothers and seniors (Happiness comes when you respect elders) and those evidencing respect to a man – a breadwinner of the family. Thus, in her prayers to the Almighty the informant E.H. Boldyreva apologizes for her bad thoughts, for incautiously said words, mistakes, etc.

Beliefs played an important role in children upbringing, taught love to a human being and reverence to the Nature. They were a kind of etiquette rules protecting from bad deeds, were they physical, spiritual or verbal. Kalmyks invested special meaning and wisdom, their heart and soul into any business they did (forthcoming deals started with the left side following the Sun's movement); they baked dough of different shapes praising the Sky, the Sun, the Earth, various animals and birds and expressing their gratitude to them. Kalmyk-nomads were wise and virtuous, lived in harmony with the environment. Faith and fortitude helped our ancestors endure all the trials of life and become a role model for younger generations.

To sum up, the analysis of the recorded folklore material provided with the information which allows to explain some omens of the Kalmyk people, to understand the role of Buddhism in bringing up a harmonious person, to evaluate the influence of the Buddhist culture on an individual's development in the Kalmyk community.

Keywords: the Kalmyk people, omens, beliefs, upbriging, virtue.

Хальмг амн үгин зөөрин баһ төрл зүүл (жанр) йор өдгә цагт сәәнәр хәләгдәд уга. Хальмг келн улс кезән-кезәнәс нааран эргндк бәәдл-җирһл, мал-адусн, җивртн хамгиг шинҗләд, олн домг, тууль, ду, үлгүр һарһдг бәәсмн. Тер тоод юмнас сеждг му болн сән йор гүн ухаһарн, нәрн шинҗллһәрн йилһрнә.

Мана өвкнр бурхдт мөргҗ иткдг төләдән, сүзгләд, авъяс бәрҗ, хадһлҗ йовсмн. Цецн улс эргндк бәәдл-җирһлин җисә, йиртмҗин үзгдл шинҗләд, чееждән тодлҗ авдг бәәсмн.

Йор — темдг, шинҗ. Сән болн му йор гиҗ бәәдг. Эрнҗәнә К. сән йориг зокаста, ниицәтә, му йориг зокас уга авъясмуд гиҗ нерәдсмн [Эрнҗәнә 1980: 173–174]. Борҗна Т. йориг багмудар әңгләд, чинринь шинҗлҗ цәәлһсмн [Борджанова 1999: 132–137]. 2008-гч җиләс авн Әрәсән номин академин Хальмг сойл-тууҗ шинҗллһнә күрәлңд «Өвкнрин зөөр» нег янзта дегтрмүд барт һардг болв. Амн үгин билг сәәнәр меддг медәтнр Боктан Ш. В. болн Тәәһнә Т. С. хураңһудтан йорин текстс бичсмн [Боктаев 2010; Тягинова 2011].

Эн көдлмштән нәәмн үр асрҗ-өксн ачта малч, нүүрлгч хөөч Болдра Мөснә өрк-бүләр үлгүрләд, эдн кезәңк заң-бәрцән яһҗ хадһлҗ йовсна тускар медүлх санатавидн. Болдра Мөсн болн Болдра Өлзәтә хуучна авъяс бәрдг, олн йор меддг, тогтун-төвшүн бәрцтә улс бәәсмн.

Моһлдга Болдра Мөсн (1893–1993) Цаһан Нуурт, талтахна тавн зун өркин хөрнәхнә арвна эгл хальмг күүнә өрк-бүлд төрсмн. Үвлин киитнд һолас ус авхар цоорг цоолҗаһад, экнь мөсн деер цаһан төр болад, көвү һарһҗ. Тер цагт теңгрәс мөртә күн бууҗ. Энүг үзсн элгн-саднь: «Мана хөрнәхнә арвна тохмин кишг эн көвүнд бәәнә», — гиҗ келсмн. Мөсн деер төрсн көвүг наадлад, Мөсн гиҗ дуудг бәәсмн. Хурлд өгсн нернь Церн — ут наста күн (төвд. tsye-ring). Өгсн нернь зокаста болад, Болдра Мөсн зун нас наслсмн. Зурһатаһас авн бичкн көвүн орс баячудт заргдад, мал хәрүлдг бәәсмн. Җирһлин туршарт мал өсклһнд көдлҗ йовсн дамшлтта малч олн Күндллһнә һашгар мөрәлгдҗ, Москва балһснд Олн-әмтнә эдл-ахуна һәәхүлд орлцсмн.

Хожһәрән Болдра Өлзәтә (1919–2003) — хошуда әәмгә дашихнә арвна өнчәр үлдсн күүкн — интернатд бәәһәд, 3 классин сурһуль төгсәснә хөөн ик эгчнь (туульч Коман Чимдин түрүн аваль) бийүрн авсмн. Күүкн сурһулян хаяд, эгчдән нөкд болдг бәәсмн. Гемин уршгар эгчнь үннә һазрт одсна дару хойр ахнь дү күүкән мордулад, Төрскән харсгч Алдр дәәнд одад, зәңг-зә уга геедрсмн. Дәәнәс күнд шавта ирсн герин эзн удан боллго, Сиврт сәәһән хәәсмн. Һар деерән һурвн үртә үлдсн Хожһәрән Өлзәтә әмтнд боршмг, хувц уяд, күүкдән теҗәдг бәәсмн. Авалян геесн, өнчрәд Баһ-дөрвдә бичкдүдин герт үлдсн хойр күүкән хәәҗ ядад, олҗ чадлго бәәсн Болдра Мөснлә таньлдад, нег-негнәннь седкл медлцәд ханьцсмн.

Мана өвкнр теңгр-һазран, аршан мет усан, улан һалан күндлҗ, эдниг әрүнәр хадһлдг бәәсмн. Тиигҗ келдгин учр гихлә, олн үртә Болдра Өлзәтән зальврллһн: «Олн Деедс бурхдт, Делкән Эзн Цаһан Аавд, Бурхн Багш Гегәнд, Дәрк Нохан Гегәнд, Отч Манла бурхнд, дөрвн үзгин заяни сәкүснд, һазр-усна заяни сәкүснд, ээҗ-аавин заяни сәкүсдт мөргҗәнәв. Олн әмтнә дунд йовх күүкдим хәләҗ, мууһинь дарҗ, цаһан хаалһинь зааҗ өгтн гиҗ ик гидгәр тадниг сурҗанав».

Эк күүнә седкл юмнла дүңцүлҗ болдго. Экиг күндлх кергтә, «эк күүнә йөрәлчн, харалчн күрдмн» гиҗ әмтн келдг.

«Элкнәсм һарсн эрвәкә билә» гиҗ моһа һарһсн күүкнә келсн үгин чинр-утхинь цәәлһәд, Болдра Өлзәтә күүкдтән келдг бәәсмн: «Эк үрндән тедү дүңгә дурта, эңкр болҗахинь эн тууль медүлҗәнә. Эк-эцкән өөдән өргх эс гиҗ зовлң үзүлх үрн гиҗ деерәс заягддмн. Тегәд чигн хальмг улс иим үлгүрмүд үүдәсмн: „Үр һарһвчн, уха һарһдго“, „Һарин тавн хурһн әдл болдго“, „Олн үрнәс негнь муңхг болдг“».

Йисн сардан экин геснд үүдҗ бәәсн цаг күүнә насна тоод ордг. Күүнә җил орхла, хальмг улс (йисн җилд нег) мең сурад[1] мөргүлд орна. Оржах җил күнд болдг, бузр, олн күн хурсн һазрт оддго, бурхдтан герл өргәд мөргдг йоста. «Зулын һал эврән бөкх зөвтә. Күн унтрахла, ик му йор. Зулын һал бамблҗ бөкхлә, сән болдг», — гиҗ Болдра Өлзәтә күүкдтән келдг бәәсмн. Һалыг ик чинртә гиҗ хальмгуд күндлдг, һалар әрвсләд, килнц, гем-зовлңгас гетлдг.

Бичкн цагаснь авн күүкдтән чик уха зааҗ, Болдра Өлзәтә әрүн сурһмҗ өгч өксмн. «Шилврәр һазр шавддмн биш, уух усндан нульмдмн биш, хурһарн теңгр заадмн биш, һалд нульмдмн биш, һалар нааддмн биш, эс гиҗ мал геедрдмн. Элкән теврдго, эс гиҗ эк-эцкән, элгн-садан авдмн», — гиҗ эк күүкдән хөрдг бәәсмн.

[1] Мең сурх — обряд исправлений.

Элкн — күүнә әмн һазр[2] гиҗ тоолгдна. «Ээҗм гиһәд оркхнь, элкн җөөлрәд одна», — гиҗ хальмг олн-әмтнә шүлгч Калян Санҗ бичсмн. Эк үрән эңкрлхләрн, элкндән шахна. Нег махн-цуста улсин тускар «элкнь татна», күүнд сана зовхла, «элкн урсна» гиҗ хальмг улс келнә. Ик кезәнә цагт мана өвкнр күүнә сүмсн элкнд бәәнә гиҗ медүлсмн. Өдгә цагт Әрәсән эрүл-менд харлһна көдләчнр күүнә эркт-махмудыг[3] номин халхар шинҗләд, элкиг ик чинртә гиҗ темдглнә [lekar-n.com›gepatologiya/pechen…v…zhivet-dusha].

Мана өвкнр һо-һольшг, цаһан седклтә бәәсмн. Болдра Өлзәтә зальврсн цагтан: «Сансн му ухаһим, келсн хар үгим, идшго-уушго хотын килнц тәвҗ, хәәрн болтн. Эндүһәр һарһсн хаҗһрим тәвтн», — гиҗ бурхдтан мөргҗ сурдг бәәсмн.

Хальмг улсин йорллһн-сүзгллһн ик зунь **бурхн-шаҗна үндстә**. Хальмгуд әмтә-киитә юмнд өршәңгү седкл медүлҗ, әмнднь күрхәс цеерлдг бәәсмн. «Нег меклә алхла, долан гелңгиг алснла әдл. Миист һар күрдмн биш, мис бурхна өөр суудмн. Герт орҗ ирсн моһаг алдго, толһаднь тос түркәд тәвчкдг, эс гиҗ үсәр залад һарһчкдг. Өвкнрин сүмсн моһад хүвлһәд, маднигг яһҗ бәәхинь ирәд хәләҗ йовна гиҗ келдг.

Күн болһнд үзгдго өвртә моһа[4] бәәдмн. Тиим моһа харһсн цагт моһан өмн цаһан альчур делгәд, унһасн өвринь мөргәд авх йоста. Моһан өвр авснь гемтә күүг домнад, шалтгинь эдгәнә. Аюһин сумн[5] гиҗ бәәдг, зәрмнь лууһин сумнчн гиҗ энүг нерәднә. Оһтрһу ду һарад, һал цәкләд, хур асхад орҗасн цагт эн сумн теңгрәс унад, һазр дор ордг. Һурвн җил болад, деегшән һарч ирдмн. Аюһин сумн олдх күүндән олгддг, наадкстнь меклә-шорһлҗн болҗ үзгдмн. Иим сумиг олҗ авсн күн кишгтә болдг, һарнь эрдмтә, әмтнд тус күргәд, мал болвчн эдгәдг», — гиҗ келәд, Болдра Өлзәтә олҗ авсн аюһин сумна үзүринь һазрт һурв күргәд, күүнә болн малын бүтү хавдриг домнад эдгәдг бәәсмн.

Дөрвн үзгин һазр таньдг, дөрвн зүсн мал меддг, дамшлтта малч Болдра Мөсн күүкдтән келдг бәәсмн: «Малд бас бурхн бәәдг. Мал икәр хорсһҗ цокдго, кишгнь зәәнәд[6] бәәдмн». Күн болн мал хоорндан өөрхн. «Мал эзән дурадг», эзндән дурта болдг, байрлх чигн, зовх чигн саамд тедн темдг өгәд медүлдмн. **Аң-аһрусна, малын заң-бәәдллә залһлдата йор** малч күүкдтән медүлҗ келдг бәәсмн: «Кергәр йовҗ йовтл, туула харһхла — сән йор», «Күүнә өмнәс күрн хуцхла — му йор», «Йовҗ йовсн цагт шар арат көңдлң һархла, чон харһхла — му йор», «Гүүҗ ирсн нохаг көөҗ һарһдго — сән йор», «Ноха нурһн деерән көлврхлә — теңгрин бәәдл хүврдг», «Ноха уульхла, үкр мөөрсләд мөөрхлә — му йор», «Мөр унад йовсн болад зүүд зүүдлхлә — ки мөрн[7] киисч, кишг буйн делгрхин темдг».

Җиртнә заң-бәәдллә, теднә нислһнлә, хәәкрлһнлә залһлдата йор эцк күүкдтән келдг бәәсмн. «Тоһрун шовун генәртә, болв тоһруна би үзсн күн кишгтә болдг. Кезәнә ик холас мана өвкнриг дахҗ ирсн мөрн хулд[8] — хальмг улсин хәәртә шовун болҗ тоолгдна. «Мөрн хулд харһхла, хаалһ керчәд нисхлә, — сән йор», «Керә буру эргәд бәәгәд һархла, му зәңг ирдмн, зөв эргәд һарһхла, сән зәңг ирдмн». Болдра Мөсн **теңгрин, йиртмҗин болн оһтрһун цогцсла**[9] **залһлдата темдгүд** келдг бәәсмн: «Һаң халунд һал цәкллһнә һал һархла, хур ордг», «Мөчн күцхлә, хуц көндрдмн», «Зунар модна хамтхасн шарлхла, намр эрт ирдг» болн н. ч.

Мана өвкнр **зөв эрглһнә авъяс** хадһлҗ йовсмн. Гертәсн һарч йовсн цагтан, эрк биш зөв эргҗ һардг, кергән зөв эргҗ күцәдг. Эн заң-бәәдл нарна эргц дахҗ, күүнә җирһлин хаалһ уралан йовтха гих чинртә.

Моңһл келн-улс олн-зүсн эв-арһ олзлҗ, белг бәрлһнд ик оньган тусхадг бәәсмн. Энүнә герч — хуучна цагин зокъялмуд. Өөрд улсин хәләцәр, эн авъяс хойр шинҗтә болдг: һазадын болн «дотр шинҗ». Һазадын шинҗ — күн болн күүнә заң-бәәрәр, теңгрин болн йиртмҗин бәәдләр, мал-аһурсна мөчмүдәр, эркәр, хөөнә далар, тоодар, тойгудар болн нань чигн юмар белг бәрлһн. «Дотр шинҗ» — зүүднә тәәлвр [Гедеева, Омакаева 2002: 108–111].

Хальмг келн улсин дунд **зүүднә тәәлвр** онц орм эзлдг бәәсмн. «Унтсн күн үкснлә әдл», му зүүдн орхла, әмтн йорлад, һурв нульмад, үснә үзүрәр һартха гиҗ зальврна. Кезәнә му зүүд үзхләрн, хурлд одад медүлдг, зааҗ өгсәрнь кергинь күцәдг

[2] Әмн һазр — жизненно важный орган.

[3] Эркт-махмуд — органы чувств.

[4] Өвртә моһа — змея, имеющая рог.

[5] Аюһин сумн — громовая стрела.

[6] Зәәнх от зәәнрх — убывать, освобождаться.

[7] Ки мөрн — конь ветра, пер. с тибет. сл. «лунгта».

[8] Мөрн хулд — лунь (священная птица у калмыков).

[9] Оһтрһун цогц — планета.

бәәсмн. «Зүүд меддг, теднә тәәлвринь чикәр тәәлдг улс бәәдмн. Зүүдлсән күүнд келдмн биш, хаҗһрар тәәлхлә, зүүд бәрсн күүнд му болдмн», — гиҗ Болдра Өлзәтә күүкдтән зааҗ, иим йор келсмн: «Уснд орсн болад зүүдлхлә, баргд әрлхин темдг», «Үксн болад зүүдлхлә, ут нас наслхин темдг».

«Йор — деерәс, заң — дорас». Кемржән урдаснь келсн үг күүнә керг-үүллә харһлцҗ күцхлә, йорнь татад, дотраснь келүлҗ гидг. Тегәд **йорт орлһн, урдаснь уханд орлһн**[10] бас «дотр шинҗ» гиҗ темдглх кергтә.

Хальмг улс **белг бәрлһнә авъяс** олар олзлдг бәәсмн. Болдра Мөсн мөрнә болн хөөнә далын[11] шинҗ сәәнәр меддг, шаһаһарчн белг бәрдг бәәсмн. Болдра Мөсн, Болдра Өлзәтә күүкн эс гиҗ көвүн төрхинь медхәр, хөөнә уульха[12] хәләҗ меддг. Көвүнә белгин өңгтә болхла, көвүн үрн төрдг. Төрх үрн сәәхн болтха гиһәд хөөнә төңгиг[13] халцхалад мөлҗдг бәәсмн. Хол һазрт йовсн күүкдтән эдн белг бәрәд, цааснд эрәлҗ бичсн тоодар теднән яһҗ йовхинь меддг бәәсмн.

Ик кезәнәһәс авн хальмг улс **цер бәрлһнә авъяс** хадһлҗ йовсмн. Кергән эклхин өмн хурлд одад, өдр заалһҗ авдг, хотын, хувцна цер бәрдг. Пүрбән Г. Ц. эн авъясиг нег үгәр «гүүц» гиҗ темдглсмн. Негдвәр, гүүц — цер бәрх йосн (запрет, соблюдение запрета), хойрдвар, йор-йодһн (предвещание неудачи, несчастья). Гүүцл йовдл (неудача, несчастный случай), гүүцтә өдриг му йорта өдр, өлзә уга өдр (запретный, неудачливый день) гиҗ номт орчулсмн. Иим өдр керг-үүл эклҗ кедго, хүрм, нәр-наад болн нань чигн байр давулдго [Пюрбеев 1966: 153]. Цер бәрхләрн, хальмг улс һахан мах, такан өндг, заһс болн зармиг бузр хотын тоод орулад, иддго бәәсмн. Хувцна цер — чонын, нохан болн шар аңгин арсар уйсн хувц өмсдго. Сәәһән хәәсн күүнә хувцн күн болһнд зокдго. Олн зах-хувц уйдго. Өмсх хувцн тоота болдг гиҗ йорлдг бәәсмн. Бузр һазрас хальмг улс бас цеерлдмн: «Ут хормата күн үкәрт оддго, хормаһинь шулм дахдг», «Шатсн һазрас юм авдго, шалтг хальддг».

Хот-холла, эдл-уушла залһлдата йор Болдра Мөсн, Болдра Өлзәтә бас медҗ сүзглдг бәәсмн. Өгчәх хотын деежинь хәрүләд, нарн суусна хөөн, цаһан идә һарһҗ күүнд өгдго бәәсмн. «Хот-хол деегүр күн алхдго, — ик му йор», «Хоосн хәәс һал деер тәвдго, герин эзн күүкд күн хатдг», «Хот уучкад сунядмн биш, дассн юмн түргн мартгдҗ оддг», — гиҗ эдн олн йор келәд, күүкдән сурһдг бәәсмн.

Хальмгуд болһсн хөөнә толһа болн дотринь зүс-зүсәрнь хуваҗ әдлдг бәәсмн. Үлгүрлхд, өргнә махинь болн хойр нүдинь өрк-бүл толһалҗах, үрдүдтән нүдн-амн болдг герин эзн залу күн иддг. Күүнә чигн, мал-аһурсна чигн эк үрән үнрәрнь медҗ таалдг. Тер учрар хамрин махиг эк күүнд нерәддг. Күүкн үрн өр җөөлн болтха гиһәд күүкдт зүрк өгдг, эцкин нер, тохм дуудулх көвүн үрн бөөр иддг. Хальмг улс ямаран чигн керг-үүлиг чинр-утхтаһар, седкл-ухаһан тәвҗ күцәдг йоста. Цаһан Сарин боорцг кесн цагтан, нарна бәәдл дуралһад — целвг, мал олар өстхә гиһәд хорха боорцг белддг бәәсмн. Хуцын толһа, кит, җола[14] болн нань чигн олн зүсн боорцг эврә онц темдгтә. Эннь шар наран, һазр-усан, мал-җиврт ниг магтҗ, әмтнә ханлт өргәҗәхин темдг гиҗ келх кергтә.

«Гер дотр цевр болхла, күүкд күүнә шинҗ», — гиһәд **герин цевр-цер бәрлһнә йор** ач иктә эк тавн күүкндән келҗ дасхдг бәәсмн: «Бешин ам бузр бәәлһдго, цагтан бурхн бүүрлдг», «Үүд-терз цеврәр бәәлһхлә, олз ордг, кишг ирдг», «Нарн сууҗах цаг — йорта цаг, үүл бәрдго, юм цокч саждго, үмс һарһҗ асхдго». **Бийән цевр-цер бәрлһнә йор** бас зааҗ келдг бәәсмн: «Өрүни нүр-чирән кир идхлә, күүнә ухан баһрад бәәдмн».

Болдра Мөсн болн Болдра Өлзәтә күүкдтән **бийән һольшгар бәрлһнә йор** медүлдг бәәсмн: «Үүдн һатцас мендлдго, гертнь орад мендлх, ухан-тоолврта болх кергтә. Көгшн күүнд идәни дееж түрүлҗ өгдг, теднә үлдл-шавхрт күртхлә, ут наста болдмн. Бийәсн ах улс күүндхлә, хоорнднь орлцдмн биш» болн н. ч.

Залу күн герин эзн болдг, өрк-бүлән теҗәдг, тохман өргҗүлдг. «Му болвчн залу...» гиһәд **залу күүг күндлдг** бәәсмн: «Кергәр һарад йовсн цагт, залу күн хаалһ керчәд һархла, керг күцдг», «Залу күн йовҗ йовхла, күүкн күн хаалһинь керчҗ һардго», «Күүкн күн нурһан үүрдго, — му йор, залу күүнә сүр дардг».

[10] Йорт орлһн, урдаснь уханд орлһн — предчувствие.

[11] Дал — лопатка.

[12] Уульха — пузырьки, образующиеся в брюшной полости у животных.

[13] Хөөнә төң — коленная чашка овцы.

[14] Разные по форме изделия из теста, которые жарятся в кипящем масле или на жиру.

Хальмг залу күүнә хамгин үнтә зөөр — утх болн зер-зев. XVII-гч зун җилд Моңһл феодальн йосна Ик Цааҗин бичг зарлгдсмн. Тедн дунд зер-зев хулхалсн улсиг засгла харһулх зәрлг... [Шантаев 2004: 198–205]. **Иртә юмн** ик харулһна чинртә болҗ тоолгддг, донамс[15] терүнәс әәдмн гиҗ әмтн иткдг: «Зүүднд хар дархла, дер дор утх бәрдг», «Герин эзн залу хол һазрт йовҗ одхла, орна ширдг дор утх тәвдг».

Эн заң-авъяс хальмг келн-әмтнә бәәсн бәәдл тодрхаһар үзүлнә. Хальмгуд олн үг уга, бийән бәрдг, бат зүрктә, цецн улс бәәсмн. Күүкдиннь эрүл-менд харулҗ: «Шанаһан түшдго, му йор — уха гүүлгәд, зовлңган бәржәнә, эс гиҗ зеткрлә харһдг», «Ур бий зовадг...», — гиҗ эдн хөрдг бәәсмн. Тачкнҗ инәсн цагт күн элкән хаттл, көштлән инәнә, уурлсн, әәсн цагт күүнә зүркн амар һарн гинә гиҗ келгддгин учрар, тогтурта болтха гиҗ олн үлгүр болн йор келәд, эк-эцкнр күүкдән сурһдг бәәсмн.

Хальмг улс ямаранчн йовдлыг йорлад, **му йор дардг** бәәсмн. Үкрәс икр туһлмуд һархла, негинь күүнд зааҗ өгдг. Шовуна баасн деерәс унад, күүнд тусхла, тер күн долан гер эргәд, һууль һуудг. Күүкд күн сөөд толһаһан уһадго. Му йор дарҗ, утх өмнән хатхдмн.

Мана хәләцәр, йор — күүнә болн олн-зүсн юмна йовдл-бәәдл медүлгч чинр-утхта амр зәңг. Эн зәңг хойр әңгәс тогтна: түрүңк әңгднь — үүлдвр, хойрдгч әңгднь терүнә учр-уршг цәәлһҗәх, эс гиҗ харһх йовдл, керг-үүл зәңглҗәх үгмүд өггднә. Кеҗәх үүлдвр аштнь күцәгджәх йовдлла залһлдата. Үгин кев-янзарн болн чинрәрн йор үлгүрмүдлә ирлцнә. Дүңцүлхд: «Шүлсндән цаххла, сенр хот иддг» — «Мод зорхла, зорһсн һардг»; «Көгшдиг күндлхлә, кишг ирдг» — «Ахан алд күндлдг...». Үлгүрмүдәс йор зәңгллһнә темдгәр йилһрнә, болв чинрәрн әәлдлхин зәрлглә[16] йир өөрхн. Үлгүрлхд: «Залу күн зүүндән шүдән хәврхлә, дәәсән дардг» — «Нәәднр үкр үннд күрхлә, күүкд күн төр хаһлх».

Ашлад келхд, йор сән болн му тоотыг зәңглҗәх амн үгин нег зүүл. Сән йор — сән темдг медүлдг үгмүд: байрлх йовдл учрдг, хаалһ секгддг, соньн зәңг ирдг, керг-үүл күцдг. Му йор харулһна темдгтә, чилгчдән эс, бичә, биш, -ш, уга, -го гидг бурушагч хүвслә ниицәд, буру, эвго йовдлас болһах, зеткр аюлас бийән саглх эс гиҗ зовлң әдлхинь, күүнә насн чилҗәхинь медүлҗәх үгмүд. Сән болн му йор чинрәрн олн әңгд хувагдна: күн болн күүнә заң-бәәрлә, цогц-махмудла (эркә уйн болхла, һартан өөтә болдг), теңгрин бәәдллә (будн дораһур буухла, дулан болдг), мал-аһурснла (дөрвн нүдтә ноха бәрхлә, сән болдг) болн теднә мөчмүдлә (чимг идхлә, чидл урһдг), җиврт нислһнлә, хәәкрлһнлә, әдл-уушла болн хот әдллһнлә, иртә юмнла, хувцнла, зүүднлә залһлдата йор, цер бәрлһн, йор дарлһн болн н. ч.

Йорлһн-цеерлһн күүнә әмн-җирһлин дамшлтас, эргндк бәәдл-җирһлин шинҗлтәс үүдсмн. Ямаранчн күн заң-бәәрәрн, ухан-тоолврарн, санан-серләрн һо-һольшг, цевр саната, цаһан седклтә болх зөвтә гих әрүн сурһмҗта авъяс.

Болдра Мөсн, Болдра Өлзәтә цусна өңгинь чигн шинҗләд, кишгтә күүһинь йилһҗ меддг бәәсмн. Үкхиннь өмн өргнд Болдра Өлзәтә күүкдтән герәсән келсмн: «Заясн заян, зурасн зура гиҗ бәәдмн. Күн төрхлә, эн цагт иигҗ йовх, тер цагт тиигҗ йовх гиҗ эртәснь зурата болдг. Хөвдән бичә һундтн. Тенсн-мунсн улсиг теңгр хәләдмн». Болдра Мөсн, Болдра Өлзәтә ут җирһлин хаалһдан харһсн түрү-зүдүһәс хальшрҗ цөкрлго, күчр-күндинь дааҗ, элгн-садндан болн хам-хоша бәәсн улст дөң-тусан күргдг тевчңгү седклтә улс бәәсмн.

Мана алдр өвкнр эргндк бәәдл-җирһллә седкл-ухаһарн таарч, буй делгрүлҗ, дорас өсч йовх үйнрт үлгүр-үзмҗ болҗ йовсиг эн урдын заңшал ил сәәхн медүлнә.

[15] Донам — одно из названий нечистой силы.

[16] Әәлдлхин зәрлг — предсказание.

Зәңгчнр

Моһлдга Болдра Мөсн — (Болдырев Месин Моголдыкович) 1893-ч җилә, дөрвд, хөрнәхнә арвн, Октябрьск района Цаһан Нур селән.

Хожһәрән Болдра Өлзәтә — (Болдырева Элзята Ходжигоряевна) 1919-ч җилә, хошуд, дашихна арвн, Октябрьск района Цаһан Нур селән.

Олзлгдсн литератур

Алтн чеежтә келмрч Боктан Шаня (Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев) / сост., вступит. ст., прилож. Б. Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с.

Борджанова Т. Г. Магическая поэзия калмыков: исследования и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.

Гедеева Д. Б., Омакаева Э. У. Ойратские гадательные сочинения. «Знание языка лошади» и «Гадание на 10 пальцах рук» как источник изучения // Монголоведение. Вып. 1. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 108–111.

Печень — орган, в котором живет душа [электронный ресурс] // URL: http://lekar-n.com›gepatologiya/pechen…v…zhivet-dusha (дата обращения: 14.04.2014).

Пүрбән Г. Ц. Хальмгудын заңшалта бәәцин тәәлвр толь (Толковый словарь традиционного быта калмыков). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. С. 153.

Т. С. Тягинован амн үгин көрңгәс (Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой) / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 208 с.

Шантаев Б. А. Отношение к острым предметам в традиционной культуре калмыков // Молодежь в науке. Сб. тр. молодых ученых. Вып. 1. Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 198–205.

Эрнҗәнә К. Цецн булг (Эрендженов К. Э. Золотой родник). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 188 с.

УДК 75/76
ББК 85.103.(2)1

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО В ПРОСТРАНСТВЕ БУДДИЙСКОГО ХРАМА

Visual Arts in the Buddhist Temple Space

С. Г. Батырева (S. Batyreva)[1]

[1] доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Art Studies, Leading Researcher at Zaya-Pandita's Museum of the Kalmyk Traditional Culture at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: sargerel@mail.ru.

Статья посвящена описанию локального своеобразия изобразительного искусства в храмовом пространстве буддийского комплекса. Автор отмечает, что в традиционной культуре храм является не только культовым сооружением, органичным в синтезе с другими видами пространственного искусства, но и средоточием религиозного искусства и художественного ремесла.

Ключевые слова: культура, искусство, буддизм, иконография, пространство, архитектура, живопись, храм, локальная специфика.

The object of study in this research is the traditional fine art of the Kalmyks. The article is devoted to the analysis of the specific features of the local fine art in the Buddhist temple in Kalmykia.

The pictures, sculptures, applications and embroideries wonderfully combine with the architecture of the Buddhist temple. Being perceived in the synthesis with the architecture, they serve as the decorative background, but at the same time they are the direct objects of veneration as well. The icons and the altar sculpture composition represent the centre of the temple or its residential space as well as the concentration of the Kalmyk's esthetic attitude which has developed in the long process of ethno-genesis.

The space in the temple expresses the unity of micro-and macro-cosmos (that of the man and the universe) which is portrayed in paintings and sculptures, and presents the historical genesis of art which appeals to believers from its walls and other constructions. The spiritual essence of Buddhism, its teachings received their material expression in the objects of worship, namely in the iconography and sculptures. Moreover, the set of the spatial art – architecture, sculpture and painting – form the ensemble of the ethnic identity.

The Kalmyk Buddhist temple is a focal point not only of religious art, but also of arts and crafts related to processing of traditional materials. Craftsmen working with wood, metal and fabric created the decoration of the Buddhist temple which organically combines with the cult paintings and sculptures and reveals synthesis of the arts in the temple area preserving the artistic heritage of the Kalmyk people.

The research justifies the significance of the analysis of the Buddhist temple art within the system of the traditional culture of the Kalmyks.

Keywords: arts and culture, Buddhism, iconography, space, architecture, painting, temple, local specifics.

Живописные, скульптурные произведения, полотна с аппликацией и вышивкой удивительно созвучны архитектонике буддийских храмов. Воспринимаясь в синтезе с архитектурой, они являются декоративным фоном интерьера и в то же время непосредственными объектами почитания верующих. Икона или скульптура в алтарной композиции — смысловой центр храмового или жилого пространства, концентрирующий мироощущение и эстетические представления народа, оформившиеся в длительном процессе этнокультурогенеза.

В традиционной культуре храм — не только архитектурное сооружение, органичное в синтезе с другими видами пространственного искусства, но еще и место сосредоточения культового искусства и ху-

дожественного ремесла. Достаточно вспомнить мастерские при ойратских крепостях-монастырях XVII в. — Дунду-хуруле Малодербетовского улуса XVIII в., Тюменевском хуруле XIX в. или деревянном храме Платовского хурула донских калмыков начала XX в. Здесь руками безымянных мастеров создавались декоративное убранство храма, монументальные и станковые формы культовой живописи и пластики, по праву воспринимаемые сегодня как культурное наследие народа.

Пространство храма, в структуре выражающее единство микро- и макрокосма (человека и Вселенной), обретает смысловое значение в станковых произведениях живописи и скульптуры, в историческом генезисе искусства полностью отделившихся от стен и конструкций храма. В пространстве архитектуры создано декоративное оформление скульптурной или живописной алтарной композиции, являющейся центром художественного ансамбля. Духовная суть буддизма, его учение, получает материальное выражение в объектах почитания верующих, какими являются иконопись и культовая скульптура. Произведения старокалмыцкого искусства несут печать народных художественных традиций, наглядно демонстрируя творческое осмысление этносом буддийской иконографии.

Создателями этих произведений были священнослужители, получавшие в храме духовный сан и специальность и обладавшие разносторонними знаниями, свидетельствующими о всеобъемлющем характере духовного образования и зрелости конфессиональной художественной культуры. Обширен ряд калмыцких священнослужителей, сыгравших значимую роль в приобщении народа к культурному наследию вероучения [Батырева, 2011: 259].

Одним из них был лама Войска Донского Дамбо Ульянов (1844–1913), по инициативе которого в свое время было создано панно-аппликация «Будда Шакьямуни» для Эркетеневского хурула. Он получил высшее духовное образование и продолжил его в Тибете и Монголии. Владея ясным письмом «тод бичг», тибетским языком и санскритом, он перевел тибетский медицинский трактат «Лечение от проказы и холеры», актуальный для своего времени. Просветительскую и духовную деятельность его в определенной степени считают продолжением сделанного Зая-пандитой в пропаганде буддизма среди ойратов-калмыков.

Произведения из музейных коллекций Калмыкии представляют процесс формирования локальной школы стилизованного искусства. Простодушно- веселое выражение образов, иллюстрирующих деформацию канона, сродни «наивной» живописи примитива; оно органично тяготеет к жизнерадостному колориту орнамента «зег», незатейливо вводимого и в декор одеяния скульптурного образа ламы, и в расцветку лотосового подножия или условного пейзажа иконописного фона. Это дает возможность констатировать мощное влияние народного ремесла и его художественные традиции в буддийском искусстве Калмыкии XIX–XX вв.

Анализ эстетических особенностей культовых произведений невозможен без обращения к опыту калмыцкого декоративно-прикладного искусства, поскольку техника создания икон (вышивка, аппликация) традиционно и неразрывно связана с областью народного творчества, чем в значительной мере определены характерные черты локального художественного стиля. Взаимосвязи, принципиально важные в контексте стилеобразования, свидетельствуют о целостности искусства, его художественном и образном единстве, благодаря чему язык народного декоративно-прикладного творчества может служить ключом к пониманию стиля буддийского искусства Калмыкии.

В комбинированных приемах шелковой аппликации и стачивания цветных шнуров, тесьмы и позументов, кантов и подкладного фона вышивки использовалось искусство выделки позументов, шерстяной и шелковой тесьмы, образующих накладное изображение. Художественный эффект такой иконописи строится на звучности цветовых пятен, сочетании фактуры шелка и парчи с ее мерцающим блеском золотых и серебряных нитей, проложенных по контуру изображения и в орнаменте деталей. В отличие от монгольской аппликации, декорированной драгоценными камнями, калмыцкая икона из шелка отличалась лаконизмом композиции, строгим контуром выверенного каноном рисунка, сдержанной звучностью колорита. В монументальном полотне «Будда Шакьямуни» (калм. «Бурхн Багш Гегэн») начала XX в. иконописца Киирба Бадакова [Бадаков] Будда показан сидящим в падма-

сане на фоне условного пейзажа. Колорит, построенный на сочетании песочно-желтого тела Будды и черного цвета волос и патры, дополнен серо-зеленым нимбом и охристо-красным плащом, достигая апогея в многоцветной «раскраске» лепестков лотосового подножия. В ясном и приветливом лице его нет выражения канонизированной в искусстве буддизма отрешенности аскета [Искусство Калмыкии XVIII–XX вв. 1984: 18]. Традиционное понимание божественной красоты в народной эстетике взаимосвязано с понятием добра. Сохраняя требования пропорционального и композиционного канона в символике цвета и атрибутов (выполненных по указанию профессионала-иконописца), рукодельницы вдохнули в каноничный образ живое чувство сострадания.

Широким диапазоном цвета в колорите поражает монументальная, вышитая шелком икона «Зеленая Тара» (калм. «Hohан Дәрк Гегән»), представляющая собой историко-культурный раритет СГОКМ (Ставропольский государственный объединенный краеведческий музей) имени Г. К. Праве. Радиальные полосы эманации образа бодхисаттвы представлены в виде «расслоившегося» солнечного луча в радужном спектре от темно-фиолетового до желтого цвета. При этом полихромия изображения, благодаря тонко подобранным оттенкам и техническому мастерству в исполнении деталей, объединена в мажорно звучащую гармонию цвета и форм. В вышитом образе «Зеленой Тары» и других подобных изображениях орнаментальные мотивы, озвученные колоритом, выступают декоративным фоном изображения. Художественный эффект полихромных композиций часто основан на сочетании черного контурного рисунка с расцветкой, соответствующей традиционному декоративному принципу народной вышивки «зег», переведенному на язык иконописи, выполненной мастерицами в технике лицевого шитья.

Образ «Лхамо», сочетающий элементы вышивки и тканевой аппликации, представляет другую традиционную технику, используемую в декоративной отделке калмыцких знамен. Боевые знамена калмыков XVIII – начала XX вв., под которыми они выступали, защищая российское Отечество, представляют собой своеобразное явление декоративно-прикладного искусства. Поздним примером этой традиции является находящееся в НМИДК (Новочеркасский музей истории донского казачества) знамя 3-го Донского калмыцкого полка (первая четверть XX в.), вышитое по темно-синему бархатному фону золотой крученой нитью [Batyreva 2007: 21–22].

Каноничные произведения, созданные национальными ремесленными приемами, одухотворены животворной силой народного творчества. Подчеркнутый декоративизм стиля, метафоричность и символизм художественных образов составляют особенности локального буддийского искусства, в котором оживает древний культ всадника, воплотившийся в образе покровителя воинов «Дәәч Теңгр». Пронесенная через века традиция вдыхает новую жизнь в изобразительный канон буддизма, придавая культовым произведениям неповторимое обаяние, отмеченное народным стилем «наивного» искусства. Органичная комбинация традиционного опыта и религиозного канона образует устойчивую художественную форму, эстетически воздействующую на зрителя лаконизмом композиции, самобытной цветовой гаммой орнаментальных элементов, изяществом выстланного стежка, яркостью шелковой аппликации, оконтуренной цветным шнуром. Истоки этого декоративного стиля, тяготеющего к основам народного искусства, лежат в метафорической условности и традиционной символике образов ойрато-калмыцкой мифологии.

За стенами монастырей производилась, сохранялась и передавалась из поколения в поколение традиция культуры общечеловеческих ценностей — с достижениями философии, медицины, искусства и литературы. Восприемниками наук, освященными высоким учением буддизма, были служители церкви. Здесь получали всестороннее для того времени образование малолетние послушники. В их числе по традиции мог быть младший сын в калмыцкой семье. Сроки обучения в монастырях составляли от 2–8 до 25 лет. В Калмыкии существовала четырехступенчатая церковная иерархия: манҗ, низшая ступень; затем гецуль, который, кроме старокалмыцкой письменности «тод бичг» должен был знать и тибетский; гелюнг в дополнение к двум названным языкам должен был владеть и санскритом; лама назначался по протекции Тибета (до XIX в.) и утверждался затем указом российского императора.

В хурулах преподавались теология и философия, математика и астрология, ме-

дицина и языки. Священнослужители помимо этого приобщались к основам архитектуры, иконографии и каллиграфии, обретая специальность «зурач». Участвуя в богословских диспутах и выступая с проповедями, они на практике отрабатывали обширную систему духовных знаний, получаемых в хуруле. Полный объем образования предназначался выпускникам буддийской академии Чёря (калм. «Цанид Чөөрə») и был рассчитан на 25 лет обучения. Сюда поступали монахи в степени гелюнга. Выпускники получали специальности: врача «эмч», астролога «зурхач», учителя «багш» и философа «гавҗ». Для получения званий «гавҗ» и «багш», — указывает Ц. Корсункиев, — необходимо было изучить теорию мадхьямики — основу махаяны, представленную трудами Нагарджуны, Шантидевы, Джу Атиши и Цзонхавы. Сюда входила центральная триада философии буддизма: логика, теория дхарм и пустотности, четыре благородные истины и восьмеричный благородный путь. Основой северного буддизма были многотомные канонические Ганджур (наставления Будды) и Данджур (комментарии к наставлениям), а также Виная (свод правил жизни монашеской общины) и Праджняпарамита (учение о трансцендентной мудрости) [Корсункиев, 1977; 1987: 89–90].

В разнообразной системе духовного образования, основанной на изучении философской концепции буддизма, необходимо отметить сферы знания, прямым и непосредственным образом связанные с изобразительным искусством, зодчеством. Так, в руководстве по астрономии и астрологии «Зурхачин ном» указывается практика определения зимнего и летнего солнцестояния по длине тени храма. Так же определялись дни осеннего и весеннего равноденствия, что свидетельствует о развитой системе знаний в сфере калмыцкого зодчества. Основы архитектуры и история калмыцких храмов, начиная с кочевых хурулов ойратского периода (XVI–XVII вв.), строившихся по канону буддизма, входили в программу подготовки священнослужителей.

Лама Калмыцкого народа через улусных багшей давал указания о соблюдении архитектурных особенностей главных храмов. Сюда входило следующее: четырехскатная кровля с приподнятыми краями, навершие «ганжр», ориентация входа на фасад — южную сторону храма и обязательный двухколонный портик, оформляющий двери. В сооружении калмыцких храмов нередко использовались планы монгольских и тибетских архитектурных памятников, строительством, как правило, руководил багши. Образцами калмыцкого культового зодчества считались Эмчин и Багшин хурулы в Малодербетовском улусе, главный храм поселка Калмыцкий Базар и главные сюме двух Чёря в Манычском и Ики-Цохуровском улусах, характеризующиеся особенностями претворения архитектурной традиции.

Знание анатомии и физиологии человеческого тела, фиксированное в медицинских трактатах (переводах с тибетского и монгольского) священнослужители использовали в создании живописных и скульптурных образов буддийского пантеона. Руководством служили специальные пособия по иконографии, предусматривающие соблюдение канонических требований буддизма. Ими в переводе с тибетского и монгольского языков пользовались иконописцы «зурачнр». Обязательным для священнослужителя было владение каллиграфией, а также музыкальными инструментами, духовыми и ударными. Так, например, главный распорядитель храмового оркестра «гунзуд» должен был знать и исполнять 72 мелодии, каждая из которых соответствовала определенной молитве. Храмовая оркестровая музыка сопровождала театрализованное действо «Цам», проводившееся во время больших церемоний по случаю религиозных праздников [Корсункиев 1987: 95–96]. Это синтетическое искусство совмещало в исполнении актерское мастерство в звуке и пластике движения, изготовление костюмов многочисленных персонажей буддийского пантеона и красочных декоративных масок, надеваемых исполнителями. Ритуальный характер имел спектакль в храмовом пространстве, исполняемый в древней традиции театрализованного действа.

В образовательной системе калмыцких хурулов органично сочетались классические основы буддийского учения и художественный опыт народа. Синтез пространственных, временных и пространственно-временных видов искусства объемлет собой художественная культура Калмыкии, важнейшей частью которой является изобразительное искусство буддизма.

Источники

Бадаков К. Б. (1891–1946), золотых дел мастер, иконописец Эркетеновского хурула. Запись со слов Васькина Г. С. (1925–2009): 15.01.1993 года.

Литература

Батырева С. Г. Традиционное изобразительное искусство Калмыкии XIX–нач. XX вв. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG, 2011. 428 с.

Искусство Калмыкии XVIII–XX вв. Каталог. Автор-составитель С. Г. Батырева. Элиста: Кавказская здравница. Калмыцкая государственная картинная галерея, 1984. 32 с.: ил.

Корсункиев Ц. К. О преподавании гуманитарных и естественно-научных дисциплин в калмыцких монастырских школах: XIX – начало XX вв. / Вопросы истории ламаизма в Калмыкии. Элиста: КНИИФЭ, 1987. С. 88–99.

Корсункиев Ц. К. Программа обучения в школах при калмыцких хурулах / Ламаизм в Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1977. С. 34–47.

Batyreva S. The Kalmyk battle banners // Second International Conference «Past and Present of the Mongolic Peoples». Ulaanbaatar, August 28–30, 2007. P. 21–22.

УДК 32
ББК 66.3 (2Рос)

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА МОСКВЫ: НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Anti-Corruption Policy of Moscow: New Technologies and Foreign Experience

С. Д. Башанкаев (S. Bashankaev)[1]

[1] соискатель РАНХиГС при Президенте РФ, факультет национальной безопасности (Applicant for degree at the Russian Academy for Public Service under the auspices of the President of the Russian Federation, Department of National Security). E-mail: ctac86@inbox.ru.

Статья посвящена анализу антикоррупционной политики мэрии Москвы. Приведенные конкретные примеры подтверждают эффективность отдельных способов и мер, предпринимаемых в столице в целях противодействия коррупции. Автор отмечает, что коррупция всегда наносит ущерб — прямой или косвенный — общественным интересам, социальной и национальной безопасности страны в целом.

Ключевые слова: Москва, коррупция, антикоррупционная политика, антикоррупционные меры и механизмы, борьба с коррупцией, решение.

The issue of corruption is one of the most discussed in the Russian society, and has always been a “hot” topic for the Russian mass media. The theme of corruption often appears to be connected with the issues of power, bureaucracy, oligarchy, the shadow economy, etc. Combating corruption is one of the key factors of economic success.

It is a generally recognized fact that the economy of Russia and in particular that of the Moscow region is actively developing today. The objective of this research is to investigate the anti-corruption policy of the modern Russia implemented at the regional government level, for instance the case of Moscow is considered in this article. In the study the effectiveness of the anti-corruption measures implemented in the context of economic development of Moscow is analyzed and the role of the Mayor S. Sobyanin in the implementation of this anti-corruption policy is assessed. The subject of the study is the implementation of anti-corruption policy at the present stage of the capital’ development, in particular the introduction of new technologies and application of international experience is evaluated.

Corruption always causes damage – direct or indirect – to public interest, and unless an effective barrier is set, it rapidly develops affecting new spheres. One of the most effective ways of combating corruption is to ensure the maximum transparency in the activities of officials.

In light of above, the main task is to prevent the institutionalization of corruption when it becomes an integral part of the society, leads to degradation of social values and paralyzes the activities of the legal institutions. To use new Internet technologies in order to achieve transparency in the state body activities, to provide objective and reliable information, to actively involve public are practices to be guided by in combating corruption.

Keywords: Moscow, corruption, anti-corruption policy, anti-corruption measures and mechanisms, combat corruption, solution.

Коррупция — язва на теле любого общества. Не случайно ее называют «многоликой» [Многоликая коррупция 2010]. Сегодня этот вопрос — один из самых обсуждаемых в российском обществе. Проблема коррупции всегда являлась «горячей» темой для российских средств массовой информации. Тема коррупции постоянно возникает в связи с рассмотрением проблем власти, бюрократии, олигархии, теневой экономики и т. д.

Борьба с коррупцией является одним из ключевых факторов экономического успеха. Ни для кого не секрет, что сегодня эко-

номика нашей страны и, в частности, московского региона находится в стадии, так сказать, активного роста. Это утверждение можно подкрепить рядом фактов, понятных даже простому, не сведущему в экономике обывателю:

1. Россия и россияне, в отличие от других стран и народов, пережили глобальный экономический кризис без явно ощутимых потерь.
2. Наша страна рассчиталась с внешними долгами и стала сама кредитором.
3. В Москве активно осуществляются важные проекты общенационального социального характера: «Жилье» («Молодой семье — доступное жилье»), «Здоровье» (открытие ряда ультрасовременных диагностических центров) и т. д.
4. Московские пенсионеры получают довольно хорошую пенсию, а учителя, врачи и военные стали получать более или менее достойную зарплату.

Стоит отметить, что создание в столице России комплекса мер противодействия коррупции — это системная последовательная работа правительства Москвы. Ее результаты уже ощущают на себе и простые москвичи.

В качестве объекта исследования нами рассматривается антикоррупционная политика современной России, реализуемая на региональном государственном уровне (на примере Москвы). Целью исследования является анализ эффективности мер по реализации антикоррупционной политики в контексте экономического развития Москвы и оценка роли столичного мэра С. Собянина в реализации антикоррупционной политики. Предмет изучения — особенности реализации антикоррупционной политики на современном этапе развития столицы, в частности, внедрение новых технологий и зарубежного опыта.

Литература о самом феномене коррупции и способах борьбы с ней довольно обширна. Исследователи отмечают сложный и изменчивый характер коррупции как опасного социально-правового явления, изучению которого посвящены работы отечественных и зарубежных ученых — юристов, специалистов в области уголовного права и криминологии, а также экономистов, социологов, философов.

«Анатомия» коррупции подробно рассматривается в трудах С. Алама [Alam 1989], А. Хайденхаймера [Heidenheimer 1989], И. Мени [Meny 1996], В. Пэварала [Pavarala 1996], С. Роуз-Аккерман [Rose-Ackerman 1999; рус. изд. 2003] и др. Сьюзен Роуз-Аккерман, будучи одним из ведущих специалистов в области исследования коррупции, объясняет данное явление чрезмерным вмешательством государства в экономические процессы. Осмысление феномена коррупции в контексте современной российской действительности представлено в работах Г. А. Сатарова [2007], Б. Г. Форычева [2010], А. В. Манько [2012] и др.

Антикоррупционная политика на современном этапе развития России является отражением существующего в обществе социального запроса. Государственная политика профилактики и пресечения коррупции изложена в общенациональном плане [Национальный план противодействия коррупции].

О задачах государственной политики в сфере противодействия коррупции говорил на заседании Совета по противодействию коррупции 30 октября 2013 г. В. В. Путин: «<…> повысить эффективность антикоррупционной работы, добиться кардинального снижения уровня коррупции в обществе можно, только действуя последовательно и системно. И все предпринимаемые нами меры должны быть именно такими» [Вступительное слово Президента РФ В. В. Путина 2013].

Актуальность темы настоящей статьи объясняется злободневностью проблемы, с которой российское общество и власть (как центральная, так и региональная) столкнулись в последнее время. Это, с одной стороны, расширение сферы влияния и усиление позиции коррупции в России, особенно в Москве, с другой стороны — необходимость борьбы с этим явлением.

Сегодня мало кто верит в решение этой проблемы, она считается «вечной», но решение ее необходимо. Как эксперты, так и простые граждане, обеспокоенные масштабами коррупции, единодушно приходят к выводу о том, что, не испытывая должного сопротивления, коррупция служит серьезным барьером, препятствующим социально-экономической и политической модернизации России.

Коррупция — не только российская проблема. Вопрос о коррупции и ее предотвращении сегодня превратился в одну из важнейших проблем во всем мире, причем даже в таких странах с сильной и развитой экономикой, как США, Германия и др. Каж-

дая страна по-своему пытается бороться с этим явлением. Поэтому обсуждение наболевшей проблемы начнем с анализа ее состояния в мировом ракурсе.

ООН давно признала международный характер проблемы коррупции и пытается найти формы и методы купирования этого явления, приемлемые для любой страны. Так, например, в 1990 г. была принята специальная резолюция ООН «Коррупция в сфере государственного управления»; в 1996 г. — резолюция «Борьба с коррупцией», декларация ООН «О борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях». В качестве приложения к резолюции принят «Международный кодекс поведения государственных должностных лиц». Однако все эти документы носят лишь рекомендательный характер и фактически не оказывают действенного влияния на решение проблемы в целом.

Оценивая уровень коррупции в мире, можно условно разделить все страны на две группы: успешно решающие проблему коррупции и испытывающие затруднения в ее решении. В свете вышеизложенного можно заключить, что полностью искоренить коррупцию как явление еще не удалось ни одному государству мира, но снижение ее порога оказывается вполне достижимым.

По международным оценкам, самый высокий антикоррупционный рейтинг у нашего соседа — Финляндии. Далее идут Дания, Новая Зеландия, Исландия, Сингапур, Швеция, Канада, Нидерланды, Люксембург, Норвегия, Австралия, Швейцария, Великобритания, Гонконг, Австрия, Израиль, США, Чили, Ирландия, Германия, Япония. Антикоррупционные программы этих стран, доказавшие на практике свою эффективность, предоставляют возможность использования положительного зарубежного опыта, особенно в условиях отсутствия реально действующего механизма борьбы с коррупцией у нас в стране.

На первый взгляд может показаться, что коррупцию можно победить с помощью «сильной руки», государственной диктатуры и репрессий. Но история России, и особенно опыт Китая, где показательные расстрелы проворовавшихся чиновников давно стали повседневной практикой, свидетельствуют об обратном: репрессивные меры, при их кажущейся эффективности, не дают желаемого результата: коррупционеры, как были, так и есть, а вот суммы взяток автоматически поднимаются в разы как плата за повышенный риск.

В рамках антикоррупционной стратегии мэром Москвы провозглашен принцип честности и неподкупности во всех сферах жизни общества, в том числе на государственной службе. По словам московского градоначальника Сергея Собянина [Боровой, Ильина 2013], Москва, к сожалению, является «лидером» по уровню коррупции в России. Чем выше доход у города и у граждан, тем выше риск коррупции.

Как хорошо известно, предыдущий мэр города Юрий Лужков был уволен с поста градоначальника, кроме всего прочего, и по причине запредельно высокого уровня коррупции в городе [Лужков 2011]. Это не удивительно, поскольку Москва — политический, экономический, социальный и культурный центр нашей страны. Кроме того, для России вообще характерен высокий уровень коррупции, а в столице проживает 1/10 часть населения страны, здесь локализуются центральные органы государственной власти. Помимо всего прочего, город является самостоятельным субъектом Федерации — городом федерального значения, что обусловливает наличие властных структур субъекта РФ. Для выработки действенных и адекватных мер противодействия необходимо, на наш взгляд, учитывать масштабы и тип коррупции в Москве и в России в целом.

Так как же решается проблема борьбы с коррупцией в Москве? Действующий мэр Москвы Сергей Собянин ведет сегодня активную борьбу с коррупцией в городе. Весьма отрадно, что московские власти обратили самое серьезное внимание на эту злободневную проблему современной российской действительности, рассматривая противодействие коррупции как основу национальной и социальной безопасности столицы России.

Правовое регулирование антикоррупционной политики в Москве основывается на тех же нормативно-правовых актах, что и в России в целом. Основные из них следующие: Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», Указ Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 557 «Об утверждении перечня должностей федеральной государственной службы, при назначении на которые граж-

дане и при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей», Указ Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 559 «О представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера», Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции» и др.

По выражению мэра С. Собянина, люди платят «в карман» практически везде — на дорогах, в школах, детсадах, бизнесе. И вместе с гражданами, общественными организациями мэр Москвы намерен решать эту проблему, объявив войну нечистым на руку чиновникам.

За последние годы в столице произошло множество коррупционных скандалов с участием московских чиновников: на взятках попадались и главы управ, и префекты, и сотрудники столичных комитетов и департаментов. По заявлению руководителя ГСУСК по столице, Вадима Яковенко, ущерб по коррупционным преступлениям с оконченным расследованием превысил 1,15 миллиарда руб. При этом почти 250 миллионов руб. усилиями следователей возвращены государству еще в ходе предварительного расследования [Ущерб от коррупции в Москве 2013]. Столичные следователи за 2011–2012 гг. помогли вернуть в бюджет более 5,9 миллиарда руб. ущерба по налоговым преступлениям [Москва начинает новый этап борьбы с коррупцией 2014].

На выборах 2013 г. кандидат на пост мэра столицы РФ С. Собянин сделал ряд заявлений о коррупции в столице и способах борьбы с ней [Боровой, Ильина 2013]. В частности, он заявил, что полностью победить коррупцию в столице, наверное, невозможно, но бороться с этим нужно постоянно. Тем не менее, точечные антикоррупционные меры, предпринятые им и его командой, дали свои результаты, что сказалось на снижении коррупции в столице за 2013 год на 2,5 %. Таким образом, московские региональные власти активно содействуют решению программ противодействия коррупции. Главная задача Собянина — снять системную коррупцию: «Граждане раньше получали миллионы справок в непонятных конторках. И что там происходило за дверьми неизвестно» [Москва начинает 2014].

По мнению нынешнего мэра, решение этой проблемы заключается в создании многофункциональных центров, которые предоставляют все услуги для горожан в одном помещении, что позволяет делать предоставление этих услуг более открытыми. В Москве уже 65 таких центров, и до конца 2014 г. ситуация в этом отношении будет, можно надеяться, полностью выправлена.

Еще один вариант решения проблемы, по мнению градоначальника, — это повальная проверка чиновников на «детекторе лжи» (полиграфе). По утверждению мэра столицы России, «все столичные чиновники проходят проверку на детекторе лжи, процентов от 40 до 60 отсеиваются» [Москва начинает 2014].

Для справки: в 2011–2013 гг. проверку на полиграфе прошли около 1700 человек. Примерно 20 % чиновников попали под так называемую ротацию. Результаты тестирования направлялись лично руководителям органов исполнительной власти города для принятия решений.

Большой уровень коррупции наблюдается в сфере госзаказа, поэтому мэр столицы предложил ряд вариантов решения проблемы — прежде всего снижение количества тендеров, где выставляется единственный подрядчик.

По заявлению Сергея Собянина, столица — образец бестолковости и коррупции в сфере инвестиционных контрактов. Решение проблемы, по мнению мэра, состоит в их расторжении. Расторгнуто более 200 инвестиционных контрактов, большая часть расторгнутых соглашений касалась строительства объектов в центре Москвы. С санкции Собянина было временно запрещено любое строительство в центре города. Инвестконтракты, которые потенциально затрудняли движение транспорта, были аннулированы.

Еще одна питательная среда для коррупции в городе — рынки, которые ничем и никем не регулируются, через которые проходит огромный объем контрафакта, контрабанды и неурегулированной торговли. Все эти потоки уводят из легального поля налоги и финансовые ресурсы. От этого страдает и цивилизованная торговля: нелегалы делают ее менее конкурентной. Кроме того, не-

легальный рынок — база для нелегальной миграции и для различного рода организованной преступности. Решение проблемы — в закрытии рынков. При Сергее Собянине было закрыто 30 таких объектов.

Что касается коррупции в сфере ЖКХ, то решение проблемы видится в реализации реформы ЖКХ. В частности, имеется в виду деятельность управляющих компаний, товариществ собственников жилья, но на основе закона, поскольку существующие в Москве — это уже не ТСЖ в собственном смысле слова, а какие-то самостоятельные организации, которые вместо того, чтобы улучшать работу жилищной сферы, накручивают тарифы, не оказывают должных услуг и т. д. Рядовому жителю столицы справиться с этим грабежом не по силам, и это — массовое явление.

Решение проблемы — в установке видеокамер во дворах: в Москве установили около 120 тыс. видеокамер во дворах, подъездах, на дорогах, изменен закон города, чтобы с помощью полученных с них данных можно было коммунальщиков и наказать. В результате 80 % штрафов нерадивым компаниям административно-техническая инспекция выписывает именно на основе этих материалов.

В конце февраля 2014 г. в Москве начался (условно) новый этап в борьбе с коррупцией, поскольку по решению мэра Собянина был создан Департамент региональной безопасности и противодействия коррупции [Москва начинает 2014]. Департамент региональной безопасности был переименован в департамент региональной безопасности и противодействия коррупции [Департамент действует 2014]. Такое решение было принято с целью реализации государственной политики в сфере обеспечения безопасности и противодействия коррупции в столице.

В своей деятельности Департамент руководствуется Конституцией Российской Федерации, международными договорами, федеральными конституционными законами и федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, Уставом и законами города Москвы, иными правовыми актами города Москвы и Положением о департаменте. Департамент осуществляет функции по реализации государственной политики в сфере обеспечения безопасности, за исключением обеспечения транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, обеспечения законности при организации и проведении азартных игр и лотерей, противодействия коррупции. Департамент региональной безопасности и противодействия коррупции обладает полномочиями для проверки достоверности и полноты представляемых должностными лицами города сведений о полученных ими доходах, об имуществе, принадлежащем им на праве собственности, об их обязательствах имущественного характера, а также сведений о доходах супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, об имуществе, принадлежащем им на праве собственности, и об их обязательствах имущественного характера.

В сфере предпринимательства большая роль в борьбе с коррупцией на уровне столицы России отводится Московскому антикоррупционному комитету при Московской торгово-промышленной палате (МАКК при МТПП), созданному в 2009 г. Комитет призван защищать предпринимателей от произвола столичных чиновников. Его деятельность поддержана Распоряжением Правительства Москвы РМ № 295 от 27.08.2009 г. Комитет активно взаимодействует с Правительством Москвы, Государственной Думой, Московской городской Думой и другими органами законодательной и исполнительной власти. МАКК выполняет принципиально важную для столицы функцию — анализа, предупреждения и эффективной борьбы со злоупотреблениями и случаями коррупции. Комитет имеет общественные приемные для предпринимателей во всех административных округах Москвы. В работе комитета (экспертный, наблюдательный, представительский советы предпринимателей при комитете) могут принимать участие руководители предприятий, вступившие в члены МТПП.

Кроме того, Правительство Москвы специально для предпринимателей разрабатывает и внедряет такие формы участия в бизнесе, которые будут пресекать коррупцию. Например, 9 декабря 2013 г., в Международный день борьбы с коррупцией, ООН и Правительством Москвы при поддержке Международного форума лидеров бизнеса (IBLF) была проведена Международная конференция «Практики противодействия коррупции. Основные направления анти-

коррупционной работы в сфере государственных закупок», в рамках которой были представлены основные возможности Портала поставщиков, который был разработан ОАО «НПП «Гранит-Центр» по заказу функционального заказчика Департамента города Москвы по конкурентной политике. По результатам успешного пилотного проекта, запущенного с 25 февраля 2013 г., указом мэра Москвы все закупки, проходящие без конкурса, проводятся в рамках Портала поставщиков. Руководством Департамента по конкурентной политике Правительства Москвы Портал поставщиков был назван «самым успешным стартом года» [Сайт межрегиональной общественной организации «Национальный комитет общественного контроля»].

Программа Собянина включена и в международный контекст. Власти Москвы намерены использовать в борьбе с коррупцией среди чиновников международный опыт противодействия коррупции, в частности, опыт столицы Южной Кореи — Сеула, где в результате реализации программы коррупция среди городских чиновников уменьшилась в шесть раз. Здесь с 1999 г. действует в рамках программы «OPEN» онлайновая система контроля за рассмотрением заявлений граждан чиновниками городской администрации.

Зарубежный опыт противодействия коррупции может быть эффективным, но его использование возможно, как нам представляется, только при адаптации к современным российским условиям с учетом исторического опыта и интересов национальной безопасности России.

В заключение отметим, что коррупция всегда наносит ущерб — прямой или косвенный — общественным интересам. И если ей не будет поставлен действенный заслон, она будет стремительно разрастаться, поражая все новые и новые сферы. Один из самых эффективных способов противодействия коррупции — обеспечение максимальной прозрачности в деятельности чиновников.

В свете сказанного главной задачей становится не допустить институциализации коррупции, когда она становится неотъемлемой частью жизни социума, что приводит к деградации социальных ценностей и парализации деятельности правовых институтов. Применение новых Интернет-технологий для достижения прозрачности деятельности государственных органов, предоставление объективной и достоверной информации, активное вовлечение общественности должны прочно войти в практику борьбы с коррупцией.

Источники

Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Российская газета. 30 декабря 2008 г. Федеральный выпуск № 4823.

Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

Указ Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 557 «Об утверждении перечня должностей федеральной государственной службы, при назначении на которые граждане и при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей».

Указ Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 559 «О представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера».

Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции» и др.

Литература

Боровой А., Ильина О. 5 заявлений Собянина о коррупции в Москве и 6 способов решения. 9.09.2013 [электронный ресурс] // URL: http://pasmi.ru/archive/95812 (дата обращения: 06.02.2014).

Вступительное слово Президента РФ В. В. Путина на заседании Совета по противодействию коррупции. 30 октября 2013 [электронный ресурс] // URL: http://kremlin.ru/news/19516 (дата обращения: 06.02.2014).

Департамент действует на основании Положения о департаменте региональной безопасности и противодействия коррупции города Москвы // [электронный ресурс] URL: http://drbez.mos.ru/about/polozhenie_o_departamente/?special=Y (дата обращения: 06.02.2014).

Лужков был уволен из-за запредельного уровня коррупции в Москве. 26.10.2011 [электронный ресурс] // URL: http://www.forbes.ru/news/75652-kreml-luzhkov-byl-uvolen-iz-za-zapredelnogo-urovnya-korruptsii-v-moskve (дата обращения: 06.02.2014).

Манько А. В. Коррупция в России. Особенности национальной болезни. М.: Аграф, 2012. 256 с.

Многоликая коррупция: выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики и государственного управления / под ред. Э. Кампоса и С. Прадхана; пер. с англ. М.: Альпина Паблишерз, 2010. 549 с.

Москва начинает новый этап борьбы с коррупцией. 20.02.2014 [электронный ресурс] // URL: http://pasmi.ru/archive/102982 (дата обращения: 06.02.2014).

Национальный план противодействия коррупции [электронный ресурс] // URL: www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204857.shtml. (дата обращения: 06.02.2014).

О роли и участии институтов гражданского общества в противодействии коррупции и обеспечении экономической безопасности в сфере экономики // Сайт межрегиональной общественной организации «Национальный комитет общественного контроля»: [электронный ресурс] // URL: http://www.mosmakk.ru/ (дата обращения: 06.02.2014).

Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство: причины, следствия, реформы / пер. с англ. О. А. Алякринского. М.: Логос, 2003. 343 с.

Савинов Л. В. Коррупция как ментальность нации и этноса // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 3. С. 37–39.

Сатаров Г. А. Как измерять и контролировать коррупцию // Вопросы экономики. 2007. № 1. С. 4–10.

Форычев Б. Г. Основные направления по борьбе с коррупцией в России. М.: Лаборатория Книги, 2010. 123 с.

Ущерб от коррупции в Москве за год превысил 1 млрд, вернуть удалось 250 млн руб. [электронный ресурс] // URL: http://inmsk.ru/news/20130207/357981187.html (дата обращения: 06.02.2014).

Alam S. M. Anatomy of Corruption: An Approach to the Political Economy of Underdevelopment // American Journal of Economics and Sociology. 1989. Vol. 48. № 4 (October).

Heidenheimer A., Johnston M, Levine V. (dir. publ.). Political Corruption: A Handbook. New Brunswick: Transaction Publishers, 1989.

Meny Y. Corruption «fin de sicle»: Changement, crise et transformation des valeurs // Revue internationale des sciences sociales. 1996. № 149 (September).

Pavarala V. Interpreting Corruption: Elite Perspectives in India. New Delhi etc.: Sage Publications, 1996.

Rose-Ackerman, S. Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 266 pp.

УДК 316. 354:351/354
ББК 60.54

ВЛИЯНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ НИШИ НА ИЗМЕНЕНИЕ ЭТНИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ КАЛМЫКОВ

The Impact of the Production Niche on Ethnicity Change of the Modern Kalmyks

Л. В. Намруева (L. Namrueva)[1]

[1] кандидат социологических наук, зав. отделом социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Sociology, Head of Social, Political and Ecological Studies Department at Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: Nludmila@mail.ru.

В статье рассмотрено влияние хозяйственно-культурного фактора (производственной ниши) на этнос в целом, этническую идентичность его представителей. С привлечением обширного материала автор попытался выяснить роль и значение экономического фактора на изменение этничности современных калмыков.

Ключевые слова: этничность, традиционный вид трудовой занятости, сельское хозяйство, растениеводство, животноводство, личное подсобное хозяйство.

Interdisciplinary analysis of the economic factor as one of the main markers of ethnicity is relevant and in demand. Considering ethnicity Kalmyk social scientists mainly analyze linguistic, religious and historical characteristics of ethnic groups. This article discusses an economic factor as a basis for social manifestations of ethnicity of Kalmyks. The author uses the definition according to which the concepts of an economic-cultural factor of ethnicity and a production niche of ethnos are equivalent. Consideration of a wide range of statistical and empirical data allow to make a conclusion that the changes in the production niche of ethnic groups lead to the transformation of ethnicity. Being nomadic people, since the end of the 19th century the Kalmyks have gradually turned to a settled way of life, moreover, have assimilated the experience of the new types of labour (crop growing, fodder production, agricultural machinery). As a result, many aspects of the ethnicity of this ethnos have undergone great changes. The modern culture is characterized by blurring of specific ethnic characteristics (housing, clothing, food). The analysis of the results of the last 2010 Census shows that the Kalmyks, being the largest ethnos of the Republic, own and are engaged in subsistence agriculture to a much lesser extent than other numerous ethnic groups residing in Kalmykia, for example groups representing the Republic of Dagestan (Darghins, Avars). The author believes that it is necessary to continue the study of the influence of socioeconomic factors on the ethnic identity and the processes of changing ethnicity.

Keywords: ethnicity, traditional employment, agriculture, horticulture, live stock breeding, private farm.

В научной литературе проблема этничности разработана и освещена достаточно широко, к ней привлечено внимание исследователей различных специальностей — философов, социологов, антропологов, историков, лингвистов. Результаты исследований в этой области представлены в работах современных зарубежных ученых — Ф. Барта, П. Бурдье, Э. Хобсбаума — и в трудах отечественных ученых: А. О. Бороноева, Ю. В. Бромлея, Л. Н. Гумилева, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижевой, Н. Л. Жуковской, Н. Г. Скворцова, З. В. Сикевич, Г. У. Солдатовой, Т. Г. Стефаненко и др. На наш взгляд, большинство современных отечественных исследователей, объясняющих сущность и содержание этничности, ставит акценты в основном на языковые, религиозные, психологические и исторические характеристики этносов, что несколько сужает границы этого понятия. Норвежский антрополог Ф. Барт одним из первых перенес внимание с культурно-психологических аспектов этничности на социальные. Он считает, что именно способы хозяйствования в первую очередь определяют социальную организацию и нормативно-ценностные системы этнических групп [Цит. по: Хилханов 2007: 10].

Во многих научных публикациях фрагментарно представлены исследования взаимосвязи социально-экономических и куль-

турных компонентов. Так, в отечественной литературе проблемы этничности, этнической идентичности в национальных регионах рассматриваются в основном на примере культурно-языковых факторов. А историки, этнографы и культурологи доминируют в исследованиях региональных традиционных хозяйственных укладов. В социально-философских и социологических работах по этничности хозяйственные уклады этносов не осмысляются в качестве основополагающих наряду с культурно-языковыми факторами. Поэтому разработка темы междисциплинарного, в том числе социологического, анализа хозяйственного фактора как одного из основных факторов этничности является актуальной и востребованной. В этой связи представляется справедливым суждение О. Б. Дорджиевой о необходимости применения широкого спектра научных методов для изучения различных существенных аспектов проблемы развития сельских территорий, в частности, количественной оценки нравственного, психического, физического здоровья сельского сообщества в контексте сохранения этносов [Дорджиева 2013: 119].

Социальный анализ этнических проблем представлен и в работах философов и социологов Калмыкии: А. Н. Овшинова, Б. М. Муняновой, В. Н. Бадмаева, М. Н. Мухановой, Л. В. Намруевой, Г. П. Кальдиновой, Д. В. Амаевой, которые анализируют различные комплексы этнодифференцирующих и этноинтегрирующих признаков (язык, территория, традиции и обычаи, религия, историческое прошлое, этническая психология и другие социально релевантные маркеры). В существующих работах хозяйственно-экономический фактор как основа социального проявления этничности рассмотрен недостаточно полно и глубоко, в отрыве от культурно-языковых факторов, и относится к ряду малоизученных тем. Задача предлагаемой статьи и заключается в том, чтобы восполнить существующие пробелы в научном осмыслении этничности.

Одним из наиболее устойчивых видов социальной идентичности принято считать этническую идентичность, которая является результатом самоопределения человека (общности) в социокультурном пространстве и характеризуется осознанием своей принадлежности к определенной этнической общности. На формирование этнической идентичности существенное влияние оказывает хозяйственно-культурный фактор, который воздействует на этносы и этническое самосознание в целом, определяет социальную дистанцию между этническими общностями. Попытаемся выявить роль и значение экономического фактора для этнической идентичности калмыков.

Понятие «хозяйственно-культурный фактор этноса» эквивалентно понятию «производственная ниша этноса». Бурятский исследователь Д. Л. Хилханов дает следующее определение: «Производственная ниша этноса — это тот хозяйственно-культурный тип, который является исторически традиционным для этноса и определяется его природным, пространственным, культурным окружением» [Хилханов 2007: 9]. На наш взгляд, именно производственная ниша этносов, традиционно являясь одним из определяющих маркеров этнической идентичности наряду с общностью территории, языка, общего исторического прошлого, религии, традиций и обычаев, определяла весь уклад жизни и комплекс культурных ценностей и норм у народа на протяжении веков. Разумеется, она в значительной степени детерминировала отличительные культурные и психологические характеристики членов этнической группы. Изменения в производственной нише этносов ведут и к трансформации этничности.

На протяжении всего XX в. производственные ниши основных этносов Калмыкии трансформировались под влиянием процессов социальной модернизации. Если до конца XIX в. более 90 % калмыков занималось исключительно кочевым скотоводством, а русское крестьянство — преимущественно земледелием, то с 1890-х гг. начались кардинальные изменения в социальной и профессиональной структуре, которые нередко вели к разрушению традиционной, кочевнической культуры и формированию культуры новой, индустриальной. Все эти процессы, безусловно, повлияли на состояние этничности.

В конце XIX – начале XX вв. калмыцкий народ начал постепенно переходить от кочевого к полукочевому, а в отдельных районах Калмыкии — к оседлому животноводству. Исследователи видят причины этих процессов не только в сокращении площади калмыцкого землепользования, но и во внутренних социально-экономических факторах, в частности, в кризисе прежних экстенсивных методов хозяйствования, которые уже никоим образом не могли удовлетворять нужды крупных скотоводов. О процессе перехода калмыков к

оседлому образу жизни свидетельствует интенсивный рост количества стационарных построек (домов, мазанок, амбаров и проч.) — с 1894 по 1914 гг. в Калмыцкой степи их стало больше в 4 раза [Цутаев 2007: 11]. Приведенные данные свидетельствуют о взаимообусловленности изменений социальных факторов и экономических обстоятельств, которые вкупе и привели к преобразованиям производственной ниши, что в свою очередь повлекло и изменения этничности калмыков.

Обратимся к экономическому районированию, современным производственным нишам калмыцкого этноса, используя материалы Всероссийской переписи (2002, 2010 гг.). Согласно «Стратегии социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2020 года», на территории Республики выделяются 5 субрегионов (зон):

- Центральный (Элиста с Ики-Бурульским, Приютненским, Целинным и Яшкульским районами);
- Западный (Городовиковский и Яшалтинский районы, имеющие выраженную зерновую специализацию и анклавное географическое расположение в ареале городов Ставрополь и Сальск);
- Северный (Кетченеровский, Малодербетовский, Октябрьский и Сарпинский районы, объединенные близостью к Волгоградскому мегаполису, что определяет потенциал хозяйственных связей с этим регионом);
- Восточно-Приволжский (Юстинский район, имеющий Волжско-Ахтубинскую пойму с соответствующей рыбохозяйственной и туристически-рекреационной специализацией);
- Восточно-Прикаспийский (Лаганский и Черноземельский районы, которые объединяет развитие промышленных, углеводородно- и нефтегазоперерабатывающих комплексов, добыча и переработка углеводородного сырья, приморское положение, а также транзитные коммуникации) [Стратегия 2012].

Далее рассмотрим этническую структуру, распределение основных многочисленных этнических групп в этих экономических зонах по материалам Всероссийской переписи 2002 г. [Республика Калмыкия 2010: 28].

Западную зону образуют Яшалтинский (население более 17 тыс., из них 9,6 % — калмыки, 56,3 % — русские, 3,4 % — немцы, 2,6 % — даргинцы, 2,9 % — чеченцы), Городовиковский (население более 19 тыс., из них 24,3 % — калмыки, 59,1 % — русские, 3,4 % — немцы) районы. В Западной зоне калмыцкое население составляет около 17 %, доминирует русское население. Зона специализируется на производстве товарного зерна, подсолнечника, молока, овощей, свинины.

Центральную зону формируют г. Элиста (население более 104254, из них 63,1 % — калмыки, 32,0 % — русские), Ики-Бурульский (население более 11 тыс., из них 68,6 % — калмыки, 10,6 % — русские, 13,5 % —даргинцы), Приютненский (население более 12 тыс., из них 28,9 % — калмыки, 58,5 % — русские), Целинный (население более 19 тыс., из них 53,1 % — калмыки, 35,7 % — русские), Яшкульский (население более 15 тыс., из них 59,4 % — калмыки, 15,7 % — русские, 7,6 % — даргинцы, 7,4 % — казахи, 4,7 % — чеченцы) районы республики. В Центральной зоне преобладает калмыцкое население. Основной отраслью этой зоны является животноводство (скотоводство и овцеводство).

Северную зону образуют Малодербетовский (население более 10 тыс., из них 49,3 % — калмыки, 44,2 % — русские), Октябрьский (население более 9 тыс., из них 65,0 % — калмыки, 18,4 % — русские), Сарпинский (население более 14 тыс., из них 29,6 % — калмыки, 57,1 % — русские), Кетченеровский (население более 11 тыс., из них 86,2 % — калмыки, 9,1 % — русские). В этой зоне преобладает калмыцкое население. Специализация зоны связана с животноводством и растениеводством.

Восточно-Приволжскую зону формирует Юстинский район (население более 10 тыс., из них 76,9 % — калмыки, 11,4 % — казахи, 8,9 % — русские). Здесь также развито скотоводство и овцеводство.

Восточно-Прикаспийская зона состоит из Лаганского (население более 20 тыс., из них 52,6 % — калмыки, 32,4 % — русские), Черноземельского (население более 12 тыс., из них 50,8 % — калмыки, 14,1 % — русские, 11,7 % — даргинцы, 7,3 % — чеченцы, 2,9 % — казахи) районов [Республика Калмыкия 2010: 28]. В Восточной зоне калмыцкое население составляет половину численности населения этой территории. Специализация Восточной зоны — тонкорунное овцеводство и мясное скотоводство.

Как видим, в экономическом районировании республики сохраняется традиционная профессиональная структура. Районы с преимущественно калмыцким населением

специализируются на животноводстве. А в районах, где преобладает русское население, развито растениеводство, производство зерна. Однако современному сельхозпредприятию, чтобы быть конкурентным, необходимо развивать обе отрасли — растениеводство и животноводство. Поэтому совхозы, специализировавшиеся на животноводстве, были вынуждены развивать отрасль, которая обеспечивает животноводство кормовой базой. В 1960-е гг. хозяйства, занимавшиеся выращиванием скота, стали заботиться и обеспечением поголовья кормами. К примеру, в совхозе «Сарпа» в 1960–1970-х гг. производили зерно, грубые и сочные корма, закладывали силос и сенаж. Многие рабочие (механизаторы и животноводы) участвовали в закладке силоса и сенажа курганным способом [Муев и др. 2013: 127]. Следует отметить, что в совхозе в этот период трудились в подавляющем большинстве калмыки, у которых в силу объективных причин изменились трудовые навыки, исконно связанные с животноводством, были освоены навыки труда растениеводов. Этот процесс характерен для большинства хозяйств республики, где изменения элементов экономического фактора этнической идентичности калмыцкого этноса происходят активно.

Рассмотрим детальнее причины, влияющие на изменение производственной ниши калмыков. К обстоятельствам, сыгравшим отрицательную роль для сельскохозяйственных производителей республики, некоторые исследователи справедливо относят: сокращение численности сельского населения, урбанизационные процессы, нерешенность большинства социальных проблем сельских территорий (отсутствие асфальтированных дорог и водных источников для населения, слабая социальная инфраструктура и др.), сокращение поголовья скота, уменьшение объема производства, отсутствие собственной перерабатывающей базы, удаленность от районного центра (100 и более км), слабую степень предприимчивости сельчан [Муев и др. 2013: 126].

Представляется верным и мнение М.-З. О. Османова о том, что «общая тенденция современной культуры к унификации, идущая как от культурных взаимодействий, так и от модернизации, промышленного происхождения многих элементов культуры, орудий труда, их стандартизации, приводит к еще большему стиранию специфических этнических свойств» [Османов 2002: 128]. На селе очень редко используется гужевой транспорт, чабаны и гуртоправы в основном передвигаются на автомобилях и мотоциклах. Аналогичная ситуация сложилась в производственной, жизнеобеспечивающей, соционормативной и познавательной областях. Достаточно взглянуть на современное жилище, одежду, пищу современных сельчан, которые, утратив этническую принадлежность, стали стандартными и универсальными.

Постепенно снижается и исчезает мотивация к сельскохозяйственному труду: дойке коров, уборке животноводческих помещений, заготовке кормов и т. д. Рассмотрим пример, связанный с ведением подворья на родной улице автора статьи в поселке Большой Царын. В 1991 г. в девяти из десяти семей вели хозяйство, состоящее из нескольких голов крупного рогатого скота, овец, коз, свиней, птицы. Женщины вставали рано, в 4–5 часов (в зависимости от количества дойных коров в хозяйстве), доили коров и выгоняли их в стадо. Работающие в совхозе члены семьи были обеспечены сеном, соломой, кормами. При необходимости закупали фураж, цены были вполне приемлемыми. Во многих дворах продавали молоко, молочную продукцию, яйца, мясо тем, кто не имел подворья. Но с наступлением новых рыночных отношений в начале 1990-х годов содержать домашнее подворье многим семьям стало не под силу. К середине 2000-х годов ни одна семья уже не имела домашнего хозяйства. Почти весь перечень сельскохозяйственной продукции (молоко, масло, хлеб, мясные изделия) стало возможным приобретать в магазинах шаговой доступности, их количество увеличивалось в конце 1990-х гг., затем стабилизировалось и даже стало уменьшаться из-за того, что они не смогли конкурировать с появившимся супермаркетом, быстро завоевавшим популярность у покупателей. Оставшиеся ларьки существуют благодаря тому, что продают товары в долг под запись. Долги возвращают после получения зарплаты или пенсии — основных источников существования сельчан. Категория лиц, не имеющих денежные средства на покупку необходимого, не уменьшается, что свидетельствует о сложных жизненных обстоятельствах сельских жителей, которые перестали заниматься домашним хозяйством, так как затраты на его ведение не окупаются. Легче и дешевле купить молоко в магазине, чем содержать корову. Постепенно теряются навыки сельскохозяйственного труда (уход

и содержание домашних животных, прежде всего коров, овец). Безусловно, фабрично-заводская продукция, выпускающая однотипные продукты питания, сыграла свою роль в изменении образа жизни современного сельского жителя, который ничем не отличается от образа жизни горожанина.

Трудовая деятельность сельского производителя предполагает не только пребывание большую часть времени на открытом воздухе под действием палящего солнца, ветра, осадков и т. д., но и высокий удельный вес ручного труда. На селе до сих пор остается множество видов работ, требующих обязательного применения продолжительного физического ручного труда (уход за домашними животными, их кормление, стрижка овец, посадка рассады, прополка и т. д.). Физически менее затратно и дешевле приобрести молочную, мясную продукцию, фрукты, овощи в магазинах, число которых на селе постоянно увеличивается, при этом предлагаемый ассортимент товаров ничем не отличается от городских супермаркетов.

Основной причиной, влияющей на отсутствие мотивации сельскохозяйственного труда, является низкий уровень доходов сельчан. Работники сельского хозяйства получают самые низкие заработные платы по республике. В 2001 г. среднемесячная начисленная заработная плата в сельском хозяйстве составляла 943 руб., а в целом по республике — 1759 руб. В 2009 г. сельские работники получали в среднем 6487 руб., а в республике средний уровень зарплаты составил 10849 руб. [Республика Калмыкия 2010: 64]. Среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве по республике в 2012 г. была на 41,5 % ниже среднего российского уровня и составила всего 8207 руб. Выжить на селе помогает личное подворье, которое, по данным статистики, дает 56,1 % произведенной в республике сельхозпродукции [Захватов 2013].

Рассмотрим данные переписи 2010 г. об источниках существования [Национальный состав 2013]. Результаты свидетельствуют, что калмыки, являясь самым многочисленным этносом республики, владеют ЛПХ (личное подсобное хозяйство) в значительно меньшей степени, чем представители других этнических групп.

Таблица 1. **Личное подсобное хозяйство — источник существования**
(по итогам Всероссийской переписи 2010 г.)

№	Этническая группа	Числ-сть (взрослых от 15-72 лет)	Кол-во ЛПХ	Соотношение 1 ЛПХ к числ-сти по группе	Интенсивность ведения ЛПХ по сравнению с калмыками
1	Калмыки	162740	7970	20,4	
2	Русские	85712	6408	13,4	В 1,5 раза
3	Даргинцы	7590	1774	4,3	В 4,7
4	Чеченцы	3343	562	5,9	В 3,4
5	Аварцы	2396	679	3,5	В 5,8

Исходя из численности определенной этнической группы и количества ЛПХ (по ответам во время переписи 2010 г.), можно определить, что одно подворье приходится на 20 калмыков, 13 русских. Из шести чеченцев, четверых даргинцев, трех аварцев один непременно занимается личным подворьем. Как видно из приведенных исчислений, все анализируемые этнические группы, в отличие от калмыков, интенсивно занимаются ЛПХ. Изменение производственной ниши титульного этноса наблюдается на индивидуальном уровне. Во многих официальных документах указывается, что значительная часть растущего поголовья скота в Калмыкии содержится в 60 тысячах личных подсобных хозяйств [Стратегия социально-экономического развития]. Для нас наиболее достоверным является результат, получаемый по итогам переписи.

Поставляя качественную баранину и особо ценное мраморное мясо — говядину в Москву, Санкт Петербург и другие регионы, сельские жители республики не имеют тех прибылей, которые получают за мясо приобретающие у них скупщики по цене в 2–2,5 раза ниже розничных. Эксперты отмечают, что спрос на баранину в городах центральной России растет (в основном за счет роста числа трудовых мигрантов из азиатских стран СНГ). Поэтому, по их мнению, в ближайшие 10 лет поголовье овец в республике достигнет уровня 1990 г., и заработки сельчан, занятых в овцеводстве, возрастут [Захватов 2013].

В современной литературе специфика предпочтений в выборе профессий у калмыков объясняется определенной стратегией социальной мобильности, ориентированной на получение образования, индивидуально избираемые городские занятия, не требующие личного участия в материальном производстве сельскохозяйственной продукции. За период с середины 1950-х гг. по настоящее время у калмыков происходит изменение содержания самой производственной ниши в условиях ограничений городской и индустриальной жизни, приведшей к корректировке этнической границы, что в свою очередь повлияло на структуру этнической идентичности.

Существующие тенденции выбора профессий у калмыков могут иметь множество объяснений, но доказывают, что этнические границы, несмотря на глобализационные процессы, по-прежнему связаны с определенной производственной нишей, которую, однако, невозможно воспроизвести в прежнем виде в силу известных причин. Идентификация по социальным и культурным компонентам стала затруднительной, так как происходит уменьшение их дифференцирующей роли, что связано с индустриализацией, модернизацией хозяйства и быта, а также с нарастающими темпами урбанизации.

Таким образом, в современных условиях хозяйственно-экономические факторы, или производственные ниши этносов, меняют свое содержание под влиянием социально-экономических и политических процессов. Анализ показал, что производственные ниши современных калмыков, представленные в этнопроизводственной и этнопрофессиональной структуре, отличаются от производственных ниш предшествующих поколений. Лишь в отдельных, отдаленных от столицы и районных центров, местностях, которые характеризуются сохранением традиционных форм хозяйствования, производственные ниши имеют идентификационное значение. Следует отметить, что вопросы использования этнической специфики в реализации задач модернизации аграрного производства недостаточно изучены. Данная сфера ждет своего исследователя, который с объективных научных позиций рассмотрел бы подобное совмещение на примере Республики Калмыкия [Намруева 2013: 135]. Проведенный нами анализ показал, что необходимо продолжить изучение влияния социально–экономического фактора на этническое самосознание, на процессы изменения этничности.

Литература

Дорджиева О. Б. Устойчивое развитие сельских территорий как системная проблема // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 117–120.

Захватов А. Особенность рынка труда Калмыкии — высокий уровень самозанятости в сельском хозяйстве [электронный ресурс] // URL: http://elista.zarplata.ru/a-id-33684.html (дата обращения: 06.05. 2014.)

Муев Б. Б., Эвиева Б. Э., Муев Б. Д. Резервы роста производства в отрасли животноводства (на примере ОАО «Сарпа» Республики Калмыкия) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 126–130.

Намруева Л. В. Социокультурное измерение модернизации в России // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 131–135.

Национальный состав и владение языками, гражданство: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста: Калмыкиястат, 2013. 841 с.

Османов М.-З. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху: закономерности развития и трансформации, вымывание традиционных форм. Ин-т истории, археологии и этнографии Дагест. науч. центра. М.: Наука, 2002. 222 с.

Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2010. Стат. сб. Элиста: Калмыкиястат, 2010. 323 с.

Стратегия социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2020 года» (утв. Постановлением Правительства Республики Калмыкия от 30.12.2008 года № 465) [электронный ресурс] // URL: http://portal.erk.ru/index.php/deyatelnost/napravlmenu/socialeconomicrasv/strategyofsoceconrazv.html (дата обращения: 05.05.2014).

Хилханов Д. Л. Этническая идентичность: роль хозяйственно-экономических и культурно-языковых факторов: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: Улан-Удэ, 2007. С. 10.

Цутаев Р. К. Калмыцкое хозяйство и общество в условиях Всероссийского ранка в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. … канд. ист. наук. Астрахань, 2010. 20 с.

УДК 316.3
ББК 60.5

ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Factors Influencing Ethno-Social Structure Change in the Republic of Kalmykia at the Present Stage

Н. В. Бадмаева (N. Badmaeva)[1], *Б. В. Иджаева (B. Idzhaeva)*[2]

[1] младший научный сотрудник Центра мониторинга общественного мнения отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Junior Researcher at the Public Opinion Monitoring Center of the Social, Political and Ecological Studies Department at Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: nbadmaeva@rambler.ru.

[2] младший научный сотрудник Центра мониторинга общественного мнения отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Junior Researcher at the Public Opinion Monitoring Center of the Social, Political and Ecological Studies Department at Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: kigiran@elista.ru.

В статье рассматриваются такие факторы изменения этносоциальной структуры, как образовательные стратегии и процессы урбанизации. На основе статистического материала и результатов социологического опроса анализируются социальные позиции этнических групп в регионе.

Ключевые слова: социальная структура, этносоциальная структура, образовательные стратегии, урбанизация, этнические группы.

Purpose: Due to the natural global migration processes intensifying formation of structural space of a certain territory and influencing some regional features, rapid changes in the socio-cultural space of the region as well as in its ethno-social structure take place. In this article we will consider some factors contributing to the changes in the ethno-social structure of the Republic of Kalmykia, specifically, interrelation between the urbanization process and educational strategies of the various ethnic groups living in the republic will be discussed.

Methods: The methods of the structural functional analysis, statistical analysis, sociological quantitative method of survey have been used in the research.

Results: The main factor causing massive migrations from rural areas to the city is of economic character. Usually the intensive growth of cities is preceded by crisis in the traditional system of agriculture and growth of rural unemployment. According to the All-Russian Census of 2010, we see that the Kalmyks, Russians, Ukrainians, Kazakhs and Koreans prevail among the city-dwellers. At the same time, such ethnic groups as Dargins, Avars, Chechens and Turks-Meskhetins are at the early stages of urbanization in Kalmykia. The number of urban population among them is insignificant and grows very slowly.

The analysis of the statistical data reveals that almost the equal number of Kalmyks has higher, secondary professional or secondary general education. The highest percentage of the population with postgraduate education is observed among the Kalmyks. 31,7 % of Russians have secondary professional education - that is the biggest percentage of the whole population. The smallest percentage of people having higher education is among Avars, Dargins and Chechens residing in the Republic of Kalmykia. However, the tendency to active resettlement to the capital of the republic challenged by educational migration has been outlined among Dargins and Chechens recently.

Discussion: The study of the migration processes in Kalmykia involving the use of the statistical data has exposed some interconnections between the social mobility of various ethnic groups and their educational strategies which in their turn influence on the ethno-social structure of the region.

Keywords: social structure, ethnosocial structure, educational strategy, urbanization, ethnic groups.

Становление структурного пространства определенной территории интенсифицируется в связи с тем, что общие глобальные закономерные процессы накладываются на региональные особенности. Реорганизация постсоветского пространства активно повлияла на становление социально-структурных и социокультурных элементов региональных социумов.

Социальная структура представляет собой более или менее постоянную модель социальных классификаций в определенном обществе или группе, обусловленную действием целого комплекса социально-экономических, демографических, политических, культурных факторов. Понятие «социальная структура» отражает дифференцированность общества, его разделенность на социальные группы. Социолог Н. А. Аитов, рассматривая социальную структуру общества в широком смысле, выделяет социально-классовую, социально-демографическую, социально-территориальную и социально-этническую структуру [Аитов 1995: 8].

Как отмечают этносоциологи, в полиэтничных обществах социальная структура приобретает характер этносоциальной структуры, предполагающей этносоциальную стратификацию как средство определения социальной позиции этнической группы в обществе. Такие этносоциальные процессы, как этнические конфликты, этническая миграция, этническое предпринимательство, неразрывно связаны с этносоциальной стратификацией.

В данной статье рассматриваются такие факторы, которые влияют на изменение этносоциальной структуры региона: урбанизация и образовательные стратегии этнических групп.

Одним из основных индикаторов этносоциальной стратификации является распределение этноса по принципу «город-село». Как известно, город обладает большими возможностями, социально-организованными условиями и инфраструктурой для обеспечения более успешной, восходящей социальной мобильности [Дробижева 2002: 305], что явилось одной из причин массовых миграций в города представителей почти всех этносов в целом по стране в 1950–1960-х гг. и в 1970–1980-х гг. Главным фактором, вызывающим бурные миграции из сельской местности в город, является экономический, который проявился в кризисе традиционной системы сельского хозяйства, росте сельской безработицы. Как верно заметила Л. В. Намруева, «миграционные процессы кардинальным образом повлияли на количественную и качественную структуру Республики Калмыкия. В последнее десятилетие активно происходит внутренняя миграция, т. е. наблюдается тенденция к уменьшению сельского населения. Хотя Калмыкия не относится к числу регионов, где преодолен пятидесятипроцентный порог урбанизированности, но в республике численность горожан значительно увеличилась и приближается к вышеуказанному порогу» [Намруева 2013: 66].

Рассмотрим удельный вес городского и сельского населения наиболее многочисленных этнических групп по результатам переписи 2010 г. [Национальный состав и владение языками… 2013].

Таблица 1. ***Удельный вес городского и сельского населения по национальностям***

Национальность	Городское и сельское население	Доля в %	
		Городское население	Сельское население
Калмыки	162740	47,9	52,1
Русские	85712	43,7	56,3
Даргинцы	7590	3,2	96,8
Казахи	4948	35,6	64,4
Чеченцы	3343	6,8	93,2
Турки-месхетинцы	3675	5,1	94,9
Аварцы	2396	4,4	95,6
Украинцы	1531	42,4	57,6
Корейцы	1342	24,6	75,4

Из данных таблицы видно, что среди горожан преобладают калмыки (47,9 %), русские (43,7 %), украинцы (42,4 %). Численность горожан в среде даргинцев, аварцев, чеченцев и турок-месхетинцев невелика и растет очень медленно. Можно отметить, что эти этнические группы находятся на ранних стадиях урбанизации в Калмыкии.

Слабый отток населения из сельского хозяйства в другие сферы деятельности при сохранении высокого уровня рождаемости порождает кризис традиционных сфер хозяйства, массовую безработицу на селе, что рано или поздно должно привести к форсированной миграции из сельской местности в города и быстрому росту маргинализированных слоев [Арутюнян и др. 1999: 84]. Следует заметить, что вышеуказанные этносы замещают на селе убыль калмыцкого населения, которое мигрирует в основном в столицу республики, русского населения, которое мигрирует в соседние регионы, и немецкого населения, выехавшего в Германию.

Важным индикатором социальной структуры, влияющим на всю систему межнациональных отношений, является социальная мобильность этнических групп. Российские этносоциологи к числу главных проблем социальной структуры и мобильности относят следующие: направление и интенсивность социальной мобильности людей разных национальностей; изменение их трудовой биографии (занятий, статуса, социального положения, ролевых функций); мера заданности этих перемещений национальностью, социальным происхождением, образованием; степень «наследуемости» социальных ролей людьми разных национальностей в разных социально-этнических средах и др. [Арутюнян и др. 1999: 120].

Все народы, входившие в состав Советского Союза, преодолевали глубокие исторические различия в социальной структуре. Не осталась исключением и Калмыкия. На первоначальных этапах становления республики русские — управленцы, врачи, деятели культуры и образования, специалисты и простые труженики – принимали активное участие в создании духовного и экономического потенциала Калмыкии, а с конца 1950-х гг. — и в ее восстановлении и дальнейшем развитии [Белоусов 2013: 238].

Однако далее государство стимулировало социальный рост этносов, стараясь укомплектовать кадры квалифицированных работников за счет представителей коренных национальностей. В прослойке интеллигенции, занятой квалифицированным умственным трудом, процент титульных национальностей систематически возрастал. Особенно большие сдвиги произошли в послевоенные годы, когда от десятилетия к десятилетию существенно изменялся фиксировавшийся, в том числе переписями, социальный, профессионально-квалификационный состав населения. Большие сдвиги в социально-профессиональной структуре наций, свидетельствовавшие об их ускоренной мобильности, были связаны с увеличением численности интеллигенции. Становится очевидным, что уже много десятилетий численность национальной интеллигенции в Калмыкии растет, на этот факт обращали внимание в своих исследованиях Ю. В. Арутюнян и Л. М. Дробижева [1999: 84].

Одним из важнейших каналов восходящей мобильности в прошлом и в настоящее время выступает образование. Образовательные стратегии рассматриваются в одном ряду с ценностными ориентациями и нравственными идеалами. Отметим, что именно в молодежной социальной группе формируются базовые жизненные цели и ориентиры человека, которые, в свою очередь, определяют образовательные стратегии, профессиональные ориентации и мотивацию. Данные социологических опросов в Калмыкии свидетельствуют, что основная часть молодого населения республики ориентирована на получение высшего и среднеспециального образования. Так, социологический опрос студентов Калмыцкого государственного университета и Калмыцкого филиала Московской академии экономики и права, проведенный в 2013 г. исследователями КИГИ РАН, показал, что наиболее значимыми целями в жизни являются: материальный достаток (20 %), профессиональная состоятельность (18,6 %), путешествия, туризм (17,3 %)[1] [Иджаева 2013: 54].

Для оценки удовлетворенности получаемым образованием, выбранной профессией, престижностью вуза, выбором между получением образования или работой был задан вопрос: «Если бы пришлось заново принимать решение, чем заняться после школы?» (см. табл. 2).

[1] Выборка составила 201 человек в возрасте от 18 до 30 лет, из них мужчин — 37,3 %, женщин — 62,7 %.

Таблица 2. ***Распределение ответов на вопрос: «Если бы пришлось заново принимать решение, чем заняться после школы?»***

Варианты ответов		в %
1	Поступила бы в другой вуз, но по той же специальности	10,9
2	Поступил бы в другой вуз и по другой специальности	34,3
3	Поступал бы туда, где учусь сейчас	36,8
4	Поступил бы в среднее профессиональное учебное заведение, чтобы приобрести специальность	1,5
5	Сразу пошел бы работать	2,5
6	Пошел бы работать и учиться на вечернем отделении	4,0
7	Затрудняюсь ответить	9,5
8	Нет ответа	0,5

Из таблицы видно, что приблизительно равное количество респондентов выражают разную степень удовлетворенности / неудовлетворенности своим выбором. 36,8 % студентов удовлетворены выбором вуза и специальности. Однако 34,3 % респондентов разочаровались в выборе вуза и получаемой специальности. 10,9 % высказали мнение, что поступили бы в другой вуз, но по той же специальности. Данные таблицы показывают приоритетность получения высшего профессионального образования среди молодых людей по сравнению со средним специальным образованием. Процент респондентов, настроенных на начало трудовой деятельности после окончания школы, очень мал. Это связано с непрестижностью неквалифицированного труда, низким уровнем оплаты, отсутствием рабочих мест и производства в регионе. [Иджаева 2013: 55–56].

Рассмотрим состав населения по уровню образования по результатам переписи 2010 г. [Национальный состав и владение языками… 2013].

Таблица 3. ***Показатели национальностей и этнических групп РК в возрасте 15 лет и более по уровню образования (перепись населения 2010 г.)***

Нац-ть	Чис-ть населения в возрасте 15 лет и более	Доля в %						
		послевузовское	высшее	неполное высшее	среднее профессиональное	среднее общее (полное)	не имеют начального	неграмотные
Калмыки	130400	0,6	27,9	6,3	27,3	21,2	1,2	0,6
Русские	71736	0,2	15,3	2,9	31,7	21,1	0,8	0,4
Даргинцы	5447	0,07	4,6	1,8	9,2	34,9	1,3	0,9
Казахи	4070	0,3	11,2	4,4	24,7	30,6	1,6	0,9
Чеченцы	2353	0,1	7,4	2,8	11,6	37,9	1,6	0,8
Аварцы	1755	0,1	3,9	1,5	10,8	34,2	1,5	0,8
Украинцы	1465	0,6	13,9	1,9	27,4	20,3	1,4	0,8
Корейцы	1057	0,3	19,2	2,6	22,8	354	0,3	-
Армяне	715	0,1	14,9	4,9	24,6	33,5	0,3	0,1

Анализ статистических данных показывает, что доля калмыков распределилась почти в одинаковой пропорции имеющих высшее, среднее профессиональное и среднее общее образование, также отметим, что среди калмыков наиболее высок процент населения с послевузовским образованием по сравнению с другими этническими группами. Наименьший процент лиц с высшим образованием у аварцев, даргинцев и чеченцев. Однако в настоящее время наметилась тенденция миграции даргинцев и чеченцев в столицу республики в связи с желанием получить хорошее образование. Среди русских преобладают лица, имеющие среднее специальное образование — 31, 7 %.

Проведенный анализ выявил основные особенности и проблемы, связанные с этносоциальной структурой региона. Калмыки и русские являются наиболее урбанизированными этническими группами, среди них высок процент имеющих высшее и среднее профессиональное образование. Представители этнических групп казахов, корейцев, украинцев, армян проживают в равной степени и в городе, и в сельских поселениях, имеют высокий процент получивших высшее образование. Представители северокавказских этносов, а также турки-месхетинцы, проживающие в основном в сельских территориях, являются менее урбанизированными, с меньшим процентом имеющих высшее образование.

Литература

Аитов Н. А. Социальная структура населения стран СНГ. Уфа, 1995.

Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. Москва: Аспект Пресс, 1999. 271 с.

Белоусов С. С. Трансформация этнической структуры Республики Калмыкия в 1990-е – 2010-е гг. // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII–XXI вв.): Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Традиция, 2013. 424 с. С. 231–239.

Дробижева Л. М. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Academia. 2002. 480 с.

Иджаева Б. В. «Жизненные цели молодежи Республики Калмыкия (по результатам социологического опроса)» // Межвузовский сборник научных трудов по материалам V ежегодного заседания Круглого стола «Управление занятостью молодежи: проблемы и перспективы», г. Волгоград. Волгоград. науч. изд-во, 2013. 107 с.

Намруева Л. В. Миграционные установки молодежи Калмыкии (по материалам исследования) // Вестник Калмыцкого университета. 2013, № 2. С. 64–70.

Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Элиста: Территор. орган федерал. службы гос. стат. по РК. 2013 . 841 с.

УДК 341.233.1 (045)
ББК 65.261.83-26

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ БЮДЖЕТОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Main Directions for Increasing the Efficiency of the State Financial Control over Budget Management in the Subjects of the Russian Federation

Х. Н. Замбаев (Kh. Zambaev)[1]

[1] аспирант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Postgraduate student at Financial University under the auspices of the Government of the Russian Federation). E-mail: zambaev_hongor@mail.ru.

В статье рассмотрены основные признаки, ключевые критерии и показатели результативности государственного финансового контроля за исполнением бюджетов субъектов Российской Федерации. Предложенная в статье методика определения результативности контроля за исполнением региональных бюджетов носит практический характер, что предполагает возможность ее использования при оценке результативности контроля в различных регионах с последующей возможностью сопоставления полученных результатов.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль, государственные финансы, результативность, исполнение бюджета.

Developing the methodological instrument for monitoring the efficiency of the state financial control over the budget management in the subjects of the Russian Federation is a relevant issue for the financial control reforming and budgetary policy strengthening at the regional level. The article presents a number of the main characteristics, key criteria as well as efficiency rating of the regional budget management. The suggested in the article methodology is practically oriented and universal which presupposes the possibility of its implementation in evaluating the control efficiency in various regions with the following opportunity to compare the obtained results.

The advantage of the proposed methods for determining the efficiency control is that the obtained results allow to estimate conditions and to elicit the calculation divergences for budget control management at the regional level. The practical implementation of the proposed mathematical tools used in determining the criteria and efficiency measurements provide acceptable circumstances for objective and transparent control of the budget execution results in the subjects of the Russian Federation. Moreover, the application of the given methods is suitable both for individual financial inspectors and state financial control agencies as well as for expert and analytical actions.

Keywords: state financial control, state finances, efficiency, budget execution.

Одним из актуальных направлений в развитии государственного финансового контроля (далее — ГФК) в целом и ГФК за исполнением бюджетов субъектов РФ, в частности, является определение содержания и характеристик эффективности контроля, наиболее важной из которых выступает результативность.

Подтверждением будет служить тот факт, что именно результативность позволяет реально оценить наиболее важные показатели контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ, которые уже наряду с иными общераспространенными критериями (экономичность, действенность) дают возможность делать соответствующие выводы об эффективности указанного контроля в целом.

В связи с этим исследование механизма исчисления результативности ГФК за исполнением бюджетов субъектов РФ является одним из наиболее важных направлений развития контроля.

В целях полноценного анализа вопроса также целесообразно установить ряд основных признаков, которые будут положены в основу разрабатываемого механизма расчета результативности контроля за исполнением региональных бюджетов.

К их числу можно отнести, во-первых, нацеленность на возможность реального использования критериев и показателей

результативности при оценке итогов контрольных и экспертно-аналитических мероприятий.

Во-вторых, реализация возможности определения результативности ГФК за исполнением бюджетов субъектов РФ в таких разрезах, как результативность работы органа ГФК, результативность контрольной и экспертно-аналитической деятельности органа ГФК, результативность отдельных контрольных, экспертно-аналитических и иных мероприятий и результативность работы сотрудников органов ГФК в проводимых мероприятиях.

В-третьих, учет специфики деятельности органов внешнего и внутреннего ГФК.

В-четвертых, внедрение и взаимосвязь результативности контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ с иными составляющими эффективности (например, экономичность), а также с мониторингом качества контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ.

Уместным будет также отметить, что на практике отсутствуют научные работы и публикации в периодических изданиях, посвященные самостоятельному исследованию концептуальных аспектов результативности контроля за исполнением бюджетов публично-правовых образований в отрыве от эффективности.

В вышедших в свет работах проблема результативности контроля отнюдь не везде четко охарактеризована, и не предложены более или менее реализуемые механизмы ее определения [Саунин 2010; Ахокас и др. 2012; Степашин и др. 2002].

Вопрос устранения неопределенности в дефиниции результативности играет важную роль. Весьма известным считается определение результативности посредством ее соотнесения с результатами работы органа ГФК и полученным социально-экономическим эффектом [Степашин 2006]. Безусловно, невозможно отрицать социально-экономический аспект контрольного мероприятия, для получения которого, собственно, и проводится контроль. Но тем не менее следует принимать во внимание, что именно социально-экономический эффект зачастую весьма проблематично оценить количественно, так как он (социально-экономический эффект) представляет собой качественную величину [Стрем 2013].

Применительно к ГФК за исполнением бюджетов субъектов РФ результативность следует определить как основную характеристику эффективности отмеченного контроля, определение которой направлено на количественное представление полученных результатов контроля на основе расчета совокупности отдельных групп относительных показателей, характеризующих разные аспекты как любого контрольного, экспертно-аналитического и иного мероприятия, так и в целом результаты осуществляемой органом ГФК контрольной и экспертно-аналитической деятельности.

Можно констатировать, что по сравнению с используемым сейчас органами ГФК способом представления результатов контрольной и экспертно-аналитической деятельности, суть которого сводится к отображению в динамическом представлении абсолютных результатов контроля в соответствующих отчетах, предложенный в статье механизм определения результативности направлен на более полную увязку соответствующих затрат и полученных результатов органами ГФК. Кроме того, механизм установления результативности посредством расчета относительных показателей способен также обеспечить сопоставимость итогов работы как органов внутреннего ГФК, так и органов внешнего ГФК.

Следует отметить, что разработанный механизм не может претендовать на охват абсолютно всех мероприятий, проводимых органами ГФК, а лишь тех, которые относятся к вопросам контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ.

Таким образом, результативность контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ следует рассматривать как совокупность отдельных расчетных значений, при определении которых учитываются соответствующие критерии и показатели.

Выделение и установление критериев результативности контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ необходимо в связи с обеспечением объективности интерпретации полученных основных результатов контроля, создания надлежащих условий для сопоставимости указанных результатов, а также в связи с необходимостью предоставления возможности для их перепроверки заинтересованными лицами, что обусловлено открытостью и доступностью результатов контроля для широкого круга лиц. С теоретико-концептуальной позиции, критерий результативности воплощает в себе непосредственно признак, который можно количественно охарактеризовать на основе ряда основных показателей [Волчкова 2010].

При оценке эффективности ГФК в большинстве случаев авторы выделяют следующие основные критерии: экономичность, результативность, действенность и продуктивность [Васильева 2009]. Невозможность использования указанных критериев в определении результативности контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ обусловлена поставленной целью, заключающейся в разработке положений, которые можно будет использовать при оценке результативности на любом этапе (результативность работы органа ГФК, результативность контрольной и экспертно-аналитической деятельности, мероприятий и работы сотрудников контрольных органов).

С учетом необходимости обеспечения возможности использования соответствующих показателей был разработан ряд критериев, к числу которых относятся: обоснованность планирования контроля, масштаб и степень охвата контролем, временные, трудовые и финансовые затраты в результате проведения контроля, результаты контроля, реализация результатов контроля и учет результатов мониторинга качества контроля.

Выделенные шесть основных критериев контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ охватывают практически все этапы контроля.

Критерий обоснованности планирования контроля связан с необходимостью перехода на риск-ориентированное планирование и отказом от сложившейся практики планирования контрольных мероприятий по принципу включения объектов проверки в связи с истечением срока после проведения последней проверки. Внедрение риск-ориентированного планирования в деятельность органов ГФК значительным образом повлияет на результативность контроля, так как переход на подобное планирование позволит отбирать объекты контроля с учетом риска наличия нарушений законодательства при использовании средств бюджета субъекта РФ объектом контроля.

Переход на риск-ориентированное планирование будет способствовать развитию контрольных технологий, используемых в сфере аудиторской деятельности. В частности, применение и расчет уровня существенности в целях установления наиболее оптимального уровня нарушений, которые способны оказать влияние на формирование выводов относительно качества организации финансовой дисциплины на объекте контроля.

Выделение критерия масштаба и степени охвата контролем связано с необходимостью обеспечения включения объектов контроля в процессе планирования с учетом территориальной организации и его организационной структуры. Установление подобного критерия является важным ввиду наличия необходимости проверки значительного количества объектов в процессе контроля за использованием средств в рамках определенных целевых программ, участниками которых выступают указанные объекты контроля.

Временные, финансовые и трудовые затраты в процессе проведения контроля также оказывают не последнее влияние на результативность, ввиду чего целесообразно закрепление подобного критерия, являющегося по своей природе ресурсным или даже базисным критерием результативности контроля.

Установление критерия «результат контроля» направлено на возможность придания более важного значения полученным результатам контроля, их детальному анализу на основе расчетных показателей.

Определение в качестве самостоятельного критерия реализации результатов контроля связано с необходимостью обеспечения и оценки на основе расчетных показателей реакции объектов контроля в части устранения выявленных нарушений и правоохранительных органов на направленные органами ГФК материалы контроля.

Отнесение к числу критериев результативности контроля критерия, характеризующего учет результатов мониторинга качества контроля, связано с необходимостью обеспечения воздействия результатов мониторинга качества на совершенствование организации и осуществления ГФК за исполнением бюджетов субъектов РФ.

Таким образом, выделение и установление указанных шести критериев направлено прежде всего на обеспечение возможности рассмотрения результативности именно с практической стороны, то есть ее достоверного определения посредством реально рассчитываемых критериев. При этом указанные критерии по своей природе должны быть универсальными, то есть применимы для оценки как результативности в целом контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ, так и результативности отдельно взятых мероприятий и результативности работы сотрудников органов ГФК.

Каждый из перечисленных шести критериев несет в себе один из признаков, характеризующих результативность контроля в конкретном аспекте с использованием определенных расчетных показателей.

Критерий «обоснованность планирования контроля» характеризуют ряд показателей, расчет которых строится на основе определения алгебраической суммы значений отдельных показателей, а именно: показатель планирования деятельности работы сотрудников контрольного органа, показатель планирования контрольных мероприятий, показатель планирования работы структурных подразделений органа ГФК, показатель планирования работы органа ГФК.

В результате суммирования значений показателей для данного критерия можно получить репрезентативный общий показатель, который в свою очередь будет учтен в дальнейшем при расчете результативности контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ.

Критерий масштаба и охвата контролем можно также охарактеризовать на основе ряда относительных показателей. Важно еще раз отметить, что масштаб в данном случае характеризует деятельность объекта контроля, то есть, насколько он обладает разветвленной организационной структурой и насколько значительно финансовое обеспечение его деятельности. При этом охват характеризует глубину проведения контрольных действий при проверке финансово-хозяйственной деятельности объекта контроля. Расчет показателей, характеризующих указанный критерий, может быть представлен арифметической совокупностью показателя объема финансового обеспечения деятельности объекта контроля, показателя разветвленности организационной структуры объекта контроля и показателя отношения количества выполненных действий к количеству запланированных контрольных действий по программе контрольного мероприятия.

В результате исчисления указанных показателей будут получены соответствующие коэффициенты, не имеющие единиц измерения, что позволяет в целях исчисления единого коэффициента результативности контроля сложить полученные значения совокупности показателей.

Расчет показателей, позволяющих оценить критерий временных, финансовых и трудовых затрат в результате проведения контроля производится на основе трех относительных показателей.

Показатель временных затрат можно рассчитать применительно к необходимому объему фонда рабочего времени на выполнение одного вопроса программы контрольного мероприятия с последующим умножением на количество всех вопросов программы с учетом количества членов ревизионной группы.

Указанный показатель позволяет нормировать фонд рабочего времени, который необходим для проверки одного вопроса контрольного мероприятия.

Расчет показателя трудовых затрат может быть произведен на основе определения отношения количества сотрудников контрольных органов, привлеченных к проверке объекта контроля, к количеству вопросов программы проверки с учетом их содержания.

Значение показателя трудовых затрат с позиции результативности должно стремиться к минимальным значениям, что будет соответствовать составлению оптимальных ревизионных групп.

Исчисление показателя финансовых затрат может быть осуществлено на основе соотношения затрат на проведение проверки к общим затратам органа ГФК на обеспечение исполнения государственных функций в установленной сфере деятельности.

Показатель, характеризующий критерий результатов контроля, направлен прежде всего на оценку значимости проведения контрольных мероприятий, то есть оценки значимости выявленных нарушений на объектах контроля.

Расчет показателя, соответствующего указанному критерию, производится путем суммирования отношений финансовой оценки каждого из квалифицированных видов нарушений к общей сумме финансового обеспечения.

Интерпретация значений полученного показателя зависит от поставленных целей деятельности органа ГФК, то есть именно от того, что представляет для контрольного органа результаты проведенного контрольного мероприятия. В большинстве случаев для оценки результативности контроля наиболее подходящим является рост значений показателя.

Интерпретация показателя, который соответствует критерию реализации результатов контроля, дополняет ранее описанный показатель критерия результатов контроля.

Расчет указанного показателя определяется путем суммирования количества предпринятых мер по устранению нарушений, составивших результаты контроля.

Завершающим показателем, который, по нашему мнению, можно учитывать при определении результативности по предложенной методике, является показатель критерия учета результатов мониторинга качества контроля. Расчет данного показателя может быть осуществлен на основе применения дифференцированной шкалы коэффициентов, соответствующих результатам мониторинга качества.

В результате суммирования показателей шести названных критериев можно определить результативность контроля в необходимом разрезе, в том числе результативность контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ (применительно к конкретному субъекту РФ).

Использование коэффициентной интерпретации описанных показателей будет способствовать устранению региональных особенностей и диспропорций, связанных со спецификой организации бюджетного процесса в субъектах РФ и проводимой региональной бюджетной политикой.

Предложенная методика определения результативности контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ позволяет реально оценить и обеспечить сопоставимость основных результатов ГФК в субъектах РФ, что достаточно важно и необходимо в условиях проводимой реформы финансового контроля и разрозненности работы и результатов контрольных органов субъектов РФ.

Следует отметить, что предложенная методика является универсальной, то есть позволяет рассчитать результативность работы отдельно взятого сотрудника, результативность отдельно взятого контрольного мероприятия, результативность работы отдельно взятого органа государственного финансового контроля, а также результативность государственного финансового контроля за исполнением бюджетов субъектов Российской Федерации.

Положительные стороны определения результативности контроля за исполнением бюджетов субъектов Российской Федерации по данной методике заключаются в том, что полученные данные позволят судить о состоянии организации бюджетного контроля на региональном уровне, а также позволят выявить существующие отклонения в организации бюджетного процесса в субъектах Федерации.

В связи с этим практическое применение критериев и показателей, при определении которых используется математический аппарат, будет служить обеспечению объективности и сопоставимости результатов контроля за исполнением бюджетов субъектов Российской Федерации.

В целом, исследованные методические основы результативности контроля за исполнением бюджетов субъектов Российской Федерации являются комплексными и учитывают все этапы контроля и факторы, оказывающие на нее (результативность) влияние.

Преимуществом предложенного варианта расчета результативности контроля за исполнением региональных бюджетов является использование относительных показателей, что позволяет обеспечить сопоставимость показателей результативности контроля в различных регионах.

Применение данной методики возможно в отношении как отдельно взятого сотрудника контрольного органа или же в целом органа ГФК, так и в рамках отдельных проводимых мероприятий контроля (контрольно-ревизионные, экспертно-аналитические мероприятия и внешняя проверка годового отчета об исполнении бюджета субъекта Российской Федерации).

Литература

Ахокас И. И., Гехт А. Н. Об оценке эффективности использования бюджетных средств // Финансы. 2012. № 4. С. 8–11.

Васильева М. В. Критерии и показатели оценки эффективности государственного финансового контроля // Финансы и кредит. 2009. № 32. С. 12–24.

Волчкова М. Критерии оценки эффективности ревизионной работы // Бюджетные учреждения: ревизии и проверки финансово-хозяйственной деятельности. 2010. № 6. С. 36–43.

Саунин А. Н. Аудит эффективности в России: методика и практика. М.: Воентехиздат, 2010. 20 с.

Степашин С. В., Столяров Н. С., Шохин С. О., Жуков В. А. Государственный финансовый контроль. СПб.: Питер, 2002. 557 с.

Степашин С. В. Конституционный аудит. М.: Наука, 2006. 816 с.

Стрем С. Бюджетный процесс как инструмент эффективного управления. М.: ЛЕНАНД, 2013. 336 с.

УДК 81’373.21
ББК 81.23

О РЕЗУЛЬТАТАХ НОРМАЛИЗАЦИИ ТОПОНИМОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (2011–2013 гг.)

On the Results of Toponyms Normalization in the Russian Federation (2011–2013)

И. А. Дамбуев (I. Dambuev)[1]

[1] кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Ph.D. of Philology, Senior Researcher at the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS). E-mail:igor_dambuev@mail.ru.

В статье анализируются результаты нормализации топонимов в России в рамках создания Государственного каталога географических названий. На материале реестров топонимов двадцати субъектов выявляются орфографические варианты названий и особенности их нормализации. Нормализованные названия подвергаются критической оценке с учетом правил русской орфографии топонимов, особенностей топонимов как имен собственных и специфики региональной топонимической системы.

Ключевые слова: топонимия России, нормализация, варьирование, орфография.

Purpose: The main purpose of the article is to analyze normalized forms of Russian place names within the creation of the State Catalogue of Place Names in 2011–2013.

Methods: Since 2011 the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography has been creating the State Catalogue of Place Names on basis of the Place Names Registers of all Russian federal subjects. Every register must be approved by executive and legislative authorities. Comparison of place names registers of twenty regions of the Russian Federation before and after approval makes it possible to detect spelling variants of names and features of their normalization.

Results: The analysis of the Place Names Registers revealed orthographic, phonetic, morphological, syntactic and lexical variants of place names. The orthographic variants are caused by variation of unstressed vowels in word stems; vowels after hushing sounds; use of letter *ё*; joined-up, hyphenated and separate writing of place names; use of capital and lower case letters; writing of ordinal numerals in word-groups. The normalized forms of the place names described in the article reveal the cases of non-observance of the Russian orthographic rules which may be caused by ignorance of the rules, institutionalized traditional writing of place names, and use of orthographic rules of languages used in Russia.

Discussion: The place names normalization needs an integrated approach taking into account observance and delimitation of the orthographic rules of the Russian and other languages spoken in Russia, traditional use of place names by local population, features of place names such as proper names and specifics of regional toponymic systems.

Keywords: Russian place names, normalization, variation, orthography.

Настоящая статья посвящена исследованию нормализации топонимов в России в рамках создания Государственного каталога географических названий (ГКГН). Актуальность данного аспекта обусловлена не только значительным вниманием к исследованию «онимов различного характера, представляющих собой значительный пласт лексической системы языка» [Лиджиев 2010: 51], но и необходимостью выявления и осмысления современных трансформационных процессов в общероссийской топонимии.

На 1 февраля 2014 г. в ГКГН зарегистрированы топонимы 80 субъектов Российской Федерации, из которых реестры топонимов 43 субъектов согласованы с органами исполнительной и законодательной власти этих субъектов, что свидетельствует об официальном статусе наименований и об их нормализации.

Нами были проанализированы реестры зарегистрированных географических назва-

ний двадцати субъектов Российской Федерации до и после прохождения процедуры согласования. Результаты деятельности по нормализации топонимов обнаруживаются при выборе того или иного варианта названия из нескольких возможных и определении его написания. Анализ реестров выявляет разные типы варьирования топонимов. Опираясь на типологию варьирования имен собственных, подробно описанную в [Суперанская 1969], представим многообразие вариантов топонимов рассматриваемых реестров: орфографические варианты (*Калчанка → Колчанка*[1], *Архангельское Голицыно → Архангельское Голицино*, *Старо-Дубовский → Стародубовский*, *Шин-Мёр → Шин Мер*, *Куликовка Первая → Куликовка 1-я*, *Школа Тракторных Бригадиров → Школа тракторных бригадиров* и др.), фонетические варианты (*Гонохово → Гонюхово*, *Игино → Егино*, *Лазный → Лозный* и др.), морфологические варианты (*Светлое → Светлый*, *Боронский → Боронск*, *Борзенково → Борзенкова*, *Урывки → Урывка* и др.), синтаксические варианты (*Елец-Маланино → Елецкое Маланино*, *Калинина Дубрава → Калина-Дубрава* и др.), лексические (*Полынное → Бергин*) и лексико-синтаксические варианты (*Артель-Труд → Труд*, *Глядень → Глядень-1* и др.).

В данной статье мы рассмотрим особенности нормализации орфографических вариантов топонимов. Среди примеров орфографических вариантов можно выделить несколько типов: вызванные варьированием в написании безударных гласных в основе топонима (*Калчанка → Колчанка*, *Рагозина → Рогозина*, *Соломатовка → Саламатовка*, *Савинково → Савенково*, *Аверенка → Аверинка*, *Шубинка → Шубенка*, *Шатобал → Шатабал*, *Тигерек → Тигирек*), варьированием в написании гласных после шипящих и *ц* (*Архангельское Голицыно → Архангельское Голицино*), варьированием в употреблении буквы *ё* (*Кумёны → Кумены*, *Кёк Усн → Кек Усн* и др.), варьированием слитного, дефисного и раздельного написания (*Старо-Дубовский → Стародубовский*, *Ново-Фёдоровка → Новофедоровка*, *Верхне-Залегощенский → Верхнезалегощенский*, *Ветренно-Телеутское → Ветренотелеутское*, *Бага-Бурул → Бага Бурул*, *Кленовое 1 → Кленовое-1* и др.), варьированием употребления прописных и строчных букв (*Школа Тракторных Бригадиров → Школа тракторных бригадиров*, *Северо-Кавказской Зональной Опытной Станции ВНИИЛР → Северо-Кавказской зональной опытной станции ВНИИЛР*, *Октябрьское Лесничество → Октябрьское лесничество* и др.), варьированием способа выражения порядковых числительных в составе топонимов-словосочетаний (*Куликовка Первая → Куликовка 1-я*, *Верхососенье Вторая Часть → Верхососенье 2-я Часть*, *Вышняя Замарайка 1-я → Вышняя Замарайка Первая* и др.).

Нормализация топонима, имеющего варианты в результате различного написания безударных гласных в основе топонима, не может базироваться на правилах русской орфографии нарицательных слов по ряду причин. Во-первых, сложно определить, от какого слова произошел топоним – от нарицательного или собственного имени, и какой у него морфологический состав. Например, в вариантах *Шубинка* и *Шубенка* (Алтайский край) можно теоретически предположить как антропоним *Шубин*, так и менее вероятный апеллятив *шуба*. Выбор варианта *Шубенка* наталкивает на мысль о том, что нормализаторы связывают название с апеллятивом. Надеемся, что выбор сделан в пользу наиболее употребляемого в регионе варианта, как и в парах *Калчанка → Колчанка*, *Соломатовка → Саламатовка* (Орловская обл.), где параллели с сущ. *колчан* и *саламат* лишь факультативные. Варианты топонимов *Рагозина → Рогозина*, *Савинково → Савенково*, *Аверенка → Аверинка* объединяет антропонимическое происхождение, где также наблюдается варьирование (ср. фамилии *Рагозин/Рогозин*, *Савинков/Савенков*, но *Аверин*). Во-вторых, диалектные формы, формы, произошедшие от вышедших из употребления апеллятивов, а также топонимы иноязычного происхождения не могут быть проверены с помощью современных апеллятивных форм. При необходимости для обоснования выбора варианта топонима логичнее привлекать единицы того же ономастического уровня. Например, выбор в качестве официального названия варианта *Шубенка* (Зональный р-н Алтайского края) вызывает вопросы, учитывая, что это село находится на реке *Шубинка*, а в верховье реки расположено село *Верх-Шубинка* (Целинный р-н). Вариант *Колчанка* (Верховский р-н Орловской

[1] Вторым вариантом далее везде следуют названия после согласования с субъектом, т. е. нормализованные.

обл.) выбран, вероятно, потому, что в этом же районе есть одноименная деревня. Вариант *Рогозина* (Знаменский р-н Орловской области) ставит название деревни в один ряд с орловскими же названиями деревень *Рогозина* (Болховский р-н), *Рогозино* (Верховский р-н), *Рогозин Колодец* (Мценский р-н). Иноязычные топонимы также «проверяются» на топонимическом уровне: поселок *Тигирек* и гидронимы *Большой Тигирек*, *Малый Тигирек*, *Тигирекский Ключ*, оронимы *Тигирек*, *Тигирецкий Белок*, *Тигирецкий* хребет (Алтайский край).

Варьирование в написании гласных после шипящих и *ц* в топонимах было всесторонне описано еще в [Суперанская 1969: 174]. При упоминании топонима *Голицыно* в примерах употребления гласных после шипящих и *ц* в [Правила русской орфографии 2007] из вариантов названия села *Архангельское Голицыно* и *Архангельское Голицино* (Рузаевский р-н Республики Мордовия) предпочтение отдано последнему. Это вызывает недоумение на фоне того, что расположенный рядом поселок при железнодорожном разъезде сохраняет рекомендуемое написание.

Варьирование в употреблении буквы *ё* в топонимах встречается во всех субъектах Российской Федерации. Так, можно обнаружить урочища *Зеленая Роща* и *Зелёная Роща* (Брянская обл.), реки *Черная* и *Чёрная* (Кабардино-Балкарская Республика), реки *Березовка* и *Берёзовка* (Кировская обл.), острова *Зеленый* и *Зелёный* (Мурманская обл.) и т.д. Однако в Липецкой области наблюдается тенденция последовательного неупотребления буквы *ё*: *Воробьёвка* → *Воробьевка*, *Грачёвка* → *Грачевка*, *Тёплое* → *Теплое* и др. В согласованном реестре топонимов Липецкой области мы обнаружили только одно название с *ё* – *Черёмушки*. В реестре Рязанской области то же самое *Чёрное* заменено на *Черное*, *Киселёвка* на *Киселевка*, *Красный Посёлок* на *Красный Поселок*. В реестре Ставропольского края все изменения касаются только употребления *ё*: *Весёлый* → *Веселый*, *Найдёновка* → *Найденовка*, *Носачёв* → *Носачев* и др., при наличии названий с *ё*: *Берёзовая*, *Зелёная Роща*. В реестре Орловской области названия с *ё* вообще отсутствуют. Выборочное употребление *ё* и ее последовательное неупотребление в топонимах противоречат современным правилам русской орфографии, где сказано, что рекомендуется ее употреблять «в собственных именах — фамилиях, географических названиях» [Правила русской орфографии 2007: 21].

Варьирование слитного, дефисного и раздельного написания топонимов встречается во всех субъектах. Его можно объяснить не только игнорированием рекомендуемых правил орфографии топонимов, но и юридически закрепленным традиционным написанием. Тем не менее, анализ согласованных реестров показывает общую тенденцию слитного написания топонимов с первыми частями *Старо-, Ново-, Верхне-, Нижне-*: *Старо-Дубовский* → *Стародубовский* (Липецкая обл.), *Ново-Аносово* → *Новоаносово* (Рязанская обл.), *Верхне-Залегощенский* → *Верхнезалегощенский*, *Юрты Нижне-Жерновские* → *Юрты Нижнежерновские* (Орловская обл.) и др.

Что касается нормализации топонимов с постпозитивным определением, то здесь можно выявить противоположные тенденции. Рекомендуется писать через дефис «названия, представляющие собой сочетание существительного с последующим прилагательным» [Правила русской орфографии 2007: 132], то есть такие названия, «отдельные компоненты которых составляют синтаксически необычные для русского языка сочетания» [Суперанская 1984: 167]. В действительности же выбор основного варианта может варьировать: *Кленовое 1* → *Кленовое-1*, (Кировская обл.), *Курша 1* → *Курша-1* (Рязанская обл.) и *Сторожи-Первые* → *Сторожи Первые*, *Сторожи-Вторые* → *Сторожи Вторые* (Краснодарский край).

Нерусские названия и компоненты названий не имеют однозначного оформления. С одной стороны, через дефис рекомендуется писать «иноязычные географические названия, дефисное написание которых, определяемое в словарном порядке, соответствует раздельному или дефисному написанию в языке-источнике» [Правила русской орфографии 2007: 133], а также «заимствованные иноязычные названия, отдельные части которых, будучи понятными словами языка-источника, не являются словами русского языка, вследствие чего взаимоотношения их русскому читателю неясны» [Суперанская 1984: 167]. С другой стороны, «поскольку топонимы каждой территории образуют свою топонимическую систему, то естественно, что для одних систем будут более характерны дефисные, а

для других – слитные написания» [Суперанская 1978: 238]. Так, в реестре Мурманской области слитно пишется большинство заимствованных названий, образуя порой необычные и труднопроизносимые для русскоязычного человека названия: *Вильгискоддеоайвинъярви*, *Вуовионлатвалампи*, *Вуонгелинтунтури*, *Вуогманайоки* и т. д. Хотя в этих названиях регулярно встречаются географические термины *ярви* (кар. *jarvi* ‘озеро’, фин. *järvi* ‘озеро’), *лампи* (кар. *lambi* ‘озеро’, фин. *lampi* ‘пруд; лесное озеро’), *тунтури* (фин. *tunturi* ‘[безлесная] гора’), *йоки* (кар. *jogi* ‘река’, фин. *joki* ‘река; речка’) и др., в большинстве случаев они пишутся слитно. Употребление дефисного написания встречается чрезвычайно редко: *Айттаярвен-Тунтури*, *Васька-Йок*. В Республике Калмыкия в большинстве многокомпонентных названий природных объектов и населенных пунктов калмыцкого происхождения сохраняется рекомендуемое дефисное написание. Однако названия поселков *Бага-Бурул* (Городовиковский р-н), *Цаган-Ташу* (Ики-Бурульский р-н), *Шин-Мёр* (Кетченеровский р-н) в согласованном реестре приобрели вид *Бага Бурул*, *Цаган Ташу* и *Шин Мер*. В то же время название поселка *Халтрын Бор* (Черноземельский р-н) стало писаться через дефис: *Халтрын-Бор*. Неупорядоченность написания тюркоязычных и монголоязычных топонимов на русском языке наиболее отчетливо наблюдается на смежных территориях Калмыкии и Астраханской области. Термины *кудук*, *худук* (каз. *құдық*, калм. *худг* ‘колодец’) в Астраханской области пишутся слитно: *Аккудук*, *Ашкудук*, *Баскудук* и др., а в Калмыкии – через дефис: *Ар-Худук*, *Арзгир-Худук*, *Бор-Худук* и др., за исключением ойконимов *Лиджин Худук* и *Нарын Худук*, раздельное написание которых следует национальной орфографии топонимов (ср. калм. *Нарн Худг*).

Еще одной причиной орфографических вариантов топонимов является нарушение употребления прописных и строчных букв. Рекомендуется писать с прописной буквы в топонимах «все слова, кроме родовых понятий, служебных слов, а также слов *года, лет*» [Правила русской орфографии 2007: 171]. Кроме этого, с прописной буквы пишутся нарицательные существительные в составе топонимов, «если они употреблены не в своем обычном значении» [Правила русской орфографии 2007: 172]. Анализ реестров показывает, что во многих субъектах наблюдается тенденция нарушения этих правил. У многокомпонентных названий с прописной буквы стало писаться только первое слово: п. *Тополинский Лесхоз → Тополинский лесхоз* (Алтайский край), п. *Северо-Кавказской Зональной Опытной Станции ВНИИЛР → Северо-Кавказской зональной опытной станции ВНИИЛР* (Краснодарский край), п. *Школа Тракторных Бригадиров → Школа тракторных бригадиров* (Республика Мордовия), п. *Октябрьское Лесничество → Октябрьское лесничество* (Рязанская обл.) и др. Иногда название населенного пункта вообще никак не выделяется прописной буквой: п. *Подсобного Производственного Хозяйства Биофабрики → подсобного производственного хозяйства биофабрики*, п. *Базы Отдыха «Ласточка» → базы отдыха «Ласточка»* (Краснодарский край), п. *Бывшей МТС → бывшей МТС*, п. *Центрального Отделения совхоза «Мишино» → центрального отделения совхоза «Мишино»* (Рязанская обл.) и др.

Как отмечает А. В. Суперанская, «в современном русском языке прописные буквы наделены тремя функциями: 1) выделяющей (начало текста, абзаца, фразы); 2) стилистической (символической, патетической); 3) десемантизирующей, сигнализирующей о превращении имени нарицательного в собственное» [Суперанская 1978: 229]. Употребление десемантизирующих прописных букв указывает на то, что перед нами имя собственное, а не нарицательное. Собственные имена очень неоднородны по своему составу, среди них «различаются: 1) имена собственные в узком смысле этого слова и 2) наименования» [Правила русской орфографии 2007: 165]. В связи с этим в собственных именах, составляющих ядро ономастической лексики, в том числе топонимах, все слова пишутся с прописной буквы. В наименованиях же «с прописной буквы пишется только первое слово (за исключением случаев, когда в состав наименования входят другие собственные имена)» [Правила русской орфографии 2007: 165]. Таким образом, нарушение правил употребления прописных букв приводит к тому, что топоним начинает восприниматься в тексте как наименование либо учреждения, либо организации и т. д. В последних приведенных выше примерах границы топонима как имени собственного вообще стерты.

Варьирование способа выражения порядковых числительных в составе топонимов-словосочетаний также получает широкое распространение. Речь идет о возможности выражения порядковых числительных на письме с помощью буквенных обозначений (*Куликовка Первая*, *Ламская Вторая*, *Грачевка Третья* и др.), с помощью буквенно-цифровых обозначений с арабскими цифрами (*Куликовка 1-я*, *Ламская 2-я*, *Грачевка 3-я* и др.) либо с помощью цифровых обозначений с римскими цифрами (*Рославль II*, *Дубовская I*, *III Интернационал* и др.). Нормализация топонимов, в составе которых встречаются порядковые числительные, на рассматриваемом материале ориентирована на употребление буквенно-цифровых обозначений вместо буквенных: *Куликовка Первая → Куликовка 1-я*, *Сезеново Первое → Сезеново 1-е* и др. (Липецкая обл.), *Верхососенье Первая Часть → Верхососенье 1-я Часть*, *Грачевка Третья → Грачевка 3-я* (Орловская обл.) и др. Употребление буквенно-цифровой формы числительных вызвано, вероятно, соображениями экономии средств выражения, а также требованием ускорить и улучшить восприятие чисел в тексте. Считается, что цифровая и буквенно-цифровая форма числительных «заметнее и схватывается читателем быстрее, так как, по-видимому, не прочитывается, не переводится мысленно в словесную форму, а именно схватывается взглядом, что упрощает весь процесс восприятия текста» [Справочная книга корректора и редактора 1974: 62]. Употребление римских цифр имеет определенную регламентацию в русском языке, следуя которой, их не рекомендуется употреблять в топонимах. Нормализация названия п. *3 Интернационал → III Интернационал* (Каменский р-н Алтайского края) оправдана тем, что топоним заимствует название международного объединения, номера которых по традиции принято обозначать римскими цифрами [Справочная книга корректора и редактора 1974: 67].

Анализ результатов нормализации свидетельствует о необходимости комплексного подхода к решению вопроса нормализации топонимов, который принимал бы во внимание следующие аспекты: правила орфографии русского и других языков Российской Федерации в части написания топонимов, сложившиеся традиции в употреблении названий местным населением, особенности региональной топонимической системы, специфику топонимической лексики как разновидности проприальной лексики.

Литература

Лиджиев А. Б. К сравнительному изучению антропонимов западномонгольских народов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 51–55.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 480 с.

Справочная книга корректора и редактора / под общ. ред. А. Э. Мильчина. М.: Книга, 1974. 416 с.

Суперанская А. В. Структура имени собственного: Фонология и морфология. М.: Наука, 1969. 207 с.

Суперанская А. В. Теоретические основы практической транскрипции. М.: Наука, 1978. 283 с.

Суперанская А. В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984. 182 с.

УДК 811.929.1
ББК 81.8

МИФЫ, ИДОЛЫ, ХИМЕРЫ
(об одном пазиграфическом проекте XVIII в.)
Myths, Idols, Chimeras (an 18th century pasigraphic project)

Т. В. Клубкова (T. Klubkova)[1]

[1] кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Ph.D. of Philology, Associate Professor of Petersburg State University). E-mail: genling.spb@gmail.com; wirbelt@yandex.ru.

В статье рассматривается возникновение и функционирование идеи всеобщего письменного языка, пазиграфии, а также место и роль подобных проектов в истории языкознания. Рассматривается стимулирующая роль китайской иероглифики в создании подобных проектов. Демонстрируется сходство подходов в России и в Европе, рассматривается малоизвестный проект Г. В. Мурра, сторонника и поклонника Г. В. Лейбница.

Ключевые слова: динамический миф, химера, пазиграфия, китайская иероглифика, Христоф Готлиб Мурр, Иоганн Северин Фатер, Карл Линней.

The article examines the origin and further development of a pasigraphy, a universal written language project, its place and its functional role in the history of linguistics. The article reveals the similarity of approaches to pasigraphy in Europe and Russia, as well as a stimulating role of Chinese characters for projects of this kind. A project by H. G. Murr, unknown, in fact, to the wide public, is considered in the article. G. W. Leibniz' supporter and advocate, H. G. Murr following on Leibniz' interest to China and his linguistic studies of the Chinese attempted to employ the Chinese characters and Carl Linnaeus's systematics to create pasigraphy, a project of an interdisciplinary nature.

Murr's Chinese project did not go down as a serious one in the history of linguistics but it did not render Murr's linguistic activity entirely useless, either, since the author managed to demonstrate a general linguistic paradigm, some useful information on language and culture in China, as well as made an essential contribution to popularizing Leibniz's ideas.

It was J.S.Vater who offered a full and systematic critical analysis of pasigraphic systems to reveal the ways they are constrained by language structure; long before Humboldt he had demonstrated that the aposteriori pasigraphy is just not possible due to differences in the structure of the significatum.

Keywords: dynamic myth, chimera, pasigraphy, Chinese characters, Christoph Gottlieb Murr, Johann Severin Vater, Carl Linnaeus.

Динамический миф [Моль 1973] — мечта о возможном, цель, к которой стремится научное сообщество, в XVII–XVIII вв. называли «химерой». «Все науки на свете имеют свою химеру, вокруг которой они движутся, но которую они не в силах поймать; однако по пути они обретают другие, весьма полезные знания. Если у химии есть ее философский камень, то у геометрии — квадратура круга, у астрономии — пустое пространство, у механики — перпетуум мобиле. Нет никакой возможности все это открыть, но очень полезно это искать» (опубл. 1683) [Фонтенель 1979: 50]; химерой называет всеобщую письменность Филинта, героиня анонимного «Диалога» [Dialogue 1722: 86].

Для XVIII в. динамическим мифом или химерой была идея философского языка. В XVII–XVIII вв. этой проблемой занимались великие ученые: Коменский, Лейбниц, Ньютон (опубл. посм. 1936, рус. пер. 1986) [Кнорина 1996], Раск (опубл. 1996, рус. пер. 2007) [Кузнецов 2007].

Рассмотрим лишь один тип языковых проектов XVII–XVIII вв. — «пазиграфию», т. е. универсальную идеографию. Слово «пазиграфия» возникло лишь в конце XVIII в., однако соответствующий круг идей разрабатывался задолго до появления слова.

Возможность построения универсальной идеографии доказывалась учеными XVII–XVIII вв., на первый взгляд, убедительно. Русский автор компилятивного сочинения приводил следующие аргументы: «...Дело сие не есть превосходящее все

силы человеческие; что доказывается 1. из характеров Химических, Астрономических, Музыкальных, Арифметических и пр., которые все Европейские народы в равной степени понимают, хотя они и различными изображаются словами, по различию языков; 2. Из характера Китайского, который Китайцы, Кореане, Японцы, Тохиненцы и Кохинхиненцы равным образом понимают, хотя общей речи и не разумеют. 3. Хотя народы в словах друг с другом различествуют, однако в понятии вещей согласны бывают» [Феофан 1793: 20–21]. Феофан Колоколов заимствовал обычные аргументы практического (существование частных идеографических систем, китайская иероглифика) и теоретического (согласие всех народов «в понятии вещей»)[1] характера.

Пазиграфия должна была опираться либо на постулируемый семантический инвариант языков мира (апостериорная пазиграфия), либо на специально разработанную («философскую») универсальную систему понятий (априорная, «философская» пазиграфия).

Рассмотрим малоизвестный проект, возникший под воздействием китайской иероглифики, сведения о нем имеются в приложенном к «Опыту всеобщей грамматики» библиографическом списке [Vater 1801], содержащем книги, статьи, короткие заметки как сторонников, так и противников идеи философского языка.

Поклонник Лейбница, Христоф Готтлиб Мурр (1733–1811) — издатель, историк науки, филолог, переводчик, знаток древних, новых и восточных языков — встречался и переписывался с многими известными учеными (Бернулли, Лаланд, Лессинг, Линней, Михаэлис, Реймарус и мн. др.). «Мурр был типичный полигистор, со всеми теневыми сторонами, свойственными этому виду учености, но, с другой стороны, его устремления были достаточно серьезными для того, чтобы упрочить ему не эфемерное значение» [Allgemeine Deutsche Biographie 1886: 76–80].

Журнал Мурра «Journal zur Kunstgeschichte, und zur allgemeinen Literatur» [Murr 1777] — это действительно журнал (франц. journal от лат. diurnalis — ежедневный), дневник, в который автор-издатель заносит все, что кажется примечательным. Почти весь четвертый том посвящен Китаю: проект Мурра, письма Амио об обучении чтению, сведения об издании китайских государственных анналов, обсуждение книги Дж. Т. Нидхема[2] «Lettre de Pékin sur le Génie de la Langue Chinoise et la nature de leur Écriture symbolique comparée avec celle des anciens Egyptiens», гипотезу которого о родстве китайских и египетских письмен Мурр безоговорочно отвергает [Murr 1777: 216].

Широту интересов Мурр сохраняет до конца жизни: в 68 лет он публикует «План читального зала для женщин в Нюрнберге». Он быстро реагирует на все новое, что заметно по скорости переводов. Математика, медицина, новинки мировой литературы, письменность (особенно малоизвестная), история, история дипломатии, краеведение, ботаника, анатомия — все это соединялось в своеобразный сплав.

Мурр, полигистор и полиглот, не нуждался во всеобщем языке, полагая, что европейцам достаточно латыни и французского. Всеобщая письменность (на китайской основе — по его проекту) нужна как язык-посредник для Запада и Востока, Европы и Китая.

Китай, государство с долгой историей, надо было вписать в библейскую версию всемирной истории. По мнению «отца египтологии» А. Кирхера (1602–1680), китайцы — потомки Хама, легендарный император Фуси — Зароастр. «Ибо, хотя сей народ почитает этого великого человека за своего первого правителя и основателя государства, есть веские основания, признаваемые весьма маститыми учеными (я говорю о наибольшем их числе), которые доказывают, что Фуси никогда не ступал на китайскую землю. Большая часть рассказов, как о том времени, когда он жил, так и о его деяниях, такого характера, что нам нетрудно судить по совпадению, почти полному, всего того [что в них содержится] с тем, что нам сообщают древние авторы, а также арабские (ceux de Levant) о Зороастре, Меркурии Трисмегисте и даже Енохе, что Фуси был не кто иной, как один из этих великих персонажей», — писал Лейбницу

[1] Филинта и Эудокси из Диалога тоже вспоминают ноты, геометрию, астрономию и иероглифику.; сравнив слова разных языков (лат. — bibere, франц. — boire, нем. — trinken), Эудокси предлагает поступать подобно китайцам: писать одинаково, произносить разно [Dialogue 1722: 86].

[2] Дж. Т. Нидхем (John Turberville Needham: 1713–1781) — биолог, китаист-дилетант.

миссионер И. Буве [Лейбниц 2005: 333]. Китайский язык предлагался на роль праязыка вместо древнееврейского (Дж. Вэбб), использовался «как разновидность стенографии» (Т. Брайт) [Meier 1976: 551]. Версию Кирхера пересказывает и Мурр[3], но, вслед за Лейбницем, скептически относится к идее колонизации Китая египтянами [Murr 1777: 156–159][4].

Мурр перевел (с английского языка) роман «История счастливой четы» (Хао цю чжуань)[5] [Haoh Kjöh Tschwen 1766] — первый китайский роман в Европе, вызвавший «европейскую сенсацию» [Рифтин 1987: 486–497)]. Современный исследователь считает перевод «Haoh Kjöh Tschwen» «компендиумом сведений о Китае», «этнографическим справочником» [Yuan Tan 2007: 40–42] и высоко оценивает роль переводчика — Х. Г. Мурра.

Английское издание содержало дополнения: пословицы, поговорки, басни Конфуция, стихи, китайскую драму. Мурр добавил список литературы о китайском языке и письменности[6] [*Haoh Kjöh Tschwen* 1766: 630–646], раздел грамматики Э. Фурмона[7] и собственные мысли о пазиграфии и возможностях использования китайской иероглифики.

Мурр приводит сформулированные Н. Шанго [Changeux 1773] свойства универсальной письменности (lingua oculorum): 1) философская письменность должна быть понятна всем людям, включая и не знающих языка писавшего/пишущего; 2) знаки должны быть составлены таким образом, чтобы выражать порядок следования идей, — и приходит к выводу, что этим требованиям соответствуют иероглифы [Murr 1777: 151]. Оба автора — и Мурр, и Шанго — эксплицитно придерживаются мнения, что идеи у всех одинаковы и, вероятно, следуют в одинаковом порядке (см. выше третий аргумент Феофана Колоколова). Мурр показывает (по Фурмону), как построены китайские знаки, как следуют друг за другом идеи, как реализуются правила Шанго.

Мурр предлагает предысторию вопроса. «Эту проблему решали следующие ученые: Bernhold, Brett, Dalgarn, Kunccius, Becher, Comenius, Harris, Besnier, Martin, Solbrig, Müller, Reyher, Wilkins, J. Heumann, Canz» [Murr 1777: 153] — авторы проектов (Dalgarn, Comenius, Solbrig, Wilkins, Becher) или трактатов о необходимости универсальной письменности (Besnier, Bernhold), китаисты (M. Martin, A. Müller), авторы философских грамматик (Harris, Heumann), в которых обсуждалась проблема. Bernhold и Heumann[8] — профессора местного университета Альтдорфина, математик С. Райхер, автор трактата «Немецкий Эвклид..». Райхер уверяет: доказательства записаны при помощи алгебраических значков таким образом, что «…одно и то же доказательство может легко читаться и применяться на любом языке»[9]. «Трое последних — Вилкинс, Хейманн, Канц — внесли главный вклад, после Лейбница» [Murr 1777: 153][10].

Мурр (как и Феофан Колоколов) рассматривает все тексты, не нуждающиеся в переводе (геометрия, ноты), и обращает внимание на статью Луиджи Рикера «Algebrae philosophicae in usum artis inveniendi specimen primum» [Richer 1761]. Эта алгеб-

[3] Феофан Колоколов также упоминает Кирхера и Зороастра.

[4] В колонизацию Китая египтянами верили такие востоковеды, как де Гуинь и корреспондент Лейбница Лакроз.

[5] Англ. Hau kiou choaan 1761; нем. Haoh Kjöh Tschwen 1766; франц. Hau Kiou Choaan1766; голл. Tieh-Chung-U 1767; такой разнобой в заглавии романа, названного по имени главного героя, связан с тем, что в середине XVIII в. не было единой системы транслитерации иероглифов, оформившейся только в XIX в.

[6] Включив даже сочинение Рудбека-сына о родстве китайского, готского, финского и венгерского языков (Specimen usus Linguas Gothicae, in eruendis atque illustrandis obscurissimis quibusvis Sacrae Scripturae locis; addita Analogia Linguas Gothicse cum Sinica, nec non Finnonicae cum Ungarica. Upsala: Joh. Henr. Werner, 1717).

[7] Грамматика Э. Фурмона — одно из первых сочинений, в которых имеются сведения о 214 иероглифических ключах.

[8] В «Новых опытах» Лейбниц связывал букву R с движением, motio [Лейбниц 1983: 283]. Заботясь о приоритете Лейбница, Мурр уточняет, что пришедший к этой же мысли Хейманн [Heumann 1747: 478] сделал это безусловно после Лейбница.

[9] Ср. выше с первым аргументом Феофана Колоколова о языке геометрии.

[10] Феофан Колоколов тоже называет источники: «Словарь грамматико-философский Георгиев издан в Лондоне в 1661 г…. почтенный Иоган Вилкинс, а раньше Франциск Лодвикк в Лондоне» [Феофан 1793: 20], т. е. Dalgarno, Wilkins и Lodowyck Francis. The ground-work, or foundation, laid (or so intended) for the framing of a new perfect language. S. l.: [s.n.], [MDCLII [1652], круг чтения Мурра и Феофана сходен.

ра демонстрирует знаки мысли, т. е. Рикер[11] следует за Лейбницем [Murr 1777: 200]. Труды Кальмара [Kalmar 1772], напротив, Мурр не одобряет как не практичные: знаки содержат слишком много мелких деталей, что затрудняет восприятие и дает простор для опечаток. Идея универсальной письменности стояла для Мурра в одном ряду с «квадратурой круга или вечным двигателем, бесполезной игрушкой для человеческого разума», более практично использовать уже имеющуюся пазиграфию — китайские иероглифы [*Haoh Kjöh Tschwen* 1766: 623] [Murr 1777: 156]. Мурр сожалеет, что Лейбниц не знал китайского, иначе безусловно пошел бы китайским путем [Murr 1777: 153–157], пытается понять, почему Лейбниц предпочел исчисление [Murr 1777: 171].

Поклонник Лейбница, Мурр обильно цитирует его переписку (Лакроз, Ремон, Вагециус, Плакциус, миссионер Бурге, Гюйгенс, Ольденбург и мн. др.) [Лейбниц 2005], знаком со всеми изданиями, упрекает ученое сообщество в равнодушии (Лейбница издают не в Германии, а за границей). В этом он, безусловно, следует Лейбницу, который также был озабочен тем, что не собраны и не изданы сочинения многих великих ученых прошлого (Галилей, И. Юнг, Кампанелла, Паскаль) [Murr 1777: 192–194]. Обильно цитируя (три страницы из пяти) опубликованные посмертно заметки Лейбница «Historia et Commendatio Linguae Characteristicae universalis, quae simul sit ars inuiniendi et indicandi[12]», он называет эти строки «божественными» [Murr 1777: 183].

Переписка Лейбница, особенно 14-е письмо Плакциусу (1678 г.) [Murr 1777: 174] и замечания к 8-му письму миссионера Бурге [Murr 1777: 171–172], «Новые опыты о человеческом разумении» — все это побудило Мурра приступить к проекту. Мурр приводит рассказ Теофила-Лейбница о всеобщей символике (caractére universel): «… это было бы полезно для облегчения общения с отдаленными народами; но если бы эту символику ввести также у нас, не отказываясь при этом от обычного письма, то она оказалась бы очень полезной для обогащения воображения и для выражения мыслей менее “глухим” и словесным образом, чем это происходит теперь» [Лейбниц 1983: 406–407], — а после ответа Филалета-Локка: «Я думаю, что Ваша мысль когда-нибудь осуществится, настолько я нахожу это письмо приятным и естественным; и оно, кажется, будет немаловажным для усовершенствования нашего ума, для придания нашим понятиям большей реальности…» — Мурр решает начать, надеясь на последователей. «Для таких попыток, даже если поначалу они окажутся неудачными, следует выбирать отдельные части наук и действовать так, как действует Природа, доходя до все более мелких частей, хотя, конечно, заполнить огромный чистый лист Знаками Идей — дело не для одного человека» [Murr 1777: 178].

Проект переиздавался трижды — последний раз в 1805 [Murr 1805: 23–26]. Он очень лаконичен, поскольку представляет собой таблицу иероглифов и пояснения к ней [Murr 1777: 163–164]. Выбрав иероглифы из китайской книги «Sân lô tschung ki pué̂n cao kang mô̂» (Opus sinicum naturalis Historiae. Tres musicae concentus; Китайское сочинение об естественной истории. Гармония трех искусств), Мурр составил тематический словник, в котором китайские иероглифы имеют перевод латинский и/или немецкий и сгруппированы в соответствии с системой Линнея (по последнему изданию «Системы природы», подчеркивает Мурр [Murr 1777]). В таблице и ее описании представлен класс Млекопитающие. Эту таблицу автор до опубликования отправил Линнею и получил благожелательный отзыв, приводится и письмо Линнея [Murr 1777: 169–170]. Мурр предполагал, что этот опыт (если ученый мир примет благосклонно и поможет) можно будет распространить на другие царства природы — минералы и растения [Murr 1777: 162].

Мурр не жалуется на недостатки естественных языков, он считает, что у европейцев уже есть общий язык — латынь[13] и французский, а универсальная письменность нужна для контакта Европы и Вос-

[11] У. Эко называет этот текст «крайне сухим» [Эко 2007: 288–289], что абсолютно верно.

[12] Русский перевод называется «История идеи универсальной характеристики» [Лейбниц 1984: 412–418].

[13] Мурр не замечает, как меняется язык времени, как исчезает ученая латынь, меняются названия журналов: «Acta eruditorum» превращаются в «Zuverlässige Nachrichten», «Miscellanae philosophico-mathematica societatis privatae Taurinesis», возникнув в 1759 г., через год становится «Melanges de philosophie et de la mathematique de la société royale des sciences de Turin», а Кальмар сразу же переводит свой проект с латыни на итальянский.

тока, «чтобы ученые Китая, Гонконга, Японии и Линней, Франклин, Прингл[14] могли читать друг друга — как португальский музыкант играет немецкую музыку по нотам» [Murr 1777: 170]. Мурровы таблицы должны были в идеале помочь каталогизации и систематизации вселенной (ср. [Лейбниц 1983: 361]).

Мурр доказывает, что правила построения иероглифов совпадают с правилами Шанго [Changeux 1773]: «Язык, на котором они говорят (lingua oris), не имеет ничего общего с этим языком письменности (lingua oculorum), один может вполне существовать без другого» [Murr 1777: 201].

Китайские письмена (Charaktere — по Фурмону, их около 80 000), мысленные образы идей складываются из частей, как числа из цифр, важно знать 214 ключей и тоны, каждый иероглиф (Charakter) состоит из трех ключей, например: **Nacht = Finsternis + bedecken + Mensch; Musik = Holz + Seidefaden + Ton** (т. е. звуки, которые производятся шелковой нитью, натянутой на дерево, — раньше в древности струны делали из шелка). Эти примеры доказывают, что китайские знаки очень подходят для всеобщей письменности [Murr 1777: 206].

Китайцы гораздо точнее выражаются письменно, в соответствии с китайской пословицей «Chou pou Tsin yen pou Tsin Y: Libri non exhauriunt verba, verba non exhauriunt ideas» (Книги не исчерпывают слова, слова не исчерпывают идеи) [Murr 1777: 202]

Китайский проект Мурра остался, естественно, курьезным эпизодом истории науки, но нельзя назвать деятельность Мурра абсолютно бесполезной. Он показал наличие общенаучной парадигмы, популяризировал труды Лейбница, сведения о языке и культуре Китая[15], приведенные выше слова современного исследователя [Yuan Tan 2007: 40–42] относятся не только к переводу романа, но к остальным китаеведческим штудиям Мурра.

Связь пазиграфии с системой Линнея отмечала и Л. В. Кнорина: «Классификационный язык Вилкинса вдохновил П. М. Роже (Roget) на создание его знаменитого тезауруса и даже направлял Линнея, а проспекты Лейбница, сочетавшего идею универсальной символики с идеей логического исчисления, предвосхитили современную математическую логику» [Кнорина 1996: 190]. Г. Ф. Мейер проследил связь этой проблематики с современной семантикой [Meier 1976: 551].

Многочисленные попытки конструирования пазиграфических систем неизменно кончались неудачами, что заставляло задуматься о причинах. Споры об универсальной идеографии возобновились после появления Парижской пазиграфии [Maimieux 1797] с предисловием Р. А. Сикара, главы Национального института для глухонемых. Существует даже неоконченный рукописный русский перевод [Пасиграфия]. Конкурс Датской академии о целесообразности и возможности создания пазиграфии, вероятно, побудил Раска к созданию трактата [Кузнецов 2007: 163]. Наиболее систематическое и последовательное критическое рассмотрение пазиграфических систем (в частности, системы Мемье) осуществил И. С. Фатер [Клубкова 1984].

И. С. Фатер, естественно, рассматривал только лингвистические аргументы. Он отметил несовпадение плана содержания разных языков и изменения значений слов. «Различаются между собой не только звуки разных языков, но и понятия, относящиеся к одним и тем же предметам» [Vater 1799: 143]. Обсуждая «реальную пазиграфию», он показал, как система письменности связана со структурой языка. Звуковое письмо естественно для тех языков, в которых «образовались формы абстракции, выражающие глагол, существительное, род и т. д. посредством изменения главного слова или при помощи слогов, которые ставятся впереди или позади слова… У китайцев же работа духа как будто остановилась. Их язык почти не имеет характерных форм частей предложения, определенные виды связи и соотношения выражаются предлогами. Все остальное оставлено на долю порядка слов» [Vater 1799: 229]. Идеография, по его мнению, может удовлетворительно обслуживать лишь аморфные языки, и апелляция к ней не может служить аргументом в пользу возможности универсальной смысловой письменности. «Пазиграфию можно применить там, где словарь богат, но нет грамматической культуры» [Vater 1799: 218]. Таким образом, он опровергает второй и третий аргументы «собирательного Феофа-

[14] Прингл Джон (1707–1782) — врач, основоположник военной медицины.

[15] В «Опыте» Мурра упоминается и российская работа — «Museum Sinicum» Байера.

на Колоколова». Идею всеобщего языка Фатер назвал химерической[16] [Vater 1801: 273].

Итак, задолго до Гумбольдта стало ясно, что апостериорная пазиграфия невозможна из-за различий в организации структуры означаемых, «форм понятий» разных языков.

Лингвистику до начала XIX в. называли донаучной, она имела специфические черты, отличающие ее от науки нового времени. К ней сложно применить историко-научный аппарат Т. Куна[17], в добопповской лингвистике трудно найти положение, которое можно было бы рассматривать как общенаучную парадигму вроде младограмматической концепции звукового закона; организующие начала старой лингвистики носили принципиально другой характер. Трудно согласиться с утверждением, что проекты искусственных языков XVII в. «не оказали влияния на лингвистику XVIII–XIX вв., что уже с начала XVIII в. идея создания мирового языка отошла на второй план и об этих проектах забыли» [Алпатов 1999: 53].

Утопические проекты, высмеянные Дж. Свифтом [Кнорина 1996: 190], дошли до тупика и после анализа Парижской пазиграфии и Гумбольдта раздвоились на путь энтузиастов пазилалии (эсперанто) или исчисления понятий, математическую логику, современное развитие которой во многих частностях перекликается с динамическими мифами очень давнего прошлого.

[16] Филинта тоже называла всеобщую письменность chimerique [Dialogue 1722: 86].

[17] На то, что парадигмы Куна не подходят к истории языкознания, указывал В. К. Персиваль [Percival 1976].

Литература

Алпатов В. М. История лингвистических учений. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 368 с.

Клубкова Т.В. И. С. Фатер – исследователь и критик пазиграфии // Interlinguistica Tartuensis 3 // Ученые записки Тарту ГУ. Вып. 671. Тарту, 1984. С. 165–181.

Кнорина Л. В. Грамматика. Семантика. Стилистика. М.: Наука, 1996. 239 с.

Кузнецов С. Н. Расмус Раск: неосвоенное наследие. // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспектах. Матлы V Междунар. науч. конф. по сравнительно-историческому языкознанию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 138–185.

Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении. Соч. в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 2. С. 47–555.

Лейбниц Г. В. История идеи универсальной характеристики. Соч. в 4-х т. М.: Мысль, 1984. Т. 3. С. 412–418.

Лейбниц Г. В. Переписка и эссе о китайской философии и двоичной системе счисления (Предисл., пер. и примеч. В. М. Яковлева). М.: ИФ РАН, 2005. 404 с.

Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. 407 с.

Пасиграфия или начальные основания нового искусства писать и печатать на каком-нибудь языке так, чтоб можно было читать и разуметь на всяком другом без перевода, изображенное и изданное J.* de M.*, немецким пехотным майором. БАН РО // Собрание Музея Приенисейского края. Ед. хр. 107. Пер. с франц. Рукопись начала XIX в., написанная скорописью.

Рифтин Б. Л. Повествовательная проза. Китайская литература XVII в. // История всемирной литературы: В 8 томах. М.: Наука, 1983–1994. Т. 4. 1987. С. 486–497.

Феофан (Колоколов, Федор). Картина древности. Калуга: [Тип. Приказа обществ. призрения и Котельникова], 1793. Ч. 1. 149 с.

Фонтенель Б. Рассуждения о религии, природе и разуме. М.: Мысль, 1979. 300 с.

Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: Alexandria, 2007. 423 с.

Allgemeine Deutsche Biographie. 1886. Band 23 s. 76–80.

Changeux P.-N. Bibliothèque grammaticale abrégée, ou Nouveaux Mémoires sur la parole et l'écriture. Paris: Lacombe, 1773. 342 s.

Dialogue sur un Caractere universel qui seroit commun a toutes Langues de l'Europe // Journal littéraire. 1722. T. XI. P. 81–92.

Haoh Kjöh Tschwen. Leipzig: Junius, 1766. 660 s.

Heumann Joh. Meditatio de Grammatica universali. Nürnberg: Lochner, 1747. 739 s., 13 s.

*J. de M*****[Maimieux J. de]. Pasigraphie, oder Anfangsgründe der neuen Kunst-Wissenschaft in einer Sprache so zu schreiben und zu drucken, dass es in jeder andern ohne Übersetzung gelesen und verstanden werden kann. Paris: Bureau der Pasigraphie, 1797. [2], 76 s., 62 s.

Kalmar G. Praecepta grammatica atque specimina linguae philosophicae siue universalis. Berlin u. Leipzig: D. Jacob, 1772.

Meier Georg F. Die historischen Wurzeln der Bedentungsfeldproblematik // Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Phonetik und Kommunikationforschung. 1976. Bd. 29. H. 5–6. S. 551–555.

Murr Ch. G. Adnotationes ad Bibliothecas Hallerianas. Erlangen: Io. Iac. Palm, 1805. 67 s.

Murr Ch. G. Etwas von meinem Versuche, die chinesishe Charaktere zur Universalsprache zu gebrauchen // Journal zur Kunstgeschichte und zur allgemeinen Litteratur. 1777. Bd. IV. S. 151–211.

Percival W.K. The applicability of Kuhn's paradigms to the history of linguistics // Language. 1976. Vol. 52. № 2. P. 285–294.

Richer L. Algebrae philosophicae in usum artis inveniendi specimen primum // Mélanges de philosophie et de mathématique de la Société Royale de Turin. 1761. Vol. II. 3. P. 46–63.

Vater J. S. Pasigraphie und Antipasigraphie. Weissenfeld u. Leipzig: Fr. Severin und Co, 1799. 270 s.

Vater J. S. Versuch einer allgemeinen Sprachlehre. Halle: Renger, 1801. XVI. 296 s.

Yuan Tan. Der Chinese in der deutschen Literatur. Göttingen: Civillier Verlag, 2007. 268 s.

УДК 81’373.47
ББК 81.23

ПРИНЦИПЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РАЗМЕТКИ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Principles of Semantic Annotation in the National Corpus of the Kalmyk Language

В. В. Куканова (V. Kukanova)[1]

[1] кандидат филологических наук, заведующий Лабораторией прикладной и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Ph.D. of Philology, Head of Laboratory of Applied and Experimental Linguistics at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

В статье дается описание принципов семантической разметки в Национальном корпусе калмыцкого языка, разработанных на основе Национального корпуса русского языка. В созданном корпусе калмыцкого языка имеется морфологическая разметка (www.kalmcorpora.ru). Семантическое аннотирование для будущих исследований структуры и семантики языка, в частности вопросов сочетаемости лексических единиц, является важным шагом в развитии корпуса как информационно-справочного ресурса.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, калмыцкий язык, Национальный корпус калмыцкого языка, семантическое аннотирование, фасетная классификация, древесная классификация.

This paper presents description of the semantic annotation principles in the National Corpus of the Kalmyk language (www.kalmcorpora.ru) which is agglutinative with rich morphology. The Kalmyk language belongs to the Mongolian language family and is used by the Oirats in Xinjiang (China) and the Kalmyks living in the Lower Volga region of Russia. The corpus of the Kalmyk language is open data of the Kalmyk texts of different styles from 1950–2012 but it mainly includes literary works and newspaper articles. The model of morphological analysis is based on the formal description of inflectional types and paradigms without which the corpus could not have automated language processing.

The semantic annotation is a crucial step in the project development because the Kalmyk language belongs to the endangered ones, that is why it is necessary to create conditions for thorough and systematic research of the language facts on the wide range of textual materials with particular word collocations. Children can learn grammatical rules and vocabulary, however, it is difficult to acquire how a certain word “works” in the context, and without this knowledge we are not able to produce natural speech. Owing to the availability of semantically-based computerize queries and the information deriving from semantic annotation with or without combination of morphological description in the Kalmyk corpus, we can receive relatively distinct material for researching various linguistic phenomena.

The work on semantic annotation is based on the list of lexical units from the Kalmyk-Russian dictionary [1977] edited by B. Muniev. In other words, we use dictionary-based approach to annotation. Combining different methods for processing the list of words, we analyze them from four aspects: 1) lexical and grammatical characteristics (revealing categories in the part of speech); 2) thematic characteristics (one list of themes for all parts of speech); 3) word connotation (negative, positive or both of them); 4) information on word derivatives (it is not the main purpose of annotation, however, we try to point out some of them in cases where it is easy to discover them).

The semantic annotation is based on the faceted and tree classification, as a result we do not have a clear ontology of lexica but in the process of work we realize that it is difficult to give unambiguous characteristics because of word polysemy. In some cases, we add some specific operators to the universal taxosonomical classification to emphasize the existence of branched systems within some word groups in the Kalmyk language, for instance the system of animals’ marking depending on their age and gender. These marks are necessary to convey cultural peculiarities reflected in the language.

We analyze lexical units of all parts of speech, except linking words, which make almost 27 thousand units. Two third of all the words have more than one mark in each group of annotation. The result of this annotation is accessed as a closed database (corpus) but we will have opened and published it by the end of 2014. At the moment, we are searching for and emending mistakes in the program code of the morphological analyzer.

Keywords: Corpus Linguistics, Kalmyk language, the National Corpus of the Kalmyk Language, semantic annotation, faceted classification, tree classification.

В последнее время корпусная лингвистика стремительно развивается, что, несомненно, обусловлено, с одной стороны, появлением «прорывных» разработок в вычислительной технике и, с другой стороны, бурным развитием Интернет и Интернет-технологий, само существование которых можно определить как толчок к прогрессу информационно-коммуникационных систем в целом. Исследования, проводимые на материале корпуса текстов на том или ином языке, позволили во многом скорректировать имеющиеся описания языков. Например, на материале Национального корпуса русского языка созданы новые словари, грамматики, проводятся исследования проблем общей и прикладной лингвистики и частных вопросов [Ляшевская, Шаров 2009; Рахилина 2010; Гришина 2011; и др.].

Не случайно, что проект по созданию и развитию корпуса калмыцкого языка появился в калмыцком языкознании. На данный момент существует два корпуса калмыцкого языка: первый создается аспиранткой РГГУ А. Э. Ванькаевой в рамках работы над диссертационным исследованием (Калмыцкий корпус, далее – КК), второй (Национальный корпус калмыцкого языка, далее – НККЯ) разрабатывается в Калмыцком институте гуманитарных исследований Российской академии наук (одним из разработчиков которого является автор данной статьи). Отметим, что работы по созданию этих справочно-информационных систем начались параллельно и независимо друг от друга, но не на равных условиях и на основе различных подходов.

Во-первых, КК создавался на основе уже имеющихся программных элементов, необходимых для функционирования корпуса[1] [Сай 2012], не хватало лишь формализованного описания морфологии калмыцкого языка. НККЯ создавался без теоретического задела. На начало выполнения проекта имелась лишь большая электронная библиотека художественных произведений на калмыцком языке, которая насчитывала около 2 млн словоупотреблений. Этот факт был единственным преимуществом по сравнению с первым корпусом (КК).

Что касается материала для создания формализованного описания морфологии, то в КК и в НККЯ грамматический словарь основан на базе словника Калмыцко-русского словаря, единственной лексикографической работы академического характера[2] [Калмыцко-русский словарь 1977]. Другими словами, материал для создания формализованного описания морфологии калмыцкого языка совпадает. Однако впоследствии словник для грамматического словаря НККЯ был значительно расширен путем оцифровки терминологических и орфографических словарей [Краткий… 1968; Павла 1973; Очир-Гаряев 1990; 1995; 1996; Корсункиев 1992; Орфографические… 2000; Бардаев 2007; Манджикова 2007].

Мы предпочли обрабатывать массив слов на основе обратного (или перевернутого) списка слов, что во многом ускорило работу по обработке лексических единиц с грамматической точки зрения. Программное обеспечение, база данных по метаописанию [Куканова и др. 2012а] разработаны самостоятельно в Институте, что чрезвычайно важно в целях развития корпусной лингвистики и информационно-коммуникационных систем на региональном уровне.

Разработка новых типов разметки и постоянное пополнение корпусов калмыцкого языка новыми материалами важны для простого пользователя, поскольку существование параллельных электронных ресурсов с разными подходами, разными разметками создает благоприятные возможности для более глубокого и разностороннего исследования структуры калмыцкого языка (преимущественно с морфологической и семантической точек зрения).

Лингвистически аннотированный корпус калмыцкого языка, который разрабатывается в рамках проектов КИГИ РАН[3], принадлежит к фундаментальному направлению развитию лингвистики, создание которого зависит от решения многих задач, каждую из которых можно приравнять к отдельному исследованию. Конечно, отправной точкой в создании НККЯ стала разработка обратного словаря, который

[1] Речь идет о морфологическом анализаторе и «движке» сайта (или корпусном менеджере).

[2] Электронную копию Калмыцко-русского словаря автор данной статьи получил от Э. В. Шарманджиева, за что выражает ему искреннюю благодарность и признательность.

[3] Проектов РГНФ, Программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук и научно-исследовательской работы согласно государственному заданию КИГИ РАН.

стал основой для создания формализованного описания морфологии. Аннотирование по морфологическим критериям осуществлено в 2012 г. [Куканова и др. 2012б; Куканова 2012а; 2012б], естественным ходом расширения лингвистического аннотирования стала семантическая разметка, которая проведена в 2013 г. В течение этого периода также разрабатывалось программное обеспечение, без которого корпус не может функционировать. Коллекция текстов КИГИ РАН, постоянно пополняющаяся новыми материалами, стала бы только «корпусом первого порядка», т. е. без автоматически проведенной разметки. В разработку программного обеспечения входили создание графического и морфологического анализатора, корпусного менеджера[4]. Отдельной задачей, не связанной непосредственно с созданием программного обеспечения, но не менее важной, была разработка сайта, поисковых запросов, базы данных, в которую «выгружаются» уже проанализированные с точки зрения морфологии, семантики тексты[5].

В разработке системы помет для семантического аннотирования мы опирались на разметку для Национального корпуса русского языка [Кустова и др. 2005; Кустова, Толдова 2009; Кустова 2014; Ляшевская 2008; Рахилина и др. 2006], корпуса башкирского языка [Бускунбаева, Сиразетдинов 2014] и др., а также на труды, посвященные таксономическим группам, на Русские семантические словари под ред. С. Г. Бархударова [1983] и Н. Ю. Шведовой [1998; 2000; 2003; 2007] и работу А. И. Кретова [2009]. Ориентиром в решении многих вопросов, возникающих при создании корпуса калмыцкого языка, служит прежде всего Национальный корпус русского языка, первый российский опыт разработки информационно-справочной системы с семантической разметкой. Сами разработчики НКРЯ основывались в свою очередь на системе «Лексикограф», которую, конечно, переработали с учетом особенностей корпуса [Кустова и др. 2005: 156–158].

Для чего нужна семантическая разметка? Ответим на этот, казалось бы, простой вопрос словами С. Гиндина: «Возможны два подхода к описанию языка – „от формы к значению“ и „от значения к форме“. В первом случае задача описывающего состоит в возможно более точной и полной характеристике всех существующих значений и способов употребления некоторого языкового элемента. При втором подходе, напротив, перечисляются и описываются все имеющиеся в данном языке способы воплощения некоторого содержания, некоторого смыслового комплекса. <…> Оба эти подхода взаимно дополняют друг друга и в равной степени необходимы в языковедении и в преподавании языка. Да и «пользователь», адресат лингвистической продукции, будь то грамматики и словари его родного языка или языка, который он еще только изучает, нуждается в описаниях обоих типов. Если вам встретилось незнакомое слово или неизвестная конструкция, вы тянетесь за словарем или перечнем грамматических элементов, в котором будут перечислены значения озадачившего вас незнакомца. Но когда вам самим предстоит выступать или писать, как часто вы оказываетесь в положении немого: что хотите сказать, вроде бы знаете или по крайней мере чувствуете, а нужное слово или грамматическую форму найти не можете» [Гиндин 2001].

Действительно, семантическая разметка очень важна для решения задач исследования лексики, в частности проблем сочетаемости слова, его синтактики. Например, в калмыцком языке прилагательное *хуучн* ‘старый’ сочетается только с неодушевленными существительными, *көгшин* ‘старый’ – только с одушевленными. Это свидетельствует об ограничениях в сочетаемости прилагательных с разными типами существительных. Создание разных пользовательских запросов с учетом семантики позволит на большом массиве примеров уточнить, выявить правила сочетаемости тех или иных лексических единиц

Методика и материал работы

Существует два подхода в создании семантического аннотирования – фасетная и древесная классификации. Последняя реализована в Русском семантическом словаре [1998; 2000; 2003; 2007] в виде древа, где каждая помета является производной от главного. При проведении фасетной клас-

[4] Программное обеспечение корпуса разрабатывает инженер-исследователь КИГИ РАН А. Ю. Каджиев в рамках темы НИР.

[5] Данный тип работы осуществляется в рамках проекта РГНФ «Национальный корпус калмыцкого языка: создание и разработка» (№ 12-04-12047).

сификации исследователь отталкивается от мысли, что существуют несколько независимых классификаций, которые могут быть использованы одновременно по различным основаниям. Та или иная лексическая единица, которая может обладать множеством признаков, имеет потенциальную возможность непересечения этих признаков.

При анализе использовалась и та, и другая классификация, так как, на наш взгляд, достаточно трудно выбрать один тип классифицирования материала[6]. Слово может обладать более чем одним значением, следовательно, для наших целей не всегда подходит древесная классификация, в некоторых случаях было целесообразно вводить семантику в виде фасетов (или граней). Например, слово *ноха* ‘собака’, кроме пометы `t:animal`, может иметь и помету `t:hum`, поскольку обладает пейоративным значением и употребляется по отношению к человеку (на что указывает помета `ev:neg`).

Если лексическая единица имеет несколько характеристик, которые, как правило, зависят от контекста, то указывался набор возможных таксонов, к которым может принадлежать то или иное слово. Такие пометы давались через точку с запятой. Первая запись является основной, а вторая и последующие — дополнительными (тем самым были зафиксированы переносные значения слова, насколько это было возможно).

Пометы давались через двоеточие, причем второй знак указывает на оператора, который направлен на конкретизацию значения. Например, `t:size` может иметь конкретизацию `t:size:max` (*борҗң* ‘широкий, массивный’), `t:size:neut` (*теглг* ‘среднего роста, коренастый’) и `t:size:min` (*ахр* ‘короткий’), если таковая имелась.

Работа строилась и по частеречному принципу, и по списку слов в алфавитном порядке. Первый подход использовался при определении лексико-грамматических разрядов именных частей речи, второй — при тематической классификации, так как однокоренные слова располагались рядом, то их было легче отнести к одной тематической группе, к тому же наличие однородного материала со сходной тематикой создавало благоприятные условия для выявления дифференциальных сем и их обозначения. Обрабатывались только знаменательные части речи. Значения служебных частей речи во многом зависят от контекста, что создает условия для появления большого количества вариативных (омонимичных) разборов. По этой причине служебные части речи не обрабатывались. Так, например, послелог *деер* может выражать пространственные и временные значения. И только после ручного просмотра можно решить, какое значение несет тот или иной послелог[7].

Как уже говорилось выше, в качестве словника выступил Калмыцко-русский словарь [1977], который был дополнен лексическими единицами из других словарей. Аннотирование происходило в тех же самых таблицах, в которых содержатся морфологические характеристики лексических единиц. Были дополнительно введены четыре столбца, в которых и давалась характеристика слова по четырем возможным группам.

I. **Лексико-грамматическая** разметка: определение разряда внутри именных частей речи. Определение разряда внутри каждой части речи проводилось на основе лексико-семантической классификации знаменательных частей речи, представленной в Грамматике калмыцкого языка [1983].

Имя существительное

1. `r:proper` — имя собственное[8]:

1.1. `name` — имя;

1.2. `surn` — фамилия;

1.3. `patr` — отчество[9];

[6] При анализе словника мы столкнулись с теми же самыми проблемами, с которыми встретились разработчики семантической разметки в НКРЯ. Такая «непоследовательность в использовании древесного или фасетного принципов классификации», по мнению исследователей, не создает условий для онтологического описания лексической системы, но, тем не менее, интуитивно понятна обычным пользователям [Рахилина и др. 2009: 223].

[7] Оговоримся, что не все послелоги имеют несколько значений, но, тем не менее, было принято решение пока не включать служебные части речи в фокус анализа с точки зрения семантики.

[8] Желательно введение классифицирования онимов (гидронимов, ойконимов, оронимов, микротопонимов и др.) для будущих исследований собственных имен.

[9] В калмыцком языке нет отчеств, но в художественных текстах можно найти примеры, когда они употребляются при обращении или при назывании имени героя. Использование отчеств

1.4. `geox` — топоним;

1.5. `orgn` — организация;

2. `r:appel` — нарицательное существительное:

2.1. `concr` — предметное имя;

2.2. `abstr` — непредметное имя.

Имя прилагательное

1. `t:qual` — качественное прилагательное;

2. `t:rel` — относительное прилагательное.

Числительное

1. `ord` — порядковое числительное;

2. `card` — количественное числительное;

3. `par` — разделительное числительное;

4. `age` — возрастное числительное;

5. `col` — собирательное числительное.

Местоимение

1. `pers` — личное местоимение;

2. `dem` — указательное местоимение;

3. `qua` — определительное местоимение;

4. `refl` — возвратное местоимение;

5. `inter` — вопросительное местоимение;

6. `ind` — неопределенное местоимение.

II. **Лексико-тематическая** разметка: выделение таксономических групп, мереологии, топологии, если можно было определить принадлежность к определенной теме-таксону.

Вслед за А. А. Кретовым, мы считаем, что тематические группы одинаковы для всех частей речи, семантика слова, на наш взгляд, является константой языка (и, шире, языков). Например, группа слов, связанных с темой животных, есть в каждом языке и может быть семой в лексических единицах разных частей речи. К тому же в калмыцком языке распространены так называемые изафетные конструкции (например *модн гер* ‘деревянный дом’), т. е. если в линейной последовательности встречаются два существительных, то первое из них будет прилагательным по своей частеречной принадлежности (определением)[10]. Таким образом, *модн* ‘дерево; деревянный’ имеет помету `t:plant` в любом случае (т. е. когда оно может выступать в роли прилагательного или существительного).

III. **Оценочная** характеристика: определение коннотации — отрицательной и/или положительной, если таковая имеется (`ev:posit; ev:neg`).

IV. **Деривационная** характеристика: указание, если возможно, на производную основу, выделение морфосемантических словообразовательных групп (диминутивов, аугментивов и т. д.). Лексико-семантическая характеристика слова тесно связана со словообразовательными пометами, но, тем не менее, не являлась главной целью. Давались наиболее важные и легко обнаруживаемые деривационные характеристики. Например, если слово заканчивается на *-го*, то данную лексическую единицу относили к каритивам.

Семантическая разметка НКРЯ и НККЯ

На основе достижений в области аннотирования словарного материала по семантическим критериям была выработана система разметки, которая уточнялась по мере обработки материала, дополнялась семантическими пометами применительно к калмыцкому языку. Например, в калмыцком языке существует разветленная система обозначения домашних животных в зависимости от их возраста и пола. По этой причине были введены следующие пометы: `t:animal:age`, `t:animal:gender` и при совмещении сем `t:animal:age&gender`. На наш взгляд, опущение данного аспекта при семантическом аннотировании может привести к потере важной информации о лингвокультурологических особенностях, содержащихся в языке. В отличие от семантического аннотирования в НКРЯ мы исключили для глаголов отметку о наличии или отсутствии каузации, поскольку в калмыцком языке каузация является морфоло-

совсем не характерно для калмыцкой речи, но в связи с влиянием русской культурной традиции общения в речи калмыков это также стало традицией.

(1) *Очр Бадмаевич көвүндән цәәлһв*. [Балакан Алексей. Алтн булгин зөөр].

(2) — *Михаил Михайлович, мендвт. Минь ода ирүв*. [Инҗин Лиҗ. Мартгдшго нерд].

(3) — *Мукөвүн Борлыкович, су өөрән. Ода хамдан көдлх болҗанавидн, — гиһәд начальник келв*. [Бадмин Алексей. Му көвүн].

Примеры даны из Национального корпуса калмыцкого языка (www.kalmcorpora.ru).

[10] Ср. с английским языком.

гически выраженной категорией. Мы также не стали выделять для каждой части речи набор таксонов лексико-тематического аннотирования, хотя в начале анализа нашего словника мы пошли по пути НКРЯ, но через некоторое время осознали, что таксоны не носят грамматический характер и, по сути, небольшая часть из них уникальна или специфична, т.е. присутствует только в одной части речи.

Проблемы семантической разметки НККЯ

Работа над лексико-семантическим аннотированием не обошлась и без проблем, таких как словообразовательная нерелевантность, субъективизм в определении, возможность отнесения к двум разным группам одного и того же слова, зависимость от контекста и т. п. Систематизация лексических единиц внутри одной части речи по определенным критериям позволит анализировать лексический состав не от формы к значению, а наоборот — от значения к форме. Это важный шаг в исследовании калмыцкого языка, возможность по-другому взглянуть на объект анализа создаст условия для построения синтактики языка, что необходимо в ситуации утраты языка как средства мышления, познания и общения. Ребенок интуитивно, на бессознательном уровне, не впитывает законы языка, среди которых самым сложным в восприятии является не грамматика, а лексическая сочетаемость единиц языка. Изучающему язык необходимы формально выраженные правила, которыми он будет оперировать при продуцировании высказываний. Таким образом, важность разработки семантической разметки несомненна для развития калмыцкого языкознания.

Литература

Бардаев Э. Ч. Материалы к калмыцко-русскому и русско-калмыцкому словарю лингвистических терминов. Элиста, 2007. 102 с.

Бархударов — Караулов Ю. Н., Молчанов В. И., Афанасьев В. А., Михалев Н. В. Русский семантический словарь: Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову / отв. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1983. 566 с.

Бускунбаева Л. А., Сиразетдинов З. А. Система разметок в Национальном корпусе башкирского языка [электронный ресурс] // URL: http://www.marlamuter.ru/forum/index.php?topic=21.0 (дата обращения: 11.04.2013).

Гиндин С. Семантические словари – карты языкового мира // Русский язык. 2001. № 5.

Грамматика калмыцкого языка: фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.

Гришина Е.А. Да в русском устном диалоге // Russian Lingustics. Vol. 35. P. 169–207.

Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык», 1977. 768 с.

Корсункиев Ц. К. Калмыцко-русский и русско-калмыцкий терминологический словарь: Медицина. Элиста, 1992. 190 с.

Краткий словарь общественно-политических терминов калмыцкого языка. Элиста, 1968. 88 с.

Кретов А. А. Анализ семантических помет в НКРЯ // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы / отв. ред. В. А.Плунгян. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 240–257.

Куканова В. В. Словоизменительные типы в калмыцком языке в свете автоматической обработки текстов (на примере имени существительного) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 168–177.

Куканова В. В. Словоизменительные типы в калмыцком языке в свете автоматической обработки текстов (на примере имени существительного) – II // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 151–161.

Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч. Метаразметка в Национальном корпусе калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого государственного университета. 2012а. № 3. С. 67–72.

Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч. Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012б. № 3. С. 138–150.

Кустова Г. И., Толдова С. Ю. НКРЯ: семантические фильтры для разрешения многозначности глаголов // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы / отв. ред. В. А.Плунгян. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 258–278.

Кустова Г. И. Семантическая разметка в электронных корпусах и электронных словарях [электронный ресурс] // URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextKust/Kustova_sem_razm_el_sl_SPb_11.pdf (01.04.2014).

Кустова Г. И., Ляшевская О. Н., Падучева Е. В., Рахилина Е. В. Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005. С. 155–174.

Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1090 с.

Ляшевская О. Н. Топологические классы имен в семантической разметке Национального корпуса русского языка // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика–2008» (Санкт-Петербург, 6–10 октября 2008 г.). СПб.: С.-Петербургский гос. университет, Факультет филологии и искусств, 2008. С. 276–284.

Манджикова Б. Б. Калмыцко-русский терминологический словарь: флора и фауна. Элиста, 2007. 95 с.

Орфографические правила и Орфографический словарь калмыцкого языка / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев, Э. У. Омакаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 480 с.

Очир-Гаряев В. Э. Калмыцко-русский и русско-калмыцкий словарь терминологический словарь: Агрономия. Элиста, 1990. 85 с.

Очир-Гаряев В. Э. Калмыцко-русский, русско-калмыцкий терминологический словарь: Народное образование. Элиста, 1996. 91 с.

Очир-Гаряев В. Э. Калмыцко-русский и русско-калмыцкий терминологический словарь: Рыбное хозяйство. Элиста, 1995. 64 с.

Павда Дорж. Чикэр бичлhнэ толь. 2-гч hарц. Элст: Хальмг дегтр hаphач, 1973. 240 с.

Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций / отв. ред. Е.В.Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. 584 с.

Рахилина Е. В., Кобрицов Б. П., Кустова Г. И., Ляшевская О. Н., Шеманаева О. Ю. Многозначность как прикладная проблема: семантическая разметка в Национальном корпусе русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2006». М., 2006. С. 445–450.

Рахилина Е. В., Кустова Г. И., Ляшевская О. Н., Резникова Т. И., Шеманова О. Ю. Задачи и принципы семантической разметки лексики в НКРЯ // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы / отв. ред. В. А.Плунгян. СПб.: Нестор-История, 2009. С.215–239.

Сай С. С. Корпус калмыцкого языка [электронный ресурс] // URL: http://www.corplingran.ru/otchety.html (дата обращения 06.03.2012).

Шведова — Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М.: Азбуковник, 1998. XXV, 807с. Т. 2. М.: Азбуковник, 2000. XXXII, 762с. Т. 3. М.: Азбуковник, 2003. 720 с. Т. 4. М.: ИРЯ РАН, 2007. 952 с.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА / FOLKLORE STUDIES
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / LITERATURE STUDIES

УДК 398.22
ББК 83.3 (2Рос=Калм)

КАЛМЫЦКИЙ ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТЕКСТ: ИЗУЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ (на примере пословичных паремий)

Kalmyk Folklore Text: Teaching in the Education System (the case study of paroimia)

Б. Б. Дякиева (B. Dyakieva)[1], *Э. У. Омакаева (E. Omakaeva)*[2]

[1] доктор педагогических наук, профессор, заместитель министра образования и науки Республики Калмыкия; профессор Калмыцкого государственного университета (Ph.D. of Pedagogics, Deputy Minister of Education and Science of the Republic of Kalmykia; Professor of Kalmyk State University). E-mail:mon-rk@mail.ru

[2] кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Philology, Associate Professor, Head of Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail:elomakaeva@mail.ru

В статье на примере калмыцкого пословичного текста как основного паремийного жанра рассматриваются наиболее значимые проблемы, которые возникают в процессе изучения калмыцкого фольклора в системе образования. Дано определение пословицы как фольклорного высказывания с обобщенной семантикой. Показано, что многие аспекты нуждаются в дальнейшем изучении, требуют новых, принципиально иных подходов, что диктуется, в частности, и значительным расширением в последние годы источниковой базы фольклористических исследований, пересмотром некоторых установившихся методологических ориентиров.

Ключевые слова: калмыцкий фольклор, фольклористика, пословицы, жанр, фольклорный текст, обучение, региональная система образования.

In modern folklore studies the regional component is one of the most important and perspective directions. The surge in research of a phenomenon of folklore, folklore tradition, traditional culture of the Kalmyk people and the increase of the public interest in this field are observed in Kalmykia today, and it can be considered to be obvious. The oral folklore of the Kalmyks as verbal expression of the people's wisdom transferred from generation to generation represents the unwritten code of rules of behavior, "strategy of the correct life". Understanding the value of folklore and need for its preservation creates preconditions for upbringing of a socially and morally adequate person familiar with the customs, traditions and mentality of the people.

The modern scientific paradigm is characterized by an integrative tendency for different disciplines development in line with humanitarian perspective. The sphere of folkloristic research within this tendency includes various issues concerned with a folklore text, in particular features of organization of its semantics.

Folklore is known to be a research object of different sciences. Every science looks for something that interests it: for philologists the folklore is important as the art of words, the subject of their scientific research is a folklore text; ethnologists study folk customs and rites, ethnomusicologists deal with folk music, ethnochoreographers study national dances, specialists in drama investigate spectacular and game forms of folk art, art critics analyze national arts and crafts.

In recent years, the tendency for integrated study of folklore, language, ceremonies and folk art as components unifying spiritual culture of the Kalmyk people has become distinctly notable. The folklore demands a broader view on possible prospects of its research. Today, the availability of the necessary corpus of texts allows for developing its integrated and comprehensive study at different levels (textual, stylistic, etc.).

In order to improve the efficiency of scholarly reseach and Kalmyk folklore teaching, in our view, it is important to identify current trends and tendencies in the research and teaching of this discipline, to define the basic methods for field studies, collecting and systematizing folklore materials, to indicate the main principles of textual and publishing work, to evaluate the entire resources of the Kalmyk folklore and their role in creating a multicultural educational environment.

The study of any folklore text should only be conducted with regard to its genre characteristics. The behavioral norms in the most explicit forms are embodied in paroimia (proverbs, omens and others). One of the key issues in paroimiology is the problem of defining proverbs. Under the proverb we understand an utterance with generalized semantics. The proverbial genre is characterized by two main pragmatic functions, namely modeling and instructive.

In conclusion, the authors emphasize the importance of implementing heuristic and educational potential of Kalmyk folklore in the system of national education of the Republic of Kalmykia. The folklore is a means of communication and socialization, the basis for spiritual, moral and aesthetic development of a person shaping his\her ethnic identity which requires the introduction of folklore components to the regional education system. The authors hope that the issues discussed in this article will contribute to developing the science-based principles of folklore study for training purposes.

Keywords*:* Kalmyk folklore, Folklore Studies, proverbs, genre, folklore text, training, regional education system.

В современной фольклористике региональная составляющая является одним из важных и перспективных направлений. Сегодня в Калмыкии наблюдается всплеск исследовательского интереса к феномену фольклора, фольклорной традиции как таковой, традиционной культуре калмыцкого народа. И это не случайно.

Фольклор, как известно — объект изучения разных гуманитарных наук. Каждая научная дисциплина находит в фольклоре то, что интересует именно ее: для филологов фольклор важен как искусство слова, предметом их научных изысканий является фольклорный текст; этнологи изучают народный быт и обряды, этномузыковеды — народную музыку, этнохореологи — народные танцы, театроведы — зрелищные и игровые формы народного творчества, искусствоведы — народное декоративно-прикладное искусство.

В последние годы отчетливо обозначилась тенденция комплексного изучения фольклора, языка, обрядов и народного искусства как слагаемых единой духовной культуры народа. Современная научная парадигма характеризуется интегративной тенденцией развития разных дисциплин в русле гуманитарной проблематики.

Изучение любого фольклорного текста можно вести только с учетом его жанровой характеристики. Именно такой подход должен стать лейтмотивом в научном изучении и преподавании фольклора. К вопросу о роли и месте калмыцкого фольклора в региональной системе образования обращались в своих работах Б. Б. Оконов [2001; 2002], Б. Б. Дякиева и Э. У. Омакаева [2012].

Многие жанры и по сей день мало изучены. В связи с этим хотелось бы обратить внимание и на проблему связи и взаимодействия жанров, например, их генетическую связь, то есть формирование новых жанров на базе уже имеющихся (так, эпос предшествует исторической песне). В калмыцком устном народном творчестве, как и в фольклоре других народов, отмечено и включение произведений одного фольклорного жанра в другой (например, пословиц в эпос). В калмыцких художественных текстах также можно найти многочисленные примеры пословиц (К. Эрендженов, А. Бадмаев, А. Балакаев и др.).

Особое место в фольклорном наследии монгольских и, шире, центральноазиатских народов принадлежит паремиям (относящимся к так называемым малым жанрам), и, в частности, пословицам, отличающимся немногословностью, лаконизмом народного поэтического языка, отточенностью формы, избирательностью в использовании художественных средств.

Паремиология — сравнительно молодая филологическая дисциплина. Пословицы, равно как и другие, большие и малые формы фольклора (эпос, сказка и т.д.), — это отдельный объект в изучении фольклора. Они имеют большую познавательную и культурно-историческую ценность, поскольку передают неповторимый колорит кочевой жизни, своеобразие материальной и духовной культуры этноса, прививают этикет и правила поведения в семье и обществе.

В данной статье нами поставлены лишь некоторые, наиболее значимые проблемы, которые возникают в процессе изучения

калмыцкого пословичного фольклора в системе образования: степень изученности и разработанности паремиологического фонда, критерии разграничения понятий пословицы и поговорки, классификация пословичных изречений, роль пословиц в изучении калмыцкого языка и т. д. Многие аспекты паремиологии нуждаются в дальнейших разработках, требуют новых, принципиально иных подходов, что диктуется и значительным расширением в последние годы источниковой базы фольклористических исследований, пересмотром некоторых установившихся методологических ориентиров.

Материалом исследования послужили соответствующие словарные статьи лексикографических источников (словарей). Неоценимое значение для сохранения и научного изучения образцов афористического творчества калмыков имеют разновременные записи пословиц, а также научные и популярные издания пословичных текстов, осуществленные как в самом регионе бытования, так и за его пределами. Систематическое собирание, публикация и изучение пословиц монгольских народов связаны с именами выдающихся монголоведов (А.М. Позднеев, Г.И. Рамстедт, А.Д. Руднев, В.Л. Котвич, Б.Я. Владимирцов и др.). Первые исследования калмыцких народных пословиц и поговорок связаны с именем известного фольклориста Б. Б. Оконова, посвятившего их изучению свою кандидатскую диссертацию и ряд статей [1973; 1975].

Анализируя степень изученности рассматриваемой проблемы, следует указать, что имеющиеся работы весьма различны по тематической направленности, уровню и масштабам поставленных целей и задач, характеру и содержанию привлекаемых источников. Публикации текстов пословиц несомненно сыграли свою роль в развитии калмыцкой паремиологии [Котвич 1972; Калмыцкие народные пословицы и поговорки 1980; Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая 2007; Хальмг үлгүрмүдин болн товчта үгмүдин тәәлвртә толь 2011].

При этом отмечается почти полное отсутствие работ, специально посвященных языку пословичного жанра. Между тем вряд ли можно говорить о целостном анализе паремий, как и всего монголоязычного фольклора в его жанровой специфике, без учета языковых особенностей, поскольку идейно-образное содержание традиционного фольклора реализуется прежде всего в его языке, представляющем собой особую систему, имеющую очень сложный генезис.

Вопрос о лингвистическом статусе пословичных паремий остается пока открытым. Если понимать пословицы как грамматически законченные, синтаксически предикативные высказывания, имеющие свои синтаксические компоненты (члены предложения), то к фразеологизмам их относить нельзя, поскольку последние по своей природе — составляющие высказывания, выполняющие определенную синтаксическую функцию.

Одной из существенных задач калмыцкой паремиологии, не имеющей однозначного решения, остается дефиниция паремий, в частности, пословиц и поговорок — проблема, характерная для паремиологии в целом [Иванова 2006; Кацюба 2013]. В трудах современных исследователей паремиологического фонда разных языков активно дискутируются вопросы, связанные с отличием пословиц от поговорок и пословично-поговорочных выражений [Савенкова 2002: 55-69; Тарланов 1999: 28-64].

В калмыцкой фольклористике также нет четкой дифференциации паремийных жанров. Так, в калмыцких фольклорных сборниках пословицы и поговорки, как правило, публикуются и рассматриваются под общим названием *үлгүрмүд*, что мешает определить их жанровое своеобразие.

У. У. Очиров и Л. С. Сангаев, составители толкового паремиологического словаря, опубликованного КИГИ РАН в 2011 г., попытались разграничить оба понятия, оставив вышеприведенный термин за пословицами, а поговорки обозначив как *товчта үгмүд* [Хальмг үлгүрмүдин болн товчта үгмүдин тәәлвртә толь 2011: 13–14]. Однако в самом тексте указанного словаря поговорки и пословицы представлены недифференцированно.

Отмечая сходные признаки двух разных фольклорных жанров (краткость, поэтическая выразительность и т.п.), важно в то же время учитывать и существующие между ними различия, прежде всего синтаксические. Как следует из нижеприведенных примеров, калмыцкие пословицы в грамматическом плане представляют собой сложные предложения, состоящие, как правило, из двух элементарных синтаксических конструкций, построенных по типу параллельных.

Орчлң нарар гегәрдг, *Күн медрләр гегәрдг* [Хальмг-орс толь 1977: 369; далее – ХОТ]	Мир освещается солнцем, Человек — знанием.
Одн һархла, теңгр сәәхрдг, *Медрл икдхлә, ухан сәәхрдг* [ХОТ: 393].	Когда появляются звезды, небо становится прекрасным, Когда прибавляются знания, ум становится прекрасным.
Нур дунд нуһсн сәәхн, *Нутг дунд номтань сәәхн* [ХОТ: 381].	В озере прекрасны утки, В нутуке прекрасны знающие учение.
Күүнә кеермж — ухан, *Күлгин кеермж — хурдн* [ХОТ: 289].	Человека украшение — ум, Скакуна украшение — резвость.
Уул өндр болв гиж хооран бичә һар, *Көдлмш ик болв гиж бичә зов* [ХОТ: 541].	Не отступай, даже если гора высока, Не страдай, даже если работы много.

На наш взгляд, под пословицей можно понимать самостоятельное (внеконтекстное) высказывание в форме предложения, представляющее собой поэтический минитекст обобщающего характера, типизирующий самые различные жизненные ситуации и явления, для которого характерны две основные прагматические функции — моделирующая и дидактическая. Во втором случае функциональное предназначение пословичных паремий (поучение, назидание, наставление) предопределяет и их формально-грамматические особенности, в частности, высокую частотность глагольных форм второго лица единственного числа с императивной семантикой, например:

Даарснд хулс ***түл***
Өлсснд хот ***өг*** [ХОТ: 173].
Замерзшего обогрей,
Голодного накорми.

В отличие от поговорки, часто не являющейся законченным высказыванием и наделенной конкретизирующим значением, пословица имеет обобщающую семантику, на формирование которой оказывает влияние фактор референтности пословицы и нереферентности имен, входящих в состав пословичного высказывания, что проявляется как в семантических типах пословичной именной лексики, так и в использовании определенных синтаксических моделей. Эта семантическая специфика пословичных паремий и позволяет использовать их в речи в различном контексте, применительно к разным жизненным ситуациям.

Отмеченная нами внеконтекстная несамостоятельность поговорок определяется доминирующим характером их орнаментальной функции. Таким образом, пословица и поговорка различаются еще и тем, что у первой превалирует моделирующая функция, у второй — орнаментальная. Пословичное высказывание, моделируя референтную ситуацию, либо является констатирующим, либо оценочным. В качестве примера первого типа можно привести следующую пословицу:

Күүнә му әрлдго,
Теңгрин му әрлдг [ХОТ: 70].
Дурное в человеке не уходит,
Дурная же погода уходит.

Второй тип иллюстрируется другой пословицей:

Үгин ахрхнь ***сән,***
Кергин шулунь ***сән*** [ХОТ: 57].
В речи краткость **хороша**,
В делах спорость **хороша**.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о самостоятельности пословичного жанра. Таким образом, пословица выделяется прежде всего своей двухчастной синтаксической структурой: содержание пословичной паремии заключено в рамки сложного предложения, обе части которого построены по принципу синтаксического параллелизма, являющегося важным приемом создания поэтического текста. Композиционным принципом пословицы является симметричность.

Изучение пословичных паремий предусматривает их классификацию, прежде всего тематическую, но здесь мы сталкиваемся с проблемой неоднозначности классификации материала, что обусловлено семантической двуплановостью пословиц.

Калмыцкая паремиология интересна прежде всего с точки зрения этнокультурных стереотипов, зафиксированных в языке пословиц. Обширен круг тем и идей калмыцких пословиц. Можно выделить разные тематические группы, моделирующие различные отношения человека и окружающей среды. Так, в пословицах символика образов тесно связана с растительным и животным миром. Приведем примеры:

Намр *хурар эклдг,*	**Осень** начинается с дождей,
Хавр хунар *эклдг.*	**Весна** начинается с **лебедей**.

[ХОТ: 368].

Хар мис *цаһан болдго,*	**Черная кошка** не бывает белой,
Хуучн өшәтн *иньг болдго.*	**Давний враг** не бывает другом.

[ХОТ: 428].

Саглгр модн *уулын чимг,*	**Развесистое дерево** — украшение гор,
Сәәхн күүкн *герин чимг.*	**Красивая девушка** — украшение дома

[ХОТ: 435].

Зууһач ноха *шүдән геедг,*	**Злая собака** теряет свои зубы,
Зуһу күн *күндән геедг.*	**Льстивый человек** теряет уважение.

[ХОТ: 254].

Применение актантной теории Л. Теньера для анализа пословичных высказываний с учетом референциальной типологии пословиц [Фролова 2007; Абакумова 2011] даст возможность проводить сопоставительное изучение пословиц одной тематической группы в разных языках.

Анализ бытования пословиц как самостоятельных высказываний (мини-текстов) и как компонентов макротекста показывает, что они выполняют специальные функции — констатации, резюмирования и комментирования. В первом случае пословица выступает как типовое обобщение: конкретный случай подводится под стереотип — как указание на то, что он носит закономерный, типичный характер, этот случай не единичен. Во втором случае подводится итог сказанному, выводится мораль, дополнительно поясняется какой-нибудь конкретный факт. В третьем случае с помощью пословицы обосновываются мотивы поведения. Широко известно, что именно паремии в наиболее эксплицитном виде воплощают поведенческие нормы этноса.

Калмыцкий пословичный фонд представляет собой систему, т. е. упорядоченный набор семантических бинарных оппозиций. Филологический анализ пословичного текста, строящийся на основе понимания принципов фольклорного текстообразования, должен включать в себя элементы собственно фольклористического, лингвистического и стилистического исследования: в тексте все элементы взаимосвязаны; «за текстом» стоит картина мира. Однако изучение фольклора значительно усложняется при отсутствии методики изучения фольклорного текста, в полной мере использующей его коммуникативно-речевой, дидактический, эстетический, социокультурный и познавательный потенциал.

Использование пословиц как базовых текстов в учебном процессе важно и при изучении фольклора народа — носителя языка, и различных разделов практического курса калмыцкого языка [Омакаева, Нимгиров 2008]. Пословицы должны активно использоваться в развитии и совершенствовании навыков разговорной речи.

Поскольку в пословицах заложена определенная (идеальная) модель жизненной ситуации и поведения, целесообразно использовать данный жанр паремий в темах сочинений, рефератов, устных рассказов, бесед и ролевых игр при изучении языка: обучающийся может моделировать сюжет или ситуацию в которой проявится вывод (мораль) той или иной пословицы.

Благодаря пословицам можно более точно, более образно и, что самое главное, более эмоционально выразить ту или иную мысль. Пословица — это не только украшение речи, но и ее аргумент: ее используют в речи для убедительности, для подкрепления своих слов.

Особенно актуальна в этом плане, на наш взгляд, проблема изучаемого паремиологического минимума, 75 % которого целесообразно отнести к пословицам. Практика показывает, что пословичные тексты следует вводить в учебный процесс дозированно (по 5 пословиц, учитывая тему занятия). В начале курса лучше приводить пословицы, имеющие эквиваленты в русском языке, хорошо знакомые студентам и учащимся. В этом случае они уже будут подготовлены к восприятию пословичного смысла. Важным является выявление семантической структуры фольклорного текста как инструмента адекватного понимания пословицы.

Пословицы отличают лаконичность, формульный характер, закрытость и симметричность структуры, определенный ритм, повторы, что очень важно для облегчения их запоминания. Своего рода ключом к быстрому запоминанию калмыцких пословиц служит вертикальная аллитерация:

***Х**уучн үлгүрт худл уга,*
***Х**урин уснд давсн уга* [ХОТ: 616].
В старой пословице нет лжи,
В дождевой воде нет соли.

Пословицы могут оказаться очень полезными при изучении калмыцкой грамматики, в частности, императива и прохибитива, поскольку побудительные и запретительные конструкции часто содержат совет, наставление или предупреждение, что характерно для пословичных текстов.

Другая область активного применения пословиц в качестве учебного материала — это изучение лексики калмыцкого языка, наращивание словарного запаса. Анализ текстов показывает, что к доминантным для них лексическим группировкам относятся соматическая, анималистская, флористическая, темпоральная, нумеративная, колоративная, бытовая, социальная лексика.

На примере паремий мы видим, что фольклорный текст является сегодня важным средством коммуникации и социализации, основой духовного, нравственного и художественно-эстетического развития личности, обеспечивающей ее этническую идентификацию, что требует внедрения фольклорной составляющей регионального компонента в систему образования. Применение филологического анализа калмыцкого фольклорного текста в школьной практике позволяет решить важнейшую проблему литературного образования учащихся. Поэтому в качестве основной мы полагаем установку на постоянную работу с текстом. Правильная интерпретация текста позволяет приобщаться к духовным ценностям, обогащать свой личный опыт коллективным, выраженным в фольклорной картине мира, аккумулированной в тексте. Важнейшая задача обучения фольклору уже на начальном этапе — конструирование целостного образа мира — способствует созданию фольклорной компетенции. Это даст возможность приобщиться к новому, другому типу восприятия мира, осознать феномен фольклора как хранилища культурных ценностей, важнейшей формы проявления народного самосознания.

Устное народное творчество калмыков как вербальное выражение мудрости народа, передаваемое из поколения в поколение, представляет собой неписаный кодекс правил поведения, «стратегию правильной жизни». Осознание ценности фольклора и необходимости обеспечения его сохранности создает предпосылки для формирования социально и нравственно адекватной личности, знакомой с обычаями, традициями и особенностями менталитета своего народа.

У калмыков есть выражение *күн болх* ‘стать человеком’, которое подразумевает приобретение личностных качеств, включение в социальный контекст. Чтобы стать полноценным человеком, необходимо пройти определенные этапы социализации, воспитания и обучения, получить необходимую когнитивную информацию, усвоить коллективный опыт, знания, аккумулированные обществом, для адаптации к окружающей среде и, что не менее важно, для приспособления ее к себе.

Калмыцкий пословичный фольклор требует сегодня более широкого взгляда на возможные перспективы его изучения. В настоящее время мы располагаем необходимым корпусом текстов, что позволяет развернуть их комплексное изучение на разных уровнях (текстологическом, стилистическом и т. д.). Следует обратить внимание на современное бытование традиционных

жанров, появление новых видов в результате смены фольклорной парадигмы, взаимоотношение устной и книжной традиций и т. д. Особый интерес вызывают общие и специфические черты пословиц близкородственных этносов (например, калмыков и монголов), типология межъязыковых соответствий.

В заключение хотелось бы подчеркнуть важность реализации эвристического, воспитательного потенциала калмыцкого фольклора как сокровищницы народного опыта в системе национального образования Республики Калмыкия. Ключ к решению проблемы мы видим прежде всего в сфере межличностной коммуникации, в изучении феномена вербального воздействия на адресата. Авторы надеются, что обсуждение вопросов, затронутых в настоящей статье, позволит выработать научно обоснованные принципы изучения фольклорного текста в системе образования.

Литература

Абакумова О. Б. Проблемы референции и инференции пословиц // Язык и культура: Научный периодический журнал. Томск, 2011. №3 (15). С. 5–15.

Дякиева Б. Б., Омакаева Э. У. Калмыцкий фольклор и эпос «Джангар» в системе регионального образования Калмыкии // Вестник КИГИ РАН. № 1. 2012. С. 69–73.

Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. 280 с.

Калмыцкие народные пословицы и поговорки / сост. Б. Б. Оконов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 143 с.

Кацюба Л. Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции*) //* Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. Выпуск № 1. Том 10. 2013. С. 88-91.

Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. 93 с.

Оконов Б. Б. Об идейно-патриотическом содержании калмыцких пословиц и поговорок // Филологические вести. 1973. № 3. С. 37-62.

Оконов Б. Б. Калмыцкие народные пословицы и поговорки: автореф. дис. … канд. филол. наук / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М., 1975. 22 с.

Оконов Б. Б. Фольклор в общей системе литературного образования в калмыцкой национальной школе. Элиста: АПП «Джангар», 2001. 276 с.

Оконов Б. Б. Устное народное творчество в становлении и развитии литературного образования в Республике Калмыкия: автореф. дис. … д-ра пед. наук. М., 2002. 48 с.

Омакаева Э. У., Нимгиров И.А. Калмыцкая пословица как объект лингвистического исследования и учебный текст // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики. Вып. 2. Элиста: КалмГУ, 2008. С. 121-123.

Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост. и пер. Б. Х. Тодаевой; редкол.: Г. Ц. Пюрбеев, Н. Г. Очирова, Э. У. Омакаева, Б. Б. Манджиева; КИГИ РАН. Элиста: АПП «Джангар», 2007. 839 с.

Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2002. 240 с.

Тарланов З. К. Русские пословицы: Синтаксис и поэтика. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1999. 448 с.

Фролова О. Е. Мир, который стоит за текстом. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 320 с.

Хальмг үлгүрмүдин болн товчта үгмүдин тәәлвртә толь / сост. и вст. ст. Очра У., Саңһан Л.; отв. ред. и предисл. Э. У. Омакаева. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 224 с.

Хальмг-орс толь (Калмыцко-русский словарь) / ред. Б. Д. Муниев. М.: Рус. яз., 1977. 765 с.

УДК 398.91
ББК 83.3 (2Рос=Калм)

КАЛМЫЦКИЕ НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В АСПЕКТЕ АКСИОЛОГИИ

The Kalmyk Folk Proverbs and Sayings in Terms of Axiology

Б. Б. Горяева (B. Goryaeva)[1]

[1] кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения КИГИ РАН. (Ph.D. of Philology, Senior Researcher of the Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: baira79@yandex.ru.

В статье предпринята попытка анализа калмыцких народных пословиц и поговорок в аксиологическом аспекте, который представляется актуальным в свете радикальных изменений в ценностных ориентациях и поступках людей современного общества. Калмыцкие паремии указывают ориентиры и содержат практические руководства для выработки правил поведения, формирования общественного мнения, определения смысла и направленности обучения, вынесения нравственной оценки человеческим поступкам. Систему ценностей в калмыцких пословицах определяют понятия счастья и благополучия, почитания матери и старших, чести и достоинства, добра и любви к родине, труда и знания.

Ключевые слова: калмыцкие народные пословицы и поговорки, этнос, нравственные ценности, стандарты поведения.

Proverbs reflect life experiences of previous generations, that is why in their proverbs the Kalmyk people underline the importance and necessity of deference to elders and ancestors whose names are traditionally mentioned when meeting anyone. Ignorance of the names of fathers, grandfathers and great-grandfathers was regarded as a bad manner. Kalmyks connect the name with the notions of honour and dignity which, according to the proverb, are more significant than life.

A person's decent behaviour, his relationship with older and younger members of the family, clan and community are governed by some relevant expressions. The ideas of goodness and love, not only attachment to mother, but also gratitude, respect, devotion, compassion and forgiveness to others and even offenders should dominate relationships.

Special attention is paid to the aphorisms aimed at perception of motherhood and at developing sense of love, respect and gratitude to mother. Numerous proverbs point out that harmony, well-being and prosperity in family depend on woman's wisdom and her ability to resolve any conflict.

Father as the head of family, the keeper of his ancestors' traditions and customs, a successor of a clan should have unlimited respect.

A person focused on education and learning is respected and honoured as a teacher as in all times Kalmyks have appreciated reading, writing and science, and daily practice convinced that learning had no age limit.

Industry and respect to any kind of work is cultivated from childhood through proverbs, personal example and inclusion in the collective labour. The aphorisms reveal high evaluation of work not only as a source of livelihood, but as the main meaning of life. According to some popular concepts, labour and thrift are the basis of human material prosperity.

At the same time, love to one's native land, a sense of patriotism are expressed so brightly by Kalmyks that in the native country the land seems softer than in a far away one. The highest expression of love to the motherland is the willingness to give one's life for it without fearing enemies.

Keywords: Kalmyk folk proverbs and sayings, ethnos, moral values, standards of behavior.

Области знания, этики, человеческих отношений и чувств определяют доминанту афористического творчества любого народа. Будучи выражением нравственных ценностей, афористическая поэзия являет собою кладезь накопленных знаний, направленных на постижение и передачу жизненного опыта, предупреждение ошибок, разрешение индивидуальных и социальных проблем.

Г. Л. Пермяков, построив классификацию пословиц и поговорок народов Востока по признакам языковых и логико-семиотических структур, показал очевидное сходство их логических основ и пришел к выводу: паремии «обладают тремя четко выраженными, автономными структурными планами – планом лингвистической (и композиционной) структуры, планом логической (и семиотической) структуры и планом реалий» [Пермяков 1988: 84]. В теории паремиологии пословицы понимаются как явления языка, как логические единицы, выражающие суждение, и, наконец, как художественные миниатюры, обобщающие, моделирующие факты самой действительности [Пермяков 2001: 12]. Выделение пословичных тем по принципу логических оппозиций позволило исследователю найти место для каждой проанализированной единицы, а также определить возможность существования пословиц, не зарегистрированных собирателями, но, очевидно, реально существующих или существовавших. Так, на логико-предметной основе Г. Л. Пермяковым, вслед за В. И. Далем, были предложены следующие пословичные оппозиции-универсалии: вещь – признак, большое – малое, хороший – плохой, молодой – старый, сильный – слабый, умный – глупый, светлое – темное, богатый – бедный, много – мало, один – два, свое – чужое, родной – неродной, живой – мертвый, единство – разобщенность, труд – безделье, порождающее – порождаемое и др. [Пермяков 2001: 18].

Согласно логико-семиотическому анализу пословиц и поговорок, значением каждой отдельной паремии (ее сигнификатом, интенсионалом), является «некая инвариантная пара противопоставленных сущностей, к которой сводится смысл употребляемых в данной пословице образов», передающих определенную житейскую ситуацию [Пермяков 1988: 107]. Г. Л. Пермяков предложил принцип систематизации паремий как универсальных знаков ситуаций, инвариантных по отношению к конкретным пословицам. Опираясь на логико-семиотический анализ пословиц и поговорок Г. Л. Пермякова, известный фольклорист С. Ю. Неклюдов, рассматривая семантику целого фольклорного текста как далее неделимого смыслового единства, указывает в первую очередь некоторые «малые» жанры, прежде всего паремии. Для понимания семантики «малого» фольклорного текста как неразложимого смыслового единства ученый приводит два основания. Первое — данные жанры обладают высокой степенью клишированности, второе — в самой традиции подобный текст воспринимается слитно как цельная смысловая единица [Неклюдов 2005]. Анализируя семантику фольклорного текста, ученый приходит к выводу, что «встречающиеся в текстах устойчивые темы, стоящие за теми или иными эпизодами, описаниями, мотивами, стилистическими фигурами, имеют в высшей степени универсальный (межрегиональный, интернациональный) характер, что относится не только к ним самим как таковым, но и к их последовательности» [Неклюдов 2005].

Разделяя взгляды исследователя, можно отметить, что устойчивые темы паремий в калмыцком фольклоре также имеют универсальный характер, отражая коллективное мнение народа о духовных и материальных ценностях. Различия между пословицами и поговорками разных народов заключаются в их этноспецифическом образном строе, в лексическом отражении местных реалий и понятий, а общее — в их логическом содержании, в характере передаваемых ими отношений между явлениями реальной жизни [Пермяков 2001: 18].

Калмыцкие народные пословицы и поговорки как образцы народной педагогики рассмотрены в работах Б. Б. Оконова «Этнопедагогические миниатюры калмыков» [2002], «Фольклор в общей системе литературного образования в калмыцкой национальной школе» [2001], «Устное народное творчество в становлении и развитии литературного образования в Республике Калмыкия» [2002], в исследованиях О. Д. Мукаевой «Мудрость и духовность народной педагогики» [1995], «Этнопедагогика калмыков: история, современность» [1999, 2003], в материалах конференции «Этнопедагогика калмыков и национальная школа» [1997].

Исследование Б. Б. Оконова «Калмыцкие народные пословицы и поговорки» [1980] посвящено идейно-тематическому содержанию афористической поэзии калмыков, ее художественно-композиционным и поэтико-стилевым традициям.

Калмыки, как и любой другой народ, сознательно культивировали духовные приобретения и консолидировали интеллектуальный потенциал. Народ сохраняет в памяти и оформляет в словесно-художественной форме афоризмов нравоучения, которые остаются актуальными и сегодня. Пословицы и поговорки калмыков указывают ориентиры и содержат практические руководства для выработки правил поведения, формирования общественного мнения, определения смысла и направленности обучения, вынесения нравственной оценки человеческим поступкам. Этими особенностями бытования жанра можно объяснить номинацию рассматриваемых образцов калмыцкого фольклора — «үлгүрмүд» (от слова *үлгүр* — образец, пример), «хуучна үг» (слово старины), «цецн үг» (мудрое слово).

Пословицы и поговорки калмыцкого народа, несмотря на то, что они являются наиболее яркими образцами фольклора, ориентированными на решение проблем значимости познания, обучения и практических нравственных действий, ранее специально не рассматривались в аспекте аксиологии (от греч. — ценность) как учения о ценностях, их происхождении, сущности, функциях, типах и видах [Культурология 1998]. Данная статья представляет собой попытку анализа калмыцких народных пословиц и поговорок в аксиологическом аспекте, который представляется актуальным в свете радикальных изменений в ценностных ориентациях и поступках людей современного общества, характеризующегося активной обращенностью представителей калмыцкого этноса к проблемам идейности, духовности, нравственности, ценностей и ценностных ориентаций.

Под ценностью понимаются явления, объекты, их свойства, а также абстрактные идеи, воплощающие в себе коллективные идеалы и выступающие как эталон, определяющие отношение человека к обществу, природе, другим людям, самому себе. Учеными отмечаются устойчивые особенности национального поведения, не подверженные идеологии, политическому устройству, которые основываются на некоей совокупности национальных ценностей и отражаются, в частности, в паремиях.

У каждого народа на земле в систему ценностей входит понятие «счастье». О счастье в понимании монголов писала известный исследователь культуры и традиций монгольских народов: «Счастье — категория общечеловеческая, однако в понимании его есть много этнических и социальных аспектов» [Жуковская 2002: 106]. В традиционной культуре монголов Н. Л. Жуковская выделяет понятие *буян-хишиг* и дословно переводит его как «благодать-счастье» [Жуковская 2002: 106]. По наблюдениям ученого, «соединенные вместе, эти два слова приобретали оттенок не просто и не столько земного счастья, сколько благодати, предопределенной Небом, судьбой, абстрактным неантропоморфным началом, распорядителем судеб как отдельных людей, так и всего народа в целом» [Жуковская 2002: 108].

Понятие *буйн-кишг* есть и в традиционной культуре калмыков. Восприятие «благодати-счастья» не только для отдельного человека, но и для всего народа в целом очевидно в песнях и йорялах-благопожеланиях свадебного калмыцкого обряда. В монографии Е. Э. Хабуновой, посвященной калмыцкой свадебной поэзии [1998], приводятся такие строки из йорялов, записанных исследователем от информантов в разные годы:

Олна кишг-җирһлд багтж йовх болтха! (Пусть они присоединятся ко всеобщему счастью!) (Болдырев Очир, 1912 г., торгут, г. Элиста) [Хабунова 1998: 75]; *Ээҗ-аавиннь буйн-кишгт күртҗ…* (Пусть будет причастна к добродетелям отца и матери) (Балабина Екатерина, 1911 г., торгутка, с-з «Южный», Юстинский р-н) [Хабунова 1998: 63].

Представление о том, что человек может быть сопричастен к «счастью-благодати» своего близкого родственника, лежит в основе сюжета «Кишг уга күүнə тууль» («Сказка о несчастливом человеке»), зафиксированного нами в 2006 году от Нандышева Дорджи Бадмаевича (1957 г., дербет, пос. Кетченеры).

«Основными признаками благополучия считалась многодетность семьи и наличие четырех видов скота» [Хабунова 1998: 64]. В целом счастье для калмыков, как и монголов, заключается в здоровье, потомстве (особенно сыновьях — продолжателях рода), материальном благосостоянии.

Өвдхлә зовлң,
Эрүл мend йовхла җирһл[1] (с. 166).
Когда болит — мучение,
Когда здоров — счастье.

Ноолдан уга нәр уга,
Зовлң уга җирһл уга (Там же).
Без драки нет пира,
Без страданий нет счастья.

Һашун уга
Җирһл уга (с. 168).
Без горечи
Нет счастья.

Зовлң уга — җирһл уга (с. 176).
Без горя нет счастья.

Как видим из приведенных образцов калмыцких пословиц, в народном представлении счастье и горе взаимосвязаны. В пословицах аккумулированы основы философско-этических воззрений на жизнь с единством и борьбой противоположностей. Каждое крылатое выражение рождено своим временем, но при этом шире временных границ и относится ко многим случаям жизни. Афоризмы, посвященные принципам и установкам, которыми люди на протяжении веков руководствовались во взаимоотношениях друг с другом, несут особый смысл, особую целесообразность и историческую информативность. В таких изречениях формулировалась строгая регламентация поступков человека в обществе, служившая для закрепления и воспроизведения традиционного типа поведения.

Советуя воспринимать жизненный опыт предшествующих поколений, калмыцкий народ в пословицах отмечает значимость и необходимость почтительного отношения к старшим:

Кен икиг күндләд,
Кен баһиг эрклүл (с. 409).
Тех, кто старше, уважая,
Тех, кто младше, ласкай.

Күүкн сән болхла,
экиннь нер һарһдг,
Көвүн сән болхла,
эцкиннь нер һарһдг (с. 54).
Если дочь хорошая,
имя матери прославит,
Если сын хороший,
имя отца прославит.

В последней пословице нашел отражение обычай калмыков при знакомстве с кем-либо называть имя отца, деда и прадеда. Незнание их имен расценивалось как невоспитанность, невежество, безнравственность.

С именем у калмыков связано понятие чести и достоинства, которые ставились выше жизни. Об этом свидетельствуют следующие пословицы:

Сән эцкин нериг
Му көвүн һутадг (с. 383).
Достойного отца имя
Недостойный сын бесчестит.

Му нертә җирһхәр,
Сән нертә үксн деер (Там же).
Чем с дурной славой жить,
Лучше с добрым именем погибнуть.

Нерн үкхәр,
Бий үкг (с. 378).
Чем имя погибнет,
Пусть тело погибнет.

Идея добра и любви в паремиях калмыцкого народа главенствующая. Под словом «любовь» фольклорные тексты подразумевают не только и не столько сентиментальные чувства, не только привязанность к родным, но также благодарность, уважение, преданность, сострадание и прощение. В народных изречениях подчеркивается необходимость любви к детям, всему подрастающему, нуждающемуся в защите:

Өсҗ йовх күүкдт өшә битгә тәв,
Өтлҗ йовх күүнд ур битгә күр (с. 517).
На подрастающих детей не таи зла,
На стареющих людей не держи гнева.

Любовь к Родине в пословицах калмыков выражена так ярко, что в родной стороне и земля кажется мягче, чем на чужбине. Однако патриотическое содержание пословиц данной группы этим не ограничивается: наивысшим проявлением любви к отчизне является готовность отдать за нее жизнь, не устрашившись врага. Ведь на родине

Уусн усн аршан,
Унсн шора алтн (с. 86).
Испитая водица — целебная,
Упавшая пылинка — золотая.

Төрскнән эврәннь
Нүднлә әдл хар (с. 83).
Родину, как своего
Ока зеницу, береги.

[1] Здесь и далее, с указанием страницы в круглых скобках, даются ссылки на примеры из книги: Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с. Перевод на русский язык почти везде принадлежит автору статьи.

С самого раннего возраста детей в калмыцкой семье приобщали к труду через игру, совместную деятельность матери и дочери, сына и отца. Основная идея пословиц и поговорок, посвященных труду, — воспитание трудолюбия, уважительного отношения к любому виду трудовой деятельности. В афоризмах калмыцкого народа дается высокая оценка труда как всего смысла жизни, а не только как источника существования. Основой благополучия человека, по народным представлениям, является труд, выступающий как первейшая жизненная необходимость:

Һазриг нарн сәәхрүлдг,
Күүг күч-көлсн сәәхрүлдг (с. 284).
Землю солнце украшает,
Человека труд украшает.

Заһсн усар бәәдг,
Күн күч-көлсәрн бәәдг (с. 284).
Рыба водой живет,
Человек трудом живет.

Всеобщим заслуженным уважением пользовались мастера-умельцы, о которых с почтением и похвалой говорили:

Урна амн тоста (с. 377).
У мастера и рот в масле
(перен.: Умелец нужды не знает).

Истинным богатством почитается не то, что находится в сундуках, а способность человека сотворить «чудо» своими руками, его умение созидать и трудиться:

Авдрин хазн — чилдг,
Альхни хазн — чилдго
[Хальмг үлгүрмүд 1960: 30].
Богатство, что в сундуках,
исчерпается,
Богатство, что в ладонях,
не исчерпается.

Основной смысл калмыцких пословиц о труде в том, что ничто не дается даром. В них выражено народное понимание труда как мерила и критерия человеческого существования, ценности жизни. Закономерно, что в пословичном фонде отложились и взгляды, резко осуждающие и высмеивающие такие пороки, как лень, безделье, чревоугодие:

Аҗл күү асрдг,
Залху күү харһнадг (с. 281).
Труд человека питает,
Лень человека голодом морит.

Залху күн
Завгтк махндан чигн күрч чаддг уга
(с. 281).
Ленивый человек
Даже до мяса в щели [юрты]
добраться не умеет.

Приведенные образцы пословиц — сгустки народной мудрости и опыта, которые демонстрируют уважительное отношение к труду, подчеркивают его ценность, радость от процесса и результата своей деятельности.

Калмыки традиционно придают большое значение знаниям, обучению, поэтому не случайно высоко ценят науку и грамоту, уважительно и с почтением относятся к учителю. Это отразилось в следующих пословицах:

Бийән сурһдг багшан күндл (с. 409).
Наставляющего тебя учителя
почитай.

Авдрар дүүрң алт хадһлхар,
Алтнас үнтә эрдм сур (с. 240).
Чем полный сундук золота хранить,
Злата дороже науку постигай
(ср.: Ума палата Дороже злата).

Сурһуль – ухани булг (с. 244).
Учение — источник разума.
Сурһуль уга күн сохрас дор (с. 244).
Необразованный человек
хуже слепого.

Повседневная практика убеждала человека в том, что для познания нет возрастных ограничений:

Эрдм-сурһульд көгшн уга,
Ухан сурһульд йозур уга. (с. 243)
Для обучения – нет возраста,
Для науки – нет предела.

Так посредством пословиц формировалась личность ребенка, ориентированная на самообучение и образование.

Таким образом, аксиологический анализ пословиц и поговорок калмыков показывает, что афоризмы воздействуют на чувства, сознание и поведение человека, формируя его морально-этические ценности, регламентируя нормы поведения в обществе. Большая их часть связана с отношением к родителям, Родине, труду, окружающим людям. Точность мысли, лаконичность изложения этих мудрых изречений позволяют быстро усваивать их с раннего возраста, воспринимать не как пожелания, а как жизненную норму.

Источники

Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Сост., перевод Б.Х. Тодаевой. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.

Хальмг үлгүрмүд болн тәәлвртә туульс. Барт белдснь Букша Б., Мацга И. Элст: Хальмг АССР-ин дегтр һаһач, 1960. 240 х.

Литература

Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: Учебное пособие. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.

Культурология. XX век. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 1-ый. А – Л. СПб.: Университетская книга, 1998. [электронный ресурс] // URL: http://www.terme.ru/dictionary/182/word/aksiologija-ot-grech-cenost (дата обращения: 10.05.2014).

Мукаева О. Д. Мудрость и духовность народной педагогики. Избранные сочинения по этнопедагогике калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 1995. 155 с.

Мукаева О. Д. Этнопедагогика калмыков: история, современность. В 3-х ч. Часть 1. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 256 с.

Мукаева О. Д. Этнопедагогика калмыков: история, современность. В 3-х ч. Части 2, 3. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 376 с.

Неклюдов С. Ю. Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир. Сборник материалов научной конференции. Сост. В. Е. Добровольская, Н. В. Котельникова. Вып. 8. М.: ГРЦРФ, 2005. С. 22-41. [электронный ресурс] // URL: http://www.http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov21.htm (дата обращения: 10.06.2014).

Оконов Б. Б. Калмыцкие народные пословицы и поговорки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 144 с.

Оконов Б. Б. Устное народное творчество в становлении и развитии литературного образования в Республике Калмыкия. Дис. … д-ра пед наук. М., 2002. 356 с.

Оконов Б. Б. Фольклор в общей системе литературного образования в калмыцкой национальной школе: исторический, теоретический и методологический аспекты проблемы. Элиста: АПП «Джангар», 2001. 319 с.

Оконов Б. Б. Этнопедагогические миниатюры калмыков. Элиста: Минитипография министерства образования и науки РК, 2002. 134 с.

Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1988. 236 с.

Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Лабиринт, 2001. 624 с.

Хабунова Е. Э. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 224 с.

Этнопедагогика калмыков и национальная школа. Сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1997. 175 с.

УДК 821.512.27
ББК 83.3 (5)

ОЙРАТСКИЕ ИСТОЧНИКИ В МОНГОЛИИ (предварительные итоги экспедиции 2013 г. в Западную Монголию)*

The Oirat Sources in Mongolia (preliminary outcomes of the 2013 expedition to Western Mongolia)

К. В. Орлова (K. Orlova)[1]

[1] кандидат филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Ph.D. of Philology, Ph.D. of History, Leading Researcher at the Oriental Studies Institute of the Russian Academy of Sciences). E-mail: orlovnk@mail.ru.

Статья основана на полевых материалах, собранных автором в период международной научной экспедиции в Убсунурский (монг. *Увс*) аймак Монголии (июль–август 2013 г.). Составлены сведения о письменных источниках, которые хранятся в монастырях и в личных коллекциях жителей ряда сомонов аймака, сделаны электронные копии образцов письменного наследия западных монголов.

Ключевые слова: ойраты, Западная Монголия, письменные источники, экспедиция, рукописи, ксилографы.

The study of the written heritage of Mongol ethnic groups has a long tradition. The largest collection of Mongolian manuscripts and xylographs in Russia are concentrated in St. Petersburg and Ulan-Ude, some are stored in Elista and Kyzyl. In Mongolia the richest manuscript collections can be found in the State Public Library and the Institute of Language and Literature of Mongolia in Ulan Bator.

During the last few years, the researchers from the Institute of Language and Literature and the Institute of History at Mongolian Academy of Sciences, the Center for Study of Oirat history and culture, Mongolian State Pedagogical University as well as from other institutions have been actively conducting integrated ethnological, linguistic, historical, ethnographic, folklore and other types of field studies.

This article is based on the findings of the field research within the International Scientific Expedition to Uvs (in Russian - Ubsunursky) aimag of Mongolia in July-August, 2013. Its participants investigated the Oirat culture, traditions, manuscript heritage and the history of Buddhist monasteries. The materials on the written heritage of Western Mongols were gathered both in monasteries and private collections and filed in the electronic sources.

Out of 18 monasteries existing in Uvs aimag, the expedition members visited three. Each monastery has its own library where mainly Tibetan xylographs are stored. In Uvs aimag the most interesting collections have been found in the private libraries of some of the somons' residents most of whom are so called arats herders – the guardians of the book culture. According to our survey, the manuscripts were passed down from generation to generation. As a rule, the books are kept in the honored place in the yurt (either in a box or wrapped in cloth) in one of the son's family (not always in the youngest) and read on a regular basis. If the owners do not know the Tibetan or Oirat languages, translators or Lama are invited to read them. Tibetan texts are often transliterated in Cyrillic. One of such collections is held in Mr. Battsogta's family and includes one Oirat manuscript as well. This manuscript was translated by the famous Oirat educator, politician, founder of the Oirat writing (1648) Zaya Pandita Namkaydzhamtso (1599-1662).

Thus, the preliminary analysis of Mr. Battsogta's private collection allows to make the conclusion that those manuscripts are primarily either didactic sources or religious and ritual literature or ethical and edifying texts related to household in Uvs aimag. Further research and description of the written heritage of the Western Mongols is anticipated within this study.

Keywords: the Oirats, Western Mongolia, written sources, expedition, manuscripts, xylographs.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-21-03003.

Исследование письменного наследия монголоязычных народов имеет давнюю традицию. В России самые большие собрания рукописей и ксилографов сосредоточены в Санкт-Петербурге, Улан-Удэ, менее крупные — в Элисте и Кызыле [Сазыкин 1988, 2001, 2003; Орлова 2002; Сазыкин 1992]. В Монголии богатейшие коллекции хранятся в Государственной Публичной библиотеке (далее — ГПБ) и в рукописном фонде Института языка и литературы АН Монголии в Улан-Баторе. На сегодняшний день коллекция ГПБ — одно из уникальных и интересных собраний, в котором собрано несколько десятков тысяч письменных источников на старописьменном монгольском, ойратском, тибетском и других восточных языках. Со времени основания ГПБ (1951 г.) сюда поступали рукописи и ксилографы разными путями — из частных коллекций, а в основном — из монастырских библиотек. Коллекция имеет пока алфавитный карточный каталог, часть монгольского фонда впервые была издана в 1937 г., в 1959 г. Жадамба опубликовал поступившие в ГПБ коллекции из библиотеки ургинского Джебзун-дамба-хутухты [см.: Сазыкин 1988: 6–7] . Эта ценная в научном отношении библиотека содержит немало раритетов, как например, рукописный Ганджур (108 томов) на тибетском языке (XV в.), а также Данджур (226 томов). Единственный в мире экземпляр исторической хроники «Алтан тобчи» также зафиксирован в коллекции ГПБ. Не менее ценной считается самая миниатюрная в мире буддийская сутра «Повесть о Зеленой Таре».

Коллекция Института языка и литературы АН Монголии берет начало со времени его основания в 1921 г. Ойратское собрание Института известно из описания Х. Лувсанбалдана [Лувсанбалдан 1960]. В 2005 г. сотрудница этого Института Г. Гэрэлмаа опубликовала «Краткий каталог ойратских рукописей, хранящихся в Институте» [Gerelmaa 2005]. Каталог разбит на тематические разделы: религиозные сочинения, тарни и мантры, астрология, биографии, поучения, азбука, медицинские и фармакологические сочинения, религиозные предписания. В нем приводятся порядковый номер, шифр, количество и размеры листов, количество строк на странице, характеристика бумаги, полное название сочинения в латинской транслитерации и на современном монгольском языке, колофон, а также дата описания сочинения. Характерной особенностью собрания рукописей и ксилографов Института является множество копий тех или иных рукописей. Так, в его собрании хранятся около 80 рукописей «Алмазной сутры» («Ваджраччхедика»), большая часть которых написана «золотом», «серебром» или чернилами из полудрагоценных камней.

Среди частных коллекций Монголии выделяется собрание письменных источников из дома-музея академика Ц. Дамдинсурэна, которое складывалось постепенно: из каждой поездки привозились огромные кипы рукописей и ксилографов. Часть рукописей и ксилографов впоследствии была передана в ГПБ, оставшаяся часть (около 4000 экземпляров) и составила личную коллекцию академика. В 1998 г. Г. Билгуудэй издал каталог монгольских книг музея-квартиры Ц. Дамдисурэна [Билгуудэй 1998]. В него вошли 1263 наименования рукописей и ксилографов, систематизированных по различной тематике [Цендина 2001]. В собрании академика Ц. Дамдинсурэна практически отсутствуют сочинения по буддизму, молитвенники. Связано это с научными интересами собирателя «живой старины», в круг которого входили «литературное творчество монголов, переводы с тибетского языка художественных произведений, эпические поэмы и литературные связи» [Цендина 2001: 89]. Данная коллекция интересна тем, что «большинство книг снабжено пометами, описаниями, замечаниями» ученого, включенными в раздел «комментарии». В эти «пометы» вошли археографические описания рукописей и ксилографов, их происхождение и приобретение, качество источников, «соотношение с другими версиями, состав» [Цендина 2001: 91].

В последнее время исследователи (Институт языка и литературы АН Монголии, Институт истории АН Монголии, Центр изучения ойратской истории и культуры, Монгольский государственный педагогический университет и др.) активно включились в проведение полевых исследований в рамках комплексных этнолого-лингвистических, историко-этнографических, фольклорных и других экспедиций.

В июле–августе 2013 г. состоялась международная научная экспедиция, организованная Центром по изучению ойратской истории и культуры «Тод номын гэрэл»

(руководитель экспедиции Н. Сухбаатар). В составе его участников были представлены ученые из России (Институт востоковедения РАН, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Калмыцкий государственный университет, Тывинский институт гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва, Тывинский государственный университет), Китая (Синьцзянская ассоциация по изучению ойратов, Северо-Западный университет национальностей), Монголии (Кобдоский государственный университет, Монгольский государственный педагогический университет, Центр по изучению ойратской истории и культуры «Тод номын гэрэл»). Маршрут проходил по территории Западной Монголии (сомоны Малчин — Хяргас — Наранбулаг — Сагил — Тургэн) и багам Убсунурского (монг. *Увс*) аймака (центр аймака — г. Улангом). За время экспедиции ученые познакомились с культурой западно-монгольских народов Убсунурского аймака, их верованиями, письменной традицией, рукописным наследием, историей буддийских монастырей. Собраны материалы о письменных источниках, которые хранятся в монастырях и в личных коллекциях его жителей, сделаны электронные копии образцов письменного наследия западных монголов.

В Убсунурском аймаке 18 монастырей, мы посетили три —Дэчинравжаалин хийд (г. Улангом), Гандан Рааш Даржалин хийд (Малчин сомон), Дэжээлин хийд (Хяргас сомон). В Дэчинравжаалин хийде хранятся только две ойратские рукописи: 1. Xutuqtu yeke toniluqsan züqtü delgeregsen kemēkü yeke kölgöni sudur orosiba: ойратская рукопись, 70 л., черные чернила, 17x60 см, 31 стк. (Тарпа ченпо). 2. Üliger-ün dalai (Море притч) [ПМА]. В монастыре Гандан Рааш Даржалин хийд (основной корпус источников представлен тибетскими источниками) мы ознакомились с сохранившимися ойратскими рукописями:

1. Tarniyin ubidis kemen aldarsibai: ойратская рукопись, 10 л., чернила черные, перо, размер листа 25x8,8 см, 18 стк., на листе 7а — штамп фабрики Платонова.

2. Ariun sang orosiboi: ойратская рукопись, 6 л., размер листа 8x7,3 см, 13 стк., чернила черные, перо.

3. Erkem tataxu tölöküi sudur: ойратская рукопись, 4 л., размер листа 8x7 см, чернила черные, перо.

4. Šö sudur: ойратская рукопись, 4 л., размер листа 25x8 см, 21 стк., чернила черные, перо.

5. Cagiyin üzelge ene bui: ойратская рукопись, размер листа 10x7 см, 13 стк., чернила черные и красные, перо.

6. Xutugtu bilig-ün činadu kürüqsen tabun youmiyin xurānggui orosibui: ойратская рукопись, 50 л., размер листа 28x15 см, чернила черные, перо.

7. Geseriyin sang orosiboi: ойратская рукопись, 5 л., чернила черные, перо.

8. Xutuqtu oqtorγui γazariyin naiman gegēni sudur orosibui: ойратская рукопись, 12 л., 13.5x10 см, чернила черные и красные (отдельные вставки), лист 7 — склеенный.

9. Xutuqtu caγan öbögöni sudur orosiba: ойратская рукопись, 3 л., неполная, размер листа 20x8 см, чернила черные.

10. Рукопись плохой сохранности, нет начала рукописи, края оборваны, по рукописи — жирные пятна — не идентифицирована.

11. Kišig buyani delgeregüülügči arban γurban sang orosiboi: ойратская рукопись, 10 л., размер листа 20x8,3 см, 15 стк., чернила черные.

К сожалению, во всех монастырях, в которых удалось побывать, сохранилось мало рукописей. Ламы, с которыми участники проекта беседовали, отмечали, что в годы репрессий (1920–1930-е гг.) значительная часть рукописей и ксилографов на ойратской письменности была уничтожена.

Только в 1990-е гг. началось возрождение традиционной религии: восстанавливались монастыри, увеличивалась буддийская сангха, пополнялись библиотеки монастырей. В каждом сомонном монастыре имеется библиотека, их фонды представлены в основном тибетскими ксилографами. Каноническая буддийская литература представлена широко известными сочинениями — Тарпа Ченпо, Алтан Гэрэл, Ганджур, Данджур, Цагаан шухэрт, Ценд Аюши (на тибетском и частично — ойратском языках). Ойратские рукописи составляют лишь единичные экземпляры.

Наиболее интересные коллекции представлены в личных библиотеках жителей сомонов Убсунурского аймака. Сельские жители, а в основном это араты-скотоводы, и являются хранителями книжной культуры. По их опросам, рукописные книги передаются из поколения в поколение, как правило, хранятся они на самом почетном

месте юрты (либо в ящичке, либо завернутыми в материю), в семье сына (не всегда младшего). Эти книги регулярно читаются, если обладатели рукописных книг не владеют тибетским (это случается чаще) или ойратским языками, то непременно приглашаются знатоки языков либо ламы. Зачастую тибетские тексты перекладываются на кириллицу и читаются владельцами коллекций.

Одно из таких собраний зафиксировано в семье арата-скотовода Ц. Батцогта (баит, рода булгадар, 42 года) из бага Улан Узюрту Хяргас сомона Убсунурского аймака. Анализ состава коллекции Ц. Батцогта выявил ойратские рукописи, в которых переводчиком обозначен знаменитый ойратский просветитель, политический деятель, создатель ойратской письменности (1648) — Зая-пандита Намкайджамцо (1599–1662). Это рукописи: nayiman gegēn (24 л.); biliq barmid (8л.); dara ekeyin sudur (16 л.); xutuqtu ölzöi dabxurlaqsan sudur (16 л.); caγān šükürtü (30 л.). В колофонах этих рукописей Зая-пандита назван либо ‘toyin cecen rab byam ba pandi da orčiulbai’ (перевел монах цецен рабджамба), либо ‘ayaγa takimlaq za ya pandi da cecen rab byam ba nayiruulun’ (приемлющий жертву Зая-пандита цецен рабдажба сочинил). В своих сочинениях Зая-пандита использовал 23 варианта титулования, в том числе и вышеприведенные.

В домашнем собрании Батцогта встречаются и широко известные, сосредоточенные по разным коллекциям образцы тибето-монгольской повествовательной литературы, как, например, «Повесть о Цагаан Дара-эхэ» (xutuqtu dara ekeyin sudur orošiba: 16 л.), «Комментарий о пользе Ваджраччхедики» (dorji jodba ači tusa orošibu: 22 л.). Три рукописи на ойратском письме относятся к разряду астрологической литературы. Интересный экземпляр рукописи так называемого «высочайшего послания» (lungdun) или «наказа» (zarliq) высших буддийских иерархов представлен в личной библиотеке. Две рукописи «Итэгэл (I te ge li: 5 л.; xutuqtu itegel kemēkü sudur orošiba: 4 л.) относятся к наиболее значимым для буддистов текстам. Значение этой молитвы состоит в принятии Прибежища (санскр. śaraṇa) и приравнивается к восприятию буддийского вероучения. Фактически же этот термин обозначает «символ веры» или клятвенный обет «трех прибежищ» («трех драгоценностей» — Будды, дхармы и сангхи), который произносится при посвящении в монахи, как и при принятии буддийского учения мирянами. В домашнем собрании Батцогта выявлена рукопись ‘xara keleni naqpo’ (ойратская рукопись, 7 л., чернила черные, бумага серая). Судя по л. 1а: ‘mongoliyin kelen dü xutuqtu xara aman kele amurliulun orošibui’ (‘на монгольском языке — усмирение черного языка’). Чаще всего этот ритуальный текст встречается у калмыков (в настоящее время у монголов и бурят практически не встречается). Тем более важно и интересно зафиксировать подобную рукопись у западных монголов.

Предварительные итоги анализа зафиксированных в частной коллекции Ц. Батцогта рукописей и ксилографов позволяют сделать некоторые выводы. В основном, рукописные материалы — это дидактические источники, религиозно-обрядовая литература, а также этико-назидательная литература, связанная с бытовой и хозяйственной практикой ойратов Убсунурского аймака Монголии. Дальнейшие шаги к выявлению, описанию письменного наследия западных монголов пополнят наши знания в этой пока еще малоизученной области ее распространения.

Источники

Полевые материалы автора (ПМА)

Литература

Билгуудэй Г. Ц. Дамдинсурэнгийн гэр музейн монгол номын буртгэл. Улаанбаатар: Одсар системт компани, подготовлено в квартире-музее при ИЯЛ АН Монголии, 1998. I боть. 376 х.

Лувсанбалдан Х. Тод усэг, тууний дурсгалууд. Улаанбаатар: ШУАХ, 1960. – 356 с.

Орлова К. В. Описание монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в фондах Калмыкии // Бюллетень Общества востоковедов (Newsletter). М.: ИВ РАН, 2002. Вып. 5. 85 с.

Сазыкин А. Г. Каталог Монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. М.: Глав. ред. вост. лит., 1988. Т. I. 507 с.

Сазыкин А. Г. Каталог Монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. М.: Издат. фирма «Вост. лит., 2001. Т. II. 415 с.

Сазыкин А. Г. Каталог Монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. М.: Издат. фирма «Вост. лит., 2003. Т. III. 280 с.

Сазыкин А. Г. Собрание монгольских рукописей и ксилографов из фондов Тувинского республиканского краеведческого музей им. 60 богатырей (Кызыл) // Тюркские и монгольские письменные памятники. Текстологические и культуроведческие аспекты исследования. М.: Издат. фирма «Вост. лит.», 1992. С. 45–58.

Цендина А. Д. О коллекции монгольских рукописей и ксилографов акад. Ц. Дамдинсурэна и ее каталогизации // Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века. М.: ИВ РАН, 2001. Вып. 9. С. 87–92.

Gerelmaa G. Brief Catalogue of Oirat Manuscripts kept by Institute of Language and Literature // Corpus Scriptorum Mongolorum. Ulaanbaatar: Instituti Linguae Et Literarum Academiae Scientiarum Rublicae Populi Mongolici, 2005. T. XXVII. Fasc. I. 270 c.

УДК 398.21
ББК 83.3 (2Рос =Калм)

ӨӨРД БОЛН ХАЛЬМГ ЙОВҺН МЕРГН БААТРИН ТУСК ДОМГИГ ДҮҢЦҮЛҖ ШИНЖҖЛЛҺН (СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СИНЬЦЗЯН-ОЙРАТСКИХ И КАЛМЫЦКИХ ПРЕДАНИЙ О БОГАТЫРЕ ЙОБОГОН МЕРГЕНЕ)

Comparative Study of the Xinjiang-Oirat and Kalmyk Legends about the Warrior Yobogon Mergen

Осорин Утнасун (*U. Osorin*)[1]

[1] младший научный сотрудник отдела фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Junior Researcher of Folklore and Dzhangar Studies Department at Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: kigiran@elista.ru.

Статья посвящена преданиям о могучем богатыре Йобогон Мергене, бытовавшим в Синьцзяне (КНР) и Калмыкии (Россия), которые были опубликованы в разные годы. Проведен сравнительный анализ синьцзянских и калмыцких вариантов преданий о Йобогон Мергене, исследуется его образ, выявляются художественные особенности рассматриваемых вариантов.

Ключевые слова: фольклорная традиция Синьцзяна и Калмыкии, предания, варианты, богатырь Йобогон Мерген, Гаруда.

The article is devoted to the outcomes of the research on the oral stories about the Mighty Hero Yobogon Mergen undertaken with the aim to compare their Xinjiang-Oirat and Kalmyk versions. The folk stories about this hero have been published and studied by scholars such as B. B. Okonov, E. D. Muchkinova, D. E. Basayev, N. Buuva, S. Baazr, E. Badma, P. Dambipelj, Yuzmya, T. Namjil, and G. Gomb.

The study of the available versions of the stories allow for distinguishing the two groups of works: the historical stories based on real events and legends. Thus, the researcher N. Buuva states that the story about the hero Yobogon Mergen published in the series of folklore monuments titlted “Khan Tengri” reflects some real events in the Oirat history.

In all Kalmyk and Oirat versions, Yobogon Mergen — a foot hero — appears as a man of gigantic power whom no one can defeat. No horse is able to carry him, eighty oxen in one harness cannot move him, and five hundred men cannot lift him up.

The image of a foot hero is an archaic one which is proved by the content of the studied texts: while picturing a strong, good shot, brave hero, the stories echo an ancient naming ritual related to initiation rites. According to the plot of Yobogon Mergen’s legends, the hero is an orphan or was caught out of water by childless old man and woman. He skillfully wields a bow — a traditional weapon of nomads. Yobogon Mergen shoots through the feather of a mythical bird Garuda making the Sun shine over Beijing, he also shoots down two heavenly stars from the Pleiades (in Xinjiang versions), with one shot disperses darkness over Tibet, and fulfills the order of a guardian-säküsen to hit a saiga without damaging its fell so that an arrow goes right through natural openings of an animal (in Kalmyk versions).

Thus, it can be concluded that the stories about the warrier Yobogon Mergen relate to the Oirat mythology, pre-Buddhist beliefs, religious notions of Buddhism as well as Oirat rituals and traditions.

Keywords: folklore tradition of the Xinjiang-Oirats and Kalmyks, oral stories, versions, Yobogon Mergen, Garuda.

Шинҗәнә болн Хальмг олн әмтнә амн урн үүдәврмүдин дунд Йовһн Мергн баатрин туск домг болн амн үгин тууҗс олн. Йовһн Мергнә туск олн үүдәвр амар дамҗн келгдәд, ХХ-гч зун җилмүдин дунд номтнрин нилчәр бичгт буулһгдад барлгдсмн. Шинҗәнә амн үгин судлач номтнр 1980-гч җилмүдин эклцәр бичгт буулһад барлсн болхла, Хальмг Таңһчд түүнәс чигн эрт бичгт буулһгдх бәәсмн гиҗ келх кергтә.

Эн өгүллдән бидн Шинҗәнд болн Хальмгт делгрсн «Йовһн Мергн баатр» седвтә домгуд болн амн үгин тууҗсин һол дүрин болн аһулһин йилһән, өвәрц болн әдл мотивсинь дүңцүләд шинҗлх зура тәвсн бәәнәвидн.

Шинҗәнә болн Хальмг Йовһн Мергн баатрин туск үүдәврмүдиг номтнр шинҗлсмн. Хамгин түрүнд Б. Б. Оконовин, Е. Д. Мучкинован, Д. Э. Басаевин болн Н. Бууван, Самҗавин Баазрин, Э. Бадман, П. Дәмбипелҗдин, Үзмән, Т. Намҗлин, Һ. Һомбан нерд заах кергтә. Йовһн Мергнә туск үүдәврмүдт баатрин төрҗ һарсна, терүнә нер авсна, хан һәрдиг харвсна болн Йовһн Мергн баатриг хорлсна тускар туужлҗах урн седкмҗәр таанад бүтәсн сәәхн үүдәврмүд темдглҗ болна. Бүгдәрнь шинҗлхд, эн үүдәврмүдиг хойр багар хуваҗ болхмн. Нег багднь нурһлҗ түүкин йовдлар үндс болҗ келлгдсн үүдәврмүд, наадк багднь — амн үгин туульс. Зәрм домг, тууль болн амн үгин тууҗ болад келгджәсн Йовһн Мергнә туск үүдәврмүдиг тодрхалад шинҗлий.

Негдвәр, Н. Бууван «Хан теңгр» цуврл бичгт барлгдсн «Йовһн Мергнә үлгүр» темдглх кергтә [Йовһн Мергнә үлгүр 1990: 22–24]. Эн үлгүрт баатрин нер авсна тускар иигҗ келгдсн бәәнә: «*Көвүн йовх дутман бөдүрәд, көлгн уна даа харһ уга болҗ, кезәд йовһн йовдгас Йовһн Мергн гидг нер өгч*». Баатрин үүл-йовдлинь болхла, Хан Һәрдиг харвсна тускар: «*Пекин балһсн деер Хан Һәрд шовун ирҗ сууһад нарн болн сариг халхлҗ харңһу кеҗ оркхла, Эзн Хан Йовһн Мергиг дуудулҗ шовуна нег өдиг уңһаснд, Пекин балһснд нарн туссн*».

Тегәд Йовһн Мергн баатр эрин сән бәәсиг Эзн хан медәд, му сана зүүһәд, Йовһн Мергниг хорлсмн. Йовһн Мергн Богд уулын хажуд бурхн болна. «*Йовһн Мергнә цогциг найн царар чирүлсн чигн көндәҗ чадсн уга учрас, тер һазртнь оршулҗ гинә*».

Н. Буува барлсн «Йовһн Мергн» амн үгин тууҗ түүкин ирлтиг тодрхалн тәәлврләд, таньҗ медхд ач-туста болсмн [Буува 2012: 18]. Йовһн Мергнә туск үүдәврмүд Шинҗәнә олн һазрт барлгдсмн. Тедн дунд: «Дунд улсин ардын амн үлгүрин Шинҗәнә эмкдклин Хеҗн шиәнә[1] ардын амн үлгүрин хүвәр эвкмл» дегтрт «Йовһн Мергнә домг» нерәр барлгдсмн [Йовһн 1992: 17]; «Дунд улсин ардын амн үлгүрин Шинҗәнә эмкдклин Хошуд шиәнә ардын амн үлгүрин хүвәр эвкмл» дегтрт «Йовһн Мергнә үлгүр» гиҗ барлгдлв. Келҗ өгснь Хошуд района Сухат сумна Шора тосхн гидг һазрин Сәнпил [Йовһн 1992: 100–105]. Дәкәд болхла «Дунд улсин Шинҗәнә моңһл ардын амн үлгүрин эмкдкл» дегтрт «Йовһн Мергнә үлгүр» барлгдсн болвчн, Сәнпилин келсн Йовһн Мергнә үлгүриг хойрдад һарһҗ [Йовһн 2006: 44].

Йовһн Мергнә туск үүдәврмүдт үүл-йовдлнь йилһәтә, тус-тустан өвәрцтә болсн учрас хүвлвр гиҗ үзәд, дәкн барлсн дегтрмүдиг бас заах кергтә: Самҗавин Баазрин барлсн «Йовһн Мергнә үлгүр» [Йовһн 1985: 109–115]; Э. Бадмаран «Хан теңгр» цуврл бичгин 1983-гч жилин 2 тойгт барлсн үлгүр; «Йовһн Мергн теңгрин мөчдиг харвсн» [Йовһн 1998: 1–2].

Хальмг номтнрин келмрч улсас бичҗ авад барлсн материалмудын дундас «Йовһн Мергн баатр» [Хальмг туульс 1961: 179–181], «Йовһн Мергн баатр» [Хальмг туульс 1974: 131–133] болн «Йовһн Мерген» болн «Гибель Йобогон-Мергена» нертә домгуд, туульсиг заах кергтә [Семь звёзд 2004: 113]. Хальмгт барлгдсн Йовһн Мергнә туск үүдәврмүдиг төрл зүүләрнь хойр багар хуваҗ болна. Нег багднь домг аһулһта үүдәврмүд багтна, наадк багднь баатрльг туульсин тоод орсиг заах кергтә.

Йовһн Мергн баатрин үүл-йовдлла хәрлцәтә олн домг, тууль болн амн үгин тууҗ бәәдг болвчн, тернь өөрдин заң-үүллә залһлдата деерән нерднь оңданар чигн барлгдсмн. Үлгүрлхд, Шинҗәнә Ховг Сәәр нутгта Н. Буува бичгт буулһад нәәрүлсн «Өөрдин эр күн зүн чикндән сиик зүүх учр» домгт залу күн зүн чикндән сиик зүүх болсн авъяс Йовһн Мергн баатрин намтрла залһлдата. Эн сүл заасн домгт залу күн зүн чикндән сиик зүүх болсн заң-үүл бичгдсн болвчн, Йовһн Мергнә намтр болн нернә тускар келгдсн домг болдг. Энүнә тускар номт Дәмби-Пелҗд иигҗ темдглсн: «XV-гч зун жилин үйәр зокъягдсн маһдта нег түүкин домг гихлә, Йовһн Мергнә домг болна. … Йовһн Мергниг Чиң улсин Эңк Амулң хаанла залһлдулн шинҗлдгнь йир өвәрцтә. Эңк Амулң XVII-гч зун жилин үйин күн. Тегәд эрт үйин зун жилин сүүләр, кек (кесг) зун жилин эклцәр Йовһн Мергнә тускар домг зокъягдҗ бәәснь ил», — гиҗ Дәмби-Пелҗд багш тоолҗана [Дәмби-Пелҗд 1999: 207–208].

Н. Буува темдглсн «Йовһн Мергнә үлгүр» домг үлгүрин һол утх-санань — Пекин балһсн деер хан һәрд шовун ирҗ сууһад, нар–сариг халхлҗ харңһу кеҗ оркна. Богд Эзн Йовһн Мергниг дуудулҗ авад, хан һәрдиг харвулҗ нег өдиг уңһаснд, Пекин балһснд нарн туссн гинә. Тер учрас Богд Эзн му сана зүүҗ Йовһн Мергниг хорлсн

[1] Шиән — «район» гисн үг.

тускар келгднә [Буува 1990: 22]. Богд Эзн Йовһн Мергниг залсн учрнь болхла, «*деегүр ниссҗ иврт, доохур йовсн улан көлтиг бийәсн давулдг уга мергн күн*» болна.

Зәрм хүвлврин аһулһд Йовһн Мергн Харчн-Барчн бүргдтә, Хаср-Баср нохата болна. Номт Үзмән темдглсн «Йовһн Мергн теңгрин Мөчиг харвсн» домгт иигҗ бичгдсмн: «*Сө хәләхлә, теңгрт зурһан одн үзгднә, үүг Мөчн гидг. Мөчнтә туслцн хойр мөр болҗ зерглдсн һурваһад оддиг Йовһн Мергнә Харчн-Барчн бүргд, Хаср-Баср ноха гидг. Хойр талднь бәәдг хойр оддиг Йовһн Мергн Мөчиг харвсн сумн гинә*».

Йовһн Мергн теңгрт һарад, мөчиг харвад унһаһад, көлиннь саладан хавчад бууна. Буусна дару тәвәд оркхла, мөчн дәкн теңгрт һарад оч гинә. Тер учрас зуна зурһадгч сарас авн доладгч сар күртл теңгрт мөчн үзгддго гидг. Эн завср цагиг «Мөчиг һазрт харвад унһасн цаг» гиҗ тоолдг.

Йовһн Мергн баатрин намтрин тускар әдл биш келгднь бас бәәдг. «Өөрдин түүкин дурсхлмуд» сурвлҗ бичгт орсн «Богд Чиңгсин төриг бәрәд хан өргә тедксн туужд» Йовһн Мергнә туск домг иим кевәр темдглгдҗәнә: *«Тер көвүнә угиг Ик миңһн угта гиҗ нерәдв. Көвүнд Мергн гиҗ нер өгв. Өсәд ик болад, унхла даадг мөрн уга болад, баатр зүрктә, бөк чидлтә болҗ. Хөөдин нойн болҗ бәәснд, хар китдин нойн элч илгәҗ Бо хан Йовһн Мергн хойрт бичг бәрүлҗ. Йовһн Мергниг Китдин орнд залҗ одад, һәрд шовуна айлһу дуралһҗ, китдин хан мууһар хар санад, буру эм бәрснд мөн таалл болв. Китдин орнас өдр сө уга бум-бум күн ширг гемәр үкҗ һарснд, китд хан әәһәд Җаң Тян Шид әәлдхснд, зәрлг болснь:*

— Та ачта Мергнә ачиг хәрүллгон бәәҗ хор кесн төлә, тана китдин орнас нег чигн күн үлдшго, — гинә.

Тиигхлә бас дәкәд әәлдхнә:

— Ачта Мергнә барун далыг авад сүм бәрҗ тәктхә! Бишңк ясиг угин һазрт күргүлхлә, тана китдин орнас һурвн шар үкрин ноосна тооһар үкәд, үлдснь өрәсн болх. Далыг эс салһхла, әмдрәд босх маһд, — гиҗ зәрлг болснд далыг Бееҗнд тәкв. Йовһн Мергнә ясиг нутгтнь күргүлв» [Өөрд түүкин дурсхлмуд 1992: 16–17].

1985-гч җилд «Өөрдин түүкин сурвлҗ бичг» дегтрт эн кевәр барлгдсн бәәнә: «*Угин хан Йовһн Мергн тер үйд, мөн тер цагин дән үзгин цаһан махла, тедниг Төмр Лаң гиҗ нерәдсн мөн. Эднә яснь хөөд, уг алвтнь чигн хөөд, ик миңһн гидг улс йовсн*». Тегәд Йовһн Мергн хөөдин нойн күн бәәсмн гиҗ темдглх кергтә. Мергн, Төмр Лаң, Төмрлг, Йовһн Мергн нертә туужлгч күүнә дүр мөн.

Йовһн Мергн гер-мал уга күн, мөрн даадго ик бийтә бәәсинь «Хальмг тууль» дегтрәс медгднә. Тегәд чигн һанцарн йовһн йовдг учрас, Йовһн Мергн гидг нер зүүв гиҗ тодрхаһар бичгдсмн.

Баатр зүрктә, бөк чидлтә Йовһн Мергн яһад сәәни орнд йовсн туск мотивинь келхлә, «*һәрд шовуна айлһиг дуралһад китдин хан му, хар сана санҗ, буру эм бәрснд таалл болв*» гиҗ «Өөрдин түүкин дурсхлд» темдглгдсмн гиҗ деер келгдсмн.

«*Пекин балһсн деер хан һәрд шовун ирҗ сууһад, нарн-сариг халхлснд, Йовһн Мергн ирәд харвхла, Пекинд нарн тусс болна. Богд эзн му сана зүүҗ Йовһн Мергниг хорлсн гидг*», — гиҗ номт Т. Намҗл бас темдглсмн [Намҗл 2004: 216–217].

Йовһн Мергнә үлгүр, үүл-йовдларн ид-сидтә болҗ, урн үгәр үүдәгдсн болв чигн, туужлгч улсин тускар болн туужлгч үүл-кергин бәәдләс седв авсн үүдәврмүд болсн учрас, туужин домг үлгүрин төрлд бас орна. Йовһн Мергнә тускар олн хүвлврин нег онцлгч керг-үүлнь болхла, Пекин балһсн деер хан һәрд шовун ирәд, нарн болн сариг халхлад, харңһу кеҗ орксн, Йовһн Мергн күрәд, тер хан һәрдиг харвҗ нег өдиг унһаснд, нарн тусс гидг аһулһ орна. Эн баатрин керг-үүл Самҗавин Баазрин, Н. Буувна, Э. Бадмин «Йовһн Мергнә» туск үлгүрмүдт тодрхаһар темдглгдсмн.

1967-гч җилд Баһ-Цоохра Цаһан-Амн балһснд бәәдг Б. Гедеев «Йовһн Мергн баатр» домгиг келҗ өгсмн. Б. Б. Оконов болн Е. Д. Мучкинова энүг бичҗ авад, «Хальмг тууль» нертә дегтрт барлсмн [Хальмг тууль 1974: 131–134]. Тегәд «Йовһн Мергн баатр» домг Хальмгт 1960-гч җилмүдин эклцәр түрүн болҗ бичгт буулһҗ барлсинь темдглх кергтә.

Хальмг улсин Йовһн Мергн баатрин туск үүдәврмүдт аһулһнь болн һол дүрнь иим урн кевәр батлгдсмн. Нутгнь болхла — Зүн һар. Һол баатрин нернь — Йовһн Мергн баатр. Наснаннь туршарт гер-мал уга һанцарн йовдг, негнчн мөрн даажҗ йовдго, йовһар йовдг төләднь, Йовһн нер авсмн, негчн сум һазрт унһадго төләднь, Мергн нер авсмн. Йовһн йовдг учрнь болхла, мөрн даашго ик бийтә күн бәәсн болҗана.

Үүл-йовдлнь — Йовһн Мергн Төвд нутгт күрәд, нар-сар альд йовхинь дүңгҗәһәд, нег саадг деләд харвхлань, тер

харңһуржасн юмн эргдәд уга болад, сарултҗ одна. Энд хан һәрд ю харвсинь тодрхаһар келгдҗ уга.

Йовһн Мергн тендән өңгрхлә, тавн зун нөкднь эн күүг күүнә нутгт хайшго болад, тергн деерән ачад һарад йовх болна. Тегәд бүкләрнь эс авч ядад, тавн зун күн энүг чавчад, долан зун әңгд хуваһад авч ирнә. Йовһн Мергниг зая-сәкүсән кеһәд, гериннь шуһудан тәвчкәд, энүндән зул бәрәд мөргдг болна.

Уг һарлһна мотив — Йовһн Мергнә гергнь өлгәтә көвүһән кеер онц урһсн нег модна йозурт авч одад, тәвчкәд йовҗ оч. Тер цагт дөрвд нойна нутг уг тасрхдан күрч гинә. Ода кен нойн болхмн гиҗ сурхла, нойн келҗ: «Намаг үксн цагт, мини оовл шовуг нискт. Шовун кенә гер деер оч сууна, тер күн нойн болтха», — гиҗ келәд өңгрҗ оч. Хөөннь нойна келсәр тер шовуг нискәчкәд, ардаснь көөлдә йовтл, шовун эҗго һазрт һанцар урһсн модн деер сууна. Күрәд хәләхлә, һанцар урһсн модна дор өлгәтә бичкн көвүн бәәдг болна. Деерәснь модна зусн-бал дусад, тежәл болад бәәҗ. Көвүг авч ирәд, ууль шовун эцктә, удн модн ээҗтә, ухм-тохм Тәәш гиҗ нер өгәд, ноян кеҗ авна.

Эн домгин чилгчнь Шинҗәнә «Цорсин һарл үүслин туск домгт» келгддг «*ур модн эктә, ууль шовун эцктә*» гиҗ өлгәтә көвүнә домгта ирлцнә.

Ашлад темдглхд, Йовһн Мергн баатрин туск домг, туульс болн амн үгин тууҗс өвәрц шинҗ багтасн амн урн үүдәврмүд болсарн өөрд улсин сойл седклиг нәрн судлхд ач туста болсмн. Шинҗәнд болн Хальмг Таңһчд әдл биш хүвлвртә домгуд, туульс болн амн үгин тууҗс бәәнә. Эднә аһулһд йиртмҗин, сойлын, заң-заңшалын, күүнә үүслтин тускар эрт цагин ухаһар тәәлсн тәәлвр олҗ болна.

Йовһн Мергн баатрин туск домг, туульс болн амн үгин тууҗс — ишкә туурһтн улсин урн сәәхн седклин герч болн өөрднрин заң-заңшал, авъяс-бәрц, нутг-усна өвәрц, келнә шинҗиг шиңгәсн гүн аһулһта амн урн үүдәврмүд гиҗ темдглх кергтә.

Олзлгдсн ном

Буува Н. Негн үзгин сүг сүмсн — Ховг Сәәрин түүкн күн, түүкн кергүд. Уланхад: Өвр моңһлын сойлын кевллин хора, 2012. 219 х.

Дәмби-Пелжд П. Өөрд моңһлын урн зокъялын товча. Көк Хот: Өвр моңһлын сойлын кевллин хора, 1999. Х. 207–208.

Йовһн Мергнә домг. Дундд улсин ардын амн үлгүрин Шинҗәнә эмкдклин Хеҗн шәнә ардын амн үлгүрин хүвәр эвкмл. С. Дорж, Зуңһрув, Байрта болн нань чигн улс нәәрүлв. Шинҗәнә Хеҗн шиәнә ардын амн зокъялын эмкдклиг нәәрүлн кинх комис белдв. Байнһол, 1992. 386 х.

Йовһн Мергн теңгрин мөчдиг харвснь // Йовһн Мергн. (Хан теңгр). *Үзмә* темдглв. Үрмч: Шинҗәнә ардын кевллин хора, 1998. № 51.

Йовһн Мергнә үлгүр. Дундд улсин Шинҗәнә моңһл ардын амн үлгүрин эмкдкл. *Ч. Эрнцә, Т. Намҗл, Б. Амр-дала* болн н. ч. улс нәәрүлв. Үрмч: Шинҗәнә ардын кевллин хора, 2006. 866 х.

Йовһн Мергнә үлгүр. *Сәнпил келв.* Дундд улсин ардын амн үлгүрин шинҗәнә эмкдклин Хошуд шәнә ардын амн үлгүрин хүвәр эвкмл. Шинҗәнә амн зокъялын эмкдклиг нәәрүлн кинх комис белдв. Байнһол, 1992. 596 х.

Йовһн Мергнә үлгүр // Хан теңгр. *Н. Буува* белдв. Үрмч: Шинҗәнә ардын кевллин хора, 1990. № 1.

Йовһн Мергнә үлгүр // Хан теңгр. *Самҗавин Баазр* темдглв. Үрмч: Шинҗәнә ардын кевллин хора, 1985. № 2.

Намҗл Т. Өөрдин заң-үүл болн амн зокъялын хәрцә холвани судлл. Үрмч: Шинҗәнә ардын кевллин хора, 2004. 346 х.

Өөрд моңһлын заң-үүлин сойл-ниигмин әмдрлин боть. *Т. Намҗл* белдв. Үрмч: Шинҗәнә ардын кевллин хора, 2010. 411 х.

Өөрд түүкин дурсхлмуд. *Х. Бада, Алтн-Оргл, Эрднь* белдв. Үрмч: Шинҗәнә ардын кевллин хора, 1992. 496 х.

Семь звёзд. Составитель *Д. Э. Басаев.* Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 414 с.

Хальмг туульс. *Б. Сангаджиева, Л. Сангаев* барт белдҗ барлснь. Негдгч боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1961. 219 х.

Хальмг туульс. *Оконов Б. Б, Мучкинова Е. Д.* 4-гч боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1974. 270 х.

Хальмг тууль. *Б. Б. Оконов болн Е. Д. Мучкинова* белдв. 4-гч боть. Элст: 1974. 272 х.

УДК 504. 062
ББК 28.080.1

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКОЛОГИИ

Environmental Education as the Major Component of Humanitarian Ecology

Л. Н. Ташнинова (L. Tashninova)[1], *А. А. Ташнинова (A.Tashninova)*[2]

[1]кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Biology, Senior Researcher of Social, Political and Ecological Studies Department at Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: kigiran@elista.ru.

[2] научный сотрудник Института комплексных исследований аридных территорий (Researcher of the Institute for Complex Research of Arid Territories). E-mail: annatashninova@mail.ru.

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме экологического просвещения как одного из важных направлений в гуманитарной экологии. Приводится фактический материал о работе региональных ученых-экологов в этом направлении.

Ключевые слова: экологическое просвещение, гуманитарная экология, формирование экологического мировоззрения.

The issues of ecological education as an important component of humanitarian ecology is considered in the article. The humanitarian ecology is a new trend aimed at developing the knowledge of ethics and the moral bases of person's interaction with the environment. The modern ecological situation assumes reconsideration of individual's relationship with the nature surrounding him\her. The environmental education development and new ecological outlook formation demand scientific justification. Today in the situation of ecological crisis, one of the most important issues is to find new approaches to teaching ecology. The article provides some examples of the work in the field of ecological education conducted actively by the scientists-ecologists in order to promote scientific knowledge in Kalmykia.

Keywords: environmental education, humanitarian environment, formation of ecological worldview.

Современный экологический кризис ставит под угрозу возможность устойчивого развития, а дальнейшая деградация природных систем ведет к дестабилизации биосферы, утрате ее целостности и способности поддерживать качества окружающей среды, необходимые для жизни. Преодоление кризиса возможно только на основе формирования нового типа взаимоотношений человека и природы, исключающих возможность разрушения и деградации природной среды.

Углубление экологического кризиса выражается не только в ухудшении экологической ситуации, но и в опасных тенденциях изменения экологического мышления, сознания, представлений на фоне тревожной динамики экологического опыта и недостаточно продуктивных стратегий и технологий экологического образования и просвещения [Вагнер 2011: 189].

Передовым перспективным направлением экологического образования, учитывающим данную социально-экологическую проблематику, является гуманитарная экология — комплексное направление, объединяющее различные авторские (этноэкологические, эколого-психологические, художественно-эстетические, интерактивно-игровые и пр.) разработки в сфере гуманитарно-экологической педагогики.

Гуманитарная экология нужна для того, чтобы формировать у детей знания о моральных и нравственных основах взаимодействия человека и природы [Вагнер 2011: 190]. К одному из наиболее важных вопросов в области гуманитарной экологии следует отнести экологическое просвещение и

формирование экологического мировоззрения (экологического сознания) населения — от руководителя до исполнителя [Ташнинова, Ташнинова 2012: 132].

В последние десятилетия влияния антропогенных факторов на природную среду вызвали многие негативные последствия, приводящие к деградации природной среды и сферы обитания человека. В понятие «окружающая среда обитания человека» включаются все политические, социально-экономические и природные факторы. Существование природы и общества немыслимо без улучшения экологии, что означает экологизацию всех видов природопользования для сохранения ресурсов [Ташнинова, Ташнинова 2012: 134].

Существенно важны системные наблюдения над тем, как уровень экологического воспитания соотносится с положением дел в мире, в каких корреляционных отношениях он состоит с глобальным экологическим кризисом. Молодому поколению следует показать, что уровень экологической культуры прямо пропорционален экологической обстановке в мире, находится в прямой зависимости от экологического воспитания. Именно на такую дисциплину, как “экологическая культура”, сегодня возложена миссия спасения человечества, выработка механизмов противодействия вымиранию и гибели.

Экологическая ответственность напрямую связана с экологическим воспитанием и с такими качествами личности, как самоконтроль, умение предвидеть ближайшие и отдаленные последствия своих действий в природной среде, критическое отношение к себе и другим [Андреев 2009: 76].

Среди многочисленных проблем экологии особое место занимают углубление и расширение комплексных экологических знаний учащихся средних школ. В условиях современной экологической ситуации важна экологизация всей системы образования и воспитания подрастающего поколения. Одним из важнейших принципов экологического образования считается принцип непрерывности — взаимосвязанный процесс обучения, воспитания и развития человека на протяжении всей его жизни [Экологическое воспитание …]. Необходимо с детских лет целенаправленно воспитывать чувство ответственности за сохранность природы, вырабатывать активную жизненную позицию по восприятию проблемы сохранения окружающей природной среды [Доронин 2005: 47]. Знание основ экологии — это важнейший компонент экологической культуры, развиваемый у школьников. Сложившаяся в настоящее время система школьного и внешкольного образования и воспитания включает большой объем экологических знаний, умений и навыков, реализующих требования по формированию и развитию экологической культуры.

Так, в Республике Калмыкия преподаватели средних школ ведут большую и активную работу в этом направлении, но зачастую им просто необходима научно-методическая помощь, общая координация экопросветительской работы, последующий анализ действий участников и оценки полученных результатов. Такую помощь педагогам оказывают ученые Института комплексных исследований аридных территорий (БНУ РК ИКИАТ) и преподаватели Калмыцкого государственного университета.

Активную работу по экологическому просвещению и пропаганде научных знаний в нашем регионе ведут сотрудники отдела экологических исследований БНУ РК ИКИАТ — ежегодно принимают участие в работе жюри конкурса научных работ школьников «Первые шаги в науку», в рамках проведения Недели науки проводят научные семинары для школьников, ведут производственную практику с учащимися химико-биологических классов. При институте создана и успешно функционирует Региональная экологическая общественная организация Республики Калмыкия «Наш край» (РЭОО РК НК). Целью этой общественной организации является помощь, поддержка и широкое привлечение общественности к решению проблем Республики Калмыкия, касающихся экологии региона, его социально-экономического развития, охраны и защиты природных и историко-культурных ценностей и объектов, организации доступа к информации, образованию, научно-практической деятельности.

РЭОО РК «Наш край» решает следующие задачи:

- формирование экологического мировоззрения, пропаганда знаний о состоянии природной и культурной среды Республики Калмыкия, опыте и принципах деятельности по предотвращению экологических кризисов локального и глобального масштаба;

- развитие экологической гласности, обеспечение населения информацией о состоянии природной среды и здоровья населения;
- содействие предотвращению деятельности, угрожающей экологической безопасности, здоровью людей, сохранению биологического разнообразия и условий для устойчивого развития общества;
- организация общественного экологического контроля и экологического мониторинга за состоянием окружающей среды, природных и историко-культурных ценностей и объектов Республики Калмыкия, а также здоровья населения;
- контроль за соблюдением законодательства в области природопользования и охраны окружающей среды и участие в его совершенствовании в установленном законодательством порядке;
- изучение биологического разнообразия, состояния окружающей среды, памятников историко-культурного и природного наследия Республики Калмыкия [ИКИАТ – Институт комплексных…].

В 2010 г. в рамках VI конкурса социальных и культурных проектов нефтяной компании «Лукойл» в Астраханской области и Республики Калмыкия РЭОО РК «Наш край» выиграла грант на реализацию проекта «Вместе сохраним природу родного края» — в номинации «Экология — экологическое просвещение населения». Учеными института были проведены выездные лекционно-практические занятия со школьниками в г. Элисте и в районах республики. В рамках данного проекта были изданы научно-популярные пособия «Лекарственные растения Кумо-Манычской впадины» и «Рыбы Чограйского водохранилища» [ИКИАТ — Институт комплексных…].

В 2013 году проект «Сохраним тюльпан — национальное достояние Калмыкии» РЭОО РК «Наш край» выиграл открытый конкурс президентских грантов для некоммерческих неправительственных организаций. Проект имеет социально-просветительскую и экологическую направленность. В рамках проекта было разработано и издано научно-популярное издание — фотокаталог, содержащий информацию о 39 редких и исчезающих видах флоры Калмыкии, включенных в список региональной Красной книги и Красной книги РФ. Издание в перспективе может применяться в качестве справочного пособия для общеобразовательных и дошкольных учреждений, учителей биологии, краеведов и всех, интересующихся флорой Калмыкии [Уланова 2014: 56].

Данный проект избрал в качестве основной формы работы семинары для школьников, где им рассказывали о распространении, условиях произрастания и размножения степных тюльпанов. Такие семинары были проведены во всех административных районах РК. Всего в семинарах приняли участие более 400 учащихся [Уланова 2014: 57].

В декабре 2014 г. Региональной экологической общественной организацией Республики Калмыкия «Наш край» совместно с журналами «Байр» и «Байрта», в рамках проекта «Сохраним тюльпан — национальное достояние Республики Калмыкия», был объявлен конкурс детских творческих работ. В данном конкурсе приняли участие свыше 500 детей [ИКИАТ — Институт комплексных…].

С 28 по 29 апреля 2014 г. в МБОУ ДОД «Дворец детского творчества» прошла выставка творческих работ, победивших в республиканском конкурсе детских рисунков и стихов «Сохраним тюльпан». На выставке представлены более 150 рисунков, поделок и стихов, присланных на конкурс со всей республики. На выставке были вручены призы 45 победителям, занявшим призовые места. Лучшие рисунки и стихи детей будут размещены на баннерах, установленных вдоль трасс регионального значения в местах расположения тюльпановых полей [Уланова 2014: 57].

18–20 апреля 2014 г. члены Региональной экологической общественной организации «Наш край» приняли участие в национальном празднике «Гимн тюльпану», на котором состоялось подведение итогов проекта «Сохраним тюльпан — национальное достояние Калмыкии» — с показом материалов, привлекающих внимание представителей власти к проблеме сохранения тюльпанов, с распространением буклетов на природоохранную тематику среди туристов и гостей праздника. В ходе мероприятия волонтеры ознакомили туристов с особенностями размножения степных тюльпанов, рассказали об угрозе исчезновения и необходимости охраны тюльпанов Калмыкии. В заключение представителям

власти и общественности были вручены фотокаталоги редких и исчезающих видов флоры Калмыкии в бумажном и электронном вариантах [ИКИАТ — Институт комплексных…].

Целью таких проектов в области экологического образования и просвещения является формирование ответственного отношения к окружающей среде, которое строится на базе нового мышления, предполагающего соблюдение нравственных и правовых принципов природопользования и пропаганду идей его оптимизации, активную деятельность по изучению и охране своей местности, защите и возобновлению природных богатств.

Пример эффективной и плодотворной работы ученых-экологов БНУ РК ИКИАТ в области экологического просвещения населения позволяет увидеть, что в решении важных экологических проблем и сохранении биоразнообразия наука, общество, бизнес и государство могут и должны быть равноправными участниками процесса.

Литература

Андреев М. Д. Экологическое воспитание и просвещение как эмоционально-ценностное отношение к природе // Фундаментальные исследования. 2009. № 7. С. 76–78.

Вагнер И. В. Гуманитарная экология: преодолеть отчуждение от природы и развивать ценности экологической этики // Вестник Томского Государственного педагогического университета, 2011. № 13. С. 189–191 [электронный ресурс] // URL: http://cyberleninka.ru (дата обращения: 9.05.2014).

Доронин Д. Ю. Современная отечественная гуманитарная экология и этно-экологическая педагогика: основные подходы, направления и авторы // Этноэкология: Сб. мат-лов межрегион. науч.-практ. конф. «Лес и человек. Перспективы сотрудничества» / под ред. О. А. Захаровой. М.: ГОУВПО МГУЛ, 2005. 140 с. [электронный ресурс] // URL: http://www.etno.environment.ru (дата обращения: 16.04.2014).

ИКИАТ — Институт комплексных исследований аридных территорий (БНУ РК ИКИАТ) [электронный ресурс] // URL: http://ikiat.kalmregion.ru (дата обращения: 13.05.2014).

Ташнинова Л. Н., Ташнинова А. А. Региональные аспекты гуманитарной экологии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2012. № 1. Элиста. С. 131–135.

Уланова С. С. Проект «Сохраним тюльпан — национальное достояние Калмыкии» // «Степной бюллетень», 2014. № 40. Новосибирск. С. 56–57.

Экологическое воспитание и ликвидация безграмотности [электронный ресурс] // URL: http://works.tarefer.ru (дата обращения: 3.05.2014).

УДК 371.311.1
ББК 74.202.26

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Organizational and Pedagogical Conditions for the Inclusive Education Implementation

В. Ц. Цыренов (V. Tsyrenov)[1]

[1] кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Бурятского государственного университета (Ph.D. of Pedagogy, Associate Professor of the Buryat State University). E-mail: volod_1963@mail.ru.

В статье рассматривается социокультурная интеграция детей с ограниченными возможностями здоровья в качестве смысла и результата их образования. Автор выявляет и обосновывает организационно-педагогические условия, которые должны обеспечивать эффективность внедрения и реализации инклюзивного образования.

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, организационно-педагогические условия, инклюзивное образование.

Inclusive education is not only time consuming but difficult for implementation, either. That is why the trivial solution to this problem does not exist.

Practical activities in the region to replicate various integrative forms of education for children with disabilities shows that desire of individual citizens and government organizations is not enough to resolve this issue. Therefore, we need to create certain organizational and pedagogical conditions for inclusive education implementation which will provide for its successful realization. The complex of organizational and pedagogical conditions for effective functioning and development of the investigated phenomenon requires a number of objective and subjective factors and is characterized by a set of praxeological measures to optimize operating conditions of this phenomenon in present-day education which finally improves controllability of educational process as a whole.

Certainly, conditions highlighted in the article are presented in general term and appropriate for fulfilling the task under consideration. The analysis of the results of this practical research will confirm the validity of its assumptions.

Keywords: children with disabilities, organizational and pedagogical conditions, inclusive education.

Социально-экономические преобразования в обществе, утверждение приоритета общечеловеческих ценностей, тенденции гуманизации и демократизации социально-общественных отношений, признание прав каждого ребенка на получение образования адекватно его познавательным возможностям актуализируют необходимость поиска путей совершенствования системы образования детей с особенностями психофизического развития и оптимальной организации работы по социализации и интеграции их в общество.

Одним из путей решения данной задачи является формирование положительных межличностных отношений между нормально развивающимися детьми и детьми с особенностями психофизического развития в рамках интегрированных форм обучения.

Интегрированное образование рассматривается в качестве одного из важнейших институтов включения детей с различным уровнем психического и физического развития в общество как за рубежом (Т. Бут, Д. Дарт, Д. Лукас, К. Мейджер, М. Оливер, М. Пэйломбейро, К. Сэйлисбери, А. Уорд, С. Хегарти, У. Холловуд), так и в России (Л. И. Акатов, А. Н. Гамаюнова, Е. Л. Гончарова, Н. Н. Малофеев, Э. В. Миронова, Н. М. Назарова, М. И. Никитина, Г. Н. Пенин, В. Н. Сводина, А. Г. Станевский, Л. И. Тигранова, С. Г. Шевченко, Н. Д. Шматко).

Наиболее перспективной формой интегрированного образования, принятой за основу в развитых странах Запада, является инклюзивное образование детей-инвалидов в массовой школе вместе со здоровыми сверстниками, дающее лучшие результаты

в подготовке детей к последующей жизни и их социализации (интеграции) в общество.

Успешность внедрения и реализации инклюзивного образования зависит не только от государства, но и от позиции общества по отношению к лицам с ограниченными возможностями вообще, и, в частности, к их образованию. Идея совместного обучения и воспитания детей-инвалидов и здоровых детей встречает возражения со ссылками на отсутствие условий для их осуществления: материальных, организационных, финансовых, менталитета населения и педагогических работников.

Внедряя инклюзивное образование, мы должны понимать, что любая инновационная педагогическая система может успешно функционировать и развиваться лишь при соблюдении определенных условий. Поэтому для того, чтобы педагогический процесс был результативным, необходимо выявить, обосновать и создать специальные организационно-педагогические условия.

Категория «условие» в философской литературе выражает отношение предмета к окружающим его явлениям, без которых он существовать не может. Условия составляют ту среду, обстановку, в которой он возникает, существует и развивается [Алексеев, Панин 1998: 421]. Под организационно-педагогическими условиями мы понимаем совокупность мер педагогического процесса, направленную на повышение его эффективности. Условия — это всегда внешние по отношению к предмету факторы. Поскольку в качестве предмета, как правило, рассматривается педагогическая система, т. е. система искусственная, функционирующая при непосредственном участии людей, то условия, в которых она может эффективно работать, должны специально создаваться и внешне ее дополнять в праксеологическом контексте.

Поскольку отдельные, случайно выбранные условия не могут существенно повлиять на эффективность того или иного педагогического явления, необходим гибкий, динамично развивающийся комплекс условий, учитывающий развертывание основных педагогических процессов [Яковлев, Яковлева 2006: 158]. Используя в отношении выделяемых педагогических условий термин «комплекс», а не «система», мы принимаем во внимание многофакторность педагогических явлений и полагаем, что исследователю практически невозможно представить полный спектр условий, влияющих на результативность его функционирования. Скорее всего, в ходе научного поиска он выделит лишь часть из них, которые в определенном смысле соответствуют выбранной методологии исследования, особенностям изучаемого явления, характеристикам реализуемого педагогического процесса и научно-методическим предпочтениям автора.

Следует отметить, что педагогические условия в определенном смысле представляют собой закономерности эффективности, поскольку вскрывают объективные связи между различными сторонами изучаемого объекта и факторами, влияющими на результативность его функционирования. Поэтому выявление условий эффективности, как процесс абстрактно-творческого преобразования имеющейся информации в научно обоснованное суждение, связано с известными трудностями, сопутствующими индивидуальному творчеству. Однако наиболее распространенный способ их определения заключается в выполнении следующей последовательности действий:

1) выявление основных компонентов изучаемого феномена, причастных к достижению цели, их анализ и определение степени влияния;

2) выбор мероприятий, усиливающих эффективность каждого компонента;

3) упорядочение полученных условий (исключение лишних, объединение нескольких в одно и т. д.);

4) экспериментальная проверка каждого условия и всего комплекса, неудовлетворительные результаты которой требуют продолжения поиска.

В процессе выявления комплекса педагогических условий, способствующих повышению эффективности внедрения и реализации инклюзивного образования, необходимо решить последовательно две задачи: выявить перечень условий, позитивно влияющих на эффективность, и выбрать из них те, которые способны усилить результативность его функционирования.

Поскольку эффективность в самом общем смысле представляет собой соотношение затрат различного вида ресурсов и реальных результатов деятельности [Карпенко 1988: 124–139], то оценка эффективности функционирования исследуемого педагогического явления на фоне тех или иных условий осуществляется, как правило, исходя из

оценки степени достижения целей образовательного процесса (т.е. качества полученного результата) и затрат на их достижение.

Таким образом, комплекс организационно-педагогических условий эффективного функционирования и развития исследуемого феномена требует при построении учета целого ряда объективных и субъективных факторов и характеризуется совокупностью праксеологических мер по оптимизации оперирования исследуемым феноменом в условиях современного образования, что, в конечном счете, повышает управляемость педагогического процесса в целом.

Успешную реализацию инклюзивного образования обеспечат специальным образом созданные организационно-педагогические условия. В качестве условия мы выделяем необходимость разработки адаптивной образовательной среды, позволяющей обеспечить полноценную интеграцию и личностную самореализацию детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательном учреждении, которая заключается не только в устранении архитектурных и физических барьеров, но и в разработке индивидуальных модификационных образовательных программ, методического и технического обеспечения.

Индивидуальные модификационные образовательные программы направлены на изменение способов подачи информации и предполагают:

• изменения сроков сдачи, формы выполнения задания, его организации, способов представления результатов, в том числе предоставление альтернативы объемным письменным заданиям, например, письмо, нескольких небольших сообщений; представление устных сообщений по обозначенной теме, изменения в организации урока — когда, например, незрячий ученик сдает тест, написанный по системе Брайля, или ребенок на время выполнения задания остается один в изолированном от внешних звуков классе; изменение задания или теста (сокращенные задания, направленные на усвоение ключевых понятий, сокращенные тесты, направленные на отработку практического усвоения наиболее функциональных правил и навыков, альтернативные замещения письменных заданий (лепка, рисование, панорама и др.), или изменение требований, предъявляемых к уровню знаний учащегося с ограниченными возможностями;

• особую методику предъявления учебных заданий, предполагающую акцентирование внимания на его содержании, его четкое разъяснение, (часто повторяющееся, с выделением этапов выполнения), использование указаний, как в устной, так и в письменной форме, повторение учащимся инструкции к выполнению задания, близость педагога к учащимся во время объяснения задания, демонстрация уже выполненного задания;

• реализацию особой методики обучения — с использованием всех способов восприятия информации: аудиальных, визуальных, кинестетических с подключением тактильных ощущений; использование на уроках письма и чтения заданий на развитие функций, лежащих в основе письменной речи: фонематического восприятия, развитие звукового анализа и синтеза, закрепление правильного произношения, развитие лексико-грамматических категорий, связной речи, зрительно-моторных координаций и т. п.; опора на сохранные анализаторы, обучение с опорой на приоритетный когнитивный (аналитический или синтетический) стиль восприятия информации.

Второе условие — организация системы психолого-медико-педагогического сопровождения ребенка с ограниченными возможностями здоровья [Битянова 1998: 15; Ярская-Смирнова 1999: 38–45]. Функции сопровождения должны быть возложены на созданные при образовательных учреждениях психолого-медико-педагогические консилиумы, которые участвуют в разработке индивидуальных образовательных программ, индивидуальных образовательных маршрутов, отслеживают динамику развития ребенка, оценивают успешность в освоении программ. В основе психолого-медико-педагогического сопровождения лежит комплексная психолого-медико-педагогическая диагностика, которая включает обследование психологом учащихся, имеющих нарушения физического и интеллектуального развития, с целью выявления уровня развития их основных психических функций, личностных качеств.

Диагностика позволит выявить следующие проблемы у детей и сформировать соответствующие рекомендации педагогам:

• слабое развитие линейного и структурного мышления — следовательно, использование учителем на уроке рисунков, графиков и других вспомогательных средств при объяснении материала успеха иметь не будет;

• низкий уровень развития интуитивного мышления — следовательно, ученики не способны самостоятельно разбираться в научных построениях школьных программ, они могут выучить материал, но не способны понять его суть и использовать школьные знания в своем личном опыте, поэтому для успешного развития взрослым необходимо контролировать, чтобы ребенок не просто вызубривал и повторял заданный материал, но и правильно понимал его;

• слабое развитие логического мышления не позволяет детям применять на практике выученное правило и обусловливает их ошибки;

• низкий уровень зрительно-моторной координации становится причиной нелепых ошибок, которые ребенок допускает при списывании с доски;

• медленный темп обработки информации (темп деятельности), повышенная утомляемость, сниженная рабочая энергетика ухудшают восприятие, мышление.

По итогам обследования должны быть сформированы группы, разработаны групповые и индивидуальные программы коррекционно-развивающей работы. На каждого обучающегося школы составляется личный паспорт развития, который включает в себя все содержание диагностического материала, протокол первичного обследования, характеристику ребенка, составляемую учителем, рекомендации для педагога и родителей, индивидуальный план психологических (коррекционно-развивающих) занятий, дневник динамического наблюдения.

Психолого-педагогическое сопровождение реализуется через индивидуальные и групповые формы работы специалистов школы с детьми, в том числе организацию коррекционно-развивающих занятий детей с нарушениями речи с учителем-логопедом, педагогом-психологом, согласно структуре дефекта. Занятия с учителем-логопедом включают в себя нормализацию звуковой стороны речи, восполнение пробелов в развитии лексического запаса и грамматического строя; занятия с педагогом-психологом и учителем-логопедом включают в себя формирование зрительного восприятия и узнавание формы, величины, цвета, развитие зрительной памяти, формирование пространственных представлений, зрительного анализа и синтеза, развитие мелкой моторики, зрительно-моторной координации.

Третьим условием является изменение организационных форм и методов обучения детей с с ограниченными возможностями здоровья [Банч 2008: 64, Коломинский 2009: 96].

Учебная деятельность, являясь основным видом деятельности лиц с ограниченными возможностями здоровья, обладает значительным потенциалом для их социокультурной адаптации [Цыденова 2005: 56]. Организация учебной деятельности и методика преподавания учебных предметов для лиц с ограниченными возможностями здоровья требует выбора наиболее рациональных способов, позволяющих решать задачи социокультурной адаптации и социокультурной интеграции.

Во-первых, использование проблемно-поискового метода, основанного на интенсификации социального взаимодействия, позволит перейти от системы, в центре которой находится учитель, к системе, ориентированной на ребенка. В этом случае происходит отказ от репродуктивного способа обучения, основанного на субъект-объектных отношениях (отношения воздействия), и выстраивание деятельности на субъект-субъектной основе, основанной на взаимодействии участников образовательного процесса. При этом важное значение имеет организация учебного пространства занятия. Круговое расположение учебных мест в группе, подбор стимулирующего раздаточного материала, выбор интересного задания для участников группы, применение индивидуальных критериев к заданию и оцениванию результатов учебной деятельности — основные пути технологии сотрудничества при использовании проблемно-поискового метода. Таким образом, можно сделать вывод об эффективности качественно новой формы сотрудничества как в классе специальной школы, так и в инклюзивном классе: сотрудничество не только по линии «взрослый – ребенок», но и по линии «ребенок – ребенок», что обеспечивает развитие и здорового ребенка, и ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

Во-вторых, взаимное уважение всех участников образовательного процесса, толерантность, взаимопомощь, возможность учиться друг у друга, возможность помочь самим себе и другим людям — важное условие успеха при реализации инклюзивного образовательного пространства.

Формы коррекционно-развивающей работы могут быть организованы по признаку включения коррекционной помощи ребенку непосредственно в структуру урочных учебных занятий или включения ее в режим внеурочной деятельности. Виды помощи: стимулирующая, при которой учитель стимулирует деятельность ребенка, либо вселяя в него уверенность в своих силах, либо указывая на наличие ошибок в работе; направляющая заключается в подсказке ребенку первых шагов в решении учебной задачи и планировании последующих действий; обучающая, при которой учитель оказывает непосредственную помощь в решении учебной задачи.

При таком подходе оценочная деятельность учителя предполагает не оценку результатов учебной работы ребенка, а оценку качества самой работы. Основанием для оценки процесса, а в последующем — и результатов обучения детей, является критерий относительной успешности, т. е. сравнение сегодняшних достижений ребенка с теми, которые характеризовали его вчера.

В-третьих, сотрудничество в процессе обучения — основной принцип построения инклюзивного образования, в котором каждый член школьного сообщества и родители несут ту или иную ответственность за успех общего дела [Бурменская и др. 1999: 78]. Основным механизмом реализации этого принципа является взаимодействие специалистов школы, учреждений дополнительного образования и родителей, обеспечивающее системное сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья специалистами различного профиля в образовательном процессе. Такое взаимодействие включает:

• комплексность определения и решения проблем ребенка с ограниченными возможностями здоровья, предоставления ему квалифицированной помощи специалистами разного профиля;

• многоаспектный анализ личности и познавательного развития ребенка;

• составление комплексных индивидуальных образовательных программ общего развития и коррекции отдельных сторон учебно-познавательной, речевой, эмоционально-волевой и личностной сфер ребенка.

Консолидация усилий разных специалистов в области педагогики, психологии, медицины, родителей позволит обеспечить систему комплексного психолого-медико-педагогического сопровождения и эффективно решать проблемы ребенка с ограниченными возможностями здоровья. В школе такое организованное взаимодействие специалистов должен осуществлять психолого-медико-педагогический консилиум, который предоставляет комплексную помощь ребенку с ограниченными возможностями здоровья и его родителям, а также образовательному учреждению в решении вопросов, связанных с адаптацией, обучением, воспитанием, развитием, социализацией детей с ограниченными возможностями здоровья. Индивидуальная образовательная программа обучения утверждается на заседании психолого-медико-педагогического консилиума школы, ее исполнение является обязательным для всех участников образовательного процесса, включая родителей.

В качестве четвертого организационно-педагогического условия выделяется научно-методическая поддержка педагогов школы, которая осуществляется в следующих образовательных формах [Лисовская 2007: 147–158]:

• курсы повышения квалификации, рассматривающие вопросы специфики учебно-воспитательной и коррекционной работы с детьми с нарушениями развития, основы коррекционной педагогики и специальной психологии, вопросы особенностей психофизического развития детей с ограниченными возможностями здоровья, методики и технологии организации образовательного и реабилитационного процесса для таких детей;

• курсы на базе стажировочных инновационных образовательных площадок;

• совместная разработка методических рекомендаций по вопросам организации коррекционно-развивающей работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья;

• инструктивные совещания с учителями инклюзивных классов, на которых педагоги будут знакомиться с нормативными документами;

• индивидуальные и групповые консультации;

• проблемно-творческие группы по отдельным образовательным направлениям;

• психолого-педагогическая мастерская.

Пятое условие — изменение отношения общественности к лицам с ограниченными возможностями здоровья включало следующие направления:

a) проведение уроков толерантности. Разработка Программы «Уроки доброты». Содержание программы должно быть направлено на понимание инвалидности как состояния, установление которого связано с наличием барьеров архитектурного характера, отношения к инвалиду, социальных преград. Занятия должны быть построены таким образом, чтобы дети могли ощутить каждую ситуацию на своем личном опыте и поделиться своими эмоциями и чувствами с другими ребятами. Проводить такие занятия должны подготовленные ведущие из числа молодых инвалидов или студенты педагогического университета;

b) проведение занятий для учеников начальных классов на темы: стереотипы по отношению к инвалидам; подходы к пониманию проблем инвалидности (традиционный, социальный); безбарьерная среда для инвалидов (психологические и физические препятствия); совместное обучение детей-инвалидов и здоровых детей; язык и этикет в общении с инвалидами; проведение классных часов на тему «Известные люди с ограниченными возможностями здоровья»;

c) организация конкурсов социальных проектов по вопросам формирования толерантного отношения к детям с особыми нуждами, социально-добровольческих акций по сбору ресурсов для инклюзивного обучения детей с ограниченными возможностями здоровья;

d) проведение лектория для родителей на темы «Что такое инклюзивное образование?», «Ваш ребенок пошел в школу» [Современное состояние… 1996: 6–7]. В рамках лектория рассматриваются понятие инклюзивного образования, две модели отношения к проблеме инвалидности: медицинская и социальная;

e) организация групповых и индивидуальных консультаций с родителями на темы: адаптация к обучению в школе (готовность детей и родителей к обучению в школе); личностные особенности ребенка, влияющие на обучение (возрастная психологическая характеристика); «Поговори со мной» (практические рекомендации по общению с ребенком, имеющим ограниченные возможности здоровья);

f) организация профильных инклюзивных смен в летних детских образовательно-оздоровительных центрах;

g) проведение мероприятий культурного досуга с привлечением в качестве активных ее участников лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Шестое условие — разработка программ самосовершенствования и саморазвития лиц с ограниченными возможностями здоровья. С этой целью можно предложить к реализации такие программы, как «Помоги себе сам», «Познай себя» и т. д.

Семья — первичный социальный институт воспитания. Поэтому в качестве седьмого условия мы выделяем целенаправленную работу с семьей, которая воспитывает ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Атмосфера, сложившаяся в семье, понимание специфики воспитания ребенка с психофизическими недостатками, сложившаяся система взаимоотношений в семье предопределяют успех социальной адаптации детей и освоение ими культурных норм общества.

Полагаем, что комплекс представленных выше организационно-педагогических условий обеспечит успешность реализации инклюзивного образования.

Литература

Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: учебник. М.: Проспект, 1998. 563 с.

Банч Гэри. Поддержка учеников с нарушением интеллекта в условиях обычного класса: пособие для учителей. М.: РООИ «Перспектива», 2008. 64 с.

Битянова М. Р. Организация психологической работы в школе. М.: Совершенство, 1998. 298 с.

Бурменская Г. В., *Карабанова О. А., Лидере А. Г.* Возрастно-психологическое консультирование. Проблемы психического развития детей. М.: Изд-во МГУ, 1999. 136 с.

Карпенко Л. А. Теоретические и практические подходы к определению эффективности обучения преподавателей вузов в системе ФПКП. Критерии эффективности // Повышение эффективности психолого-педагогической подготовки преподавателей вузов / под ред. А. В. Петровского, Л. С. Сержана. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 124–139.

Коломинский Я. Л. Психология взаимоотношений в малых группах : учеб. пособие. Минск: ТетраСистемс, 2000. 432 с.

Лисовская Т. В. Компетентностный подход в условиях инклюзивного образования // Инклюзивное образование: состояние, проб-

лемы, перспективы. Минск: Четыре четверти, 2007. С. 147–158.

Современное состояние коррекционной педагогики, раздел «Пути планомерного выхода из кризиса. Роль науки» // Дефектология. 1996. № 1. С. 6–7.

Цыденова Л. В. Управление социальной адаптацией детей-инвалидов в школьном (общем) образовании : дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2005. 186 с.

Яковлев Е. В., Яковлева Н. О. Педагогическая концепция: методологические аспекты построения. М.: ВЛАДОС, 2006. 239 с.

Ярская-Смирнова Е. Р. Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 38–45.

УДК 37
ББК 74

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Word-Formation and its Role in the Process of the Semantic Competence Formation

О. Е. Иванова (O. Ivanova)[1]

[1] преподаватель кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Пятигорский государственный университет» (Lecturer of the English Language and Professional Communication Department at Pyatigorsk State University). E-mail: ivanova_oksana_1983@mail.ru.

В фокусе проводимого исследования находятся регулярные словообразовательные модели, рассматриваемые в контексте формирования семантической компетенции как способностей, знания и готовности выразить то или иное значение с помощью разноуровневых языковых средств, в том числе и аффиксальных формантов. Овладение регулярными аффиксальными формантами рассматривается как одно из требований ФГОС и примерных программ по иностранным языкам, данные словообразовательные элементы являются предметом особого контроля в ходе текущей и итоговой аттестаций.

Ключевые слова: семантическая компетенция, регулярные словообразовательные модели, аффиксация, словообразовательные форманты, словотворчество.

The research focuses on the regular word-formation models which are taken up in the scope of forming the semantic competence as an ability, knowledge and readiness to express one or another meaning on basis of split-level language tools which include affix formants. Mastering regular affixes is one of the requirements of Federal State Standard and exemplary programs of English language: these word-formation elements are a subject of special attention and control in interim and final assessment.

Mastering affixation patterns as a method of forming the semantic competence provides understanding of transformation which takes place in the process of derivation inside the word-formation model. Examining the different types of semantic transformations and considering them in the process of creation of methodological techniques allow for actualizing the studying process. The research of the word creation process in ontogenesis and its comparison with the process of studying the word formation models induced us to define the controlled word creation as a methodological technique used in the process of teaching the semantic competence. It is an active educational and cognitive method in mastering regular word-formation models which includes reception, combined preparation as well as a set of tasks directed to realization of derivational potential of the word-formation model in specially created conditions.

Keywords: semantic competence, regular word-formation models, affixation, word-formation formants, word creation.

Обучение иностранному языку требует актуализации как формальных, так и смысловых признаков языковых явлений, что обусловливает рациональность рассмотрения семантической компетенции как одной из целей обучения иностранному языку. «Семантическая компетенция изучающего иностранный язык заключается в знании возможных способов выражения определенного значения и умении его использовать» [Общеевропейские компетенции… 2003: 116]. Содержание семантической компетенции конкретизируется посредством разграничения принадлежности языкового знака (морфемы, слова, словосочетания или предложения) к тому или иному ярусу языковой системы. Освоение языкового материала, относящегося к предметным результатам освоения курса иностранного языка, не может не затрагивать семантического компонента: осознание смысловой стороны лексических единиц, морфологических форм, синтаксических конструкций, грамматических явлений, а также понимание тех изменений, которые привносятся в процессе словообразования, становится базой для формирования продуктивной речевой деятельности, а значит, и способности быть активным участ-

ником межкультурного взаимодействия. Семантическая компетенция находит отражение в языковом материале, выдвигаемом в качестве требований федерального государственного образовательного стандарта — ФГОС, она также соотносится с подходами к усвоению содержания, рационального соотношения объема требований и минимума содержания [Головко 2013: 76].

Рассматривая систему словообразования разных языков, В. А. Плунгян делает замечание о том, что «корней в языке во много раз больше, чем аффиксов <…>. Иначе говоря, один и тот же корень (в среднем) сочетается с относительно небольшим числом аффиксов, тогда как один и тот же аффикс сочетается с во много раз большим числом корней» [Плунгян 2003: 86–87], подтверждающее нашу мысль о необходимости освоения аффиксов как конституирующих средств в словообразовательных моделях. Кроме того, данное замечание доказывает целесообразность обучения семантической компетенции, обеспечивающей осознание смысловой трансформации, происходящей в ходе деривации внутри модели.

Действительно, овладение законами продуктивного словообразования на основе словообразовательных моделей «дает в руки учащихся средство не простого механизма накопления словарных единиц, а возможность систематизации и творческого использования уже накопленного словаря, позволяет глубже понять семантику знакомых слов и дает возможность семантизации значительной части новой лексики, понимание не отдельных единиц, а целых классов слов» [Хидекель 1975: 18]. Освоение семантики дериватов требует осознания направленности данных операций в рамках конкретной словообразовательной модели: учащиеся, проникая в семантику нового осваиваемого ими слова, точно следят за действиями носителей языка, проходя в своем наблюдении все фазы наречения:

1) классификации и категоризации в значении деривата, что проявляется в значениях предметности, процессуальности или признаковости;

2) ассоциативного связывания одного предмета с другим, что обусловливает появление значения исходного имени или значений, ассоциируемых с целыми классами явлений, в значении производного;

3) фиксации связи между значением основы и деривата, что отражается именно в словообразовательном значении, основными характеристиками которого являются сложная структура, способность называть определенный тип отношений между структурами компонентов деривата [Кубрякова 1981: 102].

Нужно отметить, что опознавание двойной референции, «угадывание» и последующая опора на связь производного слова с производящей основой не всегда освещаются в учебном процессе, что обусловлено недостаточным вниманием к проблеме семантического сдвига, появления нового значения. Учащиеся не всегда чувствуют однокоренные слова, соответственно, не могут опираться на значение основы и того значения, которое привносится словообразовательным аффиксом.

Принципиальным критерием для отбора аффиксальных моделей в методических целях является их живая морфологическая членимость, т. е. «способность обнаруживать одновременно структурно-семантическую соотнесенность как внутри деривационного комплекса между отдельными компонентами, так и в корреляции: производное – исходное слово» [Аствацатрян 1982: 39]. Например, испанский префиксальный глагол ‘repoblar’ характеризуется способностью разложения значащих отрезков ‘re-poblar’ и семантически коррелирует с глаголом ‘poblar’, который мотивирует производную форму. Кроме того, наблюдается способность префикса ‘re‘, при взаимодействии с производящей основой ‘poblar’, придавать значение ‘повторение, возобновление’, которое повторяется в префиксальном словообразовательном ряду: ‘inventir – reinventir’, ‘integro – reintegro’ и т. д.

Исследование словообразовательных моделей в учебных целях требует акцентирования внимания на типах семантической трансформации, наблюдаемых в них. Анализ аффиксальных моделей, представленных в учебниках испанского языка, свидетельствует о возможности их дифференциации в соответствии с тремя типами: модификационным, мутационным и транспозиционным [Dokulil 1962: 29].

Модификационное словообразовательное значение проявляется в выражении дополнительного признака, репрезентируемого у производного слова, основанного на идентичном с производящей основой понятии, производные лексемы с модификационным словообразовательным обычно

относятся к той же части речи, что и их производящие [Трубицина 2006: 168].

Актуализация мутационного словообразовательного значения происходит при обозначении понятий, отличных по своей семантике от того, что выражается мотивированным словом [Трубицина 2006: 168]. Например, в испанском языке ‘escribir’ — ‘писать’, ‘escritor’ — ‘человек, пишущий литературные произведения’. Примеры, относящиеся к данной группе, показывают значительные смысловые приращения, наблюдаемые в семантике слов с мутационным словообразовательным значением.

Транспозиционное словообразовательное значение отмечается при тождественности лексем по значению, что проявляется во всех компонентах мотивирующей лексемы за исключением части речи [Трубицина 2006: 168] или в случаях, когда лексическое значение производящего слова тождественно лексическому значению производного от него слова, но грамматические значения и синтаксические позиции этих слов различны [Сусеева 2012: 103]. Мутационное словообразовательное значение проявляется для выражения предметно-характеризующих значений слова, т.е. для наименования предмета по характерному для него признаку. Данный процесс может быть основан на выражении процесса, иметь непроцессуальный, предметный, количественный характер.

Таким образом, учет специфических характеристик, проявляющихся в разных типах словообразовательных моделей, обеспечивает достижение эффективности освоения словообразовательных элементов, позволяет предусмотреть специальные типы упражнений, направленных на обучение им. По мнению М. А. Бодоньи, обучение словообразовательным формантам включает следующие приемы: описание значения аффикса, выявление моделей образования слов, выполнение упражнений на рецепцию механизма словообразования, осознание значения, передаваемого словообразовательным элементом, освоение особенностей написания, самостоятельное употребление в микро- и макроконтексте [Бодоньи 2013: 5]. Мы полагаем, что при разграничении типов словообразовательных моделей должны быть предусмотрены особые задания, подчеркивающие различия не только формального плана, но и проявляющиеся на семантическом уровне.

Разрабатывая методику обучения семантической компетенции на материале регулярных словообразовательных моделей, мы сопоставили процесс освоения семантических и формальных трансформаций во время изучения иностранного языка и механизмы словообразовательной номинации в онтогенезе речи. Сопоставление позволило нам определить базовые характеристики словообразования как лингводидактической категории. Так, освоение словообразовательных моделей в онтогенезе имеет динамический характер и находится в прямой зависимости от уровня психического развития ребенка, в то время как динамика освоения словообразовательных моделей в процессе изучения иностранного языка подчинена ходу и условиям организации образовательного процесса, а также зависит от уровня владения иностранным языком. Основным фактором освоения связей между производящей основой и производным словом в естественных условиях является познание ребенком окружающего мира. В ходе обучения иностранному языку таким фактором выступает их актуализация в процессе обучения, для чего в языковом материале, предназначенном для обучения лексике, грамматике, чтению и т. п., выявляются производные слова, на которых акцентируется внимание, для овладения формальными и семантическими трансформациями в рамках конкретной модели также используются специально разработанные алгоритмы упражнений.

Освоение словообразовательных моделей в онтогенезе носит хаотический характер, в его основе лежит словотворчество как «процесс конструирования, обусловленный коммуникативными потребностями ребенка и предполагающий самостоятельную переработку ребенком получаемого языкового материала» [Пузанова 2012: 4]. Обучение словообразованию в рамках организованного учебного процесса носит системный характер и направлено на актуализацию формальных изменений и смысловой трансформации, охватывающей лексическое, грамматическое и словообразовательное значения, что и становится одним из способов формирования семантической компетенции.

Формирование и осуществление словообразовательных процессов в речевой деятельности ребенка обеспечивается развитием сложного речемыслительного механизма, функционирующего в процессах

ословливания и означивания ребенком фрагментов окружающего мира в нескольких взаимосвязанных «плоскостях» [Юрьева 2006: 10]. В ходе освоения иностранного языка порождение словообразовательных моделей носит управляемый характер, что основано на рецепции готовых аутентичных моделей. Речемыслительный механизм, обеспечивающий реализацию процесса словообразования на иностранном языке, включает механизмы восприятия производного слова, выделение в его структуре отдельных смыслообразующих единиц (корневых, аффиксальных формантов), идентификацию значения [Сазонова 2000: 4].

Сопоставление аспектов словообразования как процесса, характерного для онтогенеза, и как способа развития иноязычных способностей индивида на основе актуализации семантических трансформаций приводит нас к выводу о возможности рассмотрения в методике обучения иностранным языкам понятия управляемого словотворчества. Ясно, что данный термин подчеркивает методический фокус рассмотрения словообразования, что предполагает создание условий для актуализации словообразовательных моделей на основе специально разработанного лингводидактического инструментария.

Словообразование — «творческий процесс, отражающий результаты как познавательной, так и собственно языковой деятельности человека» [Лепская 1997: 93]. Термин «словотворчество» аккумулирует два понятия: номинации и творчества. Применение данного термина в методике обучения иностранным языкам для обоснования специфики обучения словообразованию становится показателем активного подхода к формированию способностей трансформировать формальные и семантические признаки на уровне слова. Кроме того, управляемое словотворчество становится одним из способов реализации системно-деятельностного подхода, лежащего в основе ФГОС основного общего образования. Данный прием в контексте освоения семантической компетенции обеспечивает активную учебно-познавательную деятельность обучающихся, охватывающую:

- рецепцию как метод обучения, основанный на мыслительной активности и в условиях обучения словообразовательным моделям предполагающий проявление творческого исследовательского подхода;
- комбинированную подготовку, направленную на формирование сознательно выполняемой деятельности по образованию на основе словообразовательных моделей, смысловому восприятию и употреблению производных слов. Комбинированная подготовка охватывает навыки их оформления и оперирования, актуализирующие семантическое содержание и трансформацию формальных признаков в рамках словообразовательной модели;
- собственно управляемое словотворчество как комплекс заданий, направленных на реализацию деривационного потенциала словообразовательной модели в специально созданных условиях, стимулирующих безошибочное образование и употребление производных слов.

Следует отметить, что процесс словотворчества в онтогенезе является фактором и одновременно средством овладения языком: «это усвоение не только языковых единиц, но и правил их создания и употребления. А чтобы познать правила, нужно все время совершать мыслительную работу по анализу, систематизации и обобщению этих правил» [Глухов 2005: 252]. В основе управляемого словотворчества лежит активизация мыслительных операций: анализа, синтеза, индукции и дедукции, направленных на осознание семантической трансформации внутри словообразовательной модели и ее соотнесение с имеющими место формальными изменениями. Осознание смысловых модификаций охватывает не просто изменение значения слова, а комплекс трансформаций, включающих рассмотрение словообразовательной модели на разных языковых ярусах. Так, управляемое словотворчество ориентировано на осознание изменений на лексическом, грамматическом уровнях и формирование умений их репродукции в соответствии с условиями коммуникации.

Словотворчество, как и усвоение обычных слов родного языка, имеет в своей основе подражание тем речевым стереотипам, которые дают детям окружающие люди. Усваивая речевые шаблоны, дети пытаются понять правила использования приставок, суффиксов, окончаний. При этом они словно непреднамеренно создают новые слова — такие, которых в языке нет, но которые в принципе возможны [Белянин 2003: 26]. Управляемое словотворчество как методический прием, направленный на освоение

словообразовательных моделей иностранного языка, так же как и словообразование в онтогенезе, детерминирован механизмом подражания речевым стереотипам, но в процессе обучения иностранному языку словотворчество приобретает характеристики целенаправленного процесса, предусматривающего сознательный подход к семантическим и формальным трансформациям в словообразовательной модели. Творческий характер деятельности проявляется:

1) в оригинальности как способности к установлению связей между компонентами словообразовательной модели; проявление оригинальности в лингводидактическом контексте детерминировано осознанием несовпадений в словообразовательных моделях и семантических сдвигах, наблюдаемых в родном и иностранном языках;

2) в «семантической гибкости», предполагающей способность определить формальный и семантический сдвиги и перенести их на другие производящие основы в контролируемых условиях, а по мере усвоения словообразовательных моделей создавать ситуации, актуализирующие проявление «семантической гибкости» на рецептивном уровне.

При управляемом же словотворчестве, напротив, целенаправленно организованный учебный процесс позволяет сформировать стратегию безошибочного употребления производного слова, а проникновение в его семантику способствует органичному ее употреблению в контексте. Как известно, «формальная и семантическая обусловленность производного слова создает определенные сложности для усвоения…., так как значение многих производных слов не равно простой сумме значений входящих в него морфем, оно характеризуется той или иной степенью идиоматичности, включает некий компонент, который не выводится из значений морфем» [Плотникова 2011: 124]. Именно поэтому процесс управляемого словотворчества при обучении иностранному языку приобретает управляемый характер: он детерминирован целями обучения, содержанием как набором регулярных словообразовательных моделей и комплексов семантических трансформаций, представленных в них, принципами освоения семантики словообразовательных формантов. Реализация управляемого словотворчества становится возможной только на основе специально разработанного комплекса упражнений, обеспечивающих формирование семантической компетенции на материале регулярных словообразовательных моделей.

Таким образом, словообразование является актуальной лингводидактической проблемой, объединяющей цели обучения, средства и способы формирования иноязычной речевой деятельности. Рассмотрение словообразования в контексте обучения семантической компетенции требует активной работы не только на уровне освоения формальных признаков словообразовательной модели, но и на семантическом уровне, посредством проникновения в содержание, привносимое формантами, анализа взаимодействия между производящей основой и производным словом, осознания отнесенности модели к модификационному, мутационному или транспозиционному типу. Сопоставление словообразования как характерного процесса в онтогенезе и как умения распознавать и порождать производные слова изучаемого языка в соответствии со словообразовательными моделями, действующими в нем, становится основой для использования управляемого словотворчества в качестве ведущего методического приема обучения семантической компетенции на основе регулярных словообразовательных моделей.

Литература

Аствацатрян М. Г. К проблеме отбора словообразовательного минимума (на материале префиксальных и полупрефиксальных глаголов немецкого языка // Иностранные языки в высшей школе: Учеб.-метод. пособие / под ред. Н. С. Чемоданова. Вып. 17. М.: Высш. шк., 1982. С. 37–50.

Белянин В. П. Психолингвистика: Учебник. М.: Флинта: Моск. психолого-социал. ин-т, 2003. 232 с.

Бодоньи М. А. Английский язык. Подготовка к ЕГЭ: словообразование. Задания B11–B16. Раздел «Грамматика и лексика»: Учебно-методическое пособие. Ростов н/Д: Легион, 2013. 185 с.

Глухов В. П. Основы психолингвистики: Учебное пособие для студентов педвузов. М.: АСТ: Астрель, 2005. 351 с.

Головко Н. В. Становление компетентностной парадигмы в обучении физике в школьном образовании Украины: опыт теории и прак-

тики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Вып. II. Элиста: КИГИ РАН, 2013. С. 74–80.

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. Москва: Наука, 1981. 200 с.

Лепская Н. И. Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). М.: Знание, 1997. 221 с.

Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка. Департамент современных языков, Страсбург, Cambridge, Univercitypress / пер. под общ. ред. проф. К. М. Ирисхановой. М.: МГЛУ, 2003. 256 с.

Плотникова С. В. Развитие лексикона ребенка: Учебное пособие. М: Флинта: Наука, 2011. 224 с.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.

Пузанова Ю. С. Параметрические прилагательные русского языка в онтогенезе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. С.-Петербург, 2012. 24 с.

Сазонова Т. Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2000. 50 с.

Сусеева Д. А. Словообразовательные гнезда русского и калмыцкого языков в сопоставительном освещении // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Вып. IV. Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 100–107.

Трубицина И. А. Словообразовательная категория имен существительных со значением единичности в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ставрополь, 2006. 224 с.

Хидекель С. С. Некоторые спорные вопросы строения словообразовательных моделей и практика преподавания иностранного языка // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. Вып. 3. Владивосток, 1975. С. 18–26.

Юрьева Н. М. Речевой онтогенез в теории и эксперименте: дис. … д-ра филол. наук. Москва, 2006. 566 с.

Dokulil M. Tvoreni slov v cestine // Teórie odvozováni slov. Praha: CSAV, 1962. Ss. 29–49.

Бадмаева Е. Н. Рец. на: ***Максимов К. Н. Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии.*** Элиста: Издат. дом «Герел», 2013. 464 с.

Badmaeva E. Review on: **Maksimov K.** ***Kalmykiia v sovetskuiu epokhu: politika i realii*** **[Kalmykia in the Soviet Era: Policy and Realias].** Elista, Gerel Publ., 2013. 464 p. (In Russ.).

В 2013 г. вышла в свет монография доктора исторических наук, профессора Константина Николаевича Максимова «Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии». Новое исследование известного российского ученого является результатом его глубоких исторических изысканий и, вне всякого сомнения, не оставит равнодушными тех, кому интересна история Отечества, которая прослеживается на примере истории отдельно взятого региона — Калмыкии. В представленном научном труде комплексно исследуется история национальной республики в советскую эпоху, занимающую особое место в истории и в жизни калмыцкого, русского и других народов, проживающих на ее территории. Как заявил автор во введении к рецензируемому изданию, он «ставит задачу проанализировать сложную, противоречивую историю Калмыкии советского периода с ее парадоксальными зигзагами, с переплетением разрушения и восстановления, созданием национальной государственности и ее ликвидацией, с участием в защите Отечества и депортацией, с возрождением советской автономии калмыцкого народа и приобретением равноправного статуса субъекта Российской Федерации» [Максимов 2013: 5].

И, забегая вперед, можно с полным основанием сказать, что с поставленной задачей К. Н. Максимов вполне справился. Исследователем дан, на наш взгляд, объективный историко-политологический и историографический анализ форсированной социалистической модернизации, ее методов, результатов и последствий, решения национального вопроса в СССР, драматических событий Великой Отечественной войны и незаконной депортации калмыцкого народа, политики советского и российского государства по вопросам реабилитации репрессированных в годы войны народов. Автор использовал широкий круг научной литературы и источников — монографий, статей отечественных, эмигрантских и зарубежных историков. Работа написана на основе документальных источников, как архивных, так и опубликованных, прежде всего привлечены документы органов государственного управления, ВКП (б)–КПСС, периодической печати, работы и мемуары политических и военных деятелей, воспоминания других участников описываемых событий.

В ходе исследования им привлечены материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), Национального архива Республики Калмыкия (НА РК), Архива управления ФСБ по Республике Калмыкия, Государственного архива Ростовской области. Использование и введение в научный оборот архивных документов, ранее находившихся под грифом секретности, позволило исследователю по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо известные события.

В семи главах монографии последовательно раскрывается замысел автора. В первой главе им обстоятельно проанализировано октроирование Калмыкии — административной автономии в виде автономной области и автономной республики. Приобретя статус национального социалистического государства в 1935 г., Калмыцкая АССР, являясь по форме и сути автономией народа, базировалась на принципах права внутреннего самоопределения. На основе новых архивных материалов автор подробно рассматривает методы и результаты форсированной социалистической модернизации, последствия которой вылились в настоящую катастрофу для развития сельского хозяйства автономии и значительной

части сельских жителей. Известный русский писатель, публицист и общественный деятель, Александр Исаевич Солженицын справедливо назвал раскулачивание этнической катастрофой. В отличие от прочих карательно-террористических мероприятий советского государства, когда репрессировали одного или нескольких членов семьи, «здесь сразу выжигали только гнездами, брали только семьями и даже ревниво следили, чтобы никто из детей четырнадцати, десяти или шести лет не отбился бы в сторону: все наподскреб должны были идти в одно место, на одно общее уничтожение…» [Солженицын 2008: 64-65].

Жестокий маховик репрессий прошелся не только по калмыцкой деревне, но и по партийной номенклатуре, духовенству, творческой и научной интеллигенции. Основным обвинением для правящей и культурной элиты республики было обвинение в национализме, по которому многие из ее представителей были расстреляны или посажены в тюремные лагеря. Автор называет намеренное уничтожение представителей калмыцкого крестьянства, партийной элиты, народной интеллигенции парадоксом советской национальной политики, который «заключался в том, что советская власть, октроировав многим народам национальную государственность, с большими затратами создав необходимые условия для преодоления отставания в экономическом, образовательном отношении, подъема их благосостояния, в годы репрессий, «большого террора» истребила опытных, квалифицированных руководителей, хозяйственников, наиболее подготовленную интеллигенцию, грамотных специалистов отраслей народного хозяйства» [Максимов 2013: 73].

В целом, анализ привлеченных статистических и других материалов позволил исследователю убедительно показать достижения и промахи в развитии всех сторон социально-экономической и общественной жизни Калмыкии в условиях институционализации социализма.

Вторая глава книги посвящена основательному обзору собственно военных действий, мобилизационных и эвакуационных мероприятий на территории республики. Большое внимание здесь уделяется формированию 110 ОККД и ее участию в битве с фашистскими войсками на Дону и защите близких подступов к Сталинграду. Это не случайно, так как по поводу боевого участия этой дивизии на указанном направлении театра военных действий нередко появляются разного рода измышления. На страницах своей монографии автор убедительно и аргументированно, с привлечением весьма авторитетных источников, опровергает запущенное с легкой руки заместителя наркома НКВД СССР С. Н. Круглова и подхваченное некоторыми исследователями обвинение в «проявлении неустойчивости» среди солдат и офицеров национального воинского формирования, внесшего героический вклад в нашу общую Победу. Временная оккупация части территории Калмыцкой АССР, боевые действия по освобождению Калмыкии от немецких захватчиков, восстановление экономики и социальной инфраструктуры, помощь фронту, общественно-политическая ситуация в республике после изгнания немцев с территории автономии — в книге подвергнуты детальнейшему рассмотрению с научных позиций.

В четвертой главе на основе бесспорных фактов исследователь пишет о массовом героизме воинов-калмыков на фронте, трудовой доблести в тылу, говорит о патриотизме большинства жителей Калмыкии, веривших в долгожданную победу над врагом, аргументированно полемизирует с давно обветшавшими, но живучими стереотипами о чуть ли не массовом предательстве всего калмыцкого народа во время Великой Отечественной войны, его пособничестве немецко-фашистским захватчикам. Такого рода обвинения выдвигались, в частности, в связи с тем, что на территории Калмыкии остались неэвакуированными большое количество скота, зерна, имущества, материальных ценностей и т. д. Оценивая действия партийно-государственного руководства по проведению эвакуационных мероприятий в условиях приближающегося фронта, К. Максимов делает вполне обоснованный вывод: «…экстремальная ситуация вскрыла имевшиеся противоречия в советском обществе, а также недостатки партийной дисциплины, при которой местные руководители, скованные страхом ответственности и репрессий, избегали проявлять излишнюю инициативу и самостоятельность» [Максимов 2013: 205].

Исследователь не уклоняется от рассмотрения острых, порой даже болезненных аспектов истории Великой Отечественной войны, таких как коллабрационизм, дезертирство, анализируя с научных позиций

разные точки зрения и четко формулируя свою. Автор видит свою исследовательскую задачу в том, чтобы опираться на факты и делать выводы только на основе обобщения фактов. И факты, имеющиеся у исследователя и приведенные в качестве аргумента в монографии, позволили К. Н. Максимову сделать один непреложный вывод: «…у руководства советского государства и компартии действительных причин для тотального обвинения отдельных народов СССР в коллаборационизме в годы Великой Отечественной войны, по существу, не имелось… принудительно высылая их безвозвратно, оно преследовало политические, идеологические и экономические цели» [Максимов 2013: 281].

С особой, пронзительной болью написана глава 5-я, которая называется «В час лихой, закон презрев…». В ней на основе глубокого анализа советской карательной политики российский ученый привлекает наше внимание к такой актуальной проблеме, как политические репрессии против отдельных этносов, проводившиеся в годы Великой Отечественной войны, якобы в наказание за тотальный коллаборационизм. Одним из таких народов, высланных из родных мест «навечно, без права возврата», по клеветническому навету и беззаконному решению сталинской партийно-государственной верхушки, был калмыцкий народ. Тема депортации калмыцкого народа — полная драматизма и трагизма – была основательно исследована автором в его монографии «Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы», но она остается актуальной и, к сожалению, до сих пор недостаточно изученной. В рецензируемой книге автор дополняет ее новыми фактами, характеризующими бесчеловечность и волюнтаризм сталинской национальной политики, могучую силу духа калмыцкого народа, проявленного им в годы суровых испытаний.

Особого внимания заслуживает глава, впервые раскрывающая процессы адаптации калмыков в местах спецпоселений. На основе доступных ему источников автор показал трудности прохождения адаптации калмыков к непривычным природно-климатическим условиям, трудовым процессам, новой социокультурной среде.

Вполне обоснованно автор отводит отдельную главу такой важной проблеме, как вопрос о реабилитации репрессированных народов. Фактически здесь представлена — в сконцентрированном виде — реализация Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», написанная специалистом, теоретиком и квалифицированным практиком, и к тому же одним из разработчиков данного закона. Будучи Председателем Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия, членом Совета Федерации, Федерального Собрания Российской Федерации, К. Н. Максимов принимал непосредственное участие в подготовке этого важнейшего для репрессированных народов закона. Актуальность указанного российского закона особенно возросла в нынешней ситуации, после вхождения Крыма в состав России, где компактно проживающий там крымско-татарский народ в годы войны подвергся политическим репрессиям по национальному признаку. Президент России В. Путин в своем внеочередном послании к Федеральному собранию РФ 18 марта текущего года подчеркнул, что крымские татары будут в рамках действующего законодательства пользоваться теми же правами, что предусмотрены для репрессированных народов.

Новая монография К. Максимова, написанная с привлечением множества ранее не известных материалов, производит впечатление исключительно добротного и глубокого исследования, которое будет полезно всем, кто интересуется историей нашей страны. С уверенностью можно сказать, что рецензируемая книга вносит заметный вклад в исследование истории России и Калмыкии и способствует более правдивому представлению о процессах модернизации советского общества, национальной политике в сталинскую эпоху.

Литература

Максимов К. Н. Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: Издат. дом «Герел», 2013. 464 с.

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. В 3-х кн. Кн. 1. Ч. I–II. Опыт художественного исследования / Александр Солженицын; ред. Н. Д. Солженицына. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 549 с.

Бембеев Е. В. Выездное заседание Президиума Южного научного центра Российской академии наук

Bembeev E. The Visiting Session of the Presidium of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

25 апреля 2014 г. в Республике Калмыкия в г. Элиста на базе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (КИГИ РАН) состоялось выездное заседание Президиума Южного научного центра РАН (ЮНЦ РАН). В нем приняли участие члены Президиума ЮНЦ РАН (председатель ЮНЦ РАН акад. Г. Г. Матишов, директор Научно-исследовательского института многопроцессорных вычислительных систем имени академика А. В. Каляева ЮФУ И. Каляев, директор Комплексного научно-исследовательского института Д. Батаев и др.), ученые Чеченской Республики Х. Мажиев и А. Осмаев, КИГИ РАН, исследователи Калмыцкого государственного университета, Калмыцкого научно-исследовательского института сельского хозяйства, Института комплексных исследований аридных территорий, филиала ГНУ Всероссийского научно-исследовательского института гидротехники и мелиорации РАСХН, руководители министерств и ведомств.

Выездное заседание открыл Председатель ЮНЦ РАН акад. Г. Г. Матишов с докладом «Деятельность ЮНЦ и институтов РАН в новых условиях», в котором особый акцент был сделан на социально-экономических рисках, связанных с политической ситуацией на Юге России. Тема рисков в южнороссийском макрорегионе, как подчеркнул академик, имеет уже продолжительную историю. Он отметил, что в связи с последними событиями, происходящими в Украине, угроза появления новых рисков заметно увеличилась. Сепаратизм, как считает Г. Г. Матишов, ослабляет социально-экономическую ситуацию на Юге России. ЮНЦ РАН проводит постоянный мониторинг и осуществляет прогнозирование социально-политических и экономических рисков, формирующие теоретический и практический материал для выстраивания государственной политики на Юге России в целях укрепления единства России.

На заседании Президиума ЮНЦ РАН министр образования и науки Республики Калмыкия, канд. пед. наук Н. Г. Манцаев огласил приветственный адрес врио Главы Республики Калмыкия А. М. Орлова, в котором он поздравил коллектив КИГИ РАН с открытием нового здания и выразил благодарность руководству РАН за поддержку деятельности науки в регионе.

На выездном заседании выступила директор КИГИ РАН Н. Г. Очирова с докладом «Деятельность Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук в контексте новых подходов к оценке деятельности научных организаций». Доклад директора КИГИ РАН носит актуальный характер в связи с принятием Закона РФ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и разработкой Федеральным агентством научных организаций системы оценки результативности и эффективности научных учреждений, что потребовало формирования результативной и эффективной системы работы научно-исследовательских институтов, повышения вклада ученых в социально-экономическое развитие страны. Полемика о наукометрических показателях, которая развернулась в последнее время на российском пространстве, коснулась и региональных учреждений, которые не имеют равных с центральными условий. В связи с этим были поставлены вопросы об определении состава референтных групп, критериях их выделения для проведения объективной оценки работы научных организаций. Другой проблемой, о которой говорил директор КИГИ РАН, стала объективность

учета количественных наукометрических показателей, за которыми не стоит качественный анализ научной работы.

КИГИ РАН занимает, по мнению Н. Г. Очировой, достаточно стабильные позиции на Юге России по своим показателям. Институт создает устойчивый базис для налаживания контактов с зарубежными странами, прежде всего с Китаем, Монголией, Венгрией и др. Темпы роста научной продукции, по приведенным в докладе данным, убедительно свидетельствуют о росте количества научных публикаций сотрудников института в течение последнего десятилетия. В целом показатели КИГИ РАН соответствуют средним показателям по комплексным учреждениям гуманитарного профиля. В докладе подчеркнуто, что актуальными задачами на ближайшие пять лет являются укрепление позиций института и выведение его на международный уровень (активизация работы по публикации результатов исследовательской деятельности в международных базах цитирования и др.).

Следующий доклад был посвящен научно-исследовательской работе, проводимой учеными Калмыцкого государственного университета. Научно-инновационный потенциал вуза, по мнению ректора Б. К. Салаева, связан с решением ряда задач, которые оказывают прямое и косвенное влияние на эффективность и в то же время являются результатом деятельности в области научных изысканий: «подготовка кадров высшей квалификации, расширение спектра участия ученых университета в федеральных и региональных конкурсах и программах; развитие и диверсификация форм сотрудничества с образовательными учреждениями, научно-исследовательскими, производственными и иными организациями и предприятиями; стимулирование публикационной активности ученых университета в журналах с высоким импакт-фактором и др.». В докладе Б. К. Салаева приводятся количественные данные, которые свидетельствуют о положительной динамике в достижении поставленных университетом целей.

По мнению ректора, в университете создана эффективная среда для организации научных исследований и разработок в интересах таких отраслей республики, как сельское хозяйство, экономика, образование, рациональное природопользование и др. Б. К. Салаев отметил, что потенциал университета, теоретические и практические разработки остаются невостребованными в республике. Ректор видит решение этой проблемы в выполнении регионального госзаказа, а также в скорейшем формировании республиканской Программы «Наука Калмыкии», которая объединила бы все перспективные научные проекты ученых не только университета, но и других научных организаций республики.

На заседании Президиума ЮНЦ РАН директор Калмыцкого НИИ сельского хозяйства РАН А. Н. Арилов осветил достижения и перспективы сельскохозяйственной науки республики Институт принимает активное участие в развитии агропромышленного комплекса региона, прежде всего по совершенствованию селекционно-племенной работы в животноводстве и технологий возделывания сельскохозяйственных культур. Сотрудниками КНИИ сельского хозяйства РАСХН (Б. А. Гольдваргом, М. С. Зулаевым, Н. Л. Цаган-Манджиевым и др.) выведены новые сорта зерновых и кормовых культур, обладающих ценными свойствами, высокой засухоустойчивостью и морозостойкостью, новые породы домашних животных (калмыцкая курдючная порода овец, калмыцкая порода лошадей «Целинный» и др.), что является, как подчеркнул директор института, итогом многолетней работы.

Развитие научной кооперации, по мнению А. Н. Арилова, является приоритетным перспективным направлением, способным существенно повысить качество и эффективность науки. Институт сотрудничает со многими ведущими научными учреждениями как в России, так и за рубежом, что плодотворно сказывается на развитии региональной науки. Так, в целях оценки современного состояния и генетического потенциала животных КНИИСХ совместно с Институтом общей генетики РАН (г. Москва) в хозяйствах республики проведены молекулярно-генетические исследования племенного ядра сельскохозяйственных животных — крупного рогатого скота и овец. Институт принимает активное участие в разработке и принятии Правительством Республики Калмыкия целевых программ развития мясного живот-

новодства, Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Республики Калмыкия и других программ.

Директор Калмыцкого филиала ГНУ ВНИИГиМ Россельхозакадемии сделал доклад на тему «Мелиорация земель как фактор устойчивого развития АПК Республики Калмыкия». После краткого обоснования актуальности исследований по заявленной теме докладчик сосредоточил свое внимание на основных направлениях работы института, имеющих жизненно важное значение для развития Калмыкии, а также полупустынных и пустынных зон России. Особо были описаны адаптивные агромелиоративные технологии, что позволит, по мнению выступающего, увеличить продуктивность угодий республики; благодаря работе сотрудников были разработаны и получены патенты на изобретения в области агромелиорации. На многочисленных примерах докладчик убедительно продемонстрировал деятельность филиала по развитию мелиоративных технологий в республике. Однако, как было подчеркнуто, только соблюдение своевременной финансовой поддержки и строгое выполнение программных мероприятий позволит за счет комплексной мелиорации обеспечить дальнейшее успешное развитие АПК республики.

Директор Института комплексных исследований аридных территорий А. П. Богун ознакомил членов Президиума ЮНЦ РАН с научной деятельностью и перспективами развития ИКИАТ. Научные исследования ведутся по нескольким основным направлениям, которые условно можно разделить на два блока: 1) изучение актуальных проблем социально-экономического развития республики — экономика, социология, социально-политические исследования; 2) изучение природно-ресурсного состояния территории Калмыкии — экология, комплексный мониторинг. По мнению докладчика, ведущим направлением работы института являются исследования в области экологии, которые охватывают наиболее важные и злободневные проблемы аридного региона, такие как изучение современного состояния пастбищных экосистем Республики Калмыкия, осуществление долговременного мониторинга наиболее значимых в водном хозяйстве искусственных водоемов региона и др. Необходимо отметить, что многие направления исследований осуществляются на основе социологических методов, в том числе мониторинг качества и доступности государственных услуг, предоставляемых населению и бизнесу органами исполнительной власти, изучение проблем социальной адаптации и социального самочувствия различных групп населения Республики Калмыкия в условиях рыночных отношений, социально-психологической адаптации руководителей хозяйственных организаций республики к новым экономическим условиям и др.

В дни работы Президиума ЮНЦ РАН состоялось открытие реконструированного здания КИГИ РАН, где размещены обширный фонд Научной библиотеки им. П. Э. Алексеевой, Музей редкой книги и Мемориальный кабинет известных ученых-востоковедов, Музей калмыцкой традиционной культуры им. Зая-пандиты, сосредоточивший уникальные предметы материальной и духовной культуры ойратов и калмыков, собрание тибетских и монгольских буддийских живописных икон и др., Научный архив, Рукописный фонд, включающий старописьменные памятники XVIII–XIX вв., хранилища Научной библиотеки и Музея традиционной культуры им. Зая-пандиты.

Таким образом, на выездном заседании Президиума ЮНЦ РАН были обсуждены проблемы взаимодействия науки Калмыкии и, шире, науки Юга России — стратегически важного региона в структуре субъектов Российской Федерации. Наука Калмыкии успешно реализует задачи и решает как теоретические, так и практические проблемы не только республики, но и сопредельных территорий. Тем не менее научные и образовательные учреждения подчеркнули отсутствие достаточного финансирования как со стороны федерального, так и со стороны местного бюджетов жизненно важных для Калмыкии проектов, которые могли бы способствовать дальнейшему социально-экономическому развитию республики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» принимает к печати авторские рукописи по приоритетным направлениям фундаментальных исследований РАН в области гуманитарных наук, а также рецензии, хронику, персоналии, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций** на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по направлениям (редакция 17.06.2011):

– история;
– юриспруденция;
– филология;
– религиоведение,
– политология,
– философия,
– педагогика,
– биология,
– экономика
– социология.

Материалы принимаются в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м шрифтом через полуторный интервал (все поля по 2,5 см), объемом не более 0,7 п. л. При наборе необходимо использовать стандартную гарнитуру шрифта TimesNewRoman. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи с перечнем подрисуночных подписей. Литература должна быть затекстовая в алфавитном порядке. Страницы обязательно должны быть пронумерованы.

К материалу прилагаются следующие документы: 1) аннотация на русском языке (объемом не более 10 строк); 2) аннотация на английском языке (объемом не более 500 слов); 3) перевод названия статьи; 4) ключевые слова (не более 20) и их перевод на английский язык; 5) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; направление работы; должность (с указанием полного названия кафедры вуза или структурного подразделения исследовательского института); рабочий адрес и телефоны; адрес электронной почты; 6) внешняя рецензия на статью; 7) ББК и УДК; 8) договор (бумажный вариант договора с личной подписью в двух экземплярах).

Редакция отправляет предлагаемые к изданию рукописи на независимое научное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов. Рукописи не возвращаются, редакция не вступает в переписку по поводу отклоненных материалов. Перепечатка опубликованных в журнале материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Материалы могут быть отправлены простой корреспонденцией, заказным письмом (358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8), электронной почтой (vestnik.kigiran@gmail.com).

Правила для авторов, Положение о рецензировании, а также договор опубликованы на сайте Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (www.kigiran.com/articles.php?cat_id=8).

INTSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The Editorial Board of the Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences accepts for publication manuscripts relevant to the fundamental studies of the Russian Academy of Sciences in the field of Humanities as well as reviews, chronicles, personalia which have not been previously published.

The Journal is in the List of cited scholarly journals and periodicals for publication of the basic scientific outcomes of dissertations for those seeking for candidate and doctor of sciences degrees in the following fields of study (edited on 17.06.2011):

- History;
- Law;
- Philology;
- Religious Studies;
- Political Science;
- Philosophy;
- Pedagogy;
- Biology;
- Economics;
- Sociology.

Manuscripts should be submitted in the electronic version in the Word processing format, font: Times New Roman, font size: 14pt. with line spacing 1,5 (all margins: 2,5 cm.), paper size: no more than 0,7 of a printing (author's) sheet. Pictures should be incorporated in the text body with accompanying captions. References are listed in the alphabetical order, pages should be enumerated.

Every article should be accompanied with the following elements: 1) an abstract in Russian (no more than 10 lines); 2) an abstract in English (up to 500 words); 3) translation of the title; 4) keywords (about 20) with translation into English; 5) information on the author: surname, first name, patronymic name (in full); scientific ranks and titles, position including the full name of a chair or department of a research institution; work address and telephone numbers, e-mail; 6) an external review of the article; 7) ББК and УДК; 8) the agreement (two signed copies of the paper version).

The Board of Editors forwards submitted manuscripts for independent review. The Editorial Board's opinion can be different from that of an author. Entries submitted are not returned, editors do not enter into correspondence with authors concerning rejected articles. Reprint of the published in the Journal manuscripts is possible with the Editorial Board's agreement.

Submissions should be sent to the address: 358000, the Republic of Kalmykia, the city of Elista, Ilishkin Street, 8 or to the e-mail: vestnik.kigiran@gmail.com.

The Instructions for authors, Provisions on submitted manuscripts review and the Agreement text are posted on the site of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (www.kigiran.com/article.php?cat_id=8).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК
Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

№ 2, 2014

Сдано в набор 02.06.2014. Подписано в печать 23.06.2014. Формат бумаги 60x84⅛.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 21,40. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук

Отпечатано в КИГИ РАН
(358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8).